В. Ключевский.
Курс русской истории.
ч 1.
М. 1908 г.

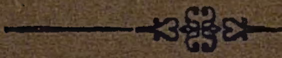
Единственный подлинный текстъ.

КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Проф. В. Ключевскаго.

Часть I.

Изданіе третье.

МОСКВА, 1908.

На каждомъ экземплярѣ долженъ быть авторскій штемпель.

Въ огражденіе интересовъ своихъ читателей проф. В. Ключевскій предупреждаетъ, что настоящее изданіе, въ составѣ вышедшихъ изъ печати (къ 1 янв. 1908 г.) первыхъ трехъ частей, представляетъ собою ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТЪ ЕГО КУРСА.

Единственный подлинный текстъ.

КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Проф. В. Ключевскаго.

Часть I.

Изданіе третье.

МОСКВА.
1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

Лекція I.

Научная задача изученія мѣстной исторіи. — Историческій процессъ. — Исторія культуры или цивилизаціи. — Историческая соціологія. — Двѣ точки зрѣнія въ историческомъ изученіи — культурно-историческая и соціологическая. — Методологическое удобство и дидактическая цѣлесообразность второй изъ нихъ въ изученіи мѣстной исторіи. — Схема соціально-историческаго процесса. — Значеніе мѣстныхъ и временныхъ сочетаній общественныхъ элементовъ въ историческомъ изученіи. — Методологическія удобства изученія русской исторіи съ этой точки зрѣнія.

Вы прослушали уже нѣсколько курсовъ по всеобщей исторіи, познакомились съ задачами и пріемами университетскаго изученія этой науки. Начиная курсъ русской исторіи, я предпошлю ему нѣсколько самыхъ общихъ, элементарныхъ соображеній, цѣль которыхъ — связать сдѣланныя вами наблюденія и вынесенныя впечатлѣнія по всеобщей исторіи съ задачей и пріемами отдѣльнаго изученія исторіи Россіи.

Научная задача изученія мѣстной исторіи.

Понятенъ практическій интересъ, побуждающій насъ изучать исторію Россіи особо, выдѣляя ее изъ состава всеобщей исторіи: вѣдь это исторія нашего отечества. Но этотъ воспитательный, т.-е. практическій, интересъ не исключаетъ научнаго, напротивъ, долженъ только придавать ему болѣе дидактической силы. Итакъ, начиная особый курсъ русской исторіи, можно поставить такой общій вопросъ: какую научную цѣль можетъ имѣть спеціальное изученіе исторіи одной какой-либо страны, какого-либо отдѣльнаго народа? Эта

цѣль должна быть выведена изъ общихъ задачъ историческаго изученія, т.-е. изъ задачъ изученія общей исторіи человѣчества.

Историческій процессъ. На научномъ языкѣ слово *исторія* употребляется въ двоякомъ смыслѣ: 1) какъ движеніе во времени, процессъ, и 2) какъ познаніе процесса. Поэтому все, что̀ совершается во времени, имѣетъ свою исторію. Содержаніемъ исторіи, какъ отдѣльной науки, спеціальной отрасли научнаго знанія, служитъ *историческій процессъ*, т.-е. ходъ, условія и успѣхи человѣческаго общежитія или жизнь человѣчества въ ея развитіи и результатахъ. Человѣческое общежитіе — такой же фактъ міровою бытія, какъ и жизнь окружающей насъ природы, и научное познаніе этого факта — такая же неустранимая потребность человѣческаго ума, какъ и изученіе жизни этой природы. Человѣческое общежитіе выражается въ разнообразныхъ людскихъ союзахъ, которые могутъ быть названы историческими тѣлами и которые возникаютъ, растутъ и размножаются, переходятъ одинъ въ другой и, наконецъ, разрушаются, — словомъ, рождаются, живутъ и умираютъ подобно органическимъ тѣламъ природы. Возникновеніе, ростъ и смѣна этихъ союзовъ со всѣми условіями и послѣдствіями ихъ жизни и есть то, что̀ мы называемъ *историческимъ процессомъ*.

Два предмета историческаго изученія. Историческій процессъ вскрывается въ явленіяхъ человѣческой жизни, извѣстія о которыхъ сохранились въ историческихъ памятникахъ или источникахъ. Явленія эти необозримо разнообразны, касаются международныхъ отношеній, внѣшней и внутренней жизни отдѣльныхъ народовъ, дѣятельности отдѣльныхъ лицъ среди того или другого народа. Всѣ эти явленія складываются въ великую жизненную борьбу, которую вело и ведетъ человѣчество, стремясь къ цѣлямъ, имъ себѣ поставленнымъ. Отъ этой борьбы,

постоянно мѣняющей свои пріемы и характеръ, однако отлагается нѣчто болѣе твердое и устойчивое: это — извѣстный житейскій порядокъ, строй людскихъ отношеній, интересовъ, понятій, чувствъ, нравовъ. Сложившагося порядка люди держатся, пока непрерывное движеніе исторической драмы не замѣнитъ его другимъ. Во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ историка занимаютъ два основныхъ предмета, которые онъ старается разглядѣть въ волнистомъ потокѣ исторической жизни, какъ она отражается въ источникахъ. Накопленіе опытовъ, знаній, потребностей, привычекъ, житейскихъ удобствъ, улучшающихъ съ одной стороны частную, личную жизнь отдѣльнаго человѣка, а съ другой — устанавливающихъ и совершенствующихъ общественныя отношенія между людьми, — словомъ, выработка человѣка и человѣческаго общежитія — таковъ одинъ предметъ историческаго изученія. Степень этой выработки, достигнутую тѣмъ или другимъ народомъ, обыкновенно называютъ его *культурой* или *цивилизаціей;* признаки, по которымъ историческое изученіе опредѣляетъ эту степень, составляютъ содержаніе особой отрасли историческаго вѣдѣнія, *исторіи культуры* или *цивилизаціи.* Другой предметъ историческаго наблюденія — это природа и дѣйствіе историческихъ силъ, строящихъ человѣческія общества, свойства тѣхъ многообразныхъ нитей, матеріальныхъ и духовныхъ, помощью которыхъ случайныя и разнохарактерныя людскія единицы съ мимолетнымъ существованіемъ складываются въ стройныя и плотныя общества, живущія цѣлые вѣка. Историческое изученіе строенія общества, организаціи людскихъ союзовъ, развитія и отправленій ихъ отдѣльныхъ органовъ, — словомъ, изученіе свойствъ и дѣйствія силъ, созидающихъ и направляющихъ людское общежитіе, составляетъ задачу особой отрасли историческаго знанія, науки

объ обществѣ, которую также можно выдѣлить изъ общаго историческаго изученія подъ названіемъ *исторической соціологіи.* Существенное отличіе ея отъ исторіи цивилизаціи въ томъ, что содержаніе послѣдней составляютъ результаты историческаго процесса, а въ первой наблюденію подлежатъ силы и средства его движенія, такъ сказать, его кинетика. По различію предметовъ неодинаковы и пріемы изученія.

Какое же отношеніе исторіи общей и мѣстной къ этимъ предметамъ познанія?

Отношеніе къ нимъ исторіи общей и мѣстной.

Оба указанные предмета историческаго изученія легче различаются въ отвлеченной классификаціи знаній, чѣмъ въ самомъ процессѣ изученія. На самомъ дѣлѣ, какъ въ общей, такъ и въ мѣстной исторіи одновременно наблюдаютъ и успѣхи общежитія, и строеніе общества, притомъ такъ, что по самымъ успѣхамъ общежитія изучаютъ природу и дѣйствіе строящихъ его силъ, и наоборотъ — даннымъ строемъ общества измѣряютъ успѣхи общежитія. Однако можно замѣтить, что въ исторіи общей и въ исторіи мѣстной оба предмета не находятся въ равновѣсіи, и въ одномъ изученіи преобладаетъ одинъ предметъ, въ другомъ — другой. Сравнимъ, какую степень простора и какой матеріалъ находитъ для своихъ изслѣдованій историкъ культуры въ предѣлахъ исторіи всеобщей и въ предѣлахъ исторіи мѣстной, и затѣмъ дадимъ себѣ такой же отчетъ по отношенію къ историку, поставившему предъ собой вопросы соціологическаго характера.

Успѣхи людского общежитія, пріобрѣтенія культуры или цивилизаціи, которыми пользуются въ большей или меньшей степени отдѣльные народы, не суть плоды только ихъ дѣятельности, а созданы совмѣстными или преемственными усиліями всѣхъ культурныхъ народовъ, и ходъ ихъ накопленія не можетъ быть изображенъ въ тѣсныхъ рамкахъ какой-

либо мѣстной исторіи, которая можетъ только указать связь мѣстной цивилизаціи съ общечеловѣческой, участіе отдѣльнаго народа въ общей культурной работѣ человѣчества или, по крайней мѣрѣ, въ плодахъ этой работы. Вы уже знакомы съ ходомъ этой работы, съ общей картиной успѣховъ человѣческаго общежитія: смѣнялись народы и поколѣнія, перемѣщались сцены исторической жизни, измѣнялись порядки общежитія, но нить историческаго развитія не прерывалась, народы и поколѣнія звеньями смыкались въ непрерывную цѣпь, цивилизаціи чередовались послѣдовательно, какъ народы и поколѣнія, рождаясь одна изъ другой и порождая третью, постепенно накоплялся извѣстный культурный запасъ, и то, что̀ отложилось и уцѣлѣло отъ этого многовѣковаго запаса — это дошло до насъ и вошло въ составъ нашего существованія, а черезъ насъ перейдетъ къ тѣмъ, кто придетъ намъ на смѣну. Этотъ сложный процессъ становится главнымъ предметомъ изученія во всеобщей исторіи: прагматически, въ хронологическомъ порядкѣ и послѣдовательной связи причинъ и слѣдствій, изображаетъ она жизнь народовъ, совмѣстными или преемственными усиліями достигавшихъ какихъ-либо успѣховъ въ развитіи общежитія. Разсматривая явленія въ очень большомъ масштабѣ, всеобщая исторія сосредоточивается, главнымъ образомъ, на культурныхъ завоеваніяхъ, которыхъ удалось достигнуть тому или другому народу. Наоборотъ, когда особо изучается исторія отдѣльнаго народа, кругозоръ изучающаго стѣсняется самымъ предметомъ изученія. Здѣсь наблюденію не подлежитъ ни взаимодѣйствіе народовъ, ни ихъ сравнительное культурное значеніе, ни ихъ историческое преемство: преемственно смѣнявшіеся народы здѣсь разсматриваются не какъ послѣдовательные моменты цивилизаціи, но какъ фазы человѣческаго развитія, а раз-

сматриваются сами въ себѣ, какъ отдѣльныя этнографическія особи, въ которыхъ, повторяясь, видоизмѣнялись извѣстные процессы общежитія, тѣ или другія сочетанія условій человѣческой жизни. Постепенные успѣхи общежитія въ связи причинъ и слѣдствій наблюдаются на ограниченномъ полѣ, въ извѣстныхъ географическихъ и хронологическихъ предѣлахъ. Мысль сосредоточивается на другихъ сторонахъ жизни, углубляется въ самое строеніе человѣческаго общества, въ то, что производитъ эту причинную связь явленій, т.-е. въ самыя свойства и дѣйствіе историческихъ силъ, строящихъ общежитіе. Изученіе мѣстной исторіи даетъ и наиболѣе обильный матеріалъ для исторической соціологіи.

Двѣ точки зрѣнія. Итакъ разница въ точкахъ зрѣнія и ихъ сравнительномъ удобствѣ. Эти точки зрѣнія вовсе не исключаютъ одна другой, напротивъ, пополняютъ другъ друга. Не только общая и мѣстная исторія, но и отдѣльные историческіе факты могутъ быть изслѣдуемы съ той или другой стороны по усмотрѣнію изслѣдователей. *Въ древнемъ правѣ* Мэна и *Античной городской общинѣ* Фюстель-де-Куланжа предметъ одинаковъ — родовой союзъ; но у послѣдняго этотъ союзъ разсматривается, какъ моментъ античной цивилизаціи или какъ основа греко-римскаго общества, а у перваго — какъ возрастъ человѣчества, какъ основная стихія людского общежитія. Конечно, для всесторонняго познанія предмета желательно совмѣщеніе обѣихъ точекъ зрѣнія въ историческомъ изученіи. Но цѣлый рядъ соображеній побуждаетъ историка при изученіи мѣстной исторіи быть по преимуществу соціологомъ.

Преобладаніе соціологической точки зрѣнія въ мѣстной исторіи. Всеобщая исторія создавалась, по крайней мѣрѣ доселѣ, не совокупной жизнью всего человѣчества, существовавшаго въ извѣстное время, и не однообразнымъ взаимодѣйствіемъ

всѣхъ силъ и условій человѣческой жизни, а отдѣльными народами или группами немногихъ народовъ, которые преемственно смѣнялись при разнообразномъ мѣстномъ и временномъ подборѣ силъ и условій, нигдѣ болѣе не повторявшемся. Эта непрерывная смѣна народовъ на исторической сценѣ, этотъ вѣчно измѣняющійся подборъ историческихъ силъ и условій можетъ показаться игрой случайностей, лишающей историческую жизнь всякой планомѣрности и закономѣрности. На что можетъ пригодиться изученіе историческихъ сочетаній и положеній, когда-то и для чего-то сложившихся въ той или другой странѣ, нигдѣ болѣе неповторимыхъ и непредвидимыхъ? Мы хотимъ знать по этимъ сочетаніямъ и положеніямъ, какъ раскрывалась внутренняя природа человѣка въ общеніи съ людьми и въ борьбѣ съ окружающей природой; хотимъ видѣть, какъ въ явленіяхъ, составляющихъ содержаніе историческаго процесса, человѣчество развертывало свои скрытыя силы, — словомъ, слѣдя за необозримой цѣпью исчезнувшихъ поколѣній, мы хотимъ исполнить заповѣдь древняго оракула — познать самихъ себя, свои внутреннія свойства и силы, чтобы по нимъ устроить свою земную жизнь. Но по условіямъ своего земного бытія человѣческая природа какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, раскрывается не вся вдругъ, цѣликомъ, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствамъ мѣста и времени. По этимъ условіямъ отдѣльные народы, принимавшіе наиболѣе видное участіе въ историческомъ процессѣ, особенно ярко проявляли ту или другую силу человѣческой природы. Греки, раздробленные на множество слабыхъ городскихъ республикъ, съ непревзойденной силой и цѣльностью развили въ себѣ художественное творчество и философское мышленіе, а римляне, основавшіе небывалую военную имперію

изъ завоеваннаго ими міра, дали ему удивительное гражданское право. Въ томъ, чтò сдѣлали оба эти народа, видятъ ихъ историческое призваніе. Но было ли въ ихъ судьбѣ что-либо роковое? Была ли предназначена въ удѣлъ Греціи идея красоты и истины, а Италіи чутье правды? Исторія отвѣчаетъ на это отрицательно. Древніе римляне были посредственные художники-подражатели. Но потомки ихъ, смѣшавшіеся съ покорившими ихъ варварами, потомъ воскресили древнее греческое искусство и сдѣлали Италію образцовой художественной мастерской для всей Европы, а родичи этихъ варваровъ, оставшіеся въ лѣсахъ Германіи, спустя вѣка особенно усердно реципировали римское право. Между тѣмъ Греція съ преемницей павшаго Рима Византіей, тоже освѣженная наплывомъ варваровъ, послѣ Юстиніанова кодекса и Софійскаго собора не оставила памятныхъ образцовъ ни въ искусствѣ, ни въ правовѣдѣніи. Возьмемъ примѣръ изъ новѣйшаго времени. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. въ Европѣ не было народа болѣе мирнаго, идиллическаго, философскаго и — болѣе пренебрегаемаго сосѣдями, чѣмъ нѣмцы. А менѣе, чѣмъ сто лѣтъ спустя послѣ появленія Вертера и только черезъ одно поколѣніе отъ Іены этотъ народъ едва не завоевалъ всей воинственной Франціи, провозгласилъ право силы, какъ принципъ международныхъ отношеній, и поставилъ подъ ружье всѣ народы континентальной Европы.

Идеальная цѣль соціологическаго изученія.

Значитъ, тайна историческаго процесса собственно не въ странахъ и народахъ, по крайней мѣрѣ не исключительно въ нихъ самихъ, въ ихъ внутреннихъ постоянныхъ, данныхъ разъ навсегда особенностяхъ, а въ тѣхъ многообразныхъ и измѣнчивыхъ, счастливыхъ или неудачныхъ сочетаніяхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій развитія, какія складываются въ извѣстныхъ странахъ для того или

другого народа на болѣе или менѣе продолжительное время. Эти сочетанія — основной предметъ исторической соціологіи. Хотя они запечатлѣны мѣстнымъ характеромъ и внѣ даннаго мѣста неповторимы, но это не лишаетъ ихъ научнаго интереса. Чрезъ общества, подпадавшія подъ ихъ дѣйствіе, они вызывали наружу тѣ или другія свойства человѣчества, раскрывали его природу съ разныхъ сторонъ. Всѣ исторически слагавшіяся общества — все различныя мѣстныя сочетанія разныхъ условій развитія. Слѣдовательно, чѣмъ больше изучимъ мы такихъ сочетаній, тѣмъ полнѣе узнаемъ свойства и дѣйствіе этихъ условій, каждаго въ отдѣльности или въ данномъ наиболѣе своеобразномъ подборѣ. Такъ этимъ путемъ, быть можетъ, удастся выяснить, какъ *общее* правило, *когда,* напримѣръ, капиталъ убиваетъ свободу труда, не усиливая его производительности, и *когда* помогаетъ труду стать болѣе производительнымъ, не порабощая его. Изучая мѣстную исторію, мы познаемъ составъ людского общежитія и природу составныхъ его элементовъ. Изъ науки о томъ, какъ строилось человѣческое общежитіе, можетъ со временемъ — и это будетъ торжествомъ исторической науки — выработаться и общая соціологическая часть ея, — наука объ *общихъ* законахъ строенія человѣческихъ обществъ, приложимыхъ независимо отъ преходящихъ мѣстныхъ условій.

Опредѣливъ, въ какомъ соотношеніи должны находиться при изученіи мѣстной исторіи точки зрѣнія культурно-историческая и соціологическая, перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію самаго этого вопроса объ условіяхъ развитія людскихъ обществъ, о тѣхъ или иныхъ сочетаніяхъ этихъ условій.

Основныя силы общежитія.

Историческій процессъ, какъ мы его опредѣлили, слагается изъ совмѣстной работы нѣсколькихъ силъ, смыкаю-

щихъ отдѣльныя лица въ общественные союзы. Въ области опытнаго или наблюдательнаго познанія, а не созерцательнаго, богословскаго вѣдѣнія, мы различаемъ двѣ основныя первичныя силы, создающія и движущія совмѣстную жизнь людей: это — человѣческій духъ и внѣшняя или такъ называемая физическая природа. Но исторія не наблюдаетъ дѣятельности отвлеченнаго человѣческаго духа: это область метафизики. Равнымъ образомъ она не вѣдаетъ и одинокаго, отрѣшеннаго отъ общества человѣка: человѣкъ самъ по себѣ не есть предметъ историческаго изученія; предметъ этого изученія — совмѣстная жизнь людей. Историческому наблюденію доступны конкретные виды или формы, какіе принимаетъ человѣческій духъ въ совмѣстной жизни людей: это индивидуальная человѣческая *личность* и человѣческое *общество*. Я разумѣю *общество*, какъ историческую силу, не въ смыслѣ какого-либо спеціальнаго людского союза, а просто какъ фактъ, что люди живутъ вмѣстѣ и въ этой совмѣстной жизни оказываютъ вліяніе другъ на друга. Это взаимное вліяніе совмѣстно живущихъ людей и образуетъ въ строеніи общежитія особую стихію, имѣющую особыя свойства, свою природу, свою сферу дѣятельности. Общество составляется изъ лицъ; но лица, составляющія общество, сами по себѣ каждое — далеко не то, что всѣ они вмѣстѣ, въ составѣ общества: здѣсь они усиленно проявляютъ одни свойства и скрываютъ другія, развиваютъ стремленія, которымъ нѣтъ мѣста въ одинокой жизни, посредствомъ сложенія личныхъ силъ производятъ дѣйствія, непосильныя для каждаго сотрудника въ отдѣльности. Извѣстно, какую важную роль играютъ въ людскихъ отношеніяхъ примѣръ, подражаніе, зависть, соперничество, а вѣдь эти могущественныя пружины общежитія вызываются къ дѣйствію только при нашей встрѣчѣ съ ближними,

т.-е. навязываются намъ обществомъ. Точно такъ же и внѣшняя природа нигдѣ и никогда не дѣйствуетъ на все человѣчество одинаково, всей совокупностью своихъ средствъ и вліяній. Ея дѣйствіе подчинено многообразнымъ географическимъ измѣненіямъ: разнымъ частямъ человѣчества по его размѣщенію на земномъ шарѣ она отпускаетъ неодинаковое количество свѣта, тепла, воды, міазмовъ, болѣзней, — даровъ и бѣдствій, а отъ этой неравномѣрности зависятъ мѣстныя особенности людей. Я говорю не объ извѣстныхъ антропологическихъ расахъ, бѣлой, темно-желтой, коричневой и проч., происхожденіе которыхъ во всякомъ случаѣ нельзя объяснить только мѣстными физическими вліяніями; я разумѣю тѣ преимущественно бытовыя условія и духовныя особенности, какія вырабатываются въ людскихъ массахъ подъ очевиднымъ вліяніемъ окружающей природы и совокупность которыхъ составляетъ то, что мы называемъ *народнымъ темпераментомъ*. Такъ и внѣшняя природа наблюдается въ исторической жизни, какъ *природа страны*, гдѣ живетъ извѣстное людское общество, и наблюдается какъ сила, поскольку она вліяетъ на бытъ и духовный складъ людей.

Итакъ человѣческая *личность*, людское *общество* и *природа страны* — вотъ тѣ три основныя историческія силы, которыя строятъ людское общежитіе. Каждая изъ этихъ силъ вноситъ въ составъ общежитія свой запасъ элементовъ или связей, въ которыхъ проявляется ея дѣятельность и которыми завязываются и держатся людскіе союзы. Элементы общежитія — это либо свойства и потребности нашей природы, физической и духовной, либо стремленія и цѣли, какія рождаются изъ этихъ свойствъ и потребностей при участіи внѣшней природы и другихъ людей, т.-е. общества, либо, наконецъ, отношенія, какія возникаютъ Его элементы.

между людьми изъ ихъ цѣлей и стремленій. Сообразно съ такимъ или инымъ происхожденіемъ одни изъ этихъ элементовъ могутъ быть признаны простыми или первичными, другіе — производными, вторичнаго и дальнѣйшихъ образованій изъ совмѣстнаго дѣйствія простыхъ. По основнымъ свойствамъ и потребностямъ человѣка эти элементы можно раздѣлять на *физіологическіе* — полъ, возрастъ, кровное родство, *экономическіе* — трудъ, капиталъ, кредитъ, *юридическіе и политическіе* — власть, законъ, право, обязанности, *духовные* — религія, наука, искусство, нравственное чувство.

Схема соціально-историческаго процесса. Общежитіе складывается изъ своихъ элементовъ и поддерживается двумя средствами, *общеніемъ и преемствомъ*. Чтобы стало возможно общеніе между людьми, необходимо что-либо общее между ними. Это общее возможно при двухъ условіяхъ: чтобы люди понимали другъ друга и чтобы нуждались другъ въ другѣ, чувствовали потребность одинъ въ другомъ. Эти условія создаются двумя общими способностями: *разумомъ*, дѣйствующимъ по одинаковымъ законамъ мышленія и въ силу общей потребности познанія, и *волей*, вызывающей дѣйствія для удовлетворенія потребности. Такъ создается взаимодѣйствіе людей, возможность воспринимать и сообщать дѣйствіе. Такимъ обмѣномъ дѣйствій отдѣльныя лица, обладающія разумомъ и волей, становятся способны вести общія дѣла, смыкаться въ общества. Безъ общихъ понятій и цѣлей, безъ раздѣляемыхъ всѣми или большинствомъ чувствъ, интересовъ и стремленій люди не могутъ составить прочнаго общества; чѣмъ больше возникаетъ такихъ связей и чѣмъ больше получаютъ онѣ власти надъ волей соединяемыхъ ими людей, тѣмъ общество становится прочнѣе. Устаиваясь и твердѣя отъ времени, эти связи превращаются въ нравы и обычаи. Въ силу тѣхъ же усло-

вій общеніе возможно не только между отдѣльными лицами, но и между цѣлыми чередующимися поколѣніями: это и есть *историческое преемство.* Оно состоитъ въ томъ, что достояніе одного поколѣнія, матеріальное и духовное, передается другому. Средствами передачи служатъ *наслѣдованіе и воспитаніе.* Время закрѣпляетъ усвояемое наслѣдіе новой нравственной связью, *историческимъ преданіемъ,* которое, дѣйствуя изъ поколѣнія въ поколѣніе, претворяетъ наслѣдуемые отъ отцовъ и дѣдовъ завѣты и блага въ наслѣдственныя свойства и наклонности потомковъ. Такъ изъ отдѣльныхъ лицъ составляются постоянные союзы, переживающіе личныя существованія и образующіе болѣе или менѣе сложные *историческіе типы.* Преемственной связью поколѣній вырабатывалась цѣпь союзовъ, все болѣе усложнявшихся вслѣдствіе того, что въ дальнѣйшіе союзы послѣдовательно входили новые элементы вторичнаго образованія, возникавшіе изъ взаимодѣйствія первичныхъ. На физіологическихъ основахъ кровной связи строилась первобытная *семья.* Семьи, пошедшія отъ одного корня, образовывали *родъ,* другой кровный союзъ, въ составъ котораго входили уже религіозные и юридическіе элементы, почитаніе родоначальника, авторитетъ старѣйшины, общее имущество, круговая самооборона (родовая месть). Родъ черезъ нарожденіе разростался въ *племя,* генетическая связь котораго выражалась въ единствѣ языка, въ общихъ обычаяхъ и преданіяхъ, а изъ племени или племенъ посредствомъ раздѣленія, соединенія и ассимиляціи составлялся *народъ,* когда къ связямъ этнографическимъ присоединялась нравственная, сознаніе духовнаго единства, воспитанное общей жизнью и совокупной дѣятельностью, общностью историческихъ судебъ и интересовъ. Наконецъ, *народъ* становится *государствомъ,* когда чувство національнаго единства получаетъ

выраженіе въ связяхъ политическихъ, въ единствѣ верховной власти и закона. Въ государствѣ народъ становится не только политической, но и исторической личностью съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ національнымъ характеромъ и сознаніемъ своего мірового значенія.

Таковы основныя формы общежитія, представляющія послѣдовательные моменты его роста. Начавшись кровной связью тѣсной семьи, процессъ завершался сложнымъ государственнымъ союзомъ. При этомъ каждый предшествующій союзъ входилъ въ составъ послѣдующаго, изъ него развивавшагося. На высшей ступени, въ государствѣ, эти союзы совмѣщались: семья съ остатками родового союза становилась въ ряду частныхъ союзовъ, какъ основная клѣточка общественной организаціи; племена и народы либо ложились въ основу сословнаго дѣленія, либо оставались простыми этнографическими группами съ нравственными связями и общими историческими воспоминаніями, но безъ юридическаго значенія, какъ это бывало въ разноплеменныхъ, многонародныхъ государствахъ. Но складываясь изъ союзовъ кровнаго родства, общественный составъ государства подвергался обратному процессу внутренняго расчлененія по разнообразнымъ частнымъ интересамъ, матеріальнымъ и духовнымъ. Такъ возникали многообразные частные союзы, которые входятъ въ составъ гражданскаго общества.

Научный интересъ разнообразныхъ соціальныхъ сочетаній.

Я напомнилъ вамъ эту извѣстную общую схему соціально-историческаго процесса для того, чтобы на ней показать, какія явленія наблюдаются въ этомъ процессѣ при мѣстномъ его изученіи. Безконечное разнообразіе союзовъ, изъ которыхъ слагается человѣческое общество, происходитъ отъ того, что основные элементы общежитія въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена являются не въ одинаковомъ подборѣ, приходятъ въ различныя сочетанія, а разно-

образіе этихъ сочетаній создается въ свою очередь не только количествомъ и подборомъ составныхъ частей, большею или меньшею сложностью людскихъ союзовъ, но и различнымъ соотношеніемъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, напр. преобладаніемъ одного изъ нихъ надъ другими. Въ этомъ разнообразіи, коренная причина котораго въ безконечныхъ измѣненіяхъ взаимодѣйствія историческихъ силъ, самое важное то, что элементы общежитія въ различныхъ сочетаніяхъ и положеніяхъ обнаруживаютъ неодинаковыя свойства и дѣйствія, повертываются передъ наблюдателемъ различными сторонами своей природы. Благодаря тому даже въ однородныхъ союзахъ одни и тѣ же элементы стоятъ и дѣйствуютъ неодинаково. Кажется, что можетъ быть въ человѣческомъ общежитіи проще и однообразнѣе семьи? Но какая разница между семьей христіанской и языческой или между семьей древней, въ составъ которой входили и челядинцы, какъ родные, и въ которой всѣ домочадцы рабски безмолвствовали передъ домовладыкой, и семьей новой, основанной исключительно на кровномъ родствѣ и въ которой положеніе всѣхъ членовъ обезпечено не только юридическими, но еще болѣе нравственными опредѣленіями, гдѣ власть родителей является не столько совокупностью правъ надъ домочадцами, сколько совокупностью обязанностей и заботъ о дѣтяхъ. Присутствіе элементовъ, незамѣтныхъ въ составѣ первобытной языческой семьи, измѣнило характеръ союза. Одни и тѣ же элементы, сказалъ я, дѣйствуютъ неодинаково въ различныхъ сочетаніяхъ. Если мы замѣчаемъ, что въ одной и той же странѣ въ разныя времена капиталъ то порабощалъ трудъ, то помогалъ развитію его свободной дѣятельности, усиливая его производительность, то служилъ источникомъ почета, уваженія къ богатству, то разжигалъ ненависть или презрѣніе со сто-

роны бѣдноты, — мы въ правѣ заключать, что соціальный составъ и нравственное настроеніе общества въ той странѣ подвергались глубокимъ переломамъ. Или примите въ соображеніе, какъ видоизмѣняется начало кооперации въ семьѣ, въ артели, въ торговой компаніи на акціяхъ, въ товариществѣ на вѣрѣ. Посмотрите также, какъ измѣняется образъ дѣйствій государственной власти отъ состоянія общества въ разные періоды государственной жизни: она дѣйствуетъ то независимо отъ общества, то въ живомъ единеніи съ нимъ, то закрѣпляетъ существующія неравенства и даже создаетъ новыя, то уравниваетъ классы и поддерживаетъ равновѣсіе между общественными силами. Даже одни и тѣ же лица, образуя различные по характеру союзы, вслѣдствіе разнообразія интересовъ, ими руководящихъ, дѣйствуютъ различно въ торговой конторѣ, въ составѣ ученаго, художественнаго или благотворительнаго общества. Еще примѣръ. Трудъ — нравственный долгъ и основа нравственнаго порядка. Но трудъ труду рознь. Извѣстно, что трудъ подневольный, крѣпостной, производитъ далеко не то же дѣйствіе на хозяйственный и нравственный бытъ народа, какъ трудъ вольный: онъ убиваетъ энергію, ослабляетъ предпріимчивость, развращаетъ нравы и даже портитъ расу физически. Въ послѣднія десятилѣтія передъ освобожденіемъ крестьянъ у насъ сталъ прекращаться естественный приростъ крѣпостного населенія, т.-е. начинала вымирать цѣлая половина сельской Россіи, такъ что отмѣна крѣпостного права переставала быть вопросомъ только справедливости или человѣколюбія, а становилась дѣломъ стихійной необходимости. Послѣдній примѣръ. Извѣстно, что въ первобытномъ кровномъ союзѣ личность исчезала подъ гнетомъ старшаго и ея высвобожденіе изъ-подъ этого гнета надобно считать значительнымъ успѣхомъ въ ходѣ цивилизаціи

необходимымъ для того, чтобы общество могло устроиться на началахъ равноправности и личной свободы. Но прежде чѣмъ успѣли восторжествовать эти начала, свобода предоставленнаго самому себѣ одинокаго человѣка по мѣстамъ содѣйствовала успѣхамъ рабства, вела къ развитію личной кабалы, иногда болѣе тяжкой сравнительно съ гнетомъ старинныхъ родовыхъ отношеній. Значитъ, личная свобода при извѣстномъ складѣ общежитія можетъ вести къ подавленію личности, и когда мы читаемъ статью Уложенія царя Алексѣя Михайловича, которая грозитъ кнутомъ и ссылкой на Лену свободному человѣку, вступившему въ личную зависимость отъ другого, мы не знаемъ, что̀ дѣлать, сочувствовать ли эгалитарной мысли закона, или скорбѣть о крутомъ средствѣ, которымъ онъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ правъ человѣка превращалъ въ тяжкую государственную повинность.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что составомъ общества въ различныхъ сочетаніяхъ устанавливается *неодинаковое отношеніе между составными элементами,* а съ измѣненіемъ взаимнаго отношенія и *самые элементы обнаруживаютъ различныя свойства и дѣйствуютъ неодинаково.*

Общая научная цѣль изученія мѣстной исторіи.

Зная, съ какими вопросами надобно обращаться къ историческимъ явленіямъ, чего искать въ нихъ, можно опредѣлить и научное значеніе исторіи извѣстнаго народа по отношенію къ общему историческому изученію человѣчества. Это значеніе можетъ быть двоякое: съ одной стороны, оно опредѣляется энергіей развитія народа и, въ связи съ этимъ, степенью его вліянія на другіе народы, а черезъ нихъ на общее культурное движеніе человѣчества; съ другой стороны, отдѣльная исторія извѣстнаго народа можетъ быть важна своеобразностью своихъ явленій независимо отъ ихъ

культурнаго значенія, когда представляетъ изучающему возможность наблюдать такіе процессы, которые особенно явственно вскрываютъ механику исторической жизни, въ которыхъ историческія силы являются въ условіяхъ дѣйствія, рѣдко повторявшихся или нигдѣ болѣе не наблюдаемыхъ, хотя бы эти процессы и не оказали значительнаго вліянія на общее историческое движеніе. Съ той стороны научный интересъ исторіи того или другого народа опредѣляется количествомъ своеобразныхъ мѣстныхъ сочетаній и воскресаемыхъ ими свойствъ тѣхъ или иныхъ элементовъ общежитія. Въ этомъ отношеніи исторія страны, которая представляла бы повтореніе явленій и процессовъ, уже имѣвшихъ мѣсто въ другихъ странахъ, если только въ исторіи возможенъ подобный случай, представляла бы для наблюдателя немного научнаго интереса.

Удобство исторіи Россіи для соціологическаго изученія.

Исторія Россіи представляетъ нѣкоторыя методологическія удобства для отдѣльнаго соціологическаго изученія. Эти удобства состоятъ 1) въ сравнительной *простотѣ* господствующихъ въ ней процессовъ, помогающей достаточно отчетливо разглядѣть работу историческихъ силъ, дѣйствіе и значеніе различныхъ пружинъ, входившихъ въ сравнительно несложный составъ нашего общежитія; 2) въ *своеобразномъ* сочетаніи дѣйствовавшихъ въ нашей исторіи условій народной жизни. Сравнительная простота строя нашей исторической жизни не мѣшала своеобразности ея строенія. Въ ней наблюдаемъ дѣйствіе тѣхъ же историческихъ силъ и элементовъ общежитія, что и въ другихъ европейскихъ обществахъ: но у насъ эти силы дѣйствуютъ съ неодинаковой напряженностью, эти элементы являются въ иномъ подборѣ, принимаютъ иные размѣры, обнаруживаютъ свойства, незамѣтныя въ другихъ странахъ. Благодаря всему этому, общество получаетъ своеобразный составъ

и характеръ, народная жизнь усвояетъ особый темпъ движенія, попадаетъ въ необычныя положенія и комбинаціи условій. Приведу нѣсколько примѣровъ. Во всякой странѣ система рѣкъ давала направленіе торговлѣ, свойствомъ почвы обусловливался характеръ промышленности. Въ первые вѣка нашей исторіи, когда главная масса русскаго населенія сосредоточивалась въ черноземной области средняго Днѣпра съ его обоюдосторонними притоками, важнѣйшія рѣки южной Руси направляли русскую торговлю къ черноморскимъ, азовскимъ и волжско-каспійскимъ рынкамъ, гдѣ спрашивались преимущественно медъ, воскъ, мѣха — продукты лѣса и въ меньшей степени хлѣбъ. Это сдѣлало внѣшнюю торговлю господствующей силой въ народномъ хозяйствѣ русскихъ славянъ и вызвало усиленное развитіе лѣсныхъ промысловъ, звѣроловства и бортничества. Но потомъ подъ давленіемъ, шедшимъ изъ тѣхъ же степей, по которымъ пролегали пути русской торговли, главная масса русскаго населенія передвинулась въ область верхней Волги, на алаунскій суглинокъ. Удаленіе отъ приморскихъ рынковъ ослабило внѣшній сбытъ и сократило лѣсную промышленность, а это привело къ тому, что хлѣбопашество стало основой народнаго хозяйства. И вотъ случилось, что на открытомъ днѣпровскомъ черноземѣ Русь усиленно эксплуатировала лѣсныя богатства и торговала, а на лѣсистомъ верхне-волжскомъ суглинкѣ стала усиленно выжигать лѣсъ и пахать. Внѣшнія международныя отношенія, вліявшія на размѣщеніе населенія въ странѣ, сплетались съ внутренними географическими ея особенностями въ такой запутанный узелъ, что народный трудъ, подчиняясь однимъ условіямъ, получалъ направленіе, не соотвѣтствовавшее другимъ. Въ народно-хозяйственномъ быту, такъ своеобразно складывавшемся, естественно ожидать явленій, не подходя-

щихъ подъ привычныя нормы. Въ 1699 г. Петръ Великій предписалъ русскимъ купцамъ торговать, какъ торгуютъ въ другихъ государствахъ, компаніями, складывая свои капиталы. Дѣло по непривычкѣ и недостатку довѣрія шло туго. Между тѣмъ древняя Русь выработала свою форму торговаго товарищества, въ которомъ соединялись не капиталы, а лица на основѣ родства и нераздѣльности имущества. Подъ руководствомъ и отвѣтственностью старшаго неотдѣленные родственники вели торговое дѣло не какъ товарищи-пайщики, а какъ подчиненные агенты хозяина. Это — *торговый домъ*, состоявшій изъ купца-хозяина съ его „купеческими братьями", „купеческими сыновьями" и т. д. Эта форма кооперацiи наглядно показываетъ, какъ потребность коллективной дѣятельности, при недостаткѣ взаимнаго довѣрія въ обществѣ, искала средствъ удовлетворенія подъ домашнимъ кровомъ, цѣпляясь за остатки кровнаго союза.

Такъ въ нашемъ прошломъ историкъ-соціологъ встрѣтитъ не мало явленій, обнаруживающихъ разностороннюю гибкость человѣческаго общества, его способность примѣняться къ даннымъ условіямъ и комбинировать наличныя средства согласно съ потребностями. Мы только что видѣли, какъ изъ древне-русскаго родственнаго союза подъ дѣйствіемъ экономической потребности выработалась идея торговаго дома. Сейчасъ увидимъ, какъ идея нравственнаго порядка подъ дѣйствіемъ мѣстныхъ условій послужила средствомъ для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ населенія. Вмѣстѣ съ христіанствомъ на Русь принесена была съ Востока мысль объ отреченіи отъ міра, какъ о вѣрнѣйшемъ пути къ спасенію и труднѣйшемъ подвигѣ христіанства. Мысль эта воспринята была русскимъ обществомъ такъ живо, что менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ

кіевскій Печерскій монастырь явилъ высокіе образцы иноческаго подвижничества. Три-четыре вѣка спустя та же мысль вела ряды отшельниковъ въ глухіе лѣса сѣвернаго Заволжья. Но многочисленные лѣсные монастыри, тамъ основанные ими, вопреки ихъ волѣ получили значеніе, не отвѣчавшее духу ѳиваидскаго и аѳонскаго пустынножительства. Первоначальная идея иночества не померкла, но мѣстныя нужды осложнили ее интересами, изъ нея прямо не вытекавшими, превративъ тамошніе пустынные монастыри частью въ сельскіе приходскіе храмы и убѣжища для престарѣлыхъ людей изъ окрестнаго населенія, частью въ безсемейныя земледѣльческія и промышленныя общины и опорные пункты, своего рода переселенческія станціи крестьянскаго колонизаціоннаго движенія.

Итакъ, повторяю, при сравнительной простотѣ строя наше общество строилось посвоему подъ дѣйствіемъ мѣстнаго подбора и соотношенія условій народной жизни. Разсматривая эти условія въ самую раннюю пору сравнительно съ дѣйствовавшими въ западной Европѣ, найдемъ и первоначальный источникъ обѣихъ особенностей нашей исторіи, такъ облегчающихъ изученіе ея общественныхъ явленій. Съ первобытнымъ культурнымъ запасомъ, принадлежавшимъ всѣмъ арійскимъ племенамъ и едва ли значительно умноженнымъ въ эпоху переселенія народовъ, восточные славяне съ первыхъ своихъ шаговъ въ предѣлахъ Россіи очутились въ географической и международной обстановкѣ, совсѣмъ непохожей на ту, въ какую нѣсколько раньше попали ихъ арійскіе родичи, германскія племена, начавшія новую исторію западной Европы. Тамъ бродячій германецъ усаживался среди развалинъ, которыя прямо ставили его вынесенныя изъ лѣсовъ привычки и представленія подъ вліяніе мощной культуры, въ среду покоренныхъ ими ри- Заключеніе.

млянъ или романизованныхъ провинціаловъ павшей имперіи, становившихся для него живыми проводниками и истолкователями этой культуры. Восточные славяне, напротивъ, увидѣли себя на безконечной равнинѣ, своими рѣками мѣшавшей имъ плотно усѣсться, своими лѣсами и болотами затруднявшей имъ хозяйственное обзаведеніе на новосельѣ, среди сосѣдей, чуждыхъ по происхожденію и низшихъ по развитію, у которыхъ нечѣмъ было позаимствоваться и съ которыми приходилось постоянно бороться, въ странѣ ненасиженной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцамъ никакихъ житейскихъ приспособленій и культурныхъ преданій, не оставило даже развалинъ, а только однѣ безчисленныя могилы въ видѣ кургановъ, которыми усѣяна степная и лѣсная Россія. Этими первичными условіями жизни русскихъ славянъ опредѣлилась и сравнительная медленность ихъ развитія, и сравнительная простота ихъ общественнаго состава, а равно и значительная своеобразность и этого развитія, и этого состава.

Запомнимъ хорошенько этотъ начальный моментъ нашей исторіи: онъ поможетъ намъ оріентироваться при самомъ началѣ пути, намъ предстоящаго.

Лекція II.

Планъ курса. — Колонизація страны, какъ основной фактъ русской исторіи. — Періоды русской исторіи, какъ главные моменты колонизаціи. — Господствующіе факты каждаго періода. — Видимая неполнота плана. — Историческіе факты и такъ называемыя идеи. — Различное происхожденіе и взаимодѣйствіе тѣхъ и другихъ. — Когда идея становится историческимъ фактомъ. Существо и методологическое значеніе фактовъ политическихъ и экономическихъ. — Практическая цѣль изученія отечественной исторіи.

Мы говорили о научныхъ задачахъ изученія мѣстной исторіи. Мы нашли, что основная задача такого изученія — познаніе природы и дѣйствія историческихъ силъ въ мѣстныхъ сочетаніямъ общественныхъ элементовъ. Теперь, руководясь этой задачей, установимъ планъ курса. **Планъ курса.**

На протяженіи всей нашей исторіи наблюдаемъ нѣсколько формъ или складовъ общежитія, преемственно въ ней смѣнившихся. Эти формы общежитія создавались различными сочетаніями общественныхъ элементовъ. Основное условіе, направлявшее смѣну этихъ формъ, заключалось въ своеобразномъ отношеніи населенія къ странѣ, — отношеніи, дѣйствовавшемъ въ нашей исторіи цѣлые вѣка, дѣйствующемъ и доселѣ.

Обширная восточно-европейская равнина, на которой образовалось русское государство, въ началѣ нашей исторіи **Колонизація, какъ основной фактъ.**

не является на всемъ своемъ пространствѣ заселенной тѣмъ народомъ, который доселѣ дѣлаетъ ея исторію. Наша исторія открывается тѣмъ явленіемъ, что восточная вѣтвь славянства, потомъ разросшаяся въ русскій народъ, вступаетъ на русскую равнину изъ одного ея угла, съ юго-запада, со склоновъ Карпатъ. Въ продолженіе многихъ вѣковъ этого славянскаго населенія было далеко недостаточно, чтобы сплошь съ нѣкоторой равномѣрностью занять всю равнину. Притомъ, по условіямъ своей исторической жизни и географической обстановки оно распространялось по равнинѣ не постепенно путемъ нарожденія, не *разселяясь, а переселяясь*, переносилось птичьими перелетами изъ края въ край, покидая насиженныя мѣста и садясь на новыя. При каждомъ такомъ передвиженіи оно становилось подъ дѣйствіе новыхъ условій, вытекавшихъ какъ изъ физическихъ особенностей новозанятаго края, такъ и изъ новыхъ внѣшнихъ отношеній, какія завязывались на новыхъ мѣстахъ. Эти мѣстныя особенности и отношенія при каждомъ новомъ размѣщеніи народа сообщали народной жизни особое направленіе, особый складъ и характеръ. Исторія Россіи есть исторія страны, которая колонизуется. Область колонизаціи въ ней расширялась вмѣстѣ съ государственной ея территоріей. То падая, то поднимаясь, это вѣковое движеніе продолжается до нашихъ дней. Оно усилилось съ отмѣной крѣпостного права, когда начался отливъ населенія изъ центральныхъ черноземныхъ губерній, гдѣ оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось. Отсюда населеніе пошло разносторонними струями въ Новороссію, на Кавказъ, за Волгу и далѣе за Каспійское море, особенно за Уралъ въ Сибирь, до береговъ Тихаго океана. Во второй половинѣ XIX в., когда только начиналась русская колонизація Туркестана, тамъ водворилось уже свыше 200 тысячъ

русскихъ и въ томъ числѣ около 100 тыс. образовали до 150 сельскихъ поселеній, составившихся изъ крестьянъ-переселенцевъ и мѣстами представляющихъ значительные острова почти сплошного земледѣльческаго населенія. Еще напряженнѣе переселенческій потокъ въ Сибирь. Оффиціально извѣстно, что ежегодное число переселенцевъ въ Сибирь, до 1880-хъ годовъ не превышавшее 2000 человѣкъ, а въ началѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка достигшее до 50000, съ 1896 г. благодаря Сибирской желѣзной дорогѣ возросло до 200000 человѣкъ. Все это движеніе, идущее преимущественно изъ центральныхъ черноземныхъ губерній Европейской Россіи, при ежегодномъ полутора-милліонномъ приростѣ ея населенія пока еще кажется малозначительнымъ, не даетъ себя чувствовать ощутительными толчками: но со временемъ оно неминуемо отзовется на общемъ положеніи дѣлъ немаловажными послѣдствіями.

Періоды русской исторіи, какъ главные моменты колонизаціи.

Такъ переселенія, колонизація страны была основнымъ фактомъ нашей исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стояли всѣ другіе ея факты. Остановимся пока на самомъ фактѣ, не касаясь его происхожденія. Онъ и ставилъ русское населеніе въ своеобразное отношеніе къ странѣ, измѣнявшееся въ теченіе вѣковъ и своимъ измѣненіемъ вызывавшее смѣну формъ общежитія. Этотъ фактъ и послужитъ основаніемъ плана курса. Я дѣлю нашу исторію на отдѣлы или періоды по наблюдаемымъ въ ней народнымъ передвиженіямъ. Періоды нашей исторіи — этапы, послѣдовательно пройденные нашимъ народомъ въ занятіи и разработкѣ доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконецъ, онъ посредствомъ естественнаго нарожденія и поглощенія встрѣчныхъ инородцевъ распространился по всей равнинѣ и даже перешелъ за ея предѣлы. Ряды этихъ

періодовъ — это рядъ приваловъ или стоянокъ, которыми прерывалось движеніе русскаго народа по равнинѣ и на каждой изъ которыхъ наше общежитіе устроилось иначе, чѣмъ оно было устроено на прежней стоянкѣ. Я перечислю эти періоды, указывая въ каждомъ изъ нихъ господствующіе факты, изъ коихъ одинъ — политическій, другой — экономическій, и обозначая при этомъ ту область равнины, на которой въ данный періодъ сосредоточивалась масса русскаго населенія, — не все населеніе, а главная масса его, дѣлавшая исторію.

Приблизительно съ VIII в. нашей эры, не раньше, можемъ мы слѣдить съ нѣкоторой увѣренностью за постепеннымъ ростомъ нашего народа, наблюдать внѣшнюю обстановку и внутреннее строеніе его жизни въ предѣлахъ равнины. Итакъ съ VIII до XIII в. масса русскаго населенія сосредоточивалась на среднемъ и верхнемъ Днѣпрѣ съ его притоками и съ его историческимъ воднымъ продолженіемъ — линіей Ловать-Волховъ. Во все это время Русь политически разбита на отдѣльныя болѣе или менѣе обособленныя области, въ каждой изъ которыхъ политическимъ и хозяйственнымъ центромъ является большой торговый городъ, первый устроитель и руководитель ея политическаго быта, потомъ встрѣтившій соперника въ пришломъ князѣ, но и при немъ не терявшій важнаго значенія. Господствующій политическій фактъ періода — политическое дробленіе земли подъ руководствомъ городовъ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни въ этотъ періодъ является внѣшняя торговля съ вызванными ею лѣсными промыслами, звѣроловствомъ и бортничествомъ (лѣснымъ пчеловодствомъ). Это Русь *Днѣпровская, городовая, торговая.*

Съ XIII до средины XV в. приблизительно, среди общаго разброда и разрыва народности, главная масса русскаго

населенія является на верхней Волгѣ съ ея притоками. Эта масса остается раздробленной политически уже не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы. Удѣлъ — это совсѣмъ другая форма политическаго быта. Господствующій политическій фактъ періода—удѣльное дробленіе Верхне-волжской Руси подъ властью князей. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является сельскохозяйственная, т.-е. земледѣльческая эксплуатація алаунскаго суглинка посредствомъ вольнаго крестьянскаго труда. Это Русь *Верхневолжская, удѣльно-княжеская, вольно-земледѣльческая.*

Съ половины XV до второго десятилѣтія XVII в. главная масса русскаго населенія изъ области верхней Волги растекается на югъ и востокъ по донскому и средне-волжскому чернозему, образуя особую вѣтвь народа — Великороссію, которая вмѣстѣ съ населеніемъ расширяется за предѣлы верхняго Поволжья. Но расплываясь географически, великорусское племя впервые соединяется въ одно политическое цѣлое подъ властью московскаго государя, который правитъ своимъ государствомъ съ помощью боярской аристократіи, образовавшейся изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и удѣльныхъ бояръ. Итакъ господствующій политическій фактъ періода — государственное объединеніе Великороссіи. Господствующимъ фактомъ жизни экономической остается сельскохозяйственная разработка стараго верхне-волжскаго суглинка и новозанятаго средне-волжскаго и донскаго чернозема посредствомъ вольнаго крестьянскаго труда; но его воля начинаетъ уже стѣсняться по мѣрѣ сосредоточенія землевладѣнія въ рукахъ служилаго сословія, военнаго класса, вербуемаго государствомъ для внѣшней обороны. Это Русь *Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледѣльческая.*

Съ начала XVII до половины XIX вѣка русскій народъ распространяется по всей равнинѣ отъ морей Балтійскаго

и Бѣлаго до Чернаго, до Кавказскаго хребта, Каспія и Урала и даже проникаетъ на югъ и востокъ далеко за Кавказъ, Каспій и Уралъ. Политически всѣ почти части русской народности соединяются подъ одною властью: къ Великороссіи примыкаютъ одна за другой Малороссія, Бѣлороссія и Новороссія, образуя Всероссійскую имперію. Но эта собирающая всероссійская власть дѣйствуетъ уже съ помощью не боярской аристократіи, а военно-служилаго класса, сформированнаго государствомъ въ предшествующій періодъ, — дворянства. Это политическое собираніе и объединеніе частей Русской земли и есть господствующій политическій фактъ періода. Основнымъ фактомъ экономической жизни остается земледѣльческій трудъ, окончательно ставшій крѣпостнымъ, къ которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская. Это періодъ *всероссійскій, императорско-дворянскій,* періодъ крѣпостного хозяйства, земледѣльческаго и фабрично-заводскаго.

Таковы пережитые нами періоды нашей исторіи, въ которыхъ отразилась смѣна исторически вырабатывавшихся у насъ складовъ общежитія. Пересчитаемъ еще разъ эти періоды, обозначая ихъ по областямъ равнины, въ которыхъ сосредоточивалась въ разныя времена главная масса русскаго народонаселенія: 1) *днѣпровскій,* 2) *верхне-волжскій,* 3) *великорусскій,* 4) *всероссійскій.*

Факты и идеи.

Боюсь, что изложенный мною планъ курса вызоветъ въ васъ одно важное недоумѣніе. Я буду излагать вамъ факты политическіе и экономическіе съ ихъ разнообразными слѣдствіями и способами проявленія и — только, ничего болѣе. А гдѣ же, можетъ-быть, спросите вы, домашній бытъ, нравы, успѣхи знанія и искусства, литература, духовные интересы, факты умственной и нравственной жизни, — сло-

вомъ то, что̀ на нашемъ обиходномъ языкѣ принято называть идеями? Развѣ онѣ не имѣютъ мѣста въ нашей исторіи или развѣ онѣ — не факторы историческаго процесса? Разумѣется, я не хочу сказать ни того, ни другого. Я не знаю общества, свободнаго отъ идей, какъ бы мало оно ни было развито. Само общество — это уже идея, потому что общество начинаетъ существовать съ той минуты, какъ люди, его составляющіе, начинаютъ сознавать, что они — общество. Еще труднѣе мнѣ подумать, что идеи лишены участія въ историческомъ процессѣ. Но именно въ вопросѣ объ исторической дѣеспособности идей, боюсь, мы можемъ не понять другъ друга, и потому я обязанъ напередъ высказать вамъ свой взглядъ на этотъ предметъ.

Прежде всего, обратите вниманіе на то, что факты политическіе и экономическіе отличаются отъ такъ называемыхъ идей своимъ происхожденіемъ и формами или способами проявленія. Эти факты суть общественные интересы и отношенія, и ихъ источникъ — дѣятельность общества, совокупныя усилія лицъ, его составляющихъ. Они и проявляются въ актахъ не единоличнаго, а коллективнаго характера, въ законодательствѣ, въ дѣятельности разныхъ учрежденій, въ юридическихъ сдѣлкахъ, въ промышленныхъ предпріятіяхъ, — въ оборотѣ политическомъ, гражданскомъ, хозяйственномъ. Идеи — плоды личнаго творчества, произведенія одиночной дѣятельности индивидуальныхъ умовъ и совѣстей и въ своемъ первоначальномъ, чистомъ видѣ онѣ проявляются въ памятникахъ науки и литературы, въ произведеніяхъ уединенной мастерской художника или въ подвигахъ личной самоотверженной дѣятельности въ пользу ближняго. Итакъ, въ явленіяхъ того и другого порядка мы наблюдаемъ дѣятельность различныхъ историческихъ силъ, — лица и общества.

Ихъ взаимодѣйствіе.

Между обѣими этими силами, лицомъ и обществомъ, между индивидуальнымъ умомъ и коллективнымъ сознаніемъ происходитъ постоянный обмѣнъ услугъ и вліяній. Общественный порядокъ питаетъ уединенное размышленіе и воспитываетъ характеры, служитъ предметомъ личныхъ убѣжденій, источникомъ нравственныхъ правилъ и чувствъ, эстетическихъ возбужденій; у каждаго порядка есть свой культъ, свое credo, своя поэзія. Зато и личныя убѣжденія, становясь господствующими въ обществѣ, входятъ въ общее сознаніе, въ нравы, въ право, становятся правилами, обязательными и для тѣхъ, кто ихъ не раздѣляетъ, т.-е. дѣлаются общественными фактами.

Условія развитія идеи въ историческій фактъ.

Такъ отъ общественныхъ отношеній отлагаются идеи, а идеи перерабатываются въ общественныя отношенія. Но въ историческомъ изученіи не слѣдуетъ смѣшивать тѣ и другія, потому что это — явленія различныхъ порядковъ. Исторія имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ, а съ людьми, вѣдаетъ людскія отношенія, предоставляя одиночную дѣятельность человѣка другимъ наукамъ. Вы поймете, когда личная идея становится общественнымъ, т.-е. историческимъ фактомъ: это — когда она выходитъ изъ предѣловъ личнаго существованія и дѣлается общимъ достояніемъ и не только общимъ, но и обязательнымъ, т.-е. общепризнаннымъ правиломъ или убѣжденіемъ. Но чтобы личная идея получила такое обязательное дѣйствіе, нуженъ цѣлый приборъ средствъ, поддерживающихъ это дѣйствіе, — общественное мнѣніе, требованіе закона или приличія, гнетъ полицейской силы. Идеи становятся историческими факторами подобно тому, какъ дѣлаются ими силы природы. Сколько вѣковъ отъ созданія міра молнія повидимому безполезно и даже разрушительно озаряла ночную мглу, пугая воображеніе и не увеличивая количества свѣта, потребляе-

маго человѣкомъ, не замѣняя даже ночника при колыбели! Но потомъ электрическую искру поймали и приручили, дисциплинировали, запрягли въ придуманный для нея снарядъ и заставили освѣщать улицы и залы, пересылать письма и таскать тяжести — словомъ, превратили ее въ культурное средство. И идеи нуждаются въ подобной же обработкѣ, чтобы стать культурно-историческими факторами. Сколько прекрасныхъ мыслей, возникавшихъ въ отдѣльныхъ умахъ, погибло и погибаетъ безслѣдно для человѣчества только потому, что не получаетъ во-время надлежащей обработки и организаціи! Онѣ украшаютъ частное существованіе, разливаютъ много свѣта и тепла въ семейномъ или дружескомъ кругу, помогая домашнему очагу, но ни на одинъ замѣтный градусъ не поднимаютъ температуры общаго благосостоянія, потому что ни въ правѣ, ни въ экономическомъ оборотѣ не находятъ соотвѣтствующаго прибора, учрежденія или предпріятія, которое вывело бы ихъ изъ области добрыхъ упованій, т.-е. досужихъ грезъ, и дало бы имъ возможность дѣйствовать на общественный порядокъ. Такія необработанныя, какъ бы сказать, *сырыя* идеи — не историческіе факты: ихъ мѣсто въ біографіи, въ философіи, а не въ исторіи.

Идея—историческій фактор

Теперь я прошу васъ возвратиться къ программѣ курса. Изучая факты политическіе и экономическіе, мы въ основѣ каждаго изъ нихъ найдемъ какую-либо идею, которая, можетъ быть, долго блуждала въ отдѣльныхъ умахъ, прежде чѣмъ добилась общаго признанія и стала руководительницей политики, законодательства или хозяйственнаго оборота. Только такія идеи и могутъ быть признаны историческими явленіями. Такимъ образомъ сама жизнь помогаетъ историческому изученію: она производитъ практическую разборку идей, отдѣляя дѣловыя или счастливыя отъ досу-

жихъ или неудачныхъ. Въ литературѣ мы встрѣчаемъ осадокъ того, что̀ было передумано и перечувствовано отдѣльными мыслящими людьми извѣстнаго времени. Но далеко не весь этотъ запасъ личной мысли и чувства входитъ въ житейскій оборотъ, дѣлается достояніемъ общества, культурно-историческимъ запасомъ. Что̀ изъ этого запаса усвояется общежитіемъ, то воплощается въ учрежденіе, въ юридическое или экономическое отношеніе, въ общественное требованіе. Это воплощеніе, т.-е. эта практическая обработка идеи и вводитъ ее факторомъ въ историческій процессъ. Идеи, блеснувшія и погасшія въ отдѣльныхъ умахъ, въ частномъ личномъ существованіи, столь же мало увеличиваютъ запасъ общежитія, какъ мало обогащаютъ инвентарь народнаго хозяйства замысловатыя маленькія мельницы, которыя строятъ дѣти на дождевыхъ потокахъ.

Итакъ, я вовсе не думаю игнорировать присутствія или значенія идей въ историческомъ процессѣ или отказывать имъ въ способности къ историческому дѣйствію. Я хочу сказать только, что не всякая идея попадаетъ въ этотъ процессъ, а попадая, не всегда сохраняетъ свой чистый первоначальный видъ. Въ этомъ видѣ, просто какъ идея, она остается личнымъ порывомъ, поэтическимъ идеаломъ, научнымъ открытіемъ—и только; но она становится историческимъ факторомъ, когда овладѣваетъ какою-либо практической силой, властью, народной массой или капиталомъ, — силой, которая перерабатываетъ ее въ законъ, въ учрежденіе, въ промышленное или иное предпріятіе, въ обычай, наконецъ, въ поголовное массовое увлеченіе или художественное всѣмъ ощутительное сооруженіе, когда, напримѣръ, набожное представленіе выси небесной отливается въ куполъ Софійскаго собора.

Методологическое значеніе фактовъ экономическихъ и политическихъ.

Изъ соображеній, объясняющихъ планъ курса, извлечемъ нѣкоторые методологическіе выводы. Полагая въ основу историческаго изученія процессы политическіе и экономическіе, я не хочу сказать, что историческая жизнь состоитъ только изъ этихъ процессовъ и что историческое изученіе должно ограничиваться канцеляріями да рынками. Не одними канцеляріями и рынками движется историческая жизнь; но съ нихъ удобнѣе начинать изученіе этой жизни. Подступая въ изученіи къ извѣстному обществу съ политической и хозяйственной стороны его жизни, мы входимъ въ кругъ тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ понятій и интересовъ, которые уже перестали быть дѣломъ отдѣльныхъ умовъ, личныхъ сознаній, и стали достояніемъ всего общества, факторами общежитія. Слѣдовательно, политическій и экономическій порядокъ извѣстнаго времени можно признать показателемъ его умственной и нравственной жизни: тотъ и другой порядокъ настолько могутъ быть признаны такими показателями, насколько они проникнуты понятіями и интересами, восторжествовавшими въ умственной и нравственной жизни даннаго общества, насколько эти понятія и интересы стали направителями юридическихъ и матеріальныхъ его отношеній. Но въ отдѣльныхъ умахъ въ частномъ обиходѣ мы всегда найдемъ запасъ другихъ помысловъ и стремленій, не достигшихъ такого господства, оставшихся безъ практическаго употребленія. Да и житейскій порядокъ, политическій и экономическій, основавшійся на господствующихъ идеяхъ и закрѣпляющій ихъ господство своими принудительными средствами, можетъ возбуждать въ отдѣльныхъ умахъ или въ извѣстной части общества помыслы, чувства, стремленія, несогласные съ его основами, даже прямо противъ нихъ протестующіе: они или гаснутъ, или ждутъ своего времени. У насъ, напримѣръ, въ XVIII в. жалобы на несправедли-

вость крѣпостного права послышались изъ самой крѣпостной среды даже раньше, чѣмъ въ образованномъ обществѣ; но долго эти жалобы обращали на себя еще меньше правительственнаго вниманія, чѣмъ освободительныя представленія образованныхъ людей. Однако потомъ опасенія, внушенныя настроеніемъ крѣпостной среды, подѣйствовали на ходъ освободительнаго дѣла сильнѣе какихъ-либо соображеній высшаго порядка.

Факты обоихъ порядковъ въ ихъ взаимодѣйствіи.

Вникнемъ въ сущность политическихъ и экономическихъ фактовъ, чтобы видѣть, что̀ могутъ они дать для историческаго изученія. Политическая и экономическая жизнь не составляетъ чего-то цѣльнаго, однороднаго, какой-то особой сферы людской жизни, гдѣ нѣтъ мѣста высшимъ стремленіямъ человѣческаго духа, гдѣ царятъ только низменные инстинкты нашей природы. Во-первыхъ, жизнь политическая и жизнь экономическая — это различныя области жизни, мало сродныя между собою по своему существу. Въ той и другой господствуютъ полярно-противоположныя начала: въ политической — общее благо, въ экономической — личный матеріальный интересъ; одно начало требуетъ постоянныхъ жертвъ, другое — питаетъ ненасытный эгоизмъ. Во-вторыхъ, то и другое начало вовлекаетъ въ свою дѣятельность наличныя духовныя средства общества. Частный, личный интересъ по природѣ своей наклоненъ противодѣйствовать общему благу. Между тѣмъ человѣческое общежитіе строится взаимодѣйствіемъ обоихъ вѣчно борющихся началъ. Такое взаимодѣйствіе становится возможно потому, что въ составѣ частнаго интереса есть элементы, которые обуздываютъ его эгоистическія увлеченія. Въ отличіе отъ государственнаго порядка, основаннаго на власти и повиновеніи, экономическая жизнь есть область личной свободы и личной инициативы, какъ выраженія свободной воли.

Но эти силы, одушевляющія и направляющія экономическую дѣятельность, составляютъ душу и дѣятельности духовной. Да и энергія личнаго матеріальнаго интереса возбуждается не самымъ этимъ интересомъ, а стремленіемъ обезпечить личную свободу, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, умственную и нравственную, а эта послѣдняя на высшей степени своего развитія выражается въ сознаніи общихъ интересовъ и въ чувствѣ нравственнаго долга дѣйствовать на пользу общую. На этой нравственной почвѣ и устанавливается соглашеніе вѣчно борющихся началъ по мѣрѣ того, какъ развивающееся общественное сознаніе сдерживаетъ личный интересъ во имя общей пользы и выясняетъ требованія общей пользы, не стѣсняя законнаго простора, требуемаго личнымъ интересомъ. Слѣдовательно, взаимнымъ отношеніемъ обоихъ началъ, политическаго и экономическаго, торжествомъ одного изъ нихъ надъ другимъ или справедливымъ равновѣсіемъ обоихъ измѣряется уровень общежитія, а то или другое отношеніе между ними устанавливается степенью развитія общественнаго сознанія и чувства нравственнаго долга. Но какимъ способомъ, по какимъ признакамъ можно опредѣлить этотъ уровень, какъ показатель силы духовныхъ элементовъ общежитія? Во-первыхъ, онъ выясняется самымъ ходомъ событій политической жизни и связью явленій жизни экономической, а во-вторыхъ, наблюденія надъ этими событіями и явленіями находятъ себѣ провѣрку въ законодательствѣ, въ практикѣ управленія и суда. Возьмемъ примѣръ не изъ самыхъ выразительныхъ. Въ древней Руси нравственныя вліянія, шедшія съ церковной стороны, противодѣйствовали усиленному развитію рабовладѣнія и по временамъ встрѣчали поддержку со стороны правительства, пытавшагося во имя государственной пользы сдержать и упорядочить это стремленіе къ порабо-

щенію. Борьба церкви и государства съ частнымъ интересомъ въ этой области шла съ перемѣннымъ успѣхомъ въ зависимости отъ условій времени. Эти колебанія, отражаясь въ памятникахъ права и хозяйства, помогаютъ измѣрить силу дѣйствія гуманныхъ идей, а черезъ то и нравственный уровень общежитія въ извѣстный періодъ. Такъ получаемъ возможность опредѣлять нравственное состояніе общества не по нашимъ субъективнымъ впечатлѣніямъ или предположеніямъ и не по отзывамъ современниковъ, столь же субъективнымъ, а по практическому соотношенію элементовъ общежитія, по степени соглашенія разнородныхъ интересовъ, въ немъ дѣйствующихъ.

Ихъ значеніе для историческаго изученія.

Я хочу сказать, что факты политическіе и экономическіе полагаю въ основу курса по ихъ значенію не въ историческомъ процессѣ, а только въ историческомъ изученіи. Значеніе это чисто методологическое. Умственный трудъ и нравственный подвигъ всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человѣческаго развитія; они кладутъ наиболѣе прочныя основы житейскаго порядка, соотвѣтствующаго истиннымъ потребностямъ человѣка и высшему назначенію человѣчества. Но по условіямъ исторической жизни эти силы не всегда одинаково напряжены и не всегда дѣйствуютъ на житейскій порядокъ въ мѣру своей напряженности, а въ общій историческій процессъ онѣ входятъ своимъ дѣйствіемъ на житейскій порядокъ и по этому дѣйствію подлежатъ историческому изученію. Порядокъ изученія не совпадаетъ съ порядкомъ жизни, идетъ отъ слѣдствій къ причинамъ, отъ явленій къ силамъ.

Что же однако, какіе именно предметы предстанутъ предъ нами въ изученіи, отправляющемся отъ политическихъ и экономическихъ фактовъ, и насколько полно охватитъ оно народную жизнь? Эти предметы — государство

и общество, ихъ строеніе и взаимное отношеніе, люди, руководившіе строеніемъ того и другого, условія внѣшнія — международныя и внутреннія — физическія и нравственныя, устанавливавшія отношеніе между тѣмъ и другимъ, внутреннія борьбы, какія при этомъ приходилось переживать народу, производительныя силы, которыми созидалось народное хозяйство, формы, въ какія отливался государственный и хозяйственный бытъ народа. Всего этого мы коснемся съ большимъ или меньшимъ досугомъ, иного даже только мимоходомъ. Можетъ-быть, придется задержать ваше вниманіе на нѣкоторыхъ глубокихъ переломахъ соціальныхъ и нравственныхъ, пережитыхъ нашимъ обществомъ. Но чего бы я желалъ всего болѣе — это, чтобы изъ моего курса вы вынесли ясное представленіе о двухъ процессахъ, коими полагались основы нашего политическаго и народнаго быта и въ которыхъ, кажется мнѣ, всего явственнѣе обнаруживались сочетанія и положенія, составляющія особенность нашей исторіи. Изучая одинъ изъ этихъ процессовъ, мы будемъ слѣдить, какъ вырабатывалось въ практикѣ жизни и выяснялось въ сознаніи народа понятіе о государствѣ и какъ это понятіе выражалось въ идеѣ и дѣятельности верховной власти: другой процессъ покажетъ, какъ въ связи съ ростомъ государства завязывались и сплетались основныя нити, образовавшія своей сложной тканью нашу народность. Но это слишкомъ узкая программа, подумаете вы. Не буду оспаривать этого и останусь при своей программѣ. Курсъ исторіи — далеко не вся исторія: заключенный въ тѣсные предѣлы академическаго года, въ рамки учебныхъ часовъ и минутъ, курсъ не можетъ охватить всей широты и глубины исторической жизни народа. Въ этихъ границахъ преподаватель можетъ со своими слушателями прослѣдить лишь такія теченія исторіи, которыя предста-

вляются ему главными, господствующими, обращаясь къ другимъ струямъ ея, лишь поскольку онѣ соприкасались или сливались съ этими магистралями. И если вы изъ моего изложенія при всѣхъ его пробѣлахъ вынесете хотя въ общихъ очертаніяхъ образъ русскаго народа, какъ исторической личности, я буду считать достигнутой научную цѣль своего курса.

Практическая цѣль изученія отечественной исторіи.

Изъ общей задачи историческаго изученія мы вывели научную цѣль изученія мѣстной исторіи, а эта цѣль дала намъ основаніе для плана курса, указала порядокъ и пріемы изученія русской исторіи. Въ связи съ той же задачей рѣшается еще одинъ вопросъ: сверхъ чисто-научнаго какой еще практическій результатъ можно получить отъ изученія мѣстной исторіи? Этотъ вопросъ тѣмъ важнѣе, что мѣстная исторія, изученіе которой мы предпринимаемъ, есть исторія нашего отечества. Научные наблюденія и выводы, какіе мы сдѣлаемъ при этой работѣ, должны ли остаться въ области чистаго знанія, или они могутъ выйти изъ нея и оказать вліяніе на наши стремленія и поступки? Можетъ ли научная исторія отечества имѣть свою прикладную часть для дѣтей его? Я думаю, что можетъ и должна имѣть, потому что цѣна всякаго знанія опредѣляется его связью съ нашими нуждами, стремленіями и поступками; иначе знаніе становится простымъ балластомъ памяти, пригоднымъ для ослабленія житейской качки развѣ только пустому кораблю, который идетъ безъ настоящаго цѣннаго груза. Какая же можетъ быть эта практическая, прикладная цѣль? Укажу ее теперь же, чтобы не напоминать объ ней въ изложеніи курса: она будетъ молчаливымъ стимуломъ нашей работы.

Государство и народность—главные предметы курса.

Я сейчасъ сказалъ объ исторической личности народа: это — основной предметъ изученія его исторіи. Значеніе народа, какъ исторической личности, заключается въ его

историческомъ призваніи, а это призваніе народа выражается въ томъ міровомъ положеніи, какое онъ создаетъ себѣ своими усиліями, и въ той идеѣ, какую онъ стремится осуществить своею дѣятельностью въ этомъ положеніи. Свою роль на міровой сценѣ онъ выполняетъ тѣми силами, какія успѣлъ развить въ себѣ своимъ историческимъ воспитаніемъ. Идеалъ историческаго воспитанія народа состоитъ въ полномъ и стройномъ развитіи всѣхъ элементовъ общежитія и въ такомъ ихъ соотношеніи, при которомъ каждый элементъ развивается и дѣйствуетъ въ мѣру своего нормальнаго значенія въ общественномъ составѣ, не принижая себя и не угнетая другихъ. Только историческимъ изученіемъ провѣряется ходъ этого воспитанія. Исторія народа, научно воспроизведенная, становится приходо-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлаго. Прямое дѣло ближайшаго будущаго — сократить передержки и пополнить недоимки, возстановить равновѣсіе народныхъ задачъ и средствъ. Здѣсь историческое изученіе своими конечными выводами подходитъ вплоть къ практическимъ потребностямъ текущей минуты, требующей отъ каждаго изъ насъ, отъ каждаго русскаго человѣка отчетливаго пониманія накопленныхъ народомъ средствъ и допущенныхъ или вынужденныхъ недостатковъ своего историческаго воспитанія. Намъ, русскимъ, понимать это нужнѣе, чѣмъ кому-либо. Вѣковыми усиліями и жертвами Россія образовала государство, подобнаго которому по составу, размѣрамъ и міровому положенію не видимъ со времени паденія Римской имперіи. Но народъ, создавшій это государство, по своимъ духовнымъ и матеріальнымъ средствамъ еще не стоитъ въ первомъ ряду среди другихъ европейскихъ народовъ. По неблагопріятнымъ историческимъ условіямъ его внутренній ростъ не шелъ въ уровень съ его между

народнымъ положеніемъ, даже по временамъ задерживался этимъ положеніемъ. Мы еще не начинали жить въ полную мѣру своихъ народныхъ силъ, чувствуемыхъ, но еще не вполнѣ развернувшихся, не можемъ соперничать съ другими ни въ научной, ни въ общественно-политической, ни во многихъ другихъ областяхъ. Достигнутый уровень народныхъ силъ, накопленный запасъ народныхъ средствъ — это плоды многовѣкового труда нашихъ предковъ, результаты того, что̀ они успѣли сдѣлать. Намъ нужно знать, чего они не успѣли сдѣлать; ихъ недоимки — наши задачи, т.-е. задачи вашего и идущихъ за вами поколѣній.

Заключеніе. Чѣмъ же могутъ помочь разрѣшенію этихъ задачъ когда-то составившіяся въ нашей исторіи сочетанія общественныхъ элементовъ, которыя мы будемъ изучать? Люди иногда чувствуютъ неловкость своего положенія, тяжесть общественнаго порядка, въ которомъ живутъ, но не умѣютъ ни опредѣлить, ни объяснить отчетливо этой тяжести и неловкости. Историческое изученіе вскрываетъ неправильности въ складѣ общества, больно и смутно чувствуемыя людьми, указываетъ ненормальное соотношеніе какихъ-либо общественныхъ элементовъ и его происхожденіе и даетъ возможность сообразить средства возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Если мы замѣтимъ, напримѣръ, что въ нашемъ прошломъ одни общественные элементы не въ мѣру развивались на счетъ и въ ущербъ другимъ, столь же законнымъ, мы поймемъ, какіе именно предстоитъ намъ усиленно развивать, чтобы достигнуть возможной стройности и справедливости общественнаго состава. Каждому народу исторія задаетъ двустороннюю культурную работу — надъ природой страны, въ которой ему суждено жить, и надъ своею собственной природой, надъ своими духовными силами и общественными отношеніями. Если

нашему народу въ продолженіе вѣковъ пришлось упорно бороться съ лѣсами и болотами своей страны, напрягая силы на черную подготовительную работу цивилизаціи, то намъ предстоитъ, не теряя пріобрѣтенной въ этой работѣ житейской выносливости, напряженно работать надъ самими собой, развивать свои умственныя и нравственныя силы, съ особенной заботливостью устанавливать свои общественныя отношенія. Такимъ образомъ, изученіе нашей исторіи можетъ помочь намъ уяснить задачи и направленіе предстоящей намъ практической дѣятельности. У каждаго поколѣнія могутъ быть свои идеалы, у моего свои, у вашего другіе, и жалко то поколѣніе, у котораго нѣтъ никакихъ. Для осуществленія идеаловъ необходимы энергія дѣйствія энтузіазмъ убѣжденія; при осуществленіи ихъ неизбѣжны борьба, жертвы. Но это не все, что̀ необходимо для ихъ торжества: нужны не только крѣпкіе нервы и самоотверженные характеры, нужны еще и сообразительные умы. Какъ легко испортить всякое хорошее дѣло, и сколько высокихъ идеаловъ успѣли люди уронить и захватать неумѣлыми или неопрятными руками! Наши идеалы не принадлежатъ исключительно намъ и не для насъ однихъ предназначались: они перешли къ намъ по наслѣдству отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ или достались намъ по культурному преемству отъ другихъ обществъ, созданы житейскими опытами и умственными усиліями другихъ народовъ, раньше или больше нашего поработавшихъ, и при созданіи ихъ имѣлись въ виду не наши, а совсѣмъ другія силы, средства и положенія. Поэтому, они пригодны не для всѣхъ, не всегда и не вездѣ. Чтобы знать, какіе изъ нихъ и въ какой мѣрѣ могутъ быть осуществлены въ извѣстномъ обществѣ и въ извѣстное время, надобно хорошо изучить наличный запасъ силъ и средствъ, какой накопило себѣ

это общество; а для того нужно взвѣсить и оцѣнить историческіе опыты и впечатлѣнія, имъ пережитыя, нравы и привычки, въ немъ воспитанные. Это тѣмъ необходимѣе, что мы живемъ во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися другъ съ другомъ, непримиримо враждебными. Это затрудняетъ цѣлесообразный выборъ. Знаніе своего прошлаго облегчаетъ такой выборъ: оно не только потребность мыслящаго ума, но и существенное условіе сознательной и корректной дѣятельности. Вырабатывающееся изъ него историческое сознаніе даетъ обществу, имъ обладающему, тотъ глазомѣръ положенія, то чутье минуты, которые предохраняютъ его какъ отъ косности, такъ и отъ торопливости.

Опредѣляя задачи и направленіе своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть хоть немного историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ.

Лекція III.

Форма поверхности Европейской Россіи. — Климатъ. — Геологическое происхожденіе равнины. — Почва. — Ботаническіе поясы. — Рельефъ равнины. — Почвенныя воды и атмосферные осадки. — Рѣчные бассейны.

Начиная изученіе исторіи какого-либо народа, встрѣчаемъ силу, которая держитъ въ своихъ рукахъ колыбель каждаго народа, — природу его страны.

Въ географическомъ очеркѣ страны, предпосылаемомъ обзору ея исторіи, необходимо отмѣтить тѣ физическія условія, которыя оказали наиболѣе сильное дѣйствіе на ходъ ея исторической жизни.

Форма поверхности Европейской Россіи.

Мы говоримъ: *Восточная Европа* или *Европейская Россія,* когда хотимъ обозначить географическое отношеніе Россіи къ странамъ, лежащимъ къ западу отъ нея, или отличить русскія владѣнія по сю сторону Урала отъ зауральскихъ. *Уральскій хребетъ,* повторяемъ мы, *отдѣляетъ Азію отъ Европы.* Мы такъ привыкли къ этимъ выраженіямъ, что не предполагаемъ возможности и не чувствуемъ надобности выражаться какъ-нибудь иначе, точнѣе. Однако географическія представленія образованнаго міра не всегда совпадали съ этими привычными нашими выраженіями. Древніе греческіе географы, напримѣръ, проводили раздѣльную черту между Европой и Азіей по рѣкѣ Танаису (Дону),

такъ что значительная часть нынѣшней Европейской Россіи оказалась бы за предѣлами Европы, а городъ Москва — на восточной ея границѣ, если бы тогда существовалъ. Взглядъ античной географіи находилъ историческое оправданіе въ явленіи, идущемъ съ протовоположнаго полюса человѣческаго развитія. Сама Азія, настоящая кочевая Азія, испоконъ вѣковъ наводняя своими кибитками и стадами нынѣшнюю южную Россію, повидимому, слабо чувствовала, что она попадала въ Европу. Переваливъ за Карпаты, въ нынѣшнюю Венгрію, ея орды становились въ невозможность продолжать прежній азіатскій образъ жизни и скоро дѣлались осѣдлыми. На широкихъ поляхъ между Волгой и Днѣстромъ, по обѣ стороны Дона, онѣ не чувствовали этой необходимости и цѣлые вѣка проживали здѣсь, какъ жили въ степяхъ средней Азіи.

Не даромъ бытовая практика дикаго азіата сходилась съ географическимъ воззрѣніемъ образованнаго грека. Двѣ географическія особенности отличаютъ Европу отъ другихъ частей свѣта и отъ Азіи преимущественно: это, во-первыхъ, *разнообразіе формъ поверхности* и, во-вторыхъ, *чрезвычайно извилистое очертаніе морскихъ береговъ*. Извѣстно, какое сильное и разностороннее дѣйствіе на жизнь страны и ея обитателей оказываютъ обѣ эти особенности. Европѣ принадлежитъ первенство въ силѣ, съ какою дѣйствуютъ въ ней эти условія. Нигдѣ горные хребты, плоскогорья и равнины не смѣняютъ другъ друга такъ часто, на такихъ сравнительно малыхъ пространствахъ, какъ въ Европѣ. Съ другой стороны, глубокіе заливы, далеко выдавшіеся полуострова, мысы образуютъ какъ бы береговое кружево западной и южной Европы. Здѣсь на 30 кв. миль материковаго пространства приходится одна миля морского берега, тогла какъ въ Азіи одна миля морского берега прихо-

дится на 100 кв. миль материковаго пространства. Типической страной Европы въ обоихъ этихъ отношеніяхъ является южная часть Балканскаго полуострова, древняя Эллада: нигдѣ море такъ причудливо не избороздило береговъ, какъ съ восточной ея стороны; здѣсь такое разнообразіе въ устройствѣ поверхности, что на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ градусовъ широты можно встрѣтить почти всѣ породы деревьевъ, растущихъ въ Европѣ, а Европа простирается на 36 градусовъ широты.

Черты сходства съ Азіей

Россія — я говорю только объ Европейской Россіи — не раздѣляетъ этихъ выгодныхъ природныхъ особенностей Европы или, говоря точнѣе, раздѣляетъ ихъ въ одинаковой степени съ Азіей. Море образуетъ лишь малую долю ея границъ; береговая линія ея морей незначительна сравнительно съ ея материковымъ пространствомъ, именно одна миля морского берега приходится на 41 кв. милю материка. Однообразіе — отличительная черта ея поверхности; одна форма господствуетъ почти на всемъ ея протяженіи: эта форма — равнина, волнообразная плоскость пространствомъ около 90.000 кв. миль (болѣе 400 милліоновъ десятинъ), т.-е. площадь, равняющаяся болѣе чѣмъ девяти Франціямъ, и очень невысоко (вообще саженей на 79—80) приподнятая надъ уровнемъ моря. Даже въ Азіи среди ея громадныхъ сплошныхъ пространствъ одинаковой формаціи наша равнина заняла бы не послѣднее мѣсто: Иранское плоскогорье, напримѣръ, почти вдвое меньше ея. Къ довершенію географическаго сродства съ Азіей, эта равнина переходитъ на югѣ въ необозримую маловодную и безлѣсную степь пространствомъ тысячъ въ 10 кв. миль и приподнятую всего саженей на 25 надъ уровнемъ моря. По геологическому своему строенію эта степь совершенно похожа на степи внутренней Азіи, а географически она

составляетъ прямое, непрерывное ихъ продолженіе, соединяясь со средне-азіатскими степями широкими воротами между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ и простираясь изъ-за Урала сначала широкою, а потомъ все суживающеюся полосой по направленію къ западу, мимо морей Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго. Это какъ бы азіатскій клинъ, вдвинутый въ европейскій материкъ и тѣсно связанный съ Азіей исторически и климатически. Здѣсь искони шла столбовая дорога, которой чрезъ Урало-Каспійскія ворота хаживали въ Европу изъ глубины Азіи страшные гости, всѣ эти кочевыя орды, неисчислимыя, какъ степной ковыль или песокъ азіатской пустыни. Умѣренная, во всемъ послѣдовательная западная Европа не знаетъ такихъ изнурительныхъ лѣтнихъ засухъ и такихъ страшныхъ зимнихъ метелей, какія бываютъ на этой степной равнинѣ, а онѣ заносятся сюда изъ Азіи или ею поддерживаются.

Столько Азіи въ Европейской Россіи. Исторически Россія, конечно, не Азія; но географически она не совсѣмъ и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мірами. Культура неразрывно связала ее съ Европой; но природа положила на нее особенности и вліянія, которыя всегда влекли ее къ Азіи или въ нее влекли Азію.

Климатъ. От однообразія формы поверхности въ значительной мѣрѣ зависитъ и *климатъ* страны, распредѣленіе тепла и влаги въ воздухѣ и частію направленіе вѣтровъ. На огромномъ пространствѣ отъ крайняго сѣвернаго пункта материковаго берега Вайгачскаго пролива (Югорскаго шара), почти подъ 70° с. ш., до южной оконечности Крыма и сѣверныхъ предгорій Кавказскаго хребта, приблизительно до 44°, на протяженіи 2700 верстъ можно было бы ожидать рѣзкихъ климатическихъ различій. По особенностямъ климата

нашу равнину дѣлятъ на 4 климатическихъ пояса: *арктическій* по ту сторону сѣвернаго полярнаго круга, *сѣверный* или холодный отъ $66^1/_2$ до 57° с. ш. (приблизительно до параллели г. Костромы), *средній* или умѣренный, охватывающій срединную полосу равнины до 50° с. ш. (линія Харьковъ — Камышинъ), и *южный*, теплый или степной, до 44° с. ш. Но климатическія особенности этихъ поясовъ гораздо менѣе рѣзки, чѣмъ на соотвѣтствующихъ пространствахъ западной Европы: однообразіе формы поверхности дѣлаетъ климатическіе переходы съ С. къ Ю. и съ З. къ В. болѣе мягкими. Внутри Европейской Россіи нѣтъ значительныхъ горъ меридіанальнаго направленія, которыя производили бы рѣзкую разницу въ количествѣ влаги на ихъ западныхъ и восточныхъ склонахъ, задерживая облака, идущія со стороны Атлантическаго океана, и заставляя ихъ разрѣшаться обильными дождями на западныхъ склонахъ; нѣтъ въ Россіи и значительныхъ горъ поперечнаго направленія, идущихъ съ З. на В., которыя производили бы чувствительную разницу въ количествѣ теплоты на С. и на Ю. отъ нихъ. Вѣтры, безпрепятственно носясь по всей равнинѣ и мѣшая воздуху застаиваться, сближаютъ въ климатическомъ отношеніи мѣста, очень удаленныя другъ отъ друга по географическому положенію, и содѣйствуютъ болѣе равномѣрному распредѣленію влаги съ З. на В. и тепла съ С. на Ю. Поэтому высота надъ уровнемъ моря не имѣетъ большого значенія въ климатѣ нашей страны. Моря, окаймляющія Россію съ нѣкоторыхъ краевъ, сами по себѣ, независимо отъ формы ея поверхности и движенія вѣтровъ, также производятъ слабое дѣйствіе на климатъ внутренняго пространства страны; изъ нихъ Черное и Балтійское слишкомъ незначительны, чтобы оказывать замѣтное вліяніе на климатъ такой обширной равнины, а Ледовитый

океанъ со своими глубоко врѣзывающимися заливами ощутительно вліяетъ на климатъ только дальняго Сѣвера и притомъ на значительную часть года остается подо льдомъ (кромѣ западной части — по Мурманскому берегу).

Этими условіями объясняются особенности, характеризующія климатъ Европейской Россіи. Разность температуры между зимой и лѣтомъ здѣсь на материкѣ вдали отъ морей не менѣе 23 градусовъ, по мѣстамъ доходитъ до 35°. Средняя годовая температура отъ 2° до 10°. Но географическая широта слабо вліяетъ на эту разность. Нигдѣ на обширныхъ материковыхъ пространствахъ, удаленныхъ отъ морей, температура не измѣняется по направленію съ С. на Ю. такъ медленно, какъ въ Европейской Россіи, особенно до 50° с. ш. (параллель Харькова). Разсчитали, что ея подъемъ въ этомъ направленіи—только 0,4° на каждый градусъ широты. Гораздо замѣтнѣе дѣйствуетъ на измѣненіе температуры географическая долгота. Это дѣйствіе связано съ усиленіемъ разности температуры между зимой и лѣтомъ по направленію съ З. на В., чѣмъ далѣе на В., тѣмъ зима становится холоднѣе, и различіе въ зимнемъ холодѣ по долготѣ перевѣшиваетъ разницу въ лѣтнемъ теплѣ по широтѣ, съ С. на Ю. Карта изотермъ наглядно показываетъ эти явленія. Годовыя изотермы, на западъ отъ Вислы часто изгибающіяся зигзагами съ С. на Ю., замѣтно выпрямляются по направленію къ В., какъ только заходятъ въ предѣлы нашей равнины, но при этомъ сильно наклоняются къ Ю.-В. Потому одинаковую годовую температуру имѣютъ мѣста, раздѣленныя значительнымъ числомъ градусовъ широты и долготы. Оренбургъ на 8 градусовъ южнѣе Петербурга, но годовая температура его одинакова съ петербургской, даже немного ниже (на 0,4°), потому что онъ на 25° восточнѣе Петербурга; зимняя (январьская) разница температуры

обоихъ городовъ (—6°) перевѣшиваетъ лѣтнюю (іюльскую 4°). Еще рѣшительнѣе юговосточный наклонъ январьскихъ изотермъ. Январьская изотерма (—15°) того же Оренбурга, годовая температура котораго почти одинакова съ Петербургомъ, проходитъ уже не чрезъ этотъ городъ, а на 2° сѣвернѣе и на 20° восточнѣе—около Усть-Сысольска, т.-е. ея юговосточное направленіе отъ этого города круче уклоняется къ Ю. сравнительно съ годовой петербургско-оренбургской изотермой: разстояніе оренбургскаго меридіана отъ усть-сысольскаго впятеро меньше, чѣмъ отъ петербургскаго. Зимніе мѣсяцы въ Оренбургѣ холоднѣе, чѣмъ даже въ Архангельскѣ, широта котораго на 5 градусовъ сѣвернѣе Петербурга, хотя годовая температура Архангельска несравненно ниже оренбургской (0,3° и 3,3°). Зато лѣто въ Оренбургѣ значительно теплѣе петербургскаго (въ іюлѣ на 4°), болѣе соотвѣтствуетъ его широтѣ, и его іюльская изотерма идетъ гораздо южнѣе Петербурга, на Саратовъ и Елисаветградъ. Лѣтомъ температура больше зависитъ отъ широты, зимой—отъ долготы. Потому іюльскія изотермы выпрямляются въ направленіи съ З. на В., стремятся совпасть съ параллелями. Сильное вліяніе на климатъ Европейской Россіи имѣетъ направленіе вѣтровъ, являющееся одной изъ характерныхъ климатическихъ особенностей нашей страны. Измѣненіе температуры по долготѣ зимой ослабляется, между прочимъ, тѣмъ, что теплые западные вѣтры тогда преобладаютъ въ сѣверной полосѣ нашей равнины, а болѣе холодные восточные—въ южной. Это происходитъ отъ распредѣленія вѣтровъ въ Европейской Россіи. Отношеніе западныхъ и восточныхъ вѣтровъ у насъ измѣняется по временамъ года и по широтамъ. Замѣчено, что западные вѣтры преобладаютъ лѣтомъ и въ сѣверной полосѣ, а восточные—зимой и въ южной полосѣ, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ это зимнее преобладаніе восточныхъ

Вліяніе направленія вѣтровъ.

вѣтровъ усиливается. Дѣятельное участіе азіатскихъ вѣтровъ составляетъ климатическое отличіе Европейской Россіи отъ западной Европы, наложенное на нашу страну ея сосѣдствомъ съ Азіей. Мы скоро увидимъ неодинаковое дѣйствіе обоихъ противоположныхъ одно другому направленій вѣтра на жизнь страны, полезное дѣйствіе направленія западнаго европейскаго и вредное—восточнаго азіатскаго. Эта воздушная борьба Азіи съ Европой въ предѣлахъ нашей равнины невольно напоминаетъ тѣ давнія историческія времена, когда Россія служила широкой ареной борьбы азіатскихъ народовъ съ европейскими и когда именно въ южной степной полосѣ ея Азія торжествовала надъ Европой, напоминала бы, можетъ-быть, и болѣе позднія времена, когда въ сѣверной полосѣ завязалась нравственная борьба между вѣяніями западными и восточными, если бы это явленіе не было такъ далеко отъ метеорологіи.

Ограничиваясь срединной полосой Европейской Россіи, главной сценой нашей древней исторіи, безъ южныхъ степей и крайняго сѣвера, климатъ этого пространства, какъ онъ опредѣлился указанными условіями, обыкновенно характеризуютъ такими общими чертами: зима не особенно суровая, но продолжительная, покрывающая землю снѣгомъ и воды льдомъ, при незначительной разницѣ въ температурѣ по широтѣ и при болѣе замѣтномъ ея измѣненіи по долготѣ; весна поздняя, съ частыми возвратами холодовъ; лѣто умѣренно-теплое, благопріятное для земледѣлія; температура измѣняется часто и быстро зимой и весной, рѣже и постепеннѣе лѣтомъ и осенью.

Геологическое происхожденіе русской равнины.

Описанная форма поверхности страны объясняется геологическимъ ея происхожденіемъ. Почва плоской котловины, какую представляетъ наша страна, состоитъ изъ рыхлыхъ наносныхъ пластовъ новѣйшаго образованія, которые лежатъ

на площади изъ гранита и другихъ древнихъ горныхъ породъ, покрывая сплошной толщей всю поверхность равнины и образуя холмистыя возвышенія, сообщающія ей волнообразный видъ. Эти пласты, состоящіе преимущественно изъ смѣси глины и песку, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной степной полосы лишены всякой плотности. Эта зыбучая почва имѣетъ такое однообразное строеніе, какое возможно было только при одинаковомъ ея происхожденіи. Въ наносныхъ слояхъ ея, представляющихъ морскіе осадки, находятся стволы деревьевъ и остовы допотопныхъ животныхъ, а по степи разсѣяны каспійскія раковины. Эти признаки заставили геологовъ предположить, что поверхность нашей равнины сравнительно новаго образованія и если не вся, то на большей части своего пространства была дномъ моря, обнажившимся въ одинъ изъ позднихъ геологическихъ періодовъ. Берегами этого моря служили Уральскія и Карпатскія горы, чѣмъ объясняется присутствіе обильныхъ залежей каменной соли въ этихъ горныхъ хребтахъ. Воды, покрывавшія равнину, отлили въ огромные водоемы, образуемые морями Каспійскимъ и Аральскимъ. Отливъ произошелъ, вѣроятно, вслѣдствіе пониженія дна этихъ большихъ впадинъ. Оба эти моря вмѣстѣ съ Чернымъ признаются остатками водъ обширнаго морского бассейна, нѣкогда покрывавшаго южную Россію и прикаспійскую низменность. Осадки, отложившіеся отъ ушедшаго моря, и образовали тѣ правильные, однообразно расположенные глинисто-песчаные пласты, изъ которыхъ состоитъ почва равнины на обширномъ протяженіи. Сѣвернѣе пространства, которое было покрыто этимъ моремъ, подобные пласты песку, глины и суглинка отложились при таяніи отъ обширныхъ ледниковъ, покрывавшихъ всю сѣверную и большую часть средней Россіи. Если бы возможно было съ достаточной высоты

взглянуть на поверхность русской равнины, она представилась бы намъ въ видѣ узорчатой ряби, какую представляетъ обнажившееся песчаное дно рѣки или поверхность моря при легкомъ вѣтрѣ.

При всемъ однообразіи, какимъ отличается природа нашей равнины, всматриваясь въ нее подробнѣе, можно замѣтить нѣкоторыя мѣстныя особенности, которыя также связаны тѣсно съ геологическимъ образованіемъ страны и оказали ощутительное дѣйствіе на исторію нашего народа.

Почва. По предположенію геологовъ, море, покрывавшее нѣкогда южную и юго-восточную Россію, отступило не сразу, а въ два пріема. Они находятъ слѣды, указывающіе на то, что сѣверный берегъ этого моря своимъ сѣверо-восточнымъ угломъ шелъ приблизительно по 55° с. ш., нѣсколько южнѣе впаденія Камы, далѣе уклоняясь отъ него къ Ю. Потомъ море отступило градуса на 4, такъ что сѣвернымъ берегомъ его сталъ Общій Сыртъ, отрогъ, идущій отъ южной оконечности Уральскаго хребта къ Волгѣ въ юго-западномъ направленіи. Этимъ геологи объясняютъ рѣзкую разницу въ почвѣ и флорѣ по сѣверную и южную сторону Общаго Сырта и особенно то, что уровень поверхности къ Ю. отъ этого кряжа значительно ниже, чѣмъ къ С.: отъ послѣднихъ южныхъ уступовъ Сырта въ 40 саж. высоты мѣстность быстро понижается до 0. Пространство между 55° и 51° с. ш., крайней южной линіей Сырта, раньше освободившееся отъ моря, почти совпадаетъ съ полосой наиболѣе глубокаго и сильнаго чернозема. Этотъ черноземъ, какъ думаютъ, образовался отъ продолжительнаго перегниванія обильной растительности, вызванной здѣсь благопріятными климатическими условіями: въ составѣ тучнаго чернозема находятъ свыше 10% перегноя. Напротивъ, пространство къ Ю. отъ этого пояса, образующее степную полосу и позднѣе вышедшее

изъ-подъ моря, успѣло покрыться лишь тонкимъ растительнымъ слоемъ, лежащимъ на песчаномъ солончаковомъ грунтѣ, какой остался отъ ушедшаго моря, и съ гораздо слабѣйшимъ содержаніемъ перегноя. Ближе къ Каспійскому морю, въ астраханскихъ степяхъ почва лишена и такого тонкаго покрова, и голые солончаки часто выступаютъ наружу. Песчаные солончаки и соляныя озера, которыми усѣяна эта низменность, показываютъ, что она еще недавно была дномъ моря. Если южныя понтійскія степи еще обильны травой и производятъ даже хлѣбныя растенія, то на прикаспійской низменности встрѣчается только крайне скудная растительность въ видѣ кустиковъ или пучковъ и ползучихъ порослей. Но даже и травянистая южная степь по тонкости растительнаго черноземнаго слоя и при постоянныхъ сильныхъ и сухихъ вѣтрахъ, въ ней господствующихъ, не въ силахъ питать значительной древесной растительности на открытыхъ пространствахъ: въ этомъ главныя причины безлѣсья степной полосы. Такимъ образомъ въ южной полосѣ нашей равнины уцѣлѣли довольно явственные слѣды ея геологическаго происхожденія и образованія ея почвы. Видъ и составъ почвы прикаспійскихъ степей, какъ мы уже замѣтили, даетъ возможность предполагать, что отливъ моря съ южной половины Европейской Россіи завершился сравнительно поздно, можетъ-быть, уже на памяти людей, въ историческую пору. Каспійское море вмѣстѣ съ Аральскимъ, нѣкогда составлявшимъ, вѣроятно, одно съ нимъ цѣлое, продолжаетъ убывать и доселѣ. Не сохранилось ли смутное воспоминаніе объ этомъ переворотѣ въ сказаніи древнихъ греческихъ и средневѣковыхъ арабскихъ географовъ о томъ, будто Каспійское море соединено съ одной стороны съ Сѣвернымъ океаномъ, а съ другой — съ Азовскимъ моремъ? Это послѣднее по своему очертанію и ха-

рактеру очень похоже на остатокъ пролива, быть можетъ, соединявшаго Каспійское море съ Чернымъ въ довольно позднее геологически время, и даже считаютъ Кума-Манычскую низину дномъ этого пролива. Что касается Сѣвернаго океана, то по соображеніямъ геологовъ между нимъ и Каспійскимъ моремъ въ предѣлахъ нашей равнины нѣкогда проходилъ сплошной водный бассейнъ, параллельный Уральскому хребту, но только въ очень отдаленныя геологическія эпохи.

Ботаническіе поясы.

Такимъ образомъ, въ связи съ геологическимъ строеніемъ Европейской Россіи можно различить въ ней, не входя въ болѣе дробное дѣленіе, двѣ основныя почвенныя области, особенно важныя исторически: сѣверную область супеси и суглинка съ большей или меньшей примѣсью подзола и область южнаго чернозема. Этимъ почвеннымъ областямъ соотвѣтствуютъ, впрочемъ не совпадая съ ними, два ботаническихъ пояса, *лѣсной* и *степной*, которые имѣли сильное вліяніе на исторію нашего народа. Отливъ моря съ южной части равнины произошелъ по склону, какой она дѣлаетъ къ морямъ Черному и Каспійскому. Юго-восточнымъ направленіемъ этого склона обозначилось географическое очертаніе и степного пространства, созданнаго этимъ отливомъ. Здѣсь степной характеръ почвы усиливается въ томъ же юго-восточномъ направленіи: чѣмъ позднѣе извѣстная часть этого пространства вышла изъ-подъ моря, тѣмъ менѣе бывшее морское дно успѣло покрыться новыми почвенными образованіями. При юго-восточномъ направленіи склона сѣверо-западный край этого дна долженъ былъ обнажаться раньше сѣверо-восточнаго, такъ что сѣверный берегъ отступившаго моря наклонялся къ югу въ западной своей части болѣе, чѣмъ въ восточной. И степная полоса имѣетъ такое же очертаніе: она имѣетъ видъ треугольника, основаніе котораго

обращено къ Уралу; имѣя наибольшую ширину въ сѣверо-восточной своей части, она постепенно суживается къ Ю-З., упираясь клиномъ въ низовья Дуная.

Степь не представляетъ безлѣснаго пространства, однообразнаго по составу почвы и характеру растительности. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ ее можно раздѣлить на двѣ полосы, сѣверную *луговую* и южную *дерновую*. Въ первой — дерновой покровъ, лугъ сплошь покрываетъ почву, и черноземъ отличается наибольшей тучностью; во второй — среди дерна остаются обнаженныя прогалины, и черноземъ къ Ю. становится все тоньше и скуднѣе перегноемъ. И лѣса въ первой полосѣ разсѣяны частыми островами, за что ее и характеризуютъ названіемъ *лѣсостепной,* а во вторую — они забѣгаютъ кой-гдѣ отдѣльными клочками, ютясь въ долинахъ или на горныхъ склонахъ, гдѣ имъ благопріятствуютъ условія мѣстности. И въ этихъ мѣстныхъ измѣненіяхъ сказывается зависимость южнорусской почвы и флоры отъ направленія морского отлива, раньше обнажавшаго сѣверо-западныя части южной Россіи. Степь.

Къ степной области съ С. и С.-З. примыкаетъ широкій поясъ лѣса, образовавшагося здѣсь вслѣдствіе болѣе ранняго выхода этого пространства изъ-подъ моря или ледника, что дало время накопиться здѣсь болѣе сильному растительному слою. Впрочемъ, трудно провести раздѣльную черту между обоими поясами: такъ постепенно и незамѣтно перемѣшиваются и сливаются между собою ихъ климатическія, почвенныя и ботаническія особенности. Въ лѣсномъ поясѣ являются окруженные лѣсами степные острова, а среди степей выступаютъ лѣса разорванными участками и даже сплошными округами. Теперь первобытнаго сплошного лѣса въ средней Россіи уже не существуетъ; лѣсной поясъ вслѣдствіе вырубки и распашки значительно отступилъ съ Ю., и степь Лѣсъ.

начинается сѣвернѣе, чѣмъ начипалась прежде. Кіевъ теперь находится почти въ степной полосѣ, а лѣтопись помнитъ его еще совсѣмъ лѣснымъ городомъ: „и бяше около града лѣсъ и боръ великъ". Но думаютъ, что нѣкогда степь шла на С. дальше теперешняго и была отодвинута къ Ю. распространявшимися съ С. лѣсными породами, а потомъ рукой человѣка возвращена къ прежней границѣ. Начинаясь приблизительно между Пермью и Уфой, довольно узкой полосой вьется все въ томъ же юго-западномъ направленіи по нижней Камѣ, минуя съ Ю. Нижній Новгородъ, Рязань, Тулу, Черниговъ, Кіевъ и Житомиръ, переходная почва, близкая къ чернозему, суглинистая съ значительной примѣсью перегноя отъ лиственнаго лѣса и потому называемая *лѣснымъ суглинкомъ*. Пролегая между суглинками и песчаниками сѣверной области и обыкновеннымъ степнымъ черноземомъ и часто ими прерываемая, эта полоса является раздѣльной чертой между лѣснымъ и степнымъ поясомъ: здѣсь встрѣчаются и борются супесь и суглинокъ съ черноземомъ, лѣсъ со степью.

Этотъ лѣсной поясъ по составу почвы и по характеру растительности дѣлятъ на двѣ полосы: черноземъ и лѣсной суглинокъ на Ю. питаютъ лиственный лѣсъ, суглинокъ и песчаникъ на С. производятъ лѣсъ хвойный. Москва возникла, повидимому, въ ботаническомъ узлу этихъ полосъ или близко къ нему. Впрочемъ, лиственныя породы такъ перемѣшались съ хвойными, что рѣчь можетъ быть только о мѣстномъ преобладаніи однѣхъ надъ другимъ, а не о точномъ географическомъ ихъ разграниченіи. Несмотря на дѣятельность человѣка, притомъ русскаго человѣка, не привыкшаго беречь лѣса, лѣсная площадь Европейской Россіи до послѣдняго времени еще сохраняла значительные размѣры. По офиціальнымъ даннымъ 1860-хъ годовъ, здѣсь изъ

425 милл. десятинъ лѣсомъ было покрыто 172 милл., т.-е. около 40%. По свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета, собраннымъ въ 1881 году, изъ 406 милл. десятинъ лѣсная площадь Европейской Россіи безъ Финляндіи и привислинскихъ губерній занимала 157½ милл. десятинъ или почти 39%.

Главнѣйшіе водораздѣлы.

Процессъ образованія поверхности нашей равнины, дѣйствіе котораго такъ замѣтно въ климатѣ страны, въ строеніи ея почвы и въ географическомъ распространеніи растительности, не менѣе дѣятельно повліялъ и на распредѣленіе водъ текучихъ и стоячихъ. Здѣсь имѣютъ значеніе нѣкоторыя черты рельефа нашей равнины. Не нарушая общаго равниннаго характера страны, внутри ея выступаютъ отдѣльные подъемы, которые по мѣстамъ складываются въ сплошныя плоскія возвышенности или гряды холмовъ со значительнымъ протяженіемъ, но довольно умѣренной высотой, въ наивысшихъ точкахъ не выше 220 саж. надъ уровнемъ моря. Недавнія гипсометрическія изслѣдованія Тилло показали, что внутреннія возвышенности Европейской Россіи слѣдуютъ болѣе меридіанальному, чѣмъ широтному направленію. Таковы: такъ-называемая *Среднерусская возвышенность,* начинающаяся въ Новгородской губерніи и протягивающаяся почти меридіанально болѣе чѣмъ на 1000 верстъ до Харьковской губерніи и Области Войска Донскаго, соприкасаясь тамъ съ Донецкою плоскою возвышенностью, идущею по Сѣверному Донцу до Дона; *Приволжская* возвышенность, слѣдующая въ томъ же направленіи отъ Нижняго-Новгорода по правому берегу Волги и продолжающаяся такъ же на Ю. рядомъ холмовъ — *Ергеней; Авратынская,* которая, начинаясь въ Галиціи, но совершенно отдѣльно отъ Карпатъ, проходитъ нѣсколькими вѣтвями по Волынской и Подольской губ., наполняя своими

отрогами сосѣднія губерніи и образуя днѣпровскіе пороги. Эти возвышенности отдѣляются одна отъ другой низинами, изъ которыхъ наиболѣе важны исторически *Югозападная* низменность, идущая изъ Полѣсья по Днѣпру до Чернаго и Азовскаго моря, и центральная *Московская котловина* или *Окско-Донская* низменность съ долинами Оки, Клязьмы, верхней Волги и Дона. Названныя возвышенности со своими разносторонними развѣтвленіями служатъ водораздѣлами главнѣйшихъ рѣчныхъ бассейновъ средней и южной Россіи, а по низменностямъ текутъ главныя рѣки этихъ бассейновъ, и, такимъ образомъ, эти возвышенности и низменности связаны съ гидрографіей Европейской Россіи.

Воды. Среднерусская возвышенность сѣверной своей частью образуетъ Алаунское плоскогорье и Валдайскія горы. Эти горы, поднимающіяся на 800—900 фут. и рѣдко достигающія 1000 фут., имѣютъ наиболѣе важное гидрографическое значеніе для нашей равнины: здѣсь ея центральный гидрографическій узелъ. Рѣчная сѣть нашей равнины — одна изъ выдающихся географическихъ ея особенностей. За $4^1/_2$ вѣка до нашей эры она бросилась въ глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скиѳію, т.-е. южную Россію, онъ замѣчаетъ, что въ этой странѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разносторонняго, глубокаго и вмѣстѣ столь замѣтнаго дѣйствія на жизнь нашего народа, какъ эта рѣчная сѣть Европейской Россіи.

Форма поверхности и составъ почвы русской равнины дали ея рѣчнымъ бассейнамъ своеобразное направленіе; эти же условія доставляютъ имъ или поддерживаютъ и обильныя средства ихъ питанія. Наша равнина не обдѣлена ни почвенной, ни атмосферной водой сравнительно съ За-

падной Европой. Обиліе тѣхъ и другихъ водъ въ ея предѣлахъ зависитъ частью тоже отъ формы ея поверхности въ связи съ ея геологическимъ образованіемъ. Въ углубленіяхъ между холмами сѣверной и средней Россіи остались отъ древняго ледника обильные скопы прѣсныхъ водъ въ видѣ озеръ и болотъ; соляныя озера Астраханской и Таврической губ., остатки отлившаго съ южной Россіи моря, не имѣютъ значенія въ ея рѣчной системѣ. Озера, озерки и болота встрѣчаются почти на всемъ пространствѣ сѣверной и средней Россіи. Верхневолжскія губерніи Тверская, Ярославская и Костромская усѣяны болотами и озерками; тамъ они считаются сотнями. Въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губ. одно изъ многочисленныхъ болотъ еще недавно занимало до 100 кв. верстъ. Съ каждымъ годомъ, впрочемъ, это царство озерковъ и болотъ умаляется. На нашихъ глазахъ продолжается давній процессъ исчезновенія этихъ водныхъ скоповъ: озера по краямъ затягиваются мхами и водорослями, суживаются, мелѣютъ и превращаются въ болота, которыя въ свою очередь съ вырубкой лѣсовъ и пониженіемъ почвенныхъ водъ высыхаютъ. Несмотря на то, площадь озеръ и болотъ въ Европейской Россіи все еще очень обширна. Озерами, которыхъ въ ней насчитываютъ свыше 5000, и болотами особенно богаты два края: это — такъ-называемая Озерная область и Полѣсье. Въ первомъ краю, въ губерніяхъ Новгородской, Петербургской и Псковской, не считая Архангельской, Олонецкой и Тверской, которыя по обилію озеръ также могутъ быть къ нимъ причислены, болота, — только болота, не считая озеръ, — занимаютъ до 3 милл. десятинъ. Въ Полѣсьи, т.-е. въ смежныхъ частяхъ губерній Гродненской, Минской и Волынской, площадь болотъ исчисляли почти въ 2 милл. дес. Какъ трудна борьба съ болотами, показываетъ ходъ осушки По-

лѣсья. Въ 1873 году для этого составлена была особая экспедиція. Въ 25 лѣтъ работы она успѣла осушить до 450.000 дес., т.-е. около 1/4 всего болотнаго пространства Полѣсья.

Съ открытыми, надземными водами тѣсно связаны воды подземныя, грунтовыя: первыми питаются послѣднія или ихъ питаютъ. Общій законъ ихъ распредѣленія въ Европейской Россіи: по направленію съ С. къ Ю. грунтовыя воды постепенно углубляются. Въ сѣверныхъ широтахъ онѣ очень близки къ поверхности и сливаются съ открытыми водами, образуя болота. Въ средней полосѣ онѣ уходятъ въ глубь уже на нѣсколько саженей — до 6, а въ Новороссіи залегаютъ на глубинѣ 15 и болѣе саженей. Онѣ держатся въ глинистыхъ, песчанистыхъ и известковыхъ породахъ, образуя по мѣстамъ въ средней полосѣ могучія жилы прекрасной воды, безцвѣтной, прозрачной, безъ запаха и съ ничтожной минеральной примѣсью, какова, напримѣръ, Мытищинская вода, питающая водопроводы Москвы. Чѣмъ далѣе къ Ю., тѣмъ минеральная примѣсь въ составѣ почвенной воды увеличивается.

Почвенныя воды дѣятельно поддерживаются атмосферными осадками, распредѣленіе которыхъ много зависитъ отъ направленія вѣтровъ. Лѣтомъ, съ мая до августа, въ сѣверной и средней Россіи господствуютъ западные и преимущественно югозападные вѣтры, наиболѣе дождливые. Уралъ задерживаетъ облака, несомыя къ намъ этими вѣтрами со стороны Атлантическаго океана, и заставляетъ ихъ разрѣшаться обильными дождями надъ нашей равниной; къ нимъ присоединяются мѣстныя испаренія отъ весенняго таянія снѣговъ. Лѣтомъ въ сѣверной и средней Россіи выпадаетъ обыкновенно больше дождей, чѣмъ въ Западной Европѣ, и потому Россію считаютъ вообще страною лѣтнихъ осадковъ. Въ южной степной Россіи, напротивъ, преобладаютъ сухіе

восточные вѣтры, которымъ открытая степь при ея непрерывной связи съ пустынями средней Азіи даетъ свободный сюда доступъ. Потому количество лѣтнихъ осадковъ въ средней и южной Россіи увеличивается отъ Ю. и особенно Ю.-В. къ С. и С.-З. Годовое количество ихъ въ прибалтійскихъ и западныхъ губерніяхъ 475—610 миллим., въ центральныхъ 471—598, восточныхъ 272—520, южныхъ степныхъ, Астраханской и новороссійскихъ 136—475: minimum западныхъ губерній — maximum южныхъ.

У подножія валдайскихъ возвышеній изъ болотъ и озеръ, залегающихъ между холмами и обильно питаемыхъ осадками, которыхъ здѣсь выпадаетъ всего больше и дождями, и снѣгами, берутъ начало главныя рѣки Европейской Россіи, текущія въ разныя стороны по равнинѣ, Волга, Днѣпръ, Западная Двина. Такимъ образомъ, Валдайская возвышенность составляетъ центральный водораздѣлъ нашей равнины и оказываетъ сильное вліяніе на систему ея рѣкъ. Почти всѣ рѣки Европейской Россіи берутъ начало въ озерахъ или болотахъ и питаются сверхъ своихъ источниковъ весеннимъ таяніемъ снѣговъ и дождями. Здѣсь и многочисленныя болота равнины занимаютъ свое регулярное мѣсто въ водной экономіи страны, служа запасными водоемами для рѣкъ. Когда истощается питаніе, доставляемое рѣкамъ снѣговыми и дождевыми воспомогательными средствами, и уровень рѣкъ падаетъ, болота по мѣрѣ силъ восполняютъ убыль израсходованной рѣчной воды. Рыхлость почвы даетъ возможность стоячимъ водамъ находить выходъ изъ ихъ скоповъ въ разныя стороны, а равнинность страны позволяетъ рѣкамъ принимать самыя разнообразныя направленія. Потому нигдѣ въ Европѣ не встрѣтимъ такой сложной системы рѣкъ со столь разносторонними развѣтвленіями и съ такой взаимной близостью бассейновъ: вѣтви разныхъ Рѣки.

бассейновъ, магистрали которыхъ текутъ иногда въ противоположныя стороны, такъ близко подходятъ другъ къ другу, что бассейны какъ бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно узорчатую рѣчную сѣть, наброшенную на равнину. Эта особенность при неширокихъ и пологихъ водораздѣлахъ, *волокахъ*, облегчала канализацію страны, какъ въ болѣе древнія времена облегчала судоходамъ переволакиваніе небольшихъ рѣчныхъ судовъ изъ одного бассейна въ другой. Выходя изъ озеръ и болотъ съ небольшой высотой надъ уровнемъ моря, русскія рѣки имѣютъ малое паденіе, т.-е. медленное теченіе, при чемъ встрѣчаютъ рыхлый грунтъ, который легко размывается. Вотъ почему онѣ дѣлаютъ змѣевидные изгибы. Рѣки горнаго происхожденія, питающіяся таяніемъ снѣговъ въ горахъ и падающія со значительныхъ высотъ среди твердыхъ горныхъ породъ, при своемъ быстромъ теченіи наклонны къ прямолинейному направленію, а гдѣ встрѣчаютъ препятствіе въ этихъ горныхъ породахъ, тамъ дѣлаютъ уклонъ подъ прямымъ или острымъ угломъ. Таково вообще теченіе рѣкъ въ Западной Европѣ. У насъ же, вслѣдствіе малаго паденія и непрочнаго состава почвы, рѣки чрезвычайно извилисты. Волга течетъ на протяженіи 3480 верстъ, а прямое разстояніе отъ ея истока до устья 1565 верстъ. Потому же главныя рѣки своими бассейнами захватываютъ обширныя области: Волга, напримѣръ, со своими притоками обтекаетъ площадь въ 1.216.460 кв. верстъ.

Вешніе разливы.

Отмѣтимъ въ заключеніе еще двѣ особенности русской гидрографіи, также не лишенныя историческаго значенія. Одна изъ нихъ — это полноводные весенніе разливы нашихъ рѣкъ, столь благотворные для судоходства и луговодства, оказавшіе вліяніе и на побережное размѣщеніе населенія. Другая особенность принадлежитъ рѣкамъ, текущимъ

въ болѣе или менѣе меридіанальномъ направленіи: *правый берегъ у нихъ, какъ вы знаете, вообще высокъ, лѣвый низокъ.* Вамъ уже извѣстно, что около половины прошлаго вѣка русскій академикъ Бэръ объяснилъ это явленіе суточнымъ обращеніемъ земли вокругъ своей оси. Мы запомнимъ, что эта особенность также оказала дѣйствіе на размѣщеніе населенія по берегамъ рѣкъ и особенно на систему обороны страны: по высокимъ берегамъ рѣкъ возводились укрѣпленія и въ этихъ укрѣпленіяхъ или около нихъ сосредоточивалось населеніе. Припомнимъ мѣстоположеніе большинства старинныхъ укрѣпленныхъ русскихъ городовъ по р. Волгѣ.

Ограничимся приведенными подробностями и попытаемся свести ихъ въ нѣчто цѣльное.

Лекція IV.

Вліяніе природы страны на исторію ея народа. — Схема отношенія человѣка къ природѣ. — Значеніе почвенныхъ и ботаническихъ полосъ и рѣчной сѣти русской равнины. — Значеніе оксно-волжскаго междурѣчья, какъ узла колонизаціоннаго, народно-хозяйственнаго и политическаго. — Лѣсъ, степь и рѣки: значеніе ихъ въ русской исторіи и отношеніе къ нимъ русскаго человѣка. — Можно ли по современнымъ впечатлѣніямъ судить о дѣйствіи природы страны на настроеніе древняго человѣка? — Нѣкоторыя угрожающія явленія въ природѣ равнины.

Въ прошлый часъ мы все собирали матеріалъ для отвѣта на поставленный вопросъ о вліяніи природы нашей страны на исторію нашего народа. Теперь разбираясь въ собранномъ матеріалѣ, попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Природа страны и исторія народа.

Здѣсь не будетъ излишней одна предварительная оговорка. Поставленный вопросъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ затрудненій и опасностей, противъ которыхъ необходимы методологическія предосторожности. Наше мышленіе привыкло расчленять изучаемый предметъ на составныя его части, а природа ни въ себѣ самой, ни въ своемъ дѣйствіи на людей не любитъ такого расчлененія; у нея всѣ силы ведутъ совокупную работу, въ каждомъ дѣйствіи господствующему фактору помогаютъ незамѣтные сотруд-

ники, въ каждомъ явленіи участвуютъ разнородныя условія. Въ своемъ изученіи мы умѣемъ различить этихъ участниковъ, но намъ съ трудомъ удается точно опредѣлить долю и характеръ участія каждаго сотрудника въ общемъ дѣлѣ и еще труднѣе понять, какъ и почему вступили они въ такое взаимодѣйствіе. Жизненная цѣльность историческаго процесса — наименѣе податливый предметъ историческаго изученія. Несомнѣнно то, что человѣкъ поминутно и попеременно то приспособляется къ окружающей его природѣ, къ ея силамъ и способамъ дѣйствія, то ихъ приспособляетъ къ себѣ самому, къ своимъ потребностямъ, отъ которыхъ не можетъ или не хочетъ отказаться, и на этой двусторонней борьбѣ съ самимъ собой и съ природой вырабатываетъ свою сообразительность и свой характеръ, энергію, понятія, чувства и стремленія, а частію и свои отношенія къ другимъ людямъ. И чѣмъ болѣе природа даетъ возбужденія и пищи этимъ способностямъ человѣка, чѣмъ шире раскрываетъ она его внутреннія силы, тѣмъ ея вліяніе на исторію окружаемаго ею населенія должно быть признано болѣе сильнымъ, хотя бы это вліяніе природы сказывалось въ дѣятельности человѣка, ею возбужденной и обращенной на нее же самое.

Законами жизни физической природѣ отведена своя сфера вліянія въ исторической судьбѣ человѣчества и не всѣ стороны его дѣятельности въ одинаковой мѣрѣ подчинены ея дѣйствію. Здѣсь необходимо предположить извѣстную постепенность или, какъ бы сказать, разностепенность вліянія; но очень трудно установить это отношеніе хотя съ нѣкоторой научной отчетливостію. Разсуждая теоретически, не на точномъ основаніи историческаго опыта, казалось бы, что физическая природа съ особенной силой должна дѣйствовать на тѣ стороны человѣческой жизни,

которыми самъ человѣкъ непосредственно входитъ въ ея область, какъ физическое существо, или которыми близко съ нею соприкасается. Таковы матеріальныя потребности человѣка, для удовлетворенія которыхъ средства даетъ физическая природа и изъ которыхъ рождается хозяйственный бытъ; сюда же относятся и способы, которыми регулируется удовлетвореніе этихъ потребностей, обезпечивается необходимая для того внутренняя и внѣшняя безопасность, т.-е. отношенія юридическія и политическія.

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ поставленному вопросу, не будемъ усиленно искать въ нашей исторіи подтвержденія только что изложенной схемы, а отмѣтимъ явленія, которыхъ нельзя объяснить безъ участія природы страны или въ которыхъ степень ея участія достаточно очевидна. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить три географическія особенности или, точнѣе, три сложившихся изъ этихъ особенностей сочетанія благопріятныхъ для культуры условій исторической жизни страны: 1) ея дѣленіе на почвенныя и ботаническія полосы съ неодинаковымъ составомъ почвы и неодинаковой растительностью, 2) сложность ея водной сѣти съ разносторонними направленіями рѣкъ и взаимной близостью рѣчныхъ бассейновъ и 3) общій или основной ботаническій и гидрографическій узелъ на центральномъ алаунско-московскомъ пространствѣ.

Значеніе почвенныхъ и ботаническихъ полосъ.

Почвенныя полосы и указанныя свойства рѣчныхъ бассейновъ оказали сильное дѣйствіе на исторію страны и дѣйствіе неодинаковое на различныя стороны быта ея населенія. Различіемъ въ составѣ почвы разныхъ частей равнины съ неодинаковой растительностью опредѣлялись особенности народнаго хозяйства, вырабатывались мѣстные экономическіе типы, смотря по тому, на какой полосѣ, лѣсной или степной, сосредоточивалась главная масса русскаго населенія. Но

дѣйствіе этого условія сказалось не сразу. Восточные славяне при своемъ разселеніи по равнинѣ заняли обѣ смежныя полосы средней Россіи, лѣсной суглинокъ и сѣверную часть степного чернозема. Можно было бы ожидать, что въ той и другой полосѣ сложатся различные типы народнаго хозяйства, охотничій и земледѣльческій. Однако наша древняя лѣтопись не замѣчаетъ такого различія. Правда, Кій съ братьями, основавшіе городъ Кіевъ среди „лѣса и бора великаго", были звѣроловы, „бяху ловяща звѣрь". Но всѣ племена южнаго пояса славянскаго разселенія, поселившіяся въ лѣсахъ, занимаясь звѣроловствомъ и платя дань кіевскимъ князьямъ или хозарамъ мѣхами, въ то же время по лѣтописи были и хлѣбопашцами. Вятичи, забившіеся въ глухіе лѣса между Десной и верхней Окой, платили хозарамъ дань „отъ рала", съ сохи. Лѣсовики по самому своему названію, древляне, съ которыхъ Олегъ бралъ дань мѣхами, вмѣстѣ съ тѣмъ „дѣлали нивы своя и землѣ своя". Въ первые вѣка незамѣтно хозяйственнаго различія по почвеннымъ и ботаническимъ полосамъ.

Вліяніе рѣчной сѣти.

Рѣчная сѣть, повидимому, оказала болѣе раннее и сильное дѣйствіе на раздѣленіе народнаго труда по мѣстнымъ естественнымъ условіямъ. По большимъ рѣкамъ, какъ главнымъ торговымъ путямъ, сгущалось населеніе, принимавшее наиболѣе дѣятельное участіе въ торговомъ движеніи, рано здѣсь завязавшемся; по нимъ возникали торговыя средоточія, древнѣйшіе русскіе города; населеніе, отъ нихъ удаленное, оставалось при хлѣбопашествѣ и лѣсныхъ промыслахъ, доставлявшихъ вывозныя статьи приречнымъ торговцамъ, медъ, воскъ, мѣха. При такомъ вліяніи на народно-хозяйственный обмѣнъ рѣки рано получили еще болѣе важное политическое значеніе. Рѣчными бассейнами направлялось географическое размѣщеніе населенія, а этимъ размѣщеніемъ опредѣлялось

политическое значеніе страны. Служа готовыми первобытными дорогами, рѣчные бассейны своими разносторонними направленіями разсѣивали населеніе по своимъ вѣтвямъ. По этимъ бассейнамъ рано обозначались различныя мѣстныя группы населенія, племена, на которыя древняя лѣтопись дѣлитъ русское славянство IX—X вв.; по нимъ же сложились потомъ политическія области, *земли*, на которыя долго дѣлилась страна, и съ этимъ дѣленіемъ соображались князья въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ своемъ управленіи. Въ первоначальномъ племенномъ, какъ и въ смѣнившемъ его областномъ, земско-княжескомъ дѣленіи древней Руси легко замѣтить это гидрографическое основаніе. Древняя лѣтопись размѣщаетъ русско-славянскія племена на равнинѣ прямо по рѣкамъ. Точно такъ же древняя Кіевская земля — это область средняго Днѣпра, земля Черниговская — область его притока Десны, Ростовская — область верхней Волги и т. д. То же гидрографическое основаніе еще замѣтнѣе въ послѣдующемъ удѣльномъ дѣленіи XIII—XV вѣковъ, довольно точно согласовавшемся со сложнымъ развѣтвленіемъ бассейновъ Оки и верхней Волги. Но это центробѣжное дѣйствіе рѣчной сѣти сдерживалось другой ея особенностью. Взаимная близость главныхъ рѣчныхъ бассейновъ равнины при содѣйствіи однообразной формы поверхности не позволяла размѣщавшимся по нимъ частямъ населенія обособляться другъ отъ друга, замыкаться въ изолированныя гидрографическія клѣтки, поддерживала общеніе между ними, подготовляла народное единство и содѣйствовала государственному объединенію страны.

Окско-волжское междурѣчье и его значеніе.

Подъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ изложенныхъ условій, ботаническихъ и гидрографическихъ, съ теченіемъ времени на равнинѣ обозначился сложный узелъ разнообразныхъ народныхъ отношеній. Мы уже видѣли, что Алаунское плоско-

горье служило узловымъ пунктомъ рѣчной сѣти нашей страны. Смежныя части этого плоскогорья и центральной Московской котловины, образовавшія область Оки и верхней Волги, и стали такимъ бытовымъ народнымъ узломъ. Когда начала передвигаться сюда масса русскаго населенія изъ днѣпровскаго бассейна, въ этомъ окско-волжскомъ междурѣчьи образовался центръ разселенія, сборный пунктъ переселенческаго движенія съ Ю.-З.: здѣсь сходились колонисты и отсюда расходились въ разныхъ направленіяхъ, на С. за Волгу, а потомъ на В. и Ю.-В. за Оку. Здѣсь же со временемъ завязался и народно-хозяйственный узелъ. Когда раздѣленіе народнаго труда стало пріурочиваться къ естественнымъ географическимъ различіямъ, въ этомъ краю встрѣтились завязывавшіеся типы хозяйства лѣсного и степного, промысловаго и земледѣльческаго. Внѣшнія опасности, особенно со стороны степи, вносили новый элементъ раздѣленія. Когда усилилось выдѣленіе военно-служилаго люда изъ народной массы, въ томъ же краю рабочее сельское населеніе перемѣшивалось съ вооруженнымъ классомъ, который служилъ степнымъ сторожемъ земли. Отсюда онъ разсаживался живой оборонительной изгородью по помѣстьямъ и острожкамъ сѣверной степной полосы, по мѣрѣ того какъ ее отвоевывали у татаръ. *Берегъ*, какъ звали въ старину теченіе Оки, южнаго предѣла этого узлового края, служилъ операціоннымъ базисомъ степной борьбы и вмѣстѣ опорной линіей этой степной военной колонизаціи. Переселенцы изъ разныхъ областей старой Кіевской Руси, поглотивъ туземцевъ-финновъ, образовали здѣсь плотную массу, однородную и дѣловитую, со сложнымъ хозяйственнымъ бытомъ и все осложнявшимся соціальнымъ составомъ, — ту массу, которая послужила зерномъ великорусскаго племени. Какъ скоро въ этомъ географически и энтографически центральномъ пространствѣ утвер-

дилось средоточіе народной обороны, изъ разнообразныхъ отношеній и интересовъ, здѣсь встрѣчавшихся и переплетавшихся, завязался и политическій узелъ. Государственная сила, основавшись въ области истоковъ главныхъ рѣкъ равнины, естественно стремилась расширить сферу своего владычества до ихъ устьевъ, по направленію главныхъ рѣчныхъ бассейновъ двигая и населеніе, необходимое для ихъ защиты. Такъ центръ государственной территоріи опредѣлился верховьями рѣкъ, окружность — ихъ устьями, дальнѣйшее разселеніе — направленіемъ рѣчныхъ бассейновъ. На этотъ разъ наша исторія пошла въ достаточномъ согласіи съ естественными условіями: рѣки во многомъ начертали ея програму.

Основныя стихіи природы русской равнины.

До сихъ поръ мы разсматривали совокупное дѣйствіе различныхъ формъ поверхности нашей равнины, условій орографическихъ, почвенныхъ и гидрографическихъ, оказавшихъ вліяніе на хозяйственный бытъ и политическій строй русскаго народа. Лѣсъ, степь и рѣка — это, можно сказать, основныя стихіи русской природы по своему историческому значенію. Каждая изъ нихъ и въ отдѣльности, сама по себѣ приняла живое и своеобразное участіе въ строеніи жизни и понятій русскаго человѣка. Въ лѣсной Россіи положены были основы русскаго государства, въ которомъ мы живемъ: съ лѣса мы и начнемъ частичный обзоръ этихъ стихій.

Лѣсъ.

Лѣсъ сыгралъ крупную роль въ нашей исторіи. Онъ былъ многовѣковой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII в. жизнь наибольшей части русскаго народа шла въ лѣсной полосѣ нашей равнины. Степь вторгалась въ эту жизнь только злыми эпизодами, татарскими нашествіями да казацкими бунтами. Еще въ XVIII в. западному европейцу, ѣхавшему въ Москву на Смоленскъ, Московская

Россія казалась сплошнымъ лѣсомъ, среди котораго города и села представлялись только большими или малыми прогалинами. Даже теперь болѣе или менѣе просторный горизонтъ, окаймленный синеватой полосой лѣса — наиболѣе привычный пейзажъ средней Россіи. Лѣсъ оказывалъ русскому человѣку разнообразныя услуги хозяйственныя, политическія и даже нравственныя: обстраивалъ его сосной и дубомъ, отапливалъ березой и осиной, освѣщалъ его избу березовой лучиной, обувалъ его лыковыми лаптями, обзаводилъ домашней посудой и мочаломъ. Долго и на сѣверѣ, какъ прежде на югѣ, онъ питалъ народное хозяйство пушнымъ звѣремъ и лѣсной пчелой. Лѣсъ служилъ самымъ надежнымъ убѣжищемъ отъ внѣшнихъ враговъ, замѣняя русскому человѣку горы и замки. Само государство, первый опытъ котораго на границѣ со степью не удался по винѣ этого сосѣдства, могло укрѣпиться только на далекомъ отъ Кіева сѣверѣ подъ прикрытіемъ лѣсовъ со стороны степи. Лѣсъ служилъ русскому отшельнику Ѳиваидской пустыней, убѣжищемъ отъ соблазновъ міра. Съ конца XIV в. люди, въ пустынномъ безмолвіи искавшіе спасенія души, устремлялись въ лѣсныя дебри сѣвернаго Заволжья, куда только они могли проложить тропу. Но убѣгая отъ міра въ пустыню, эти лѣсопроходцы увлекали съ собою міръ туда же. По ихъ слѣдамъ шли крестьяне, и многочисленныя обители, тамъ возникавшія, становились опорными пунктами крестьянскаго разселенія, служа для новоселовъ и приходскими храмами, и ссудодателями, и богадѣльнями подъ старость. Такъ лѣсъ придалъ особый характеръ сѣверно-русскому пустынножительству, сдѣлавъ изъ него своеобразную форму лѣсной колонизаціи. Несмотря на всѣ такія услуги лѣсъ всегда былъ тяжелъ для русскаго человѣка. Въ старое время, когда его было слишкомъ много, онъ

своей чащей прерывалъ пути-дороги, назойливыми зарослями оспаривалъ съ трудомъ расчищенные лугъ и поле, медвѣдемъ и волкомъ грозилъ самому и домашнему скоту. По лѣсамъ свивались и гнѣзда разбоя. Тяжелая работа топоромъ и огнивомъ, какою заводилось лѣсное хлѣбопашество на *пали*, расчищенной изъ-подъ срубленнаго и спаленнаго лѣса, утомляла, досаждала. Этимъ можно объяснить недружелюбное или небрежное отношеніе русскаго человѣка къ лѣсу: онъ никогда не любилъ своего лѣса. Безотчетная робость овладѣвала имъ, когда онъ вступалъ подъ его сумрачную сѣнь. Сонная, „дремучая" тишина лѣса пугала его; въ глухомъ, беззвучномъ шумѣ его вѣковыхъ вершинъ чуялось что-то зловѣщее; ежеминутное ожиданіе неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображеніе. И древнерусскій человѣкъ населилъ лѣсъ всевозможными страхами. Лѣсъ — это темное царство лѣшаго одноглазаго, злаго духа-озорника, который любитъ дурачиться надъ путникомъ, забредшимъ въ его владѣнія. Теперь лѣсъ въ южной полосѣ средней Россіи — все рѣдѣющее напоминаніе о когда-то бывшихъ здѣсь лѣсахъ, которое берегутъ, какъ роскошь, а сѣвернѣе — доходная статья частныхъ хозяйствъ и казны, которая выручаетъ отъ эксплоатаціи своихъ лѣсныхъ богатствъ по 57—58 милл. ежегодно.

Степь. Степь, *поле*, оказывала другія услуги и клала другія впечатлѣнія. Можно предполагать раннее и значительное развитіе хлѣбопашества на открытомъ черноземѣ, скотоводства, особенно табуннаго, на травянистыхъ степныхъ пастбищахъ. Доброе историческое значеніе южно-русской степи заключается преимущественно въ ея близости къ южнымъ морямъ, которыя ее и создали, особенно къ Черному, которымъ днѣпровская Русь рано пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ южно-европейскимъ культурнымъ

міромъ; но этимъ значеніемъ степь обязана не столько самой себѣ, сколько тѣмъ морямъ да великимъ русскимъ рѣкамъ, по ней протекающимъ. Трудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, какъ величаетъ ее пѣсня, своимъ просторомъ, которому конца-краю нѣтъ, воспитывала въ древнерусскомъ южанинѣ чувство шири и дали, представленіе о просторномъ горизонтѣ, *окоемѣ,* какъ говорили въ старину; во всякомъ случаѣ не лѣсная Россія образовала это представленіе. Но степь заключала въ себѣ и важныя историческія неудобства: вмѣстѣ съ дарами она несла мирному сосѣду едва ли не болѣе бѣдствій. Она была вѣчной угрозой для древней Руси и нерѣдко становилась бичемъ для нея. Борьба со степнымъ кочевникомъ, половчиномъ, злымъ татариномъ, длившаяся съ VIII почти до конца XVII в., — самое тяжелое историческое воспоминаніе русскаго народа, особенно глубоко врѣзавшееся въ его памяти и наиболѣе ярко выразившееся въ его былевой поэзіи. Тысячелѣтнее и враждебное сосѣдство съ хищнымъ степнымъ азіатомъ — это такое обстоятельство, которое одно можетъ покрыть не одинъ европейскій недочетъ въ русской исторической жизни. Историческимъ продуктомъ степи, соотвѣтствовавшимъ ея характеру и значенію, является козакъ, по общерусскому значенію слова бездомный и бездольный, „гулящій" человѣкъ, не приписанный ни къ какому обществу, не имѣющій опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства, а по первоначальному и простѣйшему южно-русскому своему облику человѣкъ „вольный", тоже бѣглецъ изъ общества, не признававшій никакихъ общественныхъ связей внѣ своего „товариства", удалецъ, отдававшій всего себя борьбѣ съ невѣрными, мастеръ все разорить, но не любившій и не умѣвшій ничего построить, — историческій преемникъ древнихъ кіевскихъ богатырей, стояв-

шихъ въ степи „на заставахъ богатырскихъ“, чтобы постеречь землю Русскую отъ поганыхъ, и полный нравственный контрастъ сѣверному лѣсному монаху. Со Смутнаго времени для Московской Руси козакъ сталъ ненавистнымъ образомъ гуляки „вора“.

Рѣка. Такъ и лѣсъ, и особенно степь дѣйствовали на русскаго человѣка двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никакихъ недоразумѣній не бывало у него съ русской рѣкой. На рѣкѣ онъ оживалъ и жилъ съ ней душа въ душу. Онъ любилъ свою рѣку, никакой другой стихіи своей страны не говорилъ въ пѣснѣ такихъ ласковыхъ словъ, — и было за что. При переселеніяхъ рѣка указывала ему путь, при поселеніи она — его неизмѣнная сосѣдка: онъ жался къ ней, на ея непоемномъ берегу ставилъ свое жилье, село или деревню. Въ продолженіе значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она — готовая лѣтняя и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями: только во-время поварачивай руль при постоянныхъ капризныхъ извилинахъ рѣки да помни мели, перекаты. Рѣка является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественнаго духа въ народѣ. Она и сама любитъ порядокъ, закономѣрность. Ея великолѣпныя половодья, совершаясь правильно, въ урочное время, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ западно-европейской гидрографіи. Указывая, гдѣ не слѣдуетъ селиться, они превращаютъ на время скромныя рѣчки въ настоящіе сплавные потоки и приносятъ неисчислимую пользу судоходству, торговлѣ, луговодству, огородничеству. Рѣдкіе паводки при маломъ паденіи русской рѣки не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ неожиданными и разрушительными наводненіями западно-европейскихъ горныхъ рѣкъ. Русская рѣка пріучала своихъ прибрежныхъ обитателей къ обще-

житію и общительности. Въ древней Руси разселеніе шло по рѣкамъ и жилыя мѣста особенно сгущались по берегамъ бойкихъ судоходныхъ рѣкъ, оставляя въ междурѣчьяхъ пустыя лѣсныя или болотистыя пространства. Если бы можно было взглянуть сверху на среднюю Россію, напримѣръ XV вѣка, она представилась бы зрителю сложной канвой съ причудливыми узорами изъ тонкихъ полосокъ вдоль водныхъ линій и со значительными темными промежутками. Рѣка воспитывала духъ предпріимчивости, привычку къ совмѣстному, артельному дѣйствію, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанныя части населенія, пріучала чувствовать себя членомъ общества, обращаться съ чужими людьми, наблюдать ихъ нравы и интересы, мѣняться товаромъ и опытомъ, знать обхожденіе. Такъ разнообразна была историческая служба русской рѣки.

Впечатлѣніе отъ русской равнины.

Изучая вліяніе природы страны на человѣка, мы иногда пытаемся въ заключеніе уяснить себѣ, какъ она должна была настраивать древнее населеніе, и при этомъ нерѣдко сравниваемъ нашу страну по ея народно-психологическому дѣйствію съ Западной Европой. Этотъ предметъ очень любопытенъ, но несвободенъ отъ серіозныхъ научныхъ опасностей. Стараясь проникнуть въ таинственный процессъ, какимъ древній человѣкъ воспринималъ впечатлѣнія окружавшей его природы, мы вообще расположены переносить на него наши собственныя ощущенія. Припоминая, какъ мы съ высоты нижегородскаго кремля любовались видомъ двигавшагося передъ нашими глазами могучаго потока и перспективой равнинной заволжской дали, мы готовы думать, что и древніе основатели Нижняго, русскіе люди XIII вѣка, выбирая опорный пунктъ для борьбы съ мордвой и другими поволжскими инородцами, тоже давали себѣ досугъ постоять передъ этимъ ландшафтомъ и между прочимъ подъ его

обаяніемъ рѣшили основать укрѣпленный городъ при сліяніи Оки съ Волгой. Но очень можетъ статься, что древнему человѣку было не до эстетики, не до перспективы. Теперь путникъ съ восточно-европейской равнины, впервые проѣзжая по Западной Европѣ, поражается разнообразіемъ видовъ, рѣзкостью очертаній, къ чему онъ не привыкъ дома. Изъ Ломбардіи, такъ напоминающей ему родину своимъ рельефомъ, онъ черезъ нѣсколько часовъ попадаетъ въ Швейцарію, гдѣ уже другая поверхность, совсѣмъ ему непривычная. Все, что онъ видитъ вокругъ себя на Западѣ, настойчиво навязываетъ ему впечатлѣніе границы, предѣла, точной опредѣленности, строгой отчетливости и ежеминутнаго, повсемѣстнаго присутствія человѣка съ внушительными признаками его упорнаго и продолжительнаго труда. Вниманіе путника непрерывно занято, крайне возбуждено. Онъ припоминаетъ однообразіе родного тульскаго или орловскаго вида ранней весной: онъ видитъ ровныя пустынныя поля, которыя какъ будто горбятся на горизонтѣ подобно морю съ рѣдкими перелѣсками и черной дорогой по окраинѣ, — и эта картина провожаетъ его съ С. на Ю. изъ губерніи въ губернію, точно одно и то же мѣсто движется вмѣстѣ съ нимъ сотни верстъ. Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаній, нечувствительностью переходовъ, скромностью, даже робостью тоновъ и красокъ, все оставляетъ неопредѣленное, спокойно-неясное впечатлѣніе. Жилья не видно на обширныхъ пространствахъ, никакого звука не слышно кругомъ — и наблюдателемъ овладѣваетъ жуткое чувство невозмутимаго покоя, безпробуднаго сна и пустынности, одиночества, располагающее къ безпредметному унылому раздумью безъ ясной, отчетливой мысли. Но развѣ это чувство — историческое наблюденіе надъ древнимъ человѣкомъ, надъ его отношеніемъ къ окружающей природѣ? Это — одно

изъ двухъ: или впечатлѣніе общаго культурнаго состоянія народа, насколько оно отражается въ наружности его страны, или же привычка современнаго наблюдателя перелагать географическія наблюденія на свои душевныя настроенія, а эти послѣднія ретроспективно превращать въ нравственныя состоянія, возбуждавшія или разслаблявшія энергію давно минувшихъ поколѣній. Другое дѣло—видъ людскихъ жилищъ: здѣсь меньше субъективнаго и больше исторически-уловимаго, чѣмъ во впечатлѣніяхъ, воспринимаемыхъ отъ внѣшней природы. Жилища строятся не только по средствамъ, но и по вкусамъ строителей, по ихъ господствующему настроенію. Но формы, разъ установившіяся по условіямъ времени, обыкновенно переживаютъ ихъ въ силу косности, свойственной вкусамъ не меньше, чѣмъ прочимъ расположеніямъ человѣческой души. Крестьянскіе поселки по Волгѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Европейской Россіи доселѣ своей примитивностью, отсутствіемъ простѣйшихъ житейскихъ удобствъ производятъ, особенно на путешественника съ Запада, впечатлѣніе временныхъ, случайныхъ стоянокъ кочевниковъ, не нынче — завтра собирающихся бросить свои едва насиженныя мѣста, чтобы передвинуться на новыя. Въ этомъ сказались продолжительная переселенческая бродячесть прежнихъ временъ и хроническіе пожары, — обстоятельства, которыя изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитывали пренебрежительное равнодушіе къ домашнему благоустройсту, къ удобствамъ въ житейской обстановкѣ.

Разсматривая вліяніе природы на человѣка, надобно видѣть и дѣйствіе человѣка на природу: въ этомъ дѣйствіи также обнаруживаются нѣкоторыя особенности послѣдней. Культурная обработка природы человѣкомъ для удовлетворенія его потребностей имѣетъ свои предѣлы и требуетъ извѣстной осмотрительности: увеличивая и регулируя энер- Угрожающія явленія.

гію физическихъ силъ, нельзя истощать ихъ и выводить изъ равновѣсія, нарушая ихъ естественное соотношеніе. Иначе природа станетъ въ противорѣчіе сама съ собой и будетъ противодѣйствовать видамъ человѣка, одной рукой разрушая то, что̀ создала другой, и географическія условія, сами по себѣ благопріятныя для культуры, при неосмотрительномъ съ ними обращеніи могутъ превратиться въ помѣхи народному благосостоянію. Природа нашей страны при видимой простотѣ и однообразіи отличается недостаткомъ устойчивости: ее сравнительно легко вывести изъ равновѣсія. Человѣку трудно уничтожить источники питанія горныхъ рѣкъ въ Западной Европѣ; но въ Россіи стоитъ только оголить или осушить верховья рѣки и ея верхнихъ притоковъ, и рѣка обмелѣетъ. Въ черноземныхъ и песчанистыхъ мѣстахъ Россіи есть два явленія, которыя, будучи вполнѣ или отчасти продуктами культуры, точнѣе говоря, человѣческой непредусмотрительности, стали какъ бы географическими особенностями нашей страны, постоянными физическими ея бѣдствіями: это *овраги и летучіе пески*. Рыхлая почва, съ которой распашка сдернула скрѣплявшій ее дерновой покровъ, легко размывается скатывающимися съ возвышеній дождевыми и снѣговыми ручьями, и образуются овраги, идущіе въ самыхъ разносторонних направленіяхъ. Уже самыя старыя поземельныя описи, до насъ дошедшія, указываютъ на обиліе такихъ овраговъ и отвершковъ. Теперь они образуютъ обширную и запутанную сѣть, которая все болѣе расширяется и усложняется, отнимая у хлѣбопашества въ сложности огромную площадь земледѣльческой почвы. На югѣ овраги особенно многочисленны именно въ обработанной части степи, въ губерніяхъ Волынской, Подольской, Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и въ Области Войска Донского. Причиняя великій вредъ сельскому хозяйству сами по себѣ, своею много-

численностью, овраги влекутъ за собой еще новое бѣдствіе: составляя какъ бы систему естественнаго дренажа и ускоряя стокъ осадковъ съ окрестныхъ полей, они вытягиваютъ влагу изъ почвы прилегающихъ къ нимъ мѣстностей, не даютъ времени этой почвѣ пропитаться снѣговой и дождевой водой и такимъ образомъ вмѣстѣ съ оскуденіемъ лѣсовъ содѣйствуютъ пониженію уровня почвенныхъ водъ, которое все выразительнѣе сказывается въ учащающихся засухахъ. Летучіе пески, значительными полосами прорѣзывающіе черноземную Россію, не менѣе бѣдственны. Переносясь на далекія разстоянія, они засыпаютъ дороги, пруды, озера, засоряютъ рѣки, уничтожаютъ урожаи, цѣлыя имѣнія превращаютъ въ пустыни. Площадь ихъ въ Европейской Россіи исчисляютъ слишкомъ въ 2½ мил. десятинъ, и эта площадь по сдѣланнымъ наблюденіямъ ежегодно расширяется на одинъ процентъ, т.-е. приблизительно на 25 т. д. Пески постепенно засыпаютъ черноземъ, подготовляя южной Россіи со временемъ участь Туркестана. Этому процессу помогаетъ пасущійся въ степяхъ скотъ: онъ своими копытами разрываетъ верхній твердый слой песка, а вѣтеръ выдуваетъ изъ него скрѣпляющія его органическія вещества, и песокъ становится летучимъ. Съ этимъ бѣдствіемъ борются разнообразными и дорогими мѣрами, изгородями, плетнями, насажденіями. Въ послѣдніе годы Министерство Земледѣлія повело систематическое укрѣпленіе песковъ посадками древесныхъ и кустарныхъ растеній и въ пять лѣтъ (1898—1902) укрѣпило болѣе 30 тыс. десятинъ песковъ. Эти цифры убѣдительно говорятъ о трудности и медленности борьбы съ песками.

Мы окончили предварительныя работы, которыя пригодятся намъ при изученіи русской исторіи, условились въ задачахъ и пріемахъ изученія, составили планъ курса и повторили нѣкоторые уроки по географіи Россіи, имѣющіе близкое отношеніе къ ея исторіи. Теперь можемъ начать самый курсъ.

Лекція V.

Начальная лѣтопись, какъ основной источникъ для изученія перваго періода нашей исторіи. — Лѣтописное дѣло въ древней Руси; первичныя лѣтописи и лѣтописные своды. — Древнѣйшіе списки Начальной лѣтописи. — Слѣды древняго кіевскаго лѣтописца въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ. — Кто этотъ лѣтописецъ? — Главныя составныя части Начальной лѣтописи. — Какъ онѣ соединены въ цѣльный сводъ. — Хронологическій планъ свода. — Несторъ и Сильвестръ.

Начальная лѣтопись. Обращаясь къ изученію перваго періода нашей исторіи, нельзя не исполнить еще одного подготовительнаго дѣла, необходимо разсмотрѣть составъ и характеръ Начальной лѣтописи, основного источника нашихъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ.

Мы имѣемъ довольно разнообразныя и разностороннія свѣдѣнія о первыхъ вѣкахъ нашей исторіи. Таковы особенно иноземныя извѣстія патріарха Фотія IX в., императора Константина Багрянороднаго и Льва Діакона X в., сказанія скандинавскихъ сагъ и цѣлаго ряда арабскихъ писателей тѣхъ же вѣковъ, Ибнъ-Хордадбе, Ибнъ-Фадлана, Ибнъ-Дасты, Масуди и другихъ. Не говоримъ о туземныхъ памятникахъ письменныхъ, которые тянутся все расширяющейся цѣпью съ XI в., и памятникахъ вещественныхъ, объ уцѣлѣвшихъ отъ тѣхъ временъ храмахъ, монетахъ и другихъ вещахъ. Все это —

отдѣльныя подробности, не складывающіяся ни во что цѣльное, разсѣянныя, иногда яркія точки, не освѣщающія всего пространства. Начальная лѣтопись даетъ возможность объединить и объяснить эти отдѣльныя данныя. Она представляетъ сначала прерывистый, но чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе послѣдовательный разсказъ о первыхъ $2^1/_2$ вѣкахъ нашей исторіи и не простой разсказъ, а освѣщенный цѣльнымъ, тщательно выработаннымъ взглядомъ составителя на начало отечественной исторіи.

Лѣтописаніе было любимымъ занятіемъ нашихъ древнихъ книжниковъ. Начавъ послушнымъ подражаніемъ внѣшнимъ пріемамъ византійской хронографіи, они скоро усвоили ея духъ и понятія, съ теченіемъ времени выработали нѣкоторыя особенности лѣтописнаго изложенія, свой стиль, твердое и цѣльное историческое міросозерцаніе съ однообразной оцѣнкой историческихъ событій и иногда достигали замѣчательнаго искусства въ своемъ дѣлѣ. Лѣтописаніе считалось богоугоднымъ, душеполезнымъ дѣломъ. Потому не только частныя лица записывали для себя на память, иногда въ видѣ отрывочныхъ замѣтокъ на рукописяхъ, отдѣльныя событія, совершавшіяся въ отечествѣ, но и при отдѣльныхъ учрежденіяхъ, церквахъ и особенно монастыряхъ, велись на общую пользу погодныя записи достопамятныхъ происшествій. Сверхъ такихъ частныхъ и церковныхъ записокъ велись при княжескихъ дворахъ и лѣтописи официальныя. Изъ сохранившейся въ Волынской лѣтописи грамоты волынскаго князя Мстислава, относящейся къ 1289 году, видно, что при дворѣ этого князя велась такая официальная лѣтопись, имѣвшая какое-то политическое назначеніе. Наказавъ жителей Берестья за крамолу, Мстиславъ прибавляетъ въ грамотѣ: „а вопсалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ“. Съ образованіемъ Московскаго государства официальная лѣтопись при государе-

Лѣтописное дѣло въ древней Руси.

вомъ дворѣ получаетъ особенно широкое развитіе. Лѣтописи велись преимущественно духовными лицами, епископами, простыми монахами, священниками, официальную московскую лѣтопись вели приказные дьяки. Рядомъ съ событіями, важными для всей земли, лѣтописцы заносили въ свои записи преимущественно дѣла своего края. Съ теченіемъ времени подъ руками древнерусскихъ книжниковъ накоплялся значительный запасъ частныхъ и оффиціальныхъ мѣстныхъ записей. Бытописатели, слѣдовавшіе за первоначальными мѣстными лѣтописцами, собирали эти записи, сводили ихъ въ цѣльный сплошной погодный разсказъ о всей землѣ, къ которому и со своей стороны прибавляли описаніе нѣсколькихъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Такъ слагались вторичныя лѣтописи или общерусскіе лѣтописные своды, составленные послѣдующими лѣтописцами изъ записей древнихъ, первичныхъ. При дальнѣйшей перепискѣ эти сводныя лѣтописи сокращались или расширялись, пополняясь новыми извѣстіями и вставками цѣлыхъ сказаній объ отдѣльныхъ событіяхъ, житій святыхъ и другихъ статей, и тогда лѣтопись получала видъ систематическаго лѣтописнаго сборника разнообразнаго матеріала. Путемъ переписыванія, сокращеній, дополненій и вставокъ накопилось трудно обозримое количество списковъ, доселѣ еще не вполнѣ приведенныхъ въ извѣстность и содержащихъ въ себѣ лѣтописи въ разныхъ составахъ и редакціяхъ, съ разнообразными варіантами въ текстѣ родственныхъ по составу лѣтописей. Таковъ въ общихъ и потому не совсѣмъ точныхъ чертахъ ходъ русскаго лѣтописнаго дѣла. Разобраться въ этомъ довольно хаотическомъ запасѣ русскаго лѣтописанія, группировать и классифицировать списки и редакціи, выяснить ихъ источники, составъ и взаимное отношеніе и свести ихъ къ основнымъ лѣтописнымъ типамъ — такова предвари-

тельная сложная критическая работа надъ русскимъ лѣтописаньемъ, давно начатая, дѣятельно и успѣшно продолжаемая цѣлымъ рядомъ изслѣдователей и еще не законченная.

Первичныя записи, веденныя въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, почти всѣ погибли; но уцѣлѣли составленные изъ нихъ лѣтописные своды. Эти своды составлялись также въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Если соединить ихъ въ одинъ цѣльный общій сводъ, то получимъ почти непрерывный погодный разсказъ о событіяхъ въ нашемъ отечествѣ за 8 столѣтій, разсказъ не вездѣ одинаково полный и подробный, не отличающійся одинаковымъ духомъ и направленіемъ, съ однообразными пріемами и одинаковымъ взглядомъ на историческія событія. И дѣлались опыты такого полнаго свода, въ которыхъ разсказъ начинается почти съ половины IX в. и тянется неровной, изрѣдка прерывающейся нитью чрезъ цѣлыя столѣтія, останавливаясь въ древнѣйшихъ сводахъ на концѣ XIII или началѣ XIV в., а въ сводахъ позднѣйшихъ теряясь въ концѣ XVI столѣтія и порой забѣгая въ XVII, даже въ XVIII в. Археографическая Коммиссія, особое ученое учрежденіе, возникшее въ 1834 году съ цѣлью изданія письменныхъ памятниковъ древней русской исторіи, съ 1841 года начала издавать *Полное собраніе русскихъ лѣтописей* и издала 12 томовъ этого сборника.

Древнѣйшіе списки Начальной лѣтописи.

Въ такомъ же составномъ, сводномъ изложеніи дошло до насъ и древнѣйшее повѣствованіе о томъ, что̀ случилось въ нашей землѣ въ IX, X, XI и въ началѣ XII в. по 1110 годъ включительно. Разсказъ о событіяхъ этого времени, сохранившійся въ старинныхъ лѣтописныхъ сводахъ, прежде было принято называть *Лѣтописью Нестора*, а теперь чаще называютъ *Начальной лѣтописью*. Въ библіо-

6*

текахъ не спрашивайте Начальной лѣтописи — васъ, пожалуй, не поймутъ и переспросятъ: „какой списокъ лѣтописи нуженъ вамъ?“ Тогда вы въ свою очередь придете въ недоумѣніе. До сихъ поръ не найдено ни одной рукописи, въ которой Начальная лѣтопись была бы помѣщена отдѣльно въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ-подъ пера древняго составителя. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ она сливается съ разсказомъ ея продолжателей, который въ позднѣйшихъ сводахъ доходитъ обыкновенно до конца XVI вѣка. Если хотите читать Начальную лѣтопись въ наиболѣе древнемъ ея составѣ, возьмите Лаврентьевскій или Ипатьевскій ея списокъ. Лаврентьевскій списокъ — самый древній изъ сохранившихся списковъ общерусской лѣтописи. Онъ писанъ въ 1377 году „худымъ, недостойнымъ и многогрѣшнымъ рабомъ Божіимъ мнихомъ Лаврентіемъ“ для князя суздальскаго Димитрія Константиновича, тестя Димитрія Донского, и хранился потомъ въ Рождественскомъ монастырѣ въ городѣ Владимирѣ на Клязьмѣ. Въ этомъ спискѣ за Начальной лѣтописью слѣдуютъ извѣстія о южной Кіевской и о сѣверной Суздальской Руси, прерывающіяся на 1305 году. Другой списокъ, Ипатьевскій, писанъ въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія и найденъ въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, отъ чего и получилъ свое названіе. Здѣсь за Начальной лѣтописью слѣдуетъ подробный и превосходный по простотѣ, живости и драматичности разсказъ о событіяхъ въ Русской землѣ, преимущественно въ южной Кіевской Руси XII в., а съ 1201 по 1292 годъ идетъ столь же превосходный и часто поэтическій разсказъ волынской лѣтописи о событіяхъ въ двухъ смежныхъ княжествахъ, Галицкомъ и Волынскомъ. Разсказъ съ половины IX столѣтія до 1110 года включительно по этимъ двумъ спискамъ и есть древнѣйшій видъ, въ какомъ дошла

до насъ Начальная лѣтопись. Прежде, до половины прошлаго столѣтія, критика этого капитальнаго памятника исходила изъ предположенія, что весь онъ — цѣльное произведеніе одного писателя, и потому сосредоточивали свое вниманіе на личности лѣтописца и на возстановленіи подлиннаго текста его труда. Но всматриваясь въ памятникъ ближе, замѣтили, что онъ не есть подлинная древняя кіевская лѣтопись, а представляетъ такой же лѣтописный сводъ, каковы и другіе позднѣйшіе, а древняя кіевская лѣтопись есть только одна изъ составныхъ частей этого свода.

Слѣды древняго лѣтописца.

До половины XI в. въ Начальной лѣтописи не встрѣчаемъ слѣдовъ этого древняго кіевскаго лѣтописца; но во второй половинѣ вѣка онъ нѣсколько разъ выдаетъ себя. Такъ подъ 1065 годомъ, разсказывая о ребенкѣ-уродѣ, вытащенномъ рыбаками изъ рѣчки Сѣтомли близъ Кіева, лѣтописецъ говоритъ: „его же позоровахомъ до вечера.“ Былъ ли онъ тогда уже инокомъ Печерскаго монастыря, или бѣгалъ мальчикомъ смотрѣть на диковину, сказать трудно. Но въ концѣ XI в. онъ жилъ въ Печерскомъ монастырѣ: разсказывая подъ 1096 годомъ о набѣгѣ половцевъ на Печерскій монастырь, онъ говоритъ: „и пріидоша на монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени“. Далѣе узнаемъ, что лѣтописецъ былъ еще живъ въ 1106 году: въ этомъ году, пишетъ онъ, скончался старецъ добрый Янъ, жившій 90 лѣтъ, въ старости маститой, жилъ онъ по закону Божію, не хуже былъ первыхъ праведниковъ, „отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ“. На основаніи этого можно составить нѣкоторое понятіе о начальномъ кіевскомъ лѣтописцѣ. Въ молодости онъ жилъ уже въ Кіевѣ, въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка былъ навѣрное инокомъ Печерскаго монастыря и велъ

лѣтопись. Съ половины XI вѣка, даже нѣсколько раньше, и лѣтописный разсказъ становится подробнѣе и теряетъ легендарный отпечатокъ, какой лежитъ на извѣстіяхъ лѣтописи до этого времени.

Кто онъ былъ? Кто былъ этотъ лѣтописецъ? Уже въ началѣ XIII столѣтія существовало преданіе въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, что это былъ инокъ того же монастыря Несторъ. Объ этомъ Несторѣ, „иже написа лѣтописецъ", упоминаетъ въ своемъ посланіи къ архимандриту Акиндину (1224—1231) монахъ того же монастыря Поликарпъ, писавшій въ началѣ XIII столѣтія. Исторіографъ Татищевъ откуда-то зналъ, что Несторъ родился на Бѣлоозерѣ. Несторъ извѣстенъ въ нашей древней письменности, какъ авторъ двухъ повѣствованій, житія преподобнаго Ѳеодосія и сказанія о святыхъ князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сличая эти памятники съ соотвѣтствующими мѣстами извѣстной намъ Начальной лѣтописи, нашли непримиримыя противорѣчія. Напримѣръ, въ лѣтописи есть сказаніе объ основаніи Печерскаго монастыря, гдѣ повѣствователь говоритъ о себѣ, что его принялъ въ монастырь самъ преподобный, а въ житіи Ѳеодосія біографъ замѣчаетъ, что онъ, „грѣшный Несторъ", былъ принятъ въ монастырь уже преемникомъ Ѳеодосія игуменомъ Стефаномъ. Эти противорѣчія между лѣтописью и названными памятниками объясняются тѣмъ, что читаемыя въ лѣтописи сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, о Печерскомъ монастырѣ и преподобномъ Ѳеодосіи не принадлежатъ лѣтописцу, вставлены въ лѣтопись составителемъ свода и писаны другими авторами, первое монахомъ XI вѣка Іаковомъ, а два послѣднія, помѣщенныя въ лѣтописи подъ 1051 и 1074 годами, вмѣстѣ съ третьимъ разсказомъ подъ 1091 годомъ о перенесеніи мощей преподобнаго Ѳеодосія представляютъ разорванныя части одной цѣльной повѣсти,

написанной постриженникомъ и ученикомъ Θеодосіевымъ, который, какъ очевидецъ, зналъ о Θеодосіи и о монастырѣ его времени больше Нестора, писавшаго по разсказамъ старшихъ братій обители. Однако эти разнорѣчія подали поводъ нѣкоторымъ ученымъ сомнѣваться въ принадлежности Начальной лѣтописи Нестору, тѣмъ болѣе, что за разсказомъ о событіяхъ 1110 года въ Лаврентьевскомъ спискѣ слѣдуетъ такая неожиданная приписка: „Игуменъ Сильвестръ святого Михаила написахъ книгы си лѣтописецъ надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святого Михаила, въ 6624". Сомнѣваясь въ принадлежности древней кіевской лѣтописи Нестору, нѣкоторые изслѣдователи останавливаются на этой припискѣ, какъ на доказательствѣ, что начальнымъ кіевскимъ лѣтописателемъ былъ игуменъ Михайловскаго Выдубицкаго монастыря въ Кіевѣ Сильвестръ, прежде жившій инокомъ въ Печерскомъ монастырѣ. Но и это предположеніе сомнительно. Если древняя кіевская лѣтопись оканчивалась 1110 годомъ, а Сильвестръ сдѣлалъ приписку въ 1116 году, то почему онъ пропустилъ промежуточные годы, не записавши совершившихся въ нихъ событій, или почему сдѣлалъ приписку не одновременно съ окончаніемъ лѣтописи, а пять-шесть лѣтъ спустя? Съ другой стороны, въ XIV—XV вѣкѣ въ нашей письменности повидимому отличали начальнаго кіевскаго лѣтописателя отъ Сильвестра, какъ его продолжателя. Въ одномъ изъ позднихъ сводовъ, *Никоновскомъ,* послѣ сенсаціоннаго разсказа о несчастномъ для русскихъ нашествіи ордынскаго князя Эдигея въ 1409 году, современникъ-лѣтописецъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Я написалъ это не въ досаду кому-нибудь, а по примѣру начальнаго лѣтословца кіевскаго, который, не обинуясь,

разсказываетъ „вся временна бытства земская“ (всѣ события, совершавшіяся въ нашей землѣ); да и наши первые властодержцы безъ гнѣва позволяли описывать все доброе и недоброе случавшееся на Руси, какъ при Владимирѣ Мономахѣ, не украшая, описывалъ новый великій Сильвестръ Выдубицкій“. Значитъ, Сильвестръ не считался въ началѣ XV в. начальнымъ лѣтословцемъ кіевскимъ.

Разбирая составъ Начальной лѣтописи, мы, кажется, можемъ угадать отношеніе къ ней этого Сильвестра. Эта лѣтопись есть сборникъ очень разнообразнаго историческаго матеріала, нѣчто въ родѣ исторической хрестоматіи. Въ ней соединены и отдѣльныя краткія погодныя записи, и пространные разсказы объ отдѣльныхъ событіяхъ, писанные разными авторами, и дипломатическіе документы, напримѣръ договоры Руси съ греками X в. или посланіе Мономаха къ Олегу черниговскому 1098 года, спутанное съ его же *Поученіемъ* къ дѣтямъ (подъ 1096 год.), и даже произведенія духовныхъ пастырей, напримѣръ поученія Ѳеодосія Печерскаго. Въ основаніе свода легли, какъ главныя его составныя части, три особыя цѣльныя повѣствованія. Мы разберемъ ихъ по ихъ порядку въ сводѣ.

Составныя части лѣтописи.

I. *Повѣсть временныхъ лѣтъ.* Читая первые листы лѣтописнаго свода, замѣчаемъ, что это связная и цѣльная повѣсть, лишенная лѣтописныхъ пріемовъ. Она разсказываетъ о раздѣленіи земли послѣ потопа между сыновьями Ноя съ перечнемъ странъ, доставшихся каждому, о разселеніи народовъ послѣ столпотворенія, о поселеніи славянъ на Дунаѣ и разселеніи ихъ оттуда, о славянахъ восточныхъ и ихъ разселеніи въ предѣлахъ Россіи, о хожденіи апостола Андрея на Русь, объ основаніи Кіева съ новымъ очеркомъ разселенія восточныхъ славянъ и сосѣднихъ съ ними финскихъ племенъ, о нашествіи разныхъ народовъ на славянъ

съ третьимъ очеркомъ разселенія славянъ восточныхъ и съ описаніемъ ихъ нравовъ, о нашествіи на нихъ хозаръ, о дани, которую одни изъ нихъ платили варягамъ, а другіе хозарамъ, объ изгнаніи первыхъ, о призваніи Рюрика съ братьями изъ-за моря, объ Аскольдѣ и Дирѣ и объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ въ 882 г. Повѣсть составлена по образцу византійскихъ хронографовъ, обыкновенно начинающихъ свой разсказъ ветхозавѣтной исторіей. Одинъ изъ этихъ хронографовъ—Георгія Амартола (IX вѣка съ продолженіемъ до 948 г.) сталъ рано извѣстенъ на Руси въ славянскомъ, именно въ болгарскомъ переводѣ. Его даже прямо называетъ Повѣсть, какъ одинъ изъ своихъ источниковъ; отсюда, между прочимъ, заимствованъ разсказъ о походѣ Аскольда и Дира на грековъ подъ 866 годомъ. Но вмѣстѣ съ выдержками изъ Георгія она передаетъ о восточныхъ славянахъ рядъ преданій, въ которыхъ, несмотря на прозаическое изложеніе, уцѣлѣли еще черты исторической народной пѣсни, напримѣръ преданіе о нашествіи аваровъ на славянъ-дулѣбовъ. Въ началѣ Повѣсть представляетъ сплошной разсказъ безъ хронологическихъ помѣтокъ. Хронологическія указанія являются съ 852 года, но не потому, что Повѣсть имѣетъ что-нибудь сказать о славянахъ подъ этимъ годомъ: она не помнитъ ни одного событія, касавшагося славянъ въ этомъ году, и мы увидимъ, что вся статья подъ этимъ годомъ вставлена въ Повѣсть позднѣе чужой рукой. Далѣе, первое русское извѣстіе, помѣченное въ Повѣсти годомъ, таково, что его нельзя пріурочить къ какому-либо одному году: именно подъ 859 годомъ Повѣсть разсказываетъ о томъ, что варяги брали дань съ сѣверныхъ племенъ, а хозары съ южныхъ. Когда началась та и другая дань, когда и какъ варяги покорили сѣверныя племена, о чемъ здѣсь узнаемъ впервые,—объ этомъ Повѣсть

ничего не помнитъ. Еще болѣе неловко поставленъ 862 годъ. Подъ этимъ годомъ мы читаемъ длинный рядъ извѣстій: объ изгнаніи варяговъ и усобицѣ между славянскими родами, о призваніи князей изъ-за моря, о прибытіи Рюрика съ братьями и о смерти послѣднихъ, объ уходѣ двухъ бояръ Рюрика, Аскольда и Дира, въ Кіевъ изъ Новгорода. Здѣсь подъ однимъ годомъ, очевидно, соединены событія нѣсколькихъ лѣтъ: сама Повѣсть оговаривается, что братья Рюриковы умерли спустя два года послѣ ихъ прихода. Разсказъ о 862 годѣ кончается такими словами: „Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ, — въ лѣто 6371, 6372, 6373, 6374 — иде Аскольдъ и Диръ на греки“, т.-е. вставка пустыхъ годовъ оторвала главное предложеніе отъ придаточнаго. Очевидно, хронологическія помѣтки, встрѣчающіяся въ Повѣсти при событіяхъ IX вѣка, не принадлежатъ автору разсказа, а механически вставлены позднѣйшею рукой. Въ этой Повѣсти находимъ указаніе на время, когда она была составлена. Разсказывая, какъ Олегъ утвердился въ Кіевѣ и началъ устанавливать дани съ подвластныхъ племенъ, повѣствователь добавляетъ, что и на новгородцевъ была наложена дань въ пользу варяговъ по триста гривенъ въ годъ, „еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ“. Такъ написано въ Лаврентьевскомъ спискѣ; но въ одномъ изъ позднѣйшихъ сводовъ, Никоновскомъ, встрѣчаемъ это извѣстіе въ другомъ изложеніи: Олегъ указалъ Новгороду давать дань варягамъ, „еже и нынѣ даютъ“. Очевидно, это первоначальная, подлинная форма извѣстія. Слѣдовательно, Повѣсть составлена до смерти Ярослава, т.-е. раньше 1054 года. Если это такъ, то авторомъ ея не могъ быть начальный кіевскій лѣтописецъ. Трудно сказать, чѣмъ оканчивалась эта Повѣсть, на какомъ событіи прерывался ея разсказъ. Пересчитывая народы, нападавшіе на славянъ, повѣствователь говоритъ,

что послѣ страшныхъ обровъ, такъ мучившихъ славянское племя дулѣбовъ, пришли печенѣги, а потомъ уже при Олегѣ прошли мимо Кіева угры. Дѣйствительно, въ самомъ разсказѣ Повѣсти это событіе отнесено ко времени Олега и поставлено подъ 898 годомъ. Итакъ, печенѣги по Повѣсти предшествовали венграмъ. Но далѣе въ сводѣ мы читаемъ, что только при Игорѣ въ 915 году, т.-е. послѣ прохода угровъ мимо Кіева, печенѣги впервые пришли на Русскую землю. Итакъ, повѣствователь о временахъ Игоря имѣлъ нѣсколько иныя историческія представленія, чѣмъ повѣствователь о временахъ, предшествовавшихъ княженію Игоря, т.-е. событія 915 года и слѣдующихъ лѣтъ описаны уже не авторомъ Повѣсти. Эта Повѣсть носитъ въ сводѣ такое заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть". Итакъ, авторъ обѣщаетъ разсказать, какъ началась Русская земля. Разсказывая объ утвержденіи Олега въ Кіевѣ въ 882 году, повѣствователь замѣчаетъ: „бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася Русью". Вотъ и начало Руси, Русской земли — исполненіе обѣщанія, даннаго повѣствователемъ. Итакъ, „Повѣсть временныхъ лѣтъ" есть заглавіе, относящееся не къ цѣлому своду, а только къ разсказу, составляющему его начало и прерывавшемуся повидимому на княженіи Олега. Эта Повѣсть составлена не позже смерти Ярослава; призваніе князей и утвержденіе Олега въ Кіевѣ — ея главные моменты.

II. *Сказаніе о крещеніи Руси при Владимірѣ.* Оно разбито на три года: 986, 987 и 988. Но это также не лѣтописный разсказъ: онъ лишенъ лѣтописныхъ пріемовъ, отличается полемической окраской, желаніемъ охулить всѣ вѣры кромѣ православной. И это сказаніе, очевидно, не принадлежитъ начальному лѣтописцу, а вставлено

въ сводъ его составителемъ. Въ немъ уцѣлѣлъ намекъ на время его составленія. Когда ко Владиміру пришли евреи съ предложеніемъ своей вѣры, князь спросилъ ихъ: „гдѣ земля ваша?“ Миссіонеры отвѣчали: „въ Іерусалимѣ“. — „Полно, такъ ли?“ переспросилъ ихъ князь. Тогда миссіонеры сказали напрямки: „разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по странамъ грѣховъ ради нашихъ, и предана была земля наша христіанамъ“. Если бы повѣствователь разумѣлъ первыхъ, кто покорилъ землю евреевъ, онъ долженъ былъ бы назвать язычниковъ римлянъ; если бы онъ разумѣлъ властителей Іерусалима, современныхъ Владиміру, то онъ долженъ былъ бы назвать магометанъ; если же онъ говоритъ о христіанахъ, ясно, что онъ писалъ послѣ завоеванія Іерусалима крестоносцами, то есть въ началѣ XII столѣтія (послѣ 1099 года). Основнымъ источникомъ сказанія о крещеніи Руси и о христіанской дѣятельности кн. Владиміра служило рядомъ съ неуспѣвшимъ еще завянуть народнымъ преданіемъ древнее житіе святого князя, написанное неизвѣстно кѣмъ немного лѣтъ спустя послѣ его смерти, судя по выраженію житія о времени его княженія: „Сице убо бысть малымъ прежде сихъ лѣтъ“. Это житіе — одинъ изъ самыхъ раннихъ памятниковъ русской литературы, если только оно написано русскимъ, а не грекомъ, жившимъ въ Россіи.

III. *Кіево-печерская лѣтопись.* Ее писалъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка монахъ Печерскаго монастыря Несторъ, какъ гласитъ раннее монастырское преданіе, отвергать которое нѣтъ достаточныхъ основаній. Лѣтопись прервалась на 1110 году; но какимъ годомъ она начиналась? Можно только догадываться, что лѣтописецъ повелъ свою повѣсть съ событій, совершившихся задолго до его вступленія въ монастырь, куда онъ вступилъ не ранѣе 1074 года.

Такъ ему, повидимому, принадлежитъ помѣщенный въ сводѣ разсказъ о событіяхъ 1044 года. Говоря о вступленіи князя Всеслава полоцкаго на отцовскій столъ, лѣтописецъ упоминаетъ о повязкѣ, которой этотъ князь прикрывалъ язву на своей головѣ. Объ этой повязкѣ лѣтописецъ замѣчаетъ: „еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ“, а онъ умеръ въ 1101 году. Если такъ, то можно предполагать, что лѣтопись Нестора начиналась временами Ярослава I. Съ большей увѣренностью можно думать, что лѣтопись прервалась именно на 1110 годъ и что заключительная приписка Сильвестра не случайно помѣщена подъ этимъ годомъ. На это указываетъ самое описаніе 1110 года въ Лаврентьевскомъ спискѣ, сохранившемъ Сильвестрову приписку. Потому ли, что вѣсть о случившемся не всегда скоро доходила до лѣтописца, или по другимъ причинамъ, ему иногда приходилось записывать событія извѣстнаго года уже въ слѣдующемъ году, когда становились извѣстны ихъ слѣдствія или дальнѣйшее развитіе, о чемъ онъ и предувѣдомлялъ при описаніи предыдущаго года какъ будто ante factum. Онъ, впрочемъ, иногда оговаривался, что это не предвидѣніе, а только опозданіе записи: „еже и бысть, якоже скажемъ послѣ въ *пришедшее* лѣто“, т.-е. когда будемъ описывать наступившій годъ. То же случилось и съ 1110 годомъ. Надъ Печерскимъ монастыремъ явилось знаменіе, столпъ огненный, который „весь міръ видѣ“. Печерскій лѣтописецъ истолковалъ явленіе такъ: огненный столпъ — это видъ ангела, посылаемаго волею Божіей вести людей путями Промысла, какъ во дни Моисея огненный столпъ ночью велъ Израиля. Такъ и это явленіе, заключаетъ лѣтописецъ, предзнаменовало, „ему же бѣ быти“, чему предстояло сбыться, и что̀ сбылось: на слѣдующее лѣто не этотъ ли ангелъ былъ (нашимъ) вождемъ на ино-

племенниковъ и супостатовъ? Лѣтописецъ писалъ это уже въ 1111 году, послѣ страшнаго мартовскаго пораженія, нанесеннаго русскими половцамъ, и слышалъ разсказы побѣдителей объ ангелахъ, видимо помогавшихъ имъ въ бою, но почему-то, вѣроятно за смертію, не успѣлъ описать этихъ событій 1111 года, на которыя намекалъ въ описаніи 1110 года. Въ Ипатьевскомъ спискѣ то же знаменіе изображено, какъ въ Лаврентьевскомъ, лишь съ нѣкоторыми отступленіями въ изложеніи. Но подъ 1111 годомъ въ разсказѣ о чудесной побѣдѣ русскихъ то же знаменіе описано вторично и иначе, другими словами и съ новыми подробностями, хотя и ссылкой на описаніе предыдущаго года, и притомъ пріурочено къ лицу Владиміра Мономаха, являющагося главнымъ дѣятелемъ подвига, въ которомъ участвовало 9 князей. Этотъ 1111 годъ описанъ, очевидно, другимъ лѣтописцемъ и, можетъ быть, уже по смерти Святополка, когда великимъ княземъ сталъ Мономахъ. Итакъ лѣтопись Нестора была дописана въ 1111 году и кончалась 1110 годомъ. Какъ могъ лѣтописецъ вести свою лѣтопись? Такъ же, какъ онъ писалъ житіе преп. Θеодосія, котораго не зналъ при его жизни, — по разсказамъ знающихъ людей, очевидцевъ и участниковъ событій. Печерскій монастырь былъ средоточіемъ, куда притекло все властное и вліятельное въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, все, чтò дѣлало тогда исторію Русской земли: князья, бояре, епископы, съѣзжавшіеся на соборъ къ кіевскому митрополиту, купцы, ежегодно проходившіе по Днѣпру мимо Кіева въ Грецію и обратно. Янъ, бояринъ, бывшій кіевскимъ тысяцкимъ, другъ и чтитель преп. Θеодосія и добрый знакомый лѣтописца, сынъ Вышаты, которому Ярославъ I поручалъ большія дѣла, — одинъ этотъ Янъ Вышатичъ, умершій въ 1106 году 90 лѣтъ отъ роду, былъ для лѣтописца живой

столѣтней лѣтописью, отъ которой онъ слышалъ „многа словеса“, записанныя имъ въ своей лѣтописи. Всѣ эти люди приходили въ монастырь преп. Ѳеодосія за благословеніемъ предъ началомъ дѣла, для благодарственной молитвы по окончаніи, молились, просили иноческихъ молитвъ, жертвовали „отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на строеніе монастырю“, разсказывали, размышляли вслухъ, исповѣдуя игумену и братіи свои помыслы. Печерскій монастырь былъ собирательнымъ фокусомъ, объединявшимъ разсѣянные лучи русской жизни, и при этомъ сосредоточенномъ освѣщеніи наблюдательный инокъ могъ видѣть тогдашній русскій міръ многостороннѣе, чѣмъ кто-либо изъ мірянъ.

Соединеніе частей лѣтописи въ сводъ.

Таковы три основныя части, изъ которыхъ составленъ начальный лѣтописный сводъ: 1) Повѣсть временныхъ лѣтъ, прерывающаяся на княженіи Олега и составленная до 1054 года; 2) сказаніе о крещеніи Руси, помѣщенное въ сводѣ подъ годами 986—988 и составленное въ началѣ XII в., и 3) Кіево-печерская лѣтопись, въ которой описаны событія XI и XII вв. до 1110 года включительно. Вы видите, что между этими составными частями свода остаются обширные хронологическіе промежутки. Чтобы видѣть, какъ пополнялись эти промежутки, разсмотримъ княженіе Игоря, составляющее часть 73-лѣтняго промежутка, отдѣляющаго княженіе Олега отъ момента, которымъ начинается сказаніе о крещеніи Руси (913—985). Наиболѣе важныя для Руси событія разсказаны подъ годами: 941, къ которому отнесенъ первый походъ Игоря на грековъ, изложенный по хронографу Амартола и частію по греческому житію Василія Новаго, подъ 944 — годомъ второго похода, въ описаніи котораго очевидно участіе народнаго сказанія, и подъ 945, гдѣ помѣщенъ текстъ Игорева договора съ греками и потомъ разсказано такъ же по народному кіевскому преданію

о послѣднемъ древлянскомъ хожденіи Игоря за данью, о смерти князя и о первыхъ актахъ Ольгиной мести. Подъ восемью другими годами помѣщены не касающіяся Руси извѣстія о византійскихъ, болгарскихъ и угорскихъ отношеніяхъ, взятыя изъ того же хронографа Амартола, и между ними четыре краткія замѣтки объ отношеніяхъ Игоря къ древлянамъ и печенѣгамъ, что могло удержаться въ памяти кіевскаго общества. Рядъ этихъ 11 описанныхъ лѣтъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывается большимъ или меньшимъ количествомъ годовъ пустыхъ, хотя и проставленныхъ по порядку въ видѣ табличекъ: для этихъ годовъ, которыхъ въ 33-лѣтнее княженіе Игоря оказалось 22, составитель свода не могъ найти въ своихъ источникахъ никакого подходящаго матеріала. Подобнымъ образомъ восполнена и другая половина этого промежутка, какъ и промежутокъ между сказаніемъ о крещеніи Руси и предполагаемымъ началомъ Печерской лѣтописи. Источниками при этомъ служили кромѣ греческихъ переводныхъ и южнославянскихъ произведеній, обращавшихся на Руси, еще договоры съ греками, первые опыты русской повѣствовательной письменности, а также народное преданіе, иногда развивавшееся въ цѣлое поэтическое сказаніе, въ историческую сагу, напримѣръ объ Ольгиной мести. Эта народная кіевская сага проходитъ яркой нитью, какъ одинъ изъ основныхъ источниковъ свода, по IX и всему X вѣку; слѣды ея замѣтны даже въ началѣ XI столѣтія, именно въ разсказѣ о борьбѣ Владиміра съ печенѣгами. По этимъ уцѣлѣвшимъ въ сводѣ обломкамъ кіевской былины можно заключать, что въ половинѣ XI вѣка уже сложился въ кіевской Руси цѣлый циклъ историко-поэтическихъ преданій, главное содержаніе которыхъ составляли походы Руси на Византію; другой, позднѣйшій циклъ богатырскихъ бы-

линъ, воспѣвающій борьбу богатырей Владиміра со степными кочевниками, также образовался въ кіевской Руси и до сихъ поръ кой-гдѣ еще держится въ народѣ, между тѣмъ какъ обломки перваго уцѣлѣли только въ лѣтописномъ сводѣ и изрѣдка встрѣчаются въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ

Ряды пустыхъ годовъ наглядно обнаруживаютъ способъ составленія свода по перечисленнымъ источникамъ. Въ расположеніи собраннаго лѣтописнаго матеріала составитель руководился хронологическимъ планомъ, положеннымъ въ основу всего свода. Для постройки этого плана составитель располагалъ, съ одной стороны, указаніями византійскихъ хронографовъ и датами русскихъ договоровъ съ греками, а съ другой—числомъ лѣтъ кіевскихъ княженій, хранившимся въ памяти кіевскаго общества. Въ Повѣсти о началѣ Русской земли вслѣдъ за преданіемъ о нашествіи хозаръ на полянъ встрѣчаемъ такую вставку подъ 852 годомъ: сказавъ, что при императорѣ Михаилѣ III „нача ся прозывати Русская земля“, потому что тогда Русь напала на Царьградъ, какъ повѣствуется о томъ въ греческомъ лѣтописаньи, авторъ вставки продолжаетъ: „тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ“. Эта вставка, очевидно, сдѣлана составителемъ свода. Хронологію свою онъ ведетъ отъ потопа, указывая, сколько лѣтъ прошло отъ потопа до Авраама, отъ Авраама до исхода евреевъ изъ Египта и т. д. Высчитывая различные хронологическіе періоды, составитель свода доходитъ до того времени, когда (въ 882 г.) Олегъ утвердился въ Кіевѣ: „отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, русскаго князя, лѣтъ 29, а отъ перваго лѣта Олгова, понелиже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31“ и т. д. Пересчитывая лѣта по княженіямъ, составитель свода доходитъ до смерти великаго князя кіевскаго Святополка: „а отъ смерти Ярославли до смерти

Хронологическій планъ свода.

Святополчи лѣтъ 60“. Смерть Святополка, случившаяся въ 1113 году, служитъ предѣломъ хронологическаго разсчета, на которомъ построенъ сводъ. Итакъ сводъ составленъ уже при преемникѣ Святополка Владимірѣ Мономахѣ, не раньше 1113 года. Но мы видѣли, что Кіево-печерская лѣтопись прерывается еще при Святополкѣ 1110 годомъ; слѣдовательно, хронологическій разсчетъ свода не принадлежитъ начальному кіевскому лѣтописцу, не дожившему до смерти Святополка или, по крайней мѣрѣ, раньше ея кончившему свою лѣтопись, а сдѣланъ рукою, писавшею въ княженіе Святополкова преемника Владиміра Мономаха, т.-е между 1113 и 1125 гг. На это именно время и падаетъ приведенная мною Сильвестрова приписка 1116 года. Этого Сильвестра я и считаю составителемъ свода.

Несторъ и Сильвестръ.

Теперь можно объяснить отношеніе этого Сильвестра и къ Начальной лѣтописи, и къ лѣтописцу Нестору. Такъ называемая Начальная лѣтопись, читаемая нами по Лаврентьевскому и родственнымъ ему спискамъ, есть лѣтописный сводъ, а не подлинная лѣтопись кіево-печерскаго инока. Эта Кіево-печерская лѣтопись не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ, а частью сокращенная, частью дополненная вставками, вошла въ начальный лѣтописный сводъ, какъ его послѣдняя и главная часть. Значитъ, нельзя сказать ни того, что Сильвестръ былъ начальнымъ кіевскимъ лѣтописцемъ, ни того, что Несторъ составилъ читаемую нами древнѣйшую лѣтопись, т.-е. начальный лѣтописный сводъ: Несторъ былъ составителемъ древнѣйшей кіевской лѣтописи, недошедшей до насъ въ подлинномъ видѣ, а Сильвестръ—составителемъ начальнаго лѣтописнаго свода, который не есть древнѣйшая кіевская лѣтопись; онъ былъ и редакторомъ вошедшихъ въ составъ свода устныхъ народныхъ преданій и письменныхъ повѣствованій, въ томъ числѣ и самой Несторовой лѣтописи.

Лекція VI.

Историко-критическій разборъ Начальной лѣтописи.— Ея значеніе для дальнѣйшаго русскаго лѣтописанья. — Ошибочность хронологической основы свода и происхожденіе ошибки. — Обработка составныхъ частей свода его составителемъ. — Неполнота древнѣйшихъ списковъ Начальной лѣтописи. — Идея славянскаго единства, положенная въ ея основу. — Отношеніе къ лѣтописи изучающаго. — Лѣтописи XII в. — Историческія воззрѣнія лѣтописца.

Мы разсмотрѣли происхожденіе, составъ и источники древнѣйшаго лѣтописнаго свода, который принято называть Начальной лѣтописью, и признали наиболѣе вѣроятнымъ составителемъ его игумена Сильвестра. Намъ предстоитъ оцѣнить этотъ памятникъ, какъ историческій источникъ, чтобы этой оцѣнкой руководиться въ изученіи древнѣйшихъ его извѣстій о Русской землѣ. Этотъ памятникъ, важный самъ по себѣ, какъ древнѣйшій и основной источникъ русской исторіи, становится еще цѣннѣе потому, что былъ въ истинномъ смыслѣ слова *начальной* лѣтописью: дальнѣйшее лѣтописанье примыкало къ ней, какъ ея непосредственное продолженіе и посильное подражаніе; послѣдующіе составители лѣтописныхъ сводовъ обыкновенно ставили ее во главѣ своихъ временниковъ.

Въ разборѣ Начальной лѣтописи наше вниманіе сосредоточится на самомъ составителѣ свода, на томъ, что внесъ онъ своего въ собирательную работу сведенія разнороднаго

матеріала, вошедшаго въ составъ свода. Ему принадлежатъ хронологическая основа свода, способъ обработки источниковъ и взглядъ на историческія явленія, проведенный по всему своду.

Хронологическая основа свода.

Хронологическая канва, по которой выведенъ разсказъ свода, служитъ одною изъ связей, придающихъ нѣкоторую цѣльность разновременнымъ и разнороднымъ его частямъ и извѣстіямъ, почерпнутымъ изъ столь разностороннихъ источниковъ. Въ исходной точкѣ этого плана лежитъ ошибка, въ которую русскій бытописатель былъ введенъ греческимъ источникомъ. Въ XI в. на Руси былъ уже извѣстенъ въ славянскомъ переводѣ такъ называемый *Лѣтописецъ вскорѣ* или *вкратцѣ* цереградскаго патріарха Никифора († 828) съ продолженіемъ. Мы видѣли, почему составитель нашего свода старался прикрѣпить начальный пунктъ русской хронологіи къ году воцаренія императора Михаила III. Никифоровъ лѣтописецъ и ввелъ его въ ошибочный разсчетъ. Академикъ Шахматовъ обстоятельно выяснилъ, какъ это случилось. Въ хронологической таблицѣ Никифорова лѣтописца, по которой составитель нашего свода строилъ свой планъ, отъ Р. Х. до имп. Константина, точнѣе до перваго вселенскаго собора, по ошибкѣ поставлено 318 лѣтъ вмѣсто 325, т.-е. за годъ собора принято число отцовъ, на немъ засѣдавшихъ, а сумма лѣтъ отъ собора до воцаренія Михаила выведена по неточности слагаемыхъ въ 542 вмѣсто 517; сложеніемъ 318 съ 542 и получился для воцаренія Михаила годъ отъ Р. Х. 860, а отъ сотворенія міра 6360, такъ какъ лѣтописецъ Никифора считалъ отъ с. м. до Р. Х. ровно 5500, а не 5508 лѣтъ, какъ считаемъ мы. Вышла ошибка на 18 лѣтъ. Не принимая во вниманіе участія Никифорова лѣтосчисленія въ образованіи года 6360, вычитая изъ него 5508, получали для воцаренія Михаила годъ

отъ Р. Х. 852 вмѣсто 860 и этимъ недоразумѣніемъ нечаянно уменьшали ошибку на 8 лѣтъ, не доходя до истины, т.-е. до 842 года, только 10 лѣтъ. Впрочемъ эта ошибка въ опредѣленіи исходнаго хронологическаго пункта мало вредила дальнѣйшимъ расчисленіямъ русскаго хронолога XII вѣка: коррективомъ служили ему даты договоровъ съ греками. Держась своего лѣтосчисленія и относя воцареніе Михаила къ 6360 году отъ с. м., но зная по преданію или по соображенію, что Олегъ умеръ въ годъ второго своего договора съ греками, составитель свода на время отъ воцаренія Михаила до Олеговой смерти, т.-е. до перваго года Игорева княженія, отсчиталъ въ своей таблицѣ ровно столько лѣтъ (60), сколько того требуетъ дата договора—6420 годъ. Я рѣшился ввести васъ въ эти хронологическія подробности только для того, чтобы вы видѣли, съ какими затрудненіями приходилось бороться составителю свода и какъ относиться къ его раннимъ хронологическимъ показаніямъ. Надобно отдать ему должное: при скудныхъ средствахъ онъ вышелъ изъ своихъ затрудненій съ большимъ успѣхомъ. Онъ отнесъ къ 866 году нападеніе Руси на Царьградъ, которое, какъ теперь извѣстно, произошло въ 860 г. Соотвѣтственно тому и предшествующія событія, имъ разсказанныя, раздоры между сѣверными племенами по изгнаніи варяговъ, призваніе князей, утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ, надобно отодвигать нѣсколько назадъ, къ самой серединѣ IX вѣка. Неточности въ отдѣльныхъ годахъ ничему не мѣшаютъ и самъ составитель свода придавалъ своимъ годамъ условное, гадательное значеніе. Встрѣчая въ древней Повѣсти рядъ тѣсно связанныхъ между собою событій и не умѣя каждое изъ нихъ помѣтить особымъ годомъ, онъ ставилъ надъ ихъ совокупностью рядъ годовъ, въ предѣлахъ которыхъ они по его разсчету должны были произойти. Такъ изгнаніе варя-

говъ, бравшихъ дань съ сѣверныхъ племенъ, усобицы между этими племенами, призваніе князей, смерть братьевъ Рюрика чрезъ два года по призваніи и уходъ Аскольда съ Диромъ въ Кіевъ онъ помѣтилъ суммарно тремя годами, 860, 861 и 862, и мы плохо понимаемъ его, пріурочивая всѣ эти событія и въ томъ числѣ призваніе князей къ одному послѣднему 862 году. Заслуга составителя свода въ томъ, что онъ, располагая сбивчивыми данными византійскихъ источниковъ, умѣлъ уловить начальный конецъ нити отечественныхъ преданій, —данничество сѣверныхъ племенъ варягамъ, и на разстояніи $2^1/_2$ столѣтій, ошибаясь на 6—7 лѣтъ, прикрѣпить этотъ конецъ къ вѣрно разсчитанному хронологическому пункту, къ половинѣ IX вѣка.

Способъ обработки.

Сцѣпивъ весь сводъ одной хронологической основой и набросивъ лѣтописную сѣть на его нелѣтописныя части, Сильвестръ внесъ въ свое произведеніе еще болѣе единства и однообразія, переработавъ его составныя статьи по одинаковымъ пріемамъ. Переработка состояла главнымъ образомъ въ томъ, что по всему своду проведены историческія воззрѣнія хронографа Георгія Амартола. Этотъ хронографъ служилъ для него не только источникомъ извѣстій, касавшихся Руси, Византіи и южныхъ славянъ, но и направителемъ его историческаго мышленія. Такъ въ началѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ онъ поставилъ заимствованный у Амартола очеркъ раздѣленія земли между сыновьями Ноя и эту географическую классификацію или таблицу пополнилъ собственнымъ перечнемъ славянскихъ, финскихъ и варяжскихъ племенъ, давъ имъ мѣсто въ Афетовой части. Для объясненія важныхъ отечественныхъ явленій онъ ищетъ аналогій у того же Амартола и такимъ образомъ въ ихъ изложеніе вноситъ сравнительно-историческій пріемъ. Характерное мѣсто Повѣсти о нравахъ и обычаяхъ русскихъ

славянъ онъ пополнилъ извлеченіемъ изъ Амартола о нравахъ сиріянъ, вактиріянъ и другихъ народовъ и къ нимъ отъ себя прибавилъ замѣтку о половцахъ, о которыхъ неизвѣстный авторъ Повѣсти едва ли имѣлъ какое-нибудь понятіе: они стали извѣстны на Руси послѣ Ярослава. Вообще эта часть свода носитъ на себѣ слѣды столь усердной переработки со стороны его составителя, что въ ней трудно отдѣлить подлинный текстъ отъ Сильвестровыхъ вставокъ и измѣненій. Къ этому надобно прибавить еще тщательность, съ какою Сильвестръ старался воспользоваться для своего свода всѣмъ наличнымъ запасомъ русской повѣствовательной письменности. Онъ былъ знакомъ съ древней новгородской лѣтописью и изъ нея привелъ разсказъ о дѣйствіяхъ Ярослава въ Новгородѣ въ 1015 году по смерти отца. Кіевскія событія этого года онъ изложилъ по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ, составленному монахомъ Іаковомъ въ началѣ XII в. Едва ли не онъ же самъ составилъ и сказаніе о крещеніи Руси по древнему житію кн. Владиміра, широко воспользовавшись при этомъ Палеей, полемическимъ изложеніемъ Ветхаго завѣта, направленнымъ противъ магометанъ и частію католиковъ, которое преподаетъ Владиміру греческій философъ-миссіонеръ. Онъ вставилъ въ сводъ подъ 1097 годъ и обстоятельный разсказъ объ ослѣпленіи теребовльскаго князя Василька, написанный Василіемъ, лицомъ близкимъ къ Васильку. Онъ же помѣстилъ въ трехъ мѣстахъ Несторовой лѣтописи части упомянутаго мною сказанія о Печерскомъ монастырѣ и преп. Ѳеодосіи, можетъ быть, имъ же и написаннаго. Проводя свою мысль въ сравнительно-историческомъ освѣщеніи, составитель свода не боялся вносить въ лѣтописное изложеніе прагматическій безпорядокъ, соединялъ подъ однимъ годомъ разновременныя, но однородныя явленія. Вспомнивъ, что около 1071 года

въ Кіевѣ явился волхвъ, о которомъ въ Печерской лѣтописи не было извѣстія, онъ вставилъ въ нее вмѣстѣ съ разсказомъ объ этомъ волхвѣ цѣлое ученіе о „бѣсовскомъ наущеніи и дѣйствѣ“, о предѣлахъ силы бѣсовъ надъ людьми и о способахъ ихъ дѣйствія на людей, особенно посредствомъ волхвовъ. Эта демонологія иллюстрируется нѣсколькими любопытными разсказами о волхвахъ и кудесникахъ на Руси того времени и параллельными библейскими примѣрами. Время событій, разсказанныхъ Сильвестромъ подъ 1071 годомъ, обозначено лѣтописными выраженіями: „въ си же времена, въ си лѣта“; но два случая изъ разсказанныхъ несомнѣнно были позднѣе 1071 года. Такъ не могъ написать простой лѣтописецъ, какимъ былъ Несторъ, записывавшій событія изъ года въ годъ. Впечатлѣніе ученаго книжника, производимое широкимъ знакомствомъ составителя свода съ иноземными и своими источниками и способомъ пользованія ими, усиливается еще проблесками критической мысли. Составитель противъ мнѣнія, будто основатель Кіева былъ не болѣе какъ перевощикъ черезъ Днѣпръ, и въ критической вставкѣ, внесенной въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, доказываетъ преданіемъ, что Кій былъ князь въ роду своемъ и ходилъ въ Царьградъ, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ самимъ царемъ; только имени этого царя составитель не знаетъ, въ чемъ и сознается. Точно такъ же ходили различные толки о мѣстѣ крещенія кн. Владиміра; составитель выбираетъ изъ нихъ наиболѣе достовѣрное преданіе.

Неполнота древнѣйшихъ списковъ.

Но едва ли одной этой критической разборчивостью можно объяснить замѣтную неполноту свода: въ позднѣйшихъ спискахъ Начальной лѣтописи встрѣчаемъ рядъ извѣстій, которыя не нашли себѣ мѣста въ спискахъ древнѣйшихъ, хотя сами по себѣ ничѣмъ не возбуждаютъ критическаго

недовѣрія. Большею частью это краткія извѣстія о событіяхъ, которыхъ нельзя выдумать или не для чего было выдумывать. Такъ пропущены извѣстія о томъ, что въ 862 году призванные князья построили городъ Ладогу, и здѣсь сѣлъ старшій изъ нихъ Рюрикъ, что въ 864 году убитъ былъ болгарами сынъ Аскольда, въ 867 году воротились отъ Царьграда (послѣ пораженія) Аскольдъ и Диръ съ малой дружиной, и былъ въ Кіевѣ плачъ великій, что въ томъ же году „бысть въ Кіевѣ гладъ велій“, а Аскольдъ и Диръ избили множество печенѣговъ. Въ древнѣйшихъ спискахъ 979 годъ оставленъ пустымъ, а въ позднѣйшихъ подъ нимъ помѣчены два любопытныя извѣстія о печенѣжскомъ князѣ, который билъ челомъ Ярополку о службѣ и получилъ отъ него „грады и власти“, и о приходѣ къ Ярополку греческихъ пословъ, которые „взяша миръ и любовь съ нимъ и яшася ему по дань, якоже и отцу его и дѣду его“. Изъ времени кн. Владиміра пропущенъ рядъ извѣстій о печенѣжскихъ и болгарскихъ князьяхъ, крестившихся въ Кіевѣ, и о посольствахъ, приходившихъ въ Кіевъ изъ Греціи, Польши, Чехіи, Венгріи, отъ папы. Такіе пропуски можно прослѣдить и въ дальнѣйшихъ княженіяхъ по всему XI вѣку. Эти пробѣлы частію можно отнести на счетъ Лаврентьевскаго списка, который, будучи древнѣйшимъ, не можетъ быть признанъ наиболѣе исправнымъ: въ немъ по винѣ писца пропущено много мѣстъ, сохранившихся въ другихъ ближайшихъ къ нему по составу и тексту спискахъ. Иныя извѣстія могли быть опущены по соображеніямъ самого составителя свода, но внесены въ него ближайшими по времени переписчиками, которые бывали отчасти и редакторами переписываемыхъ произведеній и могли выполнить пробѣлы по источникамъ, бывшимъ подъ руками у Сильвестра и еще не успѣвшимъ затеряться. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ

сводахъ, особенно новгородскаго происхожденія, первые вѣка нашей исторіи излагаются столь несходно со сводомъ, усвояемымъ нами игумену Сильвестру, что такой разности нельзя объяснить неполнотою списковъ или редакцій. Эго и побудило академика Шахматова предположить существованіе особаго, болѣе древняго лѣтописнаго свода, составленнаго въ концѣ XI в. и послужившаго „основнымъ ядромъ", изъ котораго въ началѣ XII в. составился сводъ, читаемый нами въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Все это приводитъ къ мысли, что Сильвестровскій сводъ далеко не вобралъ въ себя всего запаса разсказовъ, ходившихъ въ русскомъ обществѣ про первые вѣка нашей исторіи, или по какой-то случайности именно древнѣйшіе списки сохранили Начальную лѣтопись въ сокращенномъ, а позднѣйшіе въ болѣе полномъ составѣ, какъ думалъ С. М. Соловьевъ.

Идея славянскаго единства.

Всего важнѣе въ сводѣ идея, которой въ немъ освѣщено начало нашей исторіи: это — идея славянскаго единства. Составитель потому такъ и занятъ этнографіей, что хочетъ собрать всѣ части славянства, указать ихъ настоящее международное мѣсто и найти связи, ихъ соединяющія. Описавъ разселеніе славянъ, онъ замѣчаетъ: „тако разыдеся словѣньскій языкъ; тѣмже и грамота прозвася словѣньская". Она и была одной изъ такихъ связей. Русскій бытописатель помнилъ роковой историческій моментъ, съ котораго началось разрушеніе славянскаго единства: это — утвержденіе венгровъ на среднемъ Дунаѣ въ началѣ X вѣка, разорвавшее связи между западными и южными славянами, завязанными славянскими первоучителями. По поводу извѣстія о проходѣ венгровъ мимо Кіева въ 898 году онъ вспоминаетъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія и о ея значеніи для славянства. Былъ одинъ языкъ славянскій — славяне дунайскіе, покоренные венграми, морава, чехи,

ляхи и поляне-Русь. Первѣе всего моравѣ дана была грамота славянская, которая теперь на Руси и у болгаръ дунайскихъ. Меѳодій былъ епископомъ въ Панноніи, на столѣ апостола Андроника, ученика апостола Павла. А апостолъ Павелъ училъ въ Иллиріи, гдѣ прежде жили славяне: стало-быть, и славянству учитель Павелъ. А мы Русь — тоже славяне: стало-быть, Павелъ и намъ Руси учитель. А славянское племя и русское — одно племя: отъ варяговъ прозвались Русью, а изначала были славяне; только звались полянами, а говорили по-славянски; звались полянами, потому что въ полѣ сидѣли, а языкъ у нихъ одинъ съ другими славянами.

Такой діалектической цѣпью умозаключеній и такъ настойчиво мыслящій русскій книжникъ начала XII в. прицѣплялъ свое темное отечество не только къ семьѣ славянскихъ народовъ, но и къ апостолическимъ преданіямъ христіанства. Замѣчательно, что въ обществѣ, гдѣ сто лѣтъ съ чѣмъ-нибудь назадъ еще приносили идоламъ человѣческія жертвы, мысль уже училась подниматься до сознанія связи міровыхъ явленій. Идея славянскаго единства въ началѣ XII в. требовала тѣмъ большаго напряженія мысли, что совсѣмъ не поддерживалась современной дѣйствительностью. Когда на берегахъ Днѣпра эта мысль выражалась съ такой вѣрой или увѣренностью, славянство было разобщено и въ значительной части своего состава порабощено: Моравская держава была разбита венграми еще въ началѣ X вѣка, первое Болгарское царство — Византіей въ началѣ XI вѣка, полабскіе и прибалтійскіе славяне уступали нѣмецкому напору и вмѣстѣ съ чехами и поляками католическому вліянію.

Отношеніе къ лѣтописи изучающаго.

Всѣ указанныя особенности Начальной лѣтописи ставятъ въ особенное къ ней отношеніе изучающаго по ней начало нашей исторіи. Когда куча разнохарактернаго матеріала

расположена по плану, выработанному путемъ соображенія разнородныхъ данныхъ, подвергнута переработкѣ по извѣстнымъ пріемамъ, даже съ участіемъ критической разборчивости, и освѣщена руководящей исторической идеей, тогда мы имѣемъ дѣло уже не съ простой лѣтописью, но и съ ученымъ произведеніемъ, которому принадлежатъ нѣкоторыя научныя права на вниманіе. Здѣсь изученію подлежитъ не только сырой историческій матеріалъ, но и цѣльный взглядъ, даже съ нѣкоторыми методологическими пріемами. Углубляясь въ связь и смыслъ явленій, описываемыхъ въ такомъ произведеніи, мы обязаны принимать въ разсчетъ и то, какъ понимаетъ эту связь и этотъ смыслъ сама лѣтопись, ибо въ ней мы имѣемъ памятникъ, показывающій, какъ представляли себѣ первыя времена нашей исторіи мыслящіе изучавшіе ее книжные люди на Руси въ началѣ XII в.

Къ Начальной лѣтописи непосредственно примыкаютъ ея продолженія, повѣствующія о событіяхъ въ Русской землѣ XII в. до конца періода нашей исторіи.

Лѣтописи XII в.

Послѣ приписки Сильвестра съ 1111 года оба древнѣйшіе списка, Лаврентьевскій и Ипатьевскій, какъ и списки болѣе поздніе, разнятся между собою гораздо значительнѣе, чѣмъ до этого момента: очевидно, это уже различные лѣтописные своды, а не разные списки одного и того же свода. До конца XII в. въ сводахъ того и другого древнѣйшаго списка описываются большею частью одни и тѣ же событія и по одинаковымъ источникамъ, которыми служатъ первичныя мѣстныя лѣтописи и сказанія объ отдѣльныхъ лицахъ или событіяхъ, писанныя современниками, иногда даже очевидцами и участниками описываемыхъ дѣлъ. Но неодинаково пользуясь общими источниками, тотъ и другой сводъ изображаетъ событія по своему. Сводъ Ипатьевскаго списка вообще полнѣе Лаврентьевскаго. Притомъ можно замѣтить, что

въ изложенiи событiй, въ объясненiи ихъ причинъ и слѣдствiй составитель Ипатьевскаго свода придерживался болѣе южно-русскихъ источниковъ, составитель Лаврентьевскаго — болѣе источниковъ сѣверныхъ, суздальскихъ, хотя по мѣстамъ въ первомъ сѣверныя событiя разсказаны даже подробнѣе, чѣмъ во второмъ, и наоборотъ — южныя во второмъ описаны обстоятельнѣе, чѣмъ въ первомъ. Наконецъ, сверхъ общихъ источниковъ у каждаго свода были свои особые, которыхъ не зналъ другой. Поэтому оба свода представляютъ какъ бы одну общерусскую лѣтопись въ двухъ различныхъ составахъ или обработкахъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтопись XII в. по Ипатьевскому списку у насъ иногда называютъ сводомъ южно-русскимъ, а лѣтопись того же вѣка по списку Лаврентьевскому — сводомъ сѣвернымъ, суздальскимъ. Изучая тотъ и другой сводъ, мы чуть не на каждомъ шагу встрѣчаемъ въ нихъ слѣды лѣтописцевъ то кiевскаго, то черниговскаго, то суздальскаго, то волынскаго. Судя по этимъ слѣдамъ, можно подумать, что во всѣхъ главныхъ областныхъ городахъ Руси XII в. были свои мѣстные лѣтописатели, записки которыхъ вошли въ тотъ или другой сводъ съ большей или меньшей полнотой въ мѣру значенiя каждаго города въ общей жизни Русской земли. Первое мѣсто въ этомъ отношенiи принадлежало Кiеву, и изъ кiевской лѣтописи всего больше черпаютъ оба свода, только изрѣдка мимоходомъ отмѣчая извѣстiя, идущiя изъ какого-нибудь далекаго угла Руси, изъ Полоцка или Рязани. Такъ лѣтописанье XII в. развивалось повидимому въ одинаковомъ направленiи съ тогдашней земской жизнью, подобно ей разбивалось по мѣстнымъ центрамъ, локализовалось. Какъ могли составители обоихъ сводовъ собрать такой обильный запасъ мѣстныхъ лѣтописей и сказанiй и какъ умѣли свести ихъ въ последовательный погодный разсказъ, — это можетъ быть предметомъ

удивленія или недоумѣнія. Во всякомъ случаѣ они оказали неоцѣнимую услугу позднѣйшей исторіографіи тѣмъ, что сберегли для нея множество историческихъ данныхъ, которыя безъ нихъ пропали бы безслѣдно. Эти своды еще тѣмъ дороги, что составители ихъ, сводя мѣстныя записи, щадили ихъ областныя особенности, тонъ и колоритъ, политическія сужденія и общественныя или династическія отношенія мѣстныхъ лѣтописателей. Лѣтописцы того времени не были безстрастными и даже безпристрастными наблюдателями совершавшихся событій, какъ мы склонны ихъ представлять себѣ: у каждаго изъ нихъ были свои мѣстные политическіе интересы, свои династическія и областныя сочувствія и антипатіи. Такъ лѣтописецъ кіевскій обыкновенно горячо стоитъ за своихъ любимыхъ Мономаховичей, черниговскій за ихъ противниковъ Ольговичей, а суздальскій радъ при случаѣ кольнуть новгородцевъ за ихъ „злое невѣрствіе", гордость и буйство, за ихъ привычку нарушать клятву и прогонять князей. Отстаивая своихъ князей и свои мѣстные интересы, лѣтописецъ не чуждался желанія по-своему изобразить ходъ событій, тенденціозно связывая и толкуя ихъ подробности, причины и слѣдствія. Разнообразіе мѣстныхъ источниковъ сообщаетъ тому и другому своду значеніе общерусской лѣтописи, а разнообразіе мѣстныхъ интересовъ и сочувствій вноситъ въ оба свода много живости и движенія, дѣлая ихъ вѣрнымъ зеркаломъ настроенія, чувствъ и понятій тогдашняго русскаго общества. Читая, напримѣръ, по Ипатьевскому списку разсказъ о шумной борьбѣ Изяслава Мстиславича съ черниговскими князьями (1146—1154), мы слышимъ поочередно голосъ то кіевскаго лѣтописца, сочувственный Изяславу, то лѣтописца черниговскаго, радѣющаго объ интересахъ его противниковъ, а со времени вмѣшательства въ борьбу князей Юрія суздальскаго и Владимірка

галицкаго къ хору центральныхъ лѣтописцевъ присоединяются голоса бытописателей этихъ далекихъ другъ отъ друга окраинъ Русской земли. Благодаря тому, вчитываясь въ оба свода, вы чувствуете себя какъ бы въ широкомъ общерусскомъ потокѣ событій, образующемся изъ слiянiя крупныхъ и мелкихъ мѣстныхъ ручьевъ. Подъ перомъ лѣтописца XII в. все дышетъ и живетъ, все безустанно движется и безъ умолку говоритъ; онъ не просто описываетъ событiя, а драматизируетъ ихъ, разыгрываетъ передъ глазами читателя. Такимъ драматизмомъ изложенiя особенно отличается Ипатьевскiй списокъ. Несмотря на разноголосицу чувствъ и интересовъ, на шумъ и толкотню описываемыхъ событiй, въ лѣтописномъ разсказѣ нѣтъ хаоса: всѣ событiя мелкiя и крупныя стройно укладываются подъ одинъ взглядъ, которымъ лѣтописецъ смотритъ на мiровыя явленiя.

Этотъ историческiй взглядъ такъ сросся съ настроенiемъ, со всѣмъ духовнымъ складомъ лѣтописца, что его можно назвать *лѣтописнымъ*, хотя его раздѣляли люди одинаковаго съ лѣтописцемъ настроенiя или мышленiя, не принимавшiе никакого участiя въ лѣтописномъ дѣлѣ. Этотъ взглядъ имѣетъ большое значенiе въ исторiографiи, потому что пережилъ лѣтописанье и долго управлялъ мышленiемъ ученыхъ историковъ: они долго продолжали смотрѣть на явленiя человѣческой жизни глазами лѣтописца, даже когда покинули лѣтописные прiемы ихъ обработки и изложенiя. Потому, кажется мнѣ, этотъ взглядъ заслуживаетъ нашего вниманiя. Научная задача историка, какъ ее теперь понимаютъ, состоитъ въ уясненiи происхожденiя и развитiя человѣческихъ обществъ. Лѣтописца гораздо болѣе занимаетъ самъ человѣкъ, его земная и особенно загробная жизнь. Его мысль обращена не къ началамъ, а къ конечнымъ причинамъ существующаго и бывающаго. Историкъ-прагматикъ изучаетъ генезисъ

Историческiя воззрѣнiя лѣтописца.

и механизмъ людского общежитія; лѣтописецъ ищетъ въ событіяхъ нравственнаго смысла и практическихъ уроковъ для жизни; предметы его вниманія — историческая телеологія и житейская мораль. На міровыя событія онъ смотритъ самоувѣреннымъ взглядомъ мыслителя, для котораго механика общежитія не составляетъ загадки: ему ясны силы и пружины, движущія людскую жизнь. Два міра противостоятъ и борются другъ съ другомъ, чтобы доставить торжество своимъ непримиримымъ началамъ добра и зла. Борцами являются ангелы и бѣсы. У дня и ночи, у свѣта и мрака, у снѣга и града, у весны, лѣта, осени и зимы есть свой ангелъ; ко всему, ко всѣмъ твореніямъ приставлены ангелы. Такъ и ко всякому человѣку, ко всякой землѣ, даже языческой, приставлены ангелы охранять ихъ отъ зла, помогать имъ противъ лукаваго. И у противной стороны есть сильные средства и способы дѣйствія: это — бѣсовскія козни и злые люди. Бѣсы подтолкнутъ человѣка на зло и сами же надъ нимъ смѣются, ввергнувъ его въ пропасть смертную. Прельщаютъ они видѣніями, волхвованіями, особенно женщинъ, и разными кознями наводятъ людей на зло. А злой человѣкъ хуже самого бѣса: бѣсы хоть Бога боятся, а злой человѣкъ „ни Бога ся боитъ, ни человѣкъ ся стыдитъ“. Но и у бѣсовъ есть своя слабость: умѣя внушить людямъ злые помыслы, они не знаютъ мыслей человѣческихъ, которыя вѣдаетъ только Богъ, и потому, пуская свои лукавыя стрѣлы наугадъ, часто промахиваются. Борьба обоихъ міровъ идетъ изъ-за человѣка. Куда, къ какому концу направляется житейскій водоворотъ, производимый борьбой, и какъ въ немъ держаться человѣку — вотъ главный предметъ вниманія для лѣтописца. Жизнь даетъ человѣку указанія предостерегающія и вразумляющія; надобно только умѣть замѣчать и понимать ихъ. Лѣтописецъ описываетъ нашествія поганыхъ

на Русскую землю, бѣды, какія она терпитъ отъ нихъ. Зачѣмъ попускаетъ Богъ невѣрнымъ торжествовать надъ христіанами? Не думай, что Богъ любитъ первыхъ больше чѣмъ послѣднихъ: нѣтъ, Онъ попускаетъ поганымъ торжествовать надъ ними не потому, что ихъ любитъ, а потому, что насъ милуетъ и хочетъ сдѣлать достойными своей милости, чтобы мы, вразумленные несчастіями, покинули путь нечестія. Поганые—это батогъ, которымъ Провидѣніе исправляетъ дѣтей своихъ. „Богъ бо казнитъ рабы своя напастьми различными, огнемъ и водою и ратью и иными различными казньми; хрестьянину бо многими напастьми внити въ царство небесное". Такъ историческая жизнь служитъ нравственно-религіозной школой, въ которой человѣкъ долженъ научиться познавать путь Провидѣнія. Горе ему, если онъ разойдется съ этими путями. Игорь и Всеволодъ Святославичи, побивъ половцевъ, мечтаютъ о славѣ, какая ждетъ ихъ, когда они прогонятъ поганыхъ къ самому морю, „куда еще не ходили дѣды наши, а возьмемъ до конца свою славу и честь". Говорили они такъ, не вѣдая „Божія строенія", предназначившаго имъ пораженіе и плѣнъ. Все провозвѣщаетъ эти пути, не только историческія событія, но и физическія явленія, особенно необычайныя знаменія небесныя. Отсюда напряженный интересъ лѣтописца къ явленіямъ природы. Въ этомъ отношеніи его программа даже шире, чѣмъ у современнаго историка: у него природа прямо вовлечена въ исторію, является не источникомъ стихійныхъ, часто роковыхъ вліяній, то возбуждающихъ, то угнетающихъ духъ человѣка, даже не просто нѣмой обстановкой человѣческой жизни; она сама — живое, дѣйствующее лицо исторіи, живетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, радѣетъ ему, знаменіями вѣщаетъ ему волю Божію. У лѣтописца есть цѣлое ученіе о знаменіяхъ небесныхъ и земныхъ и объ ихъ отношеніи

къ дѣламъ человѣческимъ. Знаменія бываютъ либо къ добру, либо ко злу. Землетрясенія, затменія, необычайныя звѣзды, наводненія — всѣ такія рѣдкія, знаменательныя явленія не на добро бываютъ, проявляютъ либо рать, усобицу, голодъ, моръ, либо чью смерть. Согрѣшитъ какая-либо земля, — Богъ казнитъ ее голодомъ, нашествіемъ поганыхъ, зноемъ, либо иной какой казнью.

Такъ лѣтописецъ является моралистомъ, который видитъ въ жизни человѣческой борьбу двухъ началъ, добра и зла, Провидѣнія и діавола, а человѣка считаетъ лишь педагогическимъ матеріаломъ, который Провидѣніе воспитываетъ, направляя его къ высокимъ цѣлямъ, ему предначертаннымъ. Добро и зло, внѣшнія и внутреннія бѣдствія, самыя знаменія небесныя — все въ рукахъ Провидѣнія служитъ воспитательнымъ средствомъ для человѣка, пригоднымъ матеріаломъ для „строенія Божія", мірового нравственнаго порядка, созидаемаго Провидѣніемъ. Лѣтописецъ болѣе всего разсказываетъ о политическихъ событіяхъ и о международныхъ отношеніяхъ; но взглядъ его по существу своему церковно-историческій. Его мысль сосредоточена не на природѣ дѣйствующихъ въ исторіи силъ, извѣстной ему изъ другихъ источниковъ, а на образѣ ихъ дѣйствій по отношенію къ человѣку и на урокахъ, какіе человѣкъ долженъ извлекать для себя изъ этого образа дѣйствій. Эта дидактическая задача лѣтописанья и сообщаетъ спокойствіе и ясность разсказу лѣтописца, гармонію и твердость его сужденіямъ.

Познакомивъ васъ съ основнымъ источникомъ для изученія древнѣйшаго періода нашей исторіи, перейду къ изложенію фактовъ этого періода.

Лекція VII.

Главные факты I періода русской исторіи. — Два взгляда на ея начало. — Народы, обитавшіе въ южной Россіи до восточныхъ славянъ, и ихъ отношеніе къ русской исторіи. — Какіе факты можно признавать начальными въ исторіи народа? — Преданіе Начальной лѣтописи о разселеніи славянъ съ Дуная. — Іорнандъ о размѣщеніи славянъ въ VI в. — Военный союзъ восточныхъ славянъ на Карпатахъ. — Разселеніе восточныхъ славянъ по русской равнинѣ, его время и признаки. — Обособленіе восточнаго славянства, какъ слѣдствіе разселенія.

Приступая къ изученію перваго періода нашей исторіи, напомню его предѣлы и то господствующее сочетаніе общественныхъ элементовъ, которое направляло русскую жизнь въ это время.

I періодъ русской исторіи.

Я веду этотъ періодъ съ древнѣйшихъ временъ до конца XII или до начала XIII в. Не могу точнѣе обозначить его конечнаго предѣла. Никакое поворотное событіе не отдѣляетъ рѣзко этого періода отъ послѣдующаго. Нашествіе монголовъ нельзя признать такимъ раздѣльнымъ событіемъ: монголы застали Русь на походѣ, во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; новый складъ жизни завязался до нихъ. Около половины XI в. территорія, на которой сосредоточивалась главная масса русскаго населенія, тянулась длинной и довольно узкой полосой по среднему и верхнему Днѣпру съ его притоками и далѣе на сѣверъ черезъ водораздѣлъ до устьевъ Волхова. Эта терри-

торія политически раздроблена на области, „волости“, въ каждой изъ которыхъ политическимъ средоточіемъ служилъ большой торговый городъ, первый устроитель и руководитель политическаго быта своей области. Эти города мы будемъ называть *волостными*, а руководимыя ими области *городовыми*. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти же волостные города служили средоточіями и руководителями и экономическаго движенія, направлявшаго хозяйственный бытъ тогдашней Руси, внѣшней торговли. Всѣ другія явленія этого времени, учрежденія, соціальныя отношенія, нравы, успѣхи знанія и искусства, даже нравственно-религіозной жизни, были прямыми или отдаленными послѣдствіями совокупнаго дѣйствія двухъ указанныхъ факторовъ, волостного торговаго города и внѣшней торговли. Первый и самый трудный вопросъ, представляющійся при изученіи этого періода, касается того, какъ и какими условіями созданъ былъ обозначенный складъ политическихъ и экономическихъ отношеній, когда появились на указанной полосѣ славянское населеніе и чѣмъ вызваны были къ дѣйствію оба указанные фактора.

Два взгляда на ея начало.

Въ нашей исторической литературѣ преобладаютъ два различные взгляда на начало нашей исторіи. Одинъ изъ нихъ изложенъ въ критическомъ изслѣдованіи о древнерусскихъ лѣтописяхъ, составленномъ членомъ русской Академіи Наукъ XVIII в., знаменитымъ нѣмцемъ Шлёцеромъ на нѣмецкомъ языкѣ и изданномъ въ началѣ прошлаго вѣка. Вотъ основныя черты Шлёцерова взгляда, котораго держались Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ. До половины IX в., т.-е. до прихода варяговъ, на обширномъ пространствѣ нашей равнины отъ Новгорода до Кіева по Днѣпру направо и налѣво все было дико и пусто, покрыто мракомъ: жили здѣсь люди, но безъ правленія, подобно звѣрямъ и птицамъ, наполнявшимъ ихъ лѣса. Въ эту обшир-

ную пустыню, заселенную бѣдными, разбросанно жившими дикарями, славянами и финнами, начатки гражданственности впервые были занесены пришельцами изъ Скандинавіи варягами около половины IX в. Извѣстная картина нравовъ восточныхъ славянъ, какъ ее нарисовалъ составитель Повѣсти о началѣ Русской земли, повидимому оправдывала этотъ взглядъ. Здѣсь читаемъ, что восточные славяне до принятія христіанства жили „звѣринскимъ образомъ, скотски" въ лѣсахъ, какъ всѣ звѣри, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, жили уединенными, разбросанными и враждебными одинъ другому родами: „живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ". Итакъ, нашу исторію слѣдуетъ начинать не раньше половины IX в. изображеніемъ тѣхъ первичныхъ историческихъ процессовъ, которыми вездѣ начиналось человѣческое общежитіе, картиной выхода изъ первобытнаго дикаго состоянія. Другой взглядъ на начало нашей исторіи прямо противоположенъ первому. Онъ началъ распространяться въ нашей литературѣ нѣсколько позднѣе перваго, писателями XIX в. Наиболѣе полное выраженіе его можно найти въ сочиненіяхъ профессора Московскаго университета Бѣляева и г. Забѣлина въ I томѣ его „Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ". Вотъ основныя черты ихъ взгляда. Восточные славяне искони обитали тамъ, гдѣ знаетъ ихъ наша Начальная лѣтопись; здѣсь, въ предѣлахъ русской равнины, они поселились, можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Обозначивъ такъ свою исходную точку, ученые этого направленія изображаютъ долгій и сложный историческій процессъ, которымъ изъ первобытныхъ мелкихъ родовыхъ союзовъ выростали у восточныхъ славянъ цѣлыя племена, среди племенъ возникали города, изъ среды этихъ городовъ поднимались главные или старшіе города, соста-

влявшіе съ младшими городами или пригородами племенные политическіе союзы полянъ, древлянъ, сѣверянъ и другихъ племенъ, и, наконецъ, главные города разныхъ племенъ приблизительно около эпохи призванія князей начали соединяться въ одинъ общерусскій союзъ. При схематической ясности и послѣдовательности эта теорія нѣсколько затрудняетъ изучающаго тѣмъ, что такой сложный историческій процессъ развивается ею внѣ времени и историческихъ условій: не видно, къ какому хронологическому пункту можно было бы пріурочить начало и дальнѣйшіе моменты этого процесса и какъ, въ какой исторической обстановкѣ онъ развивался. Слѣдуя этому взгляду, мы должны начинать нашу исторію задолго до Р. Х., едвали не со временъ Геродота, во всякомъ случаѣ за много вѣковъ до призванія князей, ибо уже до ихъ прихода у восточныхъ славянъ успѣлъ установиться довольно сложный и выработанный общественный строй, отлившійся въ твердыя политическія формы. Войдемъ въ разборъ уцѣлѣвшихъ извѣстій и преданій о нашихъ славянахъ и тогда получимъ возможность оцѣнить оба сейчасъ изложенные взгляда.

Дославянское заселеніе южной Россіи.

Что разумѣть подъ началомъ исторіи какого-либо народа? Съ чего начинать его исторію? Древніе греческіе и римскіе писатели сообщаютъ намъ о южной степной Россіи рядъ извѣстій, неодинаково достовѣрныхъ, полученныхъ ими черезъ посредство греческихъ колоній по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря отъ купцовъ или по личнымъ наблюденіямъ. До нашей эры разные кочевые народы, приходившіе изъ Азіи, господствовали здѣсь одинъ за другимъ, нѣкогда киммеріане, потомъ при Геродотѣ скиѳы, позднѣе, во времена римскаго владычества, сарматы. Около начала нашей эры смѣна пришельцевъ учащается, номенклатура варваровъ въ древней Скиѳіи становится сложнѣе, запутаннѣе. Сарматовъ

смѣнили или изъ нихъ выдѣлились геты, языги, роксаланы, аланы, бастарны, даки. Эти народы толпятся къ нижнему Дунаю, къ сѣвернымъ предѣламъ Имперіи, иногда вторгаются въ ея области, скучиваются въ разноплеменныя разсыпчатыя громады, образуютъ между Днѣпромъ и Дунаемъ обширныя, но скоропреходящія владѣнія, каковы были передъ Р. Х. царства гетовъ, потомъ даковъ и роксаланъ, которымъ римляне даже принуждены были платить дань или откупъ. Видно, что подготовлялось великое переселеніе народовъ. Южная Россія служила для этихъ азіатскихъ проходцевъ временной стоянкой, на которой они готовились сыграть ту или другую европейскую роль, пробравшись къ нижнему Дунаю или переваливъ за Карпаты. Эти народы, цѣпью прошедшіе на протяженіи вѣковъ по южно-русскимъ степямъ, оставили здѣсь послѣ себя безчисленные курганы, которыми усѣяны обширныя пространства между Днѣстромъ и Кубанью. Надъ этими могильными насыпями усердно и успѣшно работаетъ археологія и открываетъ въ нихъ любопытныя историческія указанія, пополняющія и проясняющія древнихъ греческихъ писателей, писавшихъ о нашей странѣ. Нѣкоторые народы, подолгу заживавшіеся въ припонтійскихъ степяхъ, напримѣръ, скиѳы, входили черезъ здѣшнія колоніи въ довольно тѣсное соприкосновеніе съ античной культурой. Вблизи греческихъ колоній появлялось смѣшанное эллино-скиѳское населеніе. Скиѳскіе цари строили дворцы въ греческихъ городахъ, скиѳская знать ѣздила въ самую Грецію учиться; въ скиѳскихъ курганахъ находятъ вещи высоко-художественной работы греческихъ мастеровъ, служившія обстановкой скиѳскихъ жилищъ. Всѣ эти данныя имѣютъ большую общеисторическую цѣну; но они относятся больше къ исторіи нашей страны, чѣмъ къ исторіи нашего народа. Наука пока не въ состояніи уловить прямой исто-

Его значеніе.

рической связи этихъ азіатскихъ посѣтителей южной Руси съ славянскимъ населеніемъ, позднѣе здѣсь появляющимся, какъ и вліянія ихъ художественныхъ заимствованій и культурныхъ успѣховъ на бытъ полянъ, сѣверянъ и проч. Присутствія славянъ среди этихъ древнихъ народовъ не замѣтно. И сами эти народы остаются этнографическими загадками. Историческая этнографія, изучая происхожденіе всѣхъ этихъ народовъ, пыталась выяснить, какіе изъ нихъ принадлежали къ кельтскому и какіе къ германскому или славянскому племени. Въ такой постановкѣ вопроса есть, кажется, нѣкоторое методологическое недоразумѣніе. Эти племенныя группы, на которыя мы теперь дѣлимъ европейское населеніе, не суть какое-либо первобытное извѣчное дѣленіе человѣчества: онѣ сложились исторически и обособились въ свое время каждая. Искать ихъ въ скиѳской древности значитъ пріурочивать древнія племена къ позднѣйшей этнографической классификаціи. Если эти племена и имѣли общую генетическую связь съ позднѣйшимъ населеніемъ Европы, то отдѣльнымъ европейскимъ народамъ трудно найти среди нихъ своихъ прямыхъ спеціальныхъ предковъ и съ нихъ начинать свою исторію.

Начальные факты въ исторіи народа.

Начало исторіи народа должно обозначаться какими-либо болѣе явственными, уловимыми признаками. Ихъ надобно искать прежде всего въ памяти самого народа. Первое, что̀ запомнилъ о себѣ народъ, и должно указывать путь къ началу его исторіи. Такое воспоминаніе не бываетъ случайнымъ, безпричиннымъ. Народъ есть населеніе, не только совмѣстно живущее, но и совокупно дѣйствующее, имѣющее общій языкъ и общія судьбы. Потому, въ народной памяти обыкновенно надолго удерживаются событія, которыя впервые коснулись всего народа, въ которыхъ весь онъ принялъ участіе и черезъ это совокупное участіе впер-

вые почувствовалъ себя единымъ цѣлымъ. Но такія события обыкновенно не проходятъ безслѣдно не только для народной памяти, но и для народной жизни: они выводятъ составныя части народа изъ разрозненнаго состоянія, соединяютъ его силы для какой-либо общей цѣли и закрѣпляютъ это соединеніе какой-либо связующей, для всѣхъ обязательной, формой общежитія. Таковы, по моему мнѣнію, два тѣсно связанные между собою признака, обозначающіе начало исторіи народа: самое раннее воспоминаніе его о самомъ себѣ и самая ранняя общественная форма, объединившая его въ какомъ-либо совокупномъ дѣйствіи. Найдемъ ли такіе признаки въ исторіи нашего народа?

Разселеніе славянъ съ Дуная.

Составитель Начальной лѣтописи не поможетъ намъ въ этомъ исканіи. У него другая точка зрѣнія: онъ панславистъ; исходя изъ своей идеи первобытнаго единства славянства, онъ прежде всего старается связать раннія судьбы родной Руси съ общей исторіей славянъ. Начальная лѣтопись не помнитъ времени прихода славянъ изъ Азіи въ Европу. Въ ученомъ этнографическомъ очеркѣ, поставленномъ во главѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ, она застаетъ славянъ уже на Дунаѣ. Изъ этой придунайской страны, которую она называетъ землею Венгерской и Болгарской, славяне разселились въ разныя стороны. Оттуда же вышли и тѣ славяне, которые поселились по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу. Лѣтопись разсказываетъ, что когда *волхи* напали на славянъ дунайскихъ, сѣли среди нихъ и начали ихъ угнетать, одни славяне ушли и сѣли по Вислѣ, прозвавшись ляхами, другіе пришли на Днѣпръ и прозвались полянами, а поселившіеся въ лѣсахъ — древлянами и т. д. Волхи или волохи — это, по мнѣнію изслѣдователей, римляне. Рѣчь идетъ о разрушеніи императоромъ Трояномъ царства даковъ, которымъ его предшественникъ Домиціанъ

принужденъ былъ платить дань. Это указаніе на присутствіе славянъ въ составѣ Дакійскаго царства и о передвиженіи части ихъ съ Дуная на сѣверо-востокъ отъ римскаго нашествія въ началѣ II в. по Р. X. — одно изъ самыхъ раннихъ историческихъ воспоминаній славянства и отмѣчено, если не ошибаюсь, только нашей лѣтописью; трудно лишь догадаться, изъ какого источника оно заимствовано. Но его нельзя принять за начало нашей исторіи: оно касалось не однихъ восточныхъ славянъ и притомъ говоритъ о разбродѣ славянства, а не о сформированіи среди него какого-либо союза

Извѣстіе Іорнанда.

Наша лѣтопись не помнитъ явственно, чтобы восточные славяне гдѣ-либо надолго останавливались по пути съ Дуная къ Днѣпру; но сопоставляя ея смутныя воспоминанія съ иноземными извѣстіями, узнаемъ о такой промежуточной остановкѣ. Въ III в. по Р. X. наша страна подверглась новому нашествію, но съ необычной стороны, не съ востока, изъ Азіи, а изъ Европы, съ Балтійскаго моря: это были отважные мореходы готы, которые по рѣкамъ нашей равнины проникали въ Черное море и громили Восточную имперію. Въ IV в. ихъ вождь Германарихъ завоеваніями образовалъ изъ обитателей нашей страны обширное царство. Это было первое исторически извѣстное государство, основанное европейскимъ народомъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Въ составъ ея входили различныя племена восточной Европы, въ названіяхъ которыхъ можно распознать эстовъ, мерю, мордву — все будущихъ сосѣдей восточныхъ славянъ. Были покорены Германарихомъ и венеты или венеды, какъ называли западные латинскіе писатели славянъ съ начала нашей эры. Историкъ готовъ Іорнандъ, который сообщаетъ эти извѣстія о царствѣ Германариха, не указываетъ, гдѣ тогда жили эти венеты, собственное имя кото-

рыхъ (*Σκλάβοι*) въ византійскихъ извѣстіяхъ появляется съ конца V в. Зато этотъ латинскій писатель VI в., хорошо знакомый съ міромъ задунайскихъ варваровъ и самъ варваръ по происхожденію, родомъ изъ Мизіи, съ нижняго Дуная, обстоятельно очерчиваетъ современное ему географическое размѣщеніе славянъ. Описывая Скиѳію своего времени, онъ говоритъ, что по сѣвернымъ склонамъ высокихъ горъ отъ истоковъ Вислы на обширныхъ пространствахъ сидитъ многолюдный народъ венетовъ. Хотя теперь, продолжаетъ Іорнандъ, они зовутся различными именами по разности родовъ и мѣстъ поселенія, но главныя ихъ названія *склавены* и *анты*. Первые обитаютъ на сѣверъ до Вислы, а на востокъ *до Днѣстра* (usque ad Danastrum); лѣса и болота замѣняютъ имъ города. Вторые, самые сильные изъ венетовъ, простираются по изогнутому побережью Чернаго моря отъ Днѣстра до Днѣпра. Значитъ, славяне собственно занимали тогда Карпатскій край. Карпаты были общеславянскимъ гнѣздомъ, изъ котораго впослѣдствіи славяне разошлись въ разныя стороны. Эти карпатскіе славяне съ конца V в., когда греки стали знать ихъ подъ ихъ собственнымъ именемъ, и въ продолженіе всего VI в. громили Восточную имперію, переходя за Дунай: не даромъ тотъ же Іорнандъ съ грустью замѣчаетъ, что славяне, во времена Германариха столь ничтожные, какъ ратники, и сильные только численностью, „нынѣ по грѣхамъ нашимъ свирѣпствуютъ всюду“. Слѣдствіемъ этихъ усиленныхъ вторженій, начало которыхъ относятъ еще къ III в., и было постепенное заселеніе Балканскаго полуострова славянами. Итакъ, прежде чѣмъ восточные славяне съ Дуная попали на Днѣпръ, они долго оставались на карпатскихъ склонахъ; здѣсь была промежуточная ихъ стоянка.

Военный союзъ славянъ на Карпатахъ въ VI в.

Продолжительный вооруженный напоръ карпатскихъ славянъ на Имперію смыкалъ ихъ въ военные союзы. Карпатскіе славяне вторгались въ предѣлы Восточной имперіи не цѣлыми племенами, какъ германцы наводняли провинціи Западной имперіи, а вооруженными ватагами или дружинами, выдѣлявшимися изъ разныхъ племенъ. Эти дружины и служили боевой связью отдѣльныхъ разобщенныхъ племенъ. Находимъ слѣды такого союза, въ составъ котораго входили именно восточные славяне. Повѣсть временныхъ лѣтъ по всѣмъ признакамъ составлена въ Кіевѣ: составитель ея съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ кіевскимъ полянамъ, отличая ихъ „кроткій и тихій обычай“ отъ звѣринскихъ нравовъ всѣхъ другихъ восточныхъ славянскихъ племенъ, да и знаетъ о нихъ больше, чѣмъ о другихъ племенахъ. Она ничего не говоритъ ни о готахъ Германариха, ни о гуннахъ, вскорѣ послѣ него затопившихъ его царство. Но она помнитъ рядъ болѣе позднихъ вражескихъ нашествій, испытанныхъ славянами, говоритъ о болгарахъ, обрахъ, хозарахъ, печенѣгахъ, уграхъ. Однако до хозаръ она ничего не запомнила о своихъ любимыхъ полянахъ, кромѣ преданія объ основаніи Кіева. Народные потоки, пронесшіеся по южной Россіи и часто дававшіе больно чувствовать себя восточнымъ славянамъ, какъ будто ничѣмъ не задѣвали восточнаго славянскаго племени, ближе всѣхъ къ нимъ стоявшаго, полянъ. Въ памяти кіевскаго повѣствователя XI в. уцѣлѣло отъ тѣхъ далекихъ временъ преданіе только объ одномъ восточномъ славянскомъ племени, но такомъ, которое жило далеко отъ Кіева и въ XI в. не принимало виднаго участія въ ходѣ событій. Повѣсть разсказываетъ о нашествіи аваровъ на дулѣбовъ (въ VI—VII вв.):

„Тѣ же обры воевали со славянами и покорили дулѣбовъ, тоже славянъ, и притѣсняли женщинъ дулѣбскихъ:

собираясь ѣхать, обринъ не давалъ запрягать ни коня, ни вола, а приказывалъ заложить въ телѣгу 3, 4, 5 женщинъ, и онѣ везли его; такъ мучили они дулѣбовъ. Были обры тѣломъ велики, а умомъ горды, и истребилъ ихъ Богъ, перемерли всѣ, не осталось ни единаго обрина, и есть поговорка на Руси до сего дня: *погибоша аки обрѣ*".

Вѣроятно, благодаря этой исторической поговоркѣ и попало въ Повѣсть преданіе объ обрахъ, которое носитъ на себѣ черты былины, исторической пѣсни, составляющей, можетъ-быть, отдаленный отголосокъ цѣлаго цикла славянскихъ пѣсенъ объ аварахъ, сложившагося на карпатскихъ склонахъ. Но гдѣ были во время этого нашествія поляне, и почему однимъ дулѣбамъ пришлось такъ страдать отъ обровъ? Неожиданно съ другой стороны идетъ къ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ сороковыхъ годахъ X в., лѣтъ за сто до составленія Повѣсти временныхъ лѣтъ, писалъ о восточныхъ славянахъ арабъ Масуди въ своемъ географическомъ сочиненіи *Золотые луга*. Здѣсь онъ разсказываетъ, что одно изъ славянскихъ племенъ, коренное между ними, нѣкогда господствовало надъ прочими, верховный царь былъ у него, и этому царю повиновались всѣ прочіе цари; но потомъ пошли раздоры между ихъ племенами, союзъ ихъ разрушился, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна, и каждое племя выбрало себѣ отдѣльнаго царя. Это господствовавшее нѣкогда славянское племя Масуди называетъ *валинана* (волыняне), а изъ нашей Повѣсти мы знаемъ, что волыняне — тѣ же дулѣбы и жили по Западному Бугу. Можно догадываться, почему кіевское преданіе запомнило однихъ дулѣбовъ изъ временъ аварскаго нашествія. Тогда дулѣбы господствовали надъ всѣми восточными славянами и покрывали ихъ своимъ именемъ, какъ впослѣдствіи всѣ восточные славяне стали зваться *Русью* по имени главной

области въ Русской землѣ, ибо Русью первоначально называлась только Кіевская область. Во время аварскаго нашествія еще не было ни полянъ, ни самого Кіева, и масса восточнаго славянства сосредоточивалась западнѣе, на склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, въ краю обширнаго водораздѣла, откуда идутъ въ разныя стороны Днѣстръ, оба Буга, притоки верхней Припети и верхней Вислы.

Итакъ мы застаемъ у восточныхъ славянъ на Карпатахъ въ VI в. большой военный союзъ подъ предводительствомъ князя дулѣбовъ. Продолжительная борьба съ Византіей завязала этотъ союзъ, сомкнула восточное славянство въ нѣчто цѣлое. На Руси во времена Игоря еще хорошо помнили объ этой первой попыткѣ восточныхъ славянъ сплотиться, соединить свои силы для общаго дѣла, такъ что арабскій географъ того времени успѣлъ записать довольно полное извѣстіе объ этомъ. Сто лѣтъ спустя, во времена Ярослава I, русскій повѣствователь отмѣтилъ только поэтическій обрывокъ этого историческаго воспоминанія. Этотъ военный союзъ и есть фактъ, который можно поставить въ самомъ началѣ нашей исторіи: она, повторю, началась въ VI в. на самомъ краю, въ юго-западномъ углу нашей равнины, на сѣверо-восточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ.

Разселеніе по русской равнинѣ.

Отсюда, съ этихъ склоновъ восточные славяне въ VII в. постепенно разселялись по равнинѣ. Это разселеніе можно признать вторымъ начальнымъ фактомъ нашей исторіи. И этотъ фактъ оставилъ нѣкоторые слѣды въ нашей Повѣсти, такъ же значительно проясняющіеся при сопоставленіи ихъ съ иноземными извѣстіями. Византійскіе писатели VI и начала VII в. застаютъ задунайскихъ славянъ въ состояніи необычайнаго движенія. Императоръ Маврикій (582—602 г.), долго боровшійся съ этими славянами, пишетъ, что они живутъ точно разбойники, всегда готовые подняться съ

мѣста, поселками, разбросанными по лѣсамъ и по берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ страны. Прокопій, писавшій нѣсколько ранѣе, замѣчаетъ, что славяне живутъ въ плохихъ хижинахъ, разбросанныхъ поодиночкѣ, на далекомъ одна отъ другой разстояніи, и постоянно переселяются. Причина этой подвижности открывается изъ ея слѣдствій. Византійцы говорятъ о вторженіяхъ задунайскихъ славянъ въ предѣлы Имперіи до второй четверти VII в.; приблизительно съ этого времени одновременно прекращаются и эти вторженія, и византійскія извѣстія о задунайскихъ славянахъ: послѣдніе исчезаютъ куда-то и снова появляются въ византійскихъ сказаніяхъ уже въ IX в., когда они опять начинаютъ нападать на Византію съ другой стороны, морскимъ путемъ, и подъ новымъ именемъ Руси. О судьбѣ восточныхъ славянъ въ этотъ длинный промежутокъ VII—IX вѣковъ находимъ у византійцевъ мало надежныхъ извѣстій. Прекращеніе славянскихъ набѣговъ на Имперію было слѣдствіемъ отлива славянъ съ Карпатъ, начавшагося или усилившагося со второй четверти VII в. Этотъ отливъ совпадаетъ по времени съ аварскимъ нашествіемъ на восточныхъ славянъ, въ которомъ можно видѣть его причину. Наша Повѣсть временныхъ лѣтъ не говоритъ ни о пятивѣковой карпатской стоянкѣ славянъ, ни объ этой вторичной ихъ передвижкѣ оттуда въ разныя стороны; но она отмѣчаетъ нѣкоторые отдѣльные ея признаки и слѣдствія. Въ очеркѣ разселенія славянъ съ Дуная она отчетливо отличаетъ западныхъ славянъ, мораву, чеховъ, ляховъ, поморянъ, отъ восточныхъ — хорватовъ, сербовъ и хорутанъ. Славянъ, разселившихся по Днѣпру и другимъ рѣкамъ нашей равнины, она ведетъ отъ восточной вѣтви, а мѣстопребываніемъ племенъ, ее составлявшихъ, гдѣ потомъ знаютъ византійскіе писатели этихъ хорватовъ и сербовъ, была страна Карпатъ, нынѣшняя Галиція съ областью верх-

Его признаки.

ней Вислы. Хорватовъ здѣсь знаетъ и наша Начальная лѣтопись даже въ X в.: они участвуютъ въ походѣ Олега на грековъ 907 года; съ ними воюетъ Владиміръ въ 992 году. Не помня ясно о приходѣ днѣпровскихъ славянъ съ Карпатъ, лѣтопись однако запомнила одинъ изъ послѣднихъ моментовъ этого разселенія. Размѣщая восточно-славянскія племена по Днѣпру и его притокамъ, она разсказываетъ, что были въ ляхахъ два брата Радимъ и Вятко, которые пришли со своими родами и сѣли Радимъ на Сожѣ, а Вятко на Окѣ; отъ нихъ и пошли радимичи и вятичи. Поселеніе этихъ племенъ за Днѣпромъ даетъ нѣкоторое основаніе думать, что ихъ приходъ былъ однимъ изъ позднихъ приливовъ славянской колонизаціи: новые пришельцы уже не нашли себѣ мѣста на правой сторонѣ Днѣпра и должны были продвинуться далѣе на востокъ, за Днѣпръ. Съ этой стороны вятичи очутились самымъ крайнимъ племенемъ русскихъ славянъ. Но почему эти племена лѣтопись выводитъ „отъ ляховъ“? Это значитъ, что они пришли изъ прикарпатской страны: область указаннаго водораздѣла, Червонная Русь, древняя страна хорватовъ въ XI в., когда написана разсказывающая объ этомъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, считалась уже ляшской страной и была предметомъ борьбы Руси съ Польшей.

Его время. Такъ, сопоставляя смутныя воспоминанія этой Повѣсти съ иноземными извѣстіями, не безъ усилій и не безъ участія предположеній получаемъ нѣкоторую возможность представить себѣ, какъ подготовлялись оба начальные факта нашей исторіи. Приблизительно ко II в. по Р. Х. народные потоки прибили славянъ къ среднему и нижнему Дунаю. Прежде они терялись въ разноплеменномъ населеніи Дакійскаго царства и только около этого времени начали выдѣляться изъ сарматской массы, обособляться въ глазахъ ино-

земцевъ, какъ и въ собственныхъ воспоминаніяхъ. Тацитъ еще недоумѣваетъ, кому сроднѣе венеды: германцамъ, или кочевникамъ-сарматамъ, и Іорнандъ припоминаетъ, что Никополь на Дунаѣ основанъ Траяномъ послѣ побѣдъ надъ сарматами. Но наша лѣтопись помнитъ, что отъ волоховъ, т.-е. отъ римлянъ Траяна, тяжко пришлось славянамъ, которые вынуждены были покидать свои дунайскія жилища. Но восточные славяне, принесшіе на Днѣпръ это воспоминаніе, пришли сюда не прямо съ Дуная, совершивъ непрерывную перекочевку: это была медленная передвижка съ остановкой на Карпатахъ, длившейся со II до VII в. Авары дали толчокъ дальнѣйшему движенію карпатскихъ славянъ въ разныя стороны. Въ V и VI вв. въ средней и восточной Европѣ очистилось много мѣстъ, покинутыхъ германскими племенами, которыхъ гуннское нашествіе двинуло на югъ и западъ въ римскія провинціи. Аварское нашествіе оказало подобное же дѣйствіе на славянскія племена, двинувъ ихъ на опустѣлыя мѣста. Разсказъ Константина Багрянороднаго о призывѣ сербовъ и хорватовъ на Балканскій полуостровъ импер. Ираклiемъ въ VII в. для борьбы съ аварами заподозрѣнъ исторической критикой и наполненъ сомнительными подробностями; но въ основѣ его, кажется, лежитъ нѣчто дѣйствительное. Во всякомъ случаѣ VII в. былъ временемъ, когда въ той или другой связи съ аварскимъ движеніемъ возникъ рядъ славянскихъ государствъ (Чешское, Хорватское, Болгарское). Въ этотъ же вѣкъ по мѣстамъ, гдѣ прежде господствовали готы, стали разселяться восточные славяне, какъ въ странѣ, гдѣ прежде сидѣли вандалы и бургунды, тогда же разселялись ляхи.

Обособленіе славянъ восточныхъ.

Изучая начало нашей исторіи, мы сейчасъ видѣли, какъ выдѣлялись славяне изъ этнографической массы съ неопредѣленными племенными обликами, нѣкогда населявшей

восточную припонтійскую Европу. Въ VII в., когда уже было извѣстно собственное родовое имя славянъ, мы замѣчаемъ признаки ихъ внутренняго видового раздѣленія, мѣстнаго и племенного. Трудно обозначить съ точностью время, къ которому можно было бы пріурочить обособленіе ихъ западной и восточной вѣтви; но до VII в. видимъ, что ихъ судьбы складываются въ тѣсной взаимной связи, въ зависимости отъ одинаковыхъ или сходныхъ обстоятельствъ и вліяній. Съ этого вѣка, когда въ жизни восточныхъ славянъ обозначились явленія, которыя можно признать начальными фактами нашей исторіи, эти славяне, разселяясь съ Карпатъ, вступаютъ подъ дѣйствіе особыхъ мѣстныхъ условій, сопровождающихъ и направляющихъ ихъ жизнь на протяженіи многихъ дальнѣйшихъ столѣтій. Наблюдая, какъ они устроялись на новыхъ мѣстахъ жительства, мы будемъ слѣдить за происхожденіемъ и дѣйствіемъ этихъ новыхъ условій.

Лекція VIII.

Слѣдствія разселенія восточныхъ славянъ по русской равнинѣ. 1) Юридическія. Бытъ восточныхъ славянъ въ эпоху разселенія. — Вліяніе колонизаціи на разрушеніе родового союза и на взаимное сближеніе родовъ; смѣна рода дворомъ. — Отраженіе этихъ фактовъ въ миѳологіи русскихъ славянъ. — Очеркъ ихъ миѳологіи. Культъ природы. — Почитаніе предковъ. — Отраженіе тѣхъ же фактовъ въ формахъ языческаго брака у русскихъ славянъ и въ ихъ семейномъ правѣ. — 2) Слѣдствія экономическія. Давнее торговое движеніе по Днѣпру. — Греческія колоніи по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря. — Слѣды раннихъ торговыхъ сношеній русскихъ славянъ съ хозарскимъ и арабскимъ Востокомъ и съ Византіей. — Вліяніе хозарскаго ига на успѣхи этой торговли. — Происхожденіе древнѣйшихъ русскихъ городовъ.

Въ продолженіе VII и VIII в., во время аварскаго владычества по обѣимъ сторонамъ Карпатъ, восточной и западной, восточная вѣтвь славянъ, занимавшая сѣверо-восточные склоны этого хребта, мало-по-малу отливала на востокъ и сѣверо-востокъ. Вотъ фактъ, на изученіи котораго мы остановились. Онъ сопровождался для восточныхъ славянъ разнообразными послѣдствіями юридическими, экономическими и политическими. Изъ этихъ слѣдствій и слагался тотъ бытъ восточныхъ славянъ, который мы наблюдаемъ, читая разсказъ Начальной лѣтописи о Русской землѣ IX—XI вв. Остановимся прежде всего на послѣдствіяхъ юридическихъ, какими сопровождалось разселеніе восточныхъ славянъ. Слѣдствія разселенія.

На Карпатахъ эти славяне повидимому жили еще первобытными родовыми союзами. Черты такого быта мелькаютъ Слѣды родового быта.

въ неясныхъ и скудныхъ византійскихъ извѣстіяхъ о славянахъ VI и начала VII в. По этимъ извѣстіямъ славяне управлялись многочисленными царьками и филархами, т.-е. племенными князьками и родовыми старѣйшинами, и имѣли обычай собираться на совѣщанія объ общихъ дѣлахъ. Повидимому рѣчь идетъ о родовыхъ сходахъ и племенныхъ вѣчахъ. Въ то же время византійскія извѣстія указываютъ на недостатокъ согласія, на частыя усобицы между славянами — обычный признакъ жизни мелкими разобщенными родами. Если что̀ можно извлечь изъ этихъ указаній, то развѣ одно предположеніе, что уже въ VI в. мелкіе славянскіе роды начинали смыкаться въ болѣе крупные союзы, колѣна или племена, хотя родовая обособленность еще преобладала. Смутное преданіе донесло изъ того времени имя лишь одного восточнаго славянскаго племени — дулѣбовъ, стоявшаго во главѣ цѣлаго военнаго союза. Трудно представить себѣ, какъ среди господствовавшей родовой и племенной розни составлялся и дѣйствовалъ этотъ союзъ. Мы привели его въ связь съ продолжительными набѣгами карпатскихъ славянъ на Восточную Имперію. По своимъ цѣлямъ и составу онъ представлялъ ассоціацію столь непохожую на родовые и племенные союзы, что могъ дѣйствовать рядомъ съ ними, не трогая прямо ихъ основъ. Это были ополченія боевыхъ людей, выдѣлявшихся изъ разныхъ родовъ и племенъ на время похода, по окончаніи котораго уцѣлѣвшіе товарищи расходились, возвращаясь въ среду своихъ родичей, подъ дѣйствіе привычныхъ отношеній. Подобнымъ образомъ и впослѣдствіи племена восточныхъ славянъ участвовали въ походахъ кіевскихъ князей на грековъ. Съ нашествіемъ аваровъ, когда прекратились славянскіе набѣги на Имперію и началось разселеніе славянъ, этотъ союзъ долженъ былъ самъ собою распасться.

Еще труднѣе уяснить себѣ, какая форма общежитія господствовала у восточныхъ славянъ въ эпоху ихъ разселенія по нашей равнинѣ. Повѣсть о началѣ Русской земли, описывая ихъ размѣщеніе, пересчитываетъ племена, на которыя они дѣлились, указывая, гдѣ поселилось каждое. Вы помните, какъ она разсаживаетъ по равнинѣ всѣхъ этихъ полянъ, древлянъ, волынянъ, сѣверянъ, радимичей, вятичей, кривичей, полочанъ, дреговичей, славянъ новгородскихъ. Мы уже знаемъ гидрографическое основаніе такого размѣщенія: племена поселились по рѣчнымъ бассейнамъ западной половины страны, принимая за раздѣльную черту обѣихъ половинъ линію по верхнему меридіанальному теченію р. Оки. Но трудно рѣшить, что̀ такое были эти племена, плотные ли политическіе союзы, или простыя географическія группы населенія, ничѣмъ не связанныя политически. Масуди пишетъ, что по распаденіи союза подъ руководствомъ волынянъ восточные славяне раздѣлились на отдѣльныя колѣна и каждое племя выбрало себѣ особаго царя. Въ нашей Повѣсти временныхъ лѣтъ этому преданію отвѣчаетъ извѣстіе, что послѣ Кія съ братьями родъ ихъ началъ держать княженіе у полянъ, а у древлянъ было свое княженіе, у дреговичей свое и т. д. Ученый редакторъ Повѣсти, оспаривая мнѣніе, будто Кій былъ простымъ днѣпровскимъ перевощикомъ, представляетъ его знатнымъ человѣкомъ, княжившимъ въ своемъ родѣ. Выходитъ, что и этотъ родъ послѣ своего родоначальника княжилъ въ цѣломъ племени полянъ, былъ какъ бы племенной полянской династіей и что подобныя династіи существовали и у другихъ племенъ. Но не видно, въ какихъ формахъ выражалось владѣтельное значеніе этихъ племенныхъ династій. Преданіе не запомнило имени ни одного племенного князя. Малъ, неудачный женихъ Игоревой вдовы, является однимъ изъ древлянскихъ князей, владѣ- **Неясность формъ общежитія.**

телемъ Искоростѣна, а не всего племени древлянъ. Ходота какой-то вліятельный человѣкъ среди вятичей, противъ котораго Владиміръ Мономахъ предпринималъ два зимнихъ похода, въ его *Поученіи* даже не названъ княземъ и упомянутъ вскользь, такъ что его политическая физіономія остается совершенно въ туманѣ. Можетъ быть, мелкіе родовые князьки того или другого племени, считая себя потомками общаго предка, подобнаго полянскому Кію, поддерживали между собою какія-либо генеалогическія связи, собирались на племенныя вѣча, какъ это дѣлали карпатскіе филархи, или на поминальныя празднества въ честь обоготвореннаго родоначальника. Въ историческомъ вопросѣ чѣмъ меньше данныхъ, тѣмъ разнообразнѣе возможныя рѣшенія и тѣмъ легче они даются.

Вліяніе разселенія на родовой бытъ.

Повидимому въ эпоху разселенія родовой союзъ оставался господствующей формой быта у восточныхъ славянъ. По крайней мѣрѣ Повѣсть временныхъ лѣтъ только эту форму изображаетъ съ нѣкоторой отчетливостью: „живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ“. Это значитъ, что родственники жили особыми поселками, не вперемежку съ чужеродцами. Но это едва ли были первобытные цѣльные родовые союзы: ходъ разселенія долженъ былъ разбивать такое общежитіе. Родовой союзъ держится крѣпко, пока родичи живутъ вмѣстѣ плотными кучами; но колонизація и свойства края, куда она направлялась, разрушали совмѣстную жизнь родичей. Разселяясь по равнинѣ, восточные славяне заняли преимущественно лѣсную ея полосу. Къ ней относится замѣчаніе Іорнанда, который, описывая пространство къ востоку отъ Днѣстра, по Днѣпру и Дону, говоритъ, что это весьма обширная страна, покрытая лѣсами и непроходимыми болотами (terra vastissima, silvis consita, paludibus dubia). Самый Кіевъ

возникъ на южной опушкѣ этого громаднаго лѣса. Въ этомъ пустынномъ лѣсистомъ краю пришельцы занялись ловлей пушныхъ звѣрей, лѣснымъ пчеловодствомъ и хлѣбопашествомъ. Пространства, удобныя для этихъ промысловъ, не шли обширными сплошными полосами: среди лѣсовъ и болотъ надобно было отыскивать болѣе открытыя и сухія мѣста и расчищать ихъ для пашни или дѣлать въ лѣсу извѣстныя приспособленія для звѣроловства и пчеловодства. Такія мѣста являлись удаленными одинъ отъ другого островками среди моря лѣсовъ и болотъ. На этихъ островкахъ поселенцы и ставили свои одинокіе дворы, окапывали ихъ и расчищали въ окрестности поля для пашни, приспособляя въ лѣсу борти и ловища. Въ предѣлахъ древней Кіевской Руси до сихъ поръ уцѣлѣли остатки старинныхъ укрѣпленныхъ селеній, такъ-называемыя *городища*. Это обыкновенно округлыя, рѣже угловатыя пространства, очерченныя иногда чуть замѣтнымъ валомъ. Такія городища разсѣяны всюду по Приднѣпровью на разстояніи 4—8 верстъ другъ отъ друга. Ихъ происхожденіе еще въ языческую пору доказывается сосѣдствомъ кургановъ, древнихъ могильныхъ насыпей. Раскопка этихъ насыпей показала, что лежащихъ въ нихъ покойниковъ хоронили еще по-язычески. Не думайте, что эти городища — остатки настоящихъ значительныхъ городовъ: пространство, очерченное кольцеобразнымъ валомъ, обыкновенно едва достаточно, чтобы вмѣстить въ себѣ добрый крестьянскій дворъ. Какъ возникли и что̀ такое были эти городища? Я думаю, что это остатки одинокихъ укрѣпленныхъ дворовъ, какими разселялись нѣкогда восточные славяне и на которые указываетъ византійскій писатель Прокопій, говоря, что задунайскіе славяне его времени жили въ плохихъ, разбросанныхъ поодиночкѣ хижинахъ. Такіе одинокіе дворы или, говоря иначе, однодворныя де-

ревни ставили славянскіе поселенцы, селясь по Днѣпру и по его притокамъ. Такими однодворными деревнями и впослѣдствіи колонизовалось верхнее Поволожье. Дворы окапывались земляными валами, вѣроятно, съ частоколомъ, для защиты отъ враговъ, а особенно для обороны скота отъ дикихъ звѣрей. Изъ такихъ одинокихъ дворовъ выросъ и самый городъ Кіевъ. Повѣсть временныхъ лѣтъ помнитъ объ основаніи этого города — знакъ, что онъ возникъ въ сравнительно близкое къ ней время. Преданіе разсказываетъ, что на горномъ берегу Днѣпра, на трехъ сосѣднихъ холмахъ поселились три брата, занимавшіеся звѣроловствомъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Они построили здѣсь городокъ, который назвали по имени Кія, старшаго брата, Кіевомъ. Такъ Кіевъ возникъ изъ трехъ однодворныхъ деревень съ общимъ укрѣпленнымъ убѣжищемъ, которыя поставлены были тремя звѣроловами, когда-то поселившимися на берегу Днѣпра. Какъ старшій братъ, Кій былъ княземъ въ первоначальномъ смыслѣ родового старѣйшины; мѣстное преданіе или предположеніе ученаго редактора лѣтописи превратило его въ знатнаго родоначальника владѣтельнаго города въ племени полянъ, въ князя, какъ понимали это слово въ XI в.

Смѣна рода дворомъ.

Такой ходъ разселенія неизбѣжно долженъ былъ колебать крѣпкіе дотолѣ родовые союзы восточныхъ славянъ. Родовой союзъ держался на двухъ опорахъ: на власти родового старшины и на нераздѣльности родового имущества. Родовой культъ, почитаніе предковъ освящало и скрѣпляло обѣ эти опоры. Но власть старшины не могла съ одинаковой силой простираться на всѣ родственные дворы, разбросанные на обширномъ пространствѣ среди лѣсовъ и болотъ. Мѣсто родовладыки въ каждомъ дворѣ долженъ былъ заступить домовладыка, хозяинъ двора, глава семейства. Въ то же время характеръ лѣсного и земледѣльческаго хозяйства, завязав-

шагося въ Поднѣпровьѣ, разрушалъ мысль о нераздѣльности родового имущества. Лѣсъ приспособлялся къ промысламъ усиліями отдѣльныхъ дворовъ, поле расчищалось трудомъ отдѣльныхъ семействъ; такіе лѣсные и полевые участки рано должны были получить значеніе частнаго семейнаго имущества. Родичи могли чтить общаго родового дѣда, хранить родовые обычаи и преданія; но въ области права, въ практическихъ житейскихъ отношеніяхъ обязательная юридическая связь между родичами разстраивалась все болѣе. Это наблюденіе или эту догадку мы припомнимъ, когда въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго гражданскаго права будемъ искать и не найдемъ явственныхъ слѣдовъ родового порядка наслѣдованія. Въ строѣ частнаго гражданскаго общежитія старинный русскій *дворъ*, сложная семья домохозяина съ женой, дѣтьми и неотдѣленными родственниками, братьями, племянниками, служилъ переходной ступенью отъ древняго рода къ новѣйшей простой семьѣ и соотвѣтствовалъ древней римской *фамиліи.* Это разрушеніе родового союза, распаденіе его на дворы или сложныя семьи оставило по себѣ нѣкоторые слѣды въ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ.

Въ сохраненныхъ древними и позднѣйшими памятниками скудныхъ чертахъ миѳологіи восточныхъ славянъ можно различить два порядка вѣрованій. Одни изъ нихъ можно признать остатками почитанія видимой природы. Въ русскихъ памятникахъ уцѣлѣли слѣды поклоненія небу подъ именемъ *Сварога,* солнцу подъ именами *Дажбога, Хорса, Велеса,* грому и молніи подъ именемъ *Перуна,* богу вѣтровъ *Стрибогу,* огню и другимъ силамъ и явленіямъ природы. Дажбогъ и божество огня считались сыновьями Сварога, звались Сварожичами. Такимъ образомъ на русскомъ Олимпѣ различались поколѣнія боговъ — знакъ, что въ народной памяти сохранялись еще моменты миѳологическаго процесса; но те- **Культъ природы.**

перь трудно поставить эти моменты въ какіе-либо хронологическіе предѣлы. Уже въ VI в., по свидѣтельству Прокопія, славяне признавали повелителемъ вселенной одного бога громовержца, т.-е. Перуна. По нашей Начальной лѣтописи Перунъ — главное божество русскихъ славянъ рядомъ съ Велесомъ, который характеризуется названіемъ „скотьяго бога" въ смыслѣ покровителя стадъ, а можетъ быть и въ значеніи бога богатства: на языкѣ этой лѣтописи слово *скотъ* сохраняло еще старинное значеніе денегъ. Въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ нѣтъ ясныхъ указаній на семейства боговъ кромѣ сыновей Сварога. Но арабъ Ибнъ-Фадланъ въ началѣ X в. видѣлъ на волжской пристани, по всей вѣроятности, у города Болгаръ, большое изображеніе какого-то бога, окруженное малыми кумирами, представлявшими женъ и дочерей этого бога, которымъ русскіе купцы приносили жертвы и молитвы; не ясно только, какіе купцы здѣсь разумѣются, варяжскіе, или славянскіе. Общественное богослуженіе еще не установилось и даже въ послѣднія времена язычества видимъ только слабые его зачатки. Не замѣтно ни храмовъ, ни жреческаго класса; но были отдѣльные волхвы, кудесники, къ которымъ обращались за гаданіями и которые имѣли большое вліяніе на народъ. На открытыхъ мѣстахъ, преимущественно на холмахъ, ставились изображенія боговъ, предъ которыми совершались нѣкоторые обряды и приносились *требы,* жертвы, даже человѣческія. Такъ въ Кіевѣ на холму стоялъ идолъ Перуна, передъ которымъ Игорь въ 945 году приносилъ клятву въ соблюденіи заключеннаго съ греками договора. Владиміръ, утвердившись въ Кіевѣ въ 980 году, поставилъ здѣсь на холму кумиры Перуна съ серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Дажбога, Стрибога и другихъ боговъ, которымъ князь и народъ приносили жертвы.

Почитаніе предковъ.

Повидимому, большее развитіе получилъ и крѣпче держался другой рядъ вѣрованій, культъ предковъ. Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ средоточіемъ этого культа является со значеніемъ охранителя родичей *родъ* со своими *рожаницами*, т.-е. дѣдъ съ бабушками — намекъ на господствовавшее нѣкогда между славянами многоженство. Тотъ же обоготворенный предокъ чествовался подъ именемъ *чура*, въ церковно-славянской формѣ *щура;* эта форма доселѣ уцѣлѣла въ сложномъ словѣ *пращуръ*. Значеніе этого дѣда-родоначальника, какъ охранителя родичей, доселѣ сохранилось въ заклинаніи отъ нечистой силы или нежданной опасности: *чуръ меня!* т.-е. храни меня дѣдъ. Охраняя родичей отъ всякаго лиха, чуръ оберегалъ и ихъ родовое достояніе. Преданіе, оставившее слѣды въ языкѣ, придаетъ чуру значеніе, одинаковое съ римскимъ Термомъ, значеніе оберегателя родовыхъ полей и границъ. Нарушеніе межи, надлежащей границы, законной мѣры мы и теперь выражаемъ словомъ *черезчуръ;* значитъ, *чуръ* — мѣра, граница. Этимъ значеніемъ чура можно, кажется, объяснить одну черту погребальнаго обряда у русскихъ славянъ, какъ его описываетъ Начальная лѣтопись. Покойника, совершивъ надъ нимъ тризну, сожигали, кости его собирали въ малую посудину и ставили на столбу на распутіяхъ, гдѣ скрещиваются пути, т.-е. сходятся межи разныхъ владѣній. Придорожные столбы, на которыхъ стояли сосуды съ прахомъ предковъ — это межевые знаки, охранявшіе границы родового поля или дѣдовской усадьбы. Отсюда суевѣрный страхъ, овладѣвавшій русскимъ человѣкомъ на перекресткахъ: здѣсь на нейтральной почвѣ родичъ чувствовалъ себя на чужбинѣ, не дома, за предѣлами родного поля, внѣ сферы мощи своихъ охранительныхъ чуровъ. Все это повидимому говоритъ о первобытной широтѣ, цѣльности родового союза.

И однако въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ этотъ чуръ-дѣдъ, хранитель рода, является еще съ именемъ *дѣдушки домового*, т.-е. хранителя не цѣлаго рода, а отдѣльнаго двора. Такимъ образомъ, не колебля народныхъ вѣрованій и преданій, связанныхъ съ первобытнымъ родовымъ союзомъ, разселеніе должно было разрушать *юридическую* связь рода, замѣняя родство сосѣдствомъ. И эта замѣна оставила нѣкоторый слѣдъ въ языкѣ: *сябръ, шаберъ* по первоначальному, коренному значенію родственникъ (ср. лат. consobrinus), потомъ получилъ значеніе сосѣда, товарища.

Формы языческаго брака. Это юридическое разложеніе родового союза дѣлало возможнымъ взаимное сближеніе родовъ, однимъ изъ средствъ котораго служилъ бракъ. Начальная лѣтопись отмѣтила, хотя и не совсѣмъ полно и отчетливо, моменты этого сближенія, отразившіеся на формахъ брака и имѣвшіе нѣкоторую связь съ ходомъ того же разселенія. Первоначальныя однодворки, сложныя семьи ближайшихъ родственниковъ, которыми размѣщались восточные славяне, съ теченіемъ времени разростались въ родственныя селенія, помнившія о своемъ общемъ происхожденіи, память о которомъ сохранялась въ отческихъ названіяхъ такихъ селъ: *Жидчичи, Мирятичи, Дѣдичи, Дѣдогостичи.* Для такихъ селъ, состоявшихъ изъ однихъ родственниковъ, важнымъ дѣломъ было добываніе невѣстъ. При господствѣ многоженства своихъ недоставало, а чужихъ не уступала ихъ родня добровольно и даромъ. Отсюда необходимость похищеній. Они совершались по лѣтописи „на игрищахъ межю селы“, на религіозныхъ праздникахъ въ честь общихъ неродовыхъ боговъ „у воды“, у священныхъ источниковъ или на берегахъ рѣкъ и озеръ, куда собирались обыватели и обывательницы разныхъ селъ. Начальная лѣтопись изображаетъ различныя формы брака, какъ разныя степени людскости, культурности русско-сла-

вянскихъ племенъ. Въ этомъ отношеніи она ставитъ всѣ племена на низшую ступень сравнительно съ полянами. Описывая языческіе обычаи радимичей, вятичей, сѣверянъ, кривичей, она замѣчаетъ, что на тѣхъ „бѣсовскихъ игрищахъ умыкаху жены себѣ, съ нею же кто свѣщашеся“. Умычка и была въ глазахъ древняго бытописателя низшей формой брака, даже его отрицаніемъ: „браци не бываху въ нихъ“, а только умычки. Извѣстная игра сельской молодежи обоего пола *въ горѣлки* — поздній остатокъ этихъ дохристіанскихъ брачныхъ умычекъ. Вражда между родами, вызывавшаяся умычкою чужеродныхъ невѣстъ, устранялась *вѣномъ,* отступнымъ, выкупомъ похищенной невѣсты у ея родственниковъ. Съ теченіемъ времени вѣно превратилось въ прямую продажу невѣсты жениху ея родственниками по взаимному соглашенію родни обѣихъ сторонъ: актъ насилія замѣнялся сдѣлкой съ обрядомъ мирнаго *хожденія зятя* (жениха) *по невѣсту,* которое тоже, какъ видно, сопровождалось уплатой вѣна. Дальнѣйшій моментъ сближенія родовъ лѣтопись отмѣтила у полянъ, уже вышедшихъ, по ея изображенію, изъ дикаго состоянія, въ какомъ оставались другія племена. Она замѣчаетъ, что у полянъ „не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ (приводили ее къ жениху вечеромъ), а заутра приношаху по ней, что̀ вдадуче“, т.-е. на другой день приносили вслѣдъ за ней, что̀ давали: въ этихъ словахъ видятъ указаніе на приданое. Такъ читается это мѣсто въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи. Въ Ипатьевскомъ другое чтеніе: „завтра приношаху, что *на ней* (за нее) вдадуче“. Это выраженіе скорѣе говоритъ о вѣнѣ. Значитъ, оба чтенія отмѣтили двѣ новыя фазы въ эволюціи брака. Итакъ, хожденіе жениха за невѣстой, замѣнившее умычку, въ свою очередь смѣнилось *приводомъ* невѣсты къ жениху съ полученіемъ вѣна или съ выдачей приданаго, почему

законная жена въ языческой Руси называлась *водимою.* Отъ этихъ двухъ формъ брака, хожденія жениха и привода невѣсты, идутъ повидимому выраженія *брать замужъ и выдавать замужъ:* языкъ запомнилъ много старины, свѣянной временемъ съ людской памяти. Умычка, вѣно, въ смыслѣ откупа за умычку, вѣно, какъ продажа невѣсты, хожденіе за невѣстой, приводъ невѣсты съ уплатой и потомъ съ выдачей приданаго — всѣ эти смѣнявшія одна другую формы брака были послѣдовательными моментами разрушенія родовыхъ связей, подготовлявшими взаимное сближеніе родовъ. Бракъ размыкалъ родъ, такъ сказать, съ обоихъ концовъ, облегчая не только выходъ изъ рода, но и пріобщеніе къ нему. Родственники жениха и невѣсты становились своими людьми другъ для друга, *свояками;* свойство сдѣлалось видомъ родства. Значить, бракъ уже въ языческую пору роднилъ чуждые другъ другу роды. Въ первичномъ, нетронутомъ своемъ составѣ родъ представляетъ замкнутый союзъ, недоступный для чужаковъ: невѣста изъ чужого рода порывала родственную связь со своими кровными родичами, но ставъ женой, не роднила ихъ съ родней своего мужа. Родственныя села, о которыхъ говоритъ лѣтопись, не были такими первичными союзами: они образовались изъ обломковъ рода, разрослись изъ отдѣльныхъ дворовъ, на которые распадался родъ въ эпоху разселенія.

Черты семейнаго права. Я вошелъ въ нѣкоторыя подробности о формахъ языческаго брака у нашихъ славянъ, чтобы ближе разсмотрѣть слѣды ранняго ослабленія у нихъ родового союза, которое началось въ эпоху разселенія. Это поможетъ намъ объяснить нѣкоторыя явленія семейнаго права, встрѣчаемыя въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ. Здѣсь особенно важна послѣдняя изъ перечисленныхъ формъ. Приданое служило основой отдѣльнаго имущества жены; появленіемъ

приданаго началось юридическое опредѣленіе положенія дочери или сестры въ семьѣ, ея правоваго отношенія къ семейному имуществу. По Русской Правдѣ сестра при братьяхъ не наслѣдница; но братья обязаны устроить ея судьбу, выдать замужъ, „како си могутъ", съ посильнымъ приданымъ. Какъ накладная обязанность, которая ложится на наслѣдство, приданое не могло быть пріятнымъ для наслѣдниковъ институтомъ. Это сказалось въ одной пословицѣ, выразительно изображающей различныя чувства, возбуждаемыя въ членахъ семьи появленіемъ зятя: „Тесть любитъ честь, зять любитъ взять, теща любитъ дать, а шуринъ глаза щуритъ, дать не хочетъ". При отсутствіи братьевъ дочь — полноправная наслѣдница отцовскаго имущества въ землевладѣльческой служилой семьѣ и сохраняетъ право на часть крестьянскаго имущества, если осталась послѣ отца незамужней. Всѣ отношенія по наслѣдованію заключены въ тѣсные предѣлы простой семьи; наслѣдники изъ боковыхъ не предусматриваются, какъ случайные участники въ наслѣдствѣ. Строя такую семью и заботливо очищая ее отъ остатковъ языческаго родового союза, христіанская Церковь имѣла для того бытовой матеріалъ, заготовленный еще въ языческую пору, между прочимъ въ бракѣ съ приданымъ.

Торговое движеніе по Днѣпру.

Еще важнѣе рядъ экономическихъ послѣдствій, которыми сопровождалось разселеніе восточныхъ славянъ. Припомнивъ, какъ Повѣсть о началѣ Русской земли размѣщаетъ славянскія племена по нашей равнинѣ, легко замѣтить, что масса славянскаго населенія занимала западную ея половину. Хозяйственная жизнь населенія въ этомъ краю направлялась однимъ могучимъ потокомъ, Днѣпромъ, который прорѣзываетъ его съ сѣвера на югъ. При тогдашнемъ значеніи рѣкъ, какъ удобнѣйшихъ путей сообщенія, Днѣпръ былъ

главной хозяйственной артеріей, столбовой торговой дорогой для западной полосы равнины: верховьями своими онъ близко подходитъ къ Западной Двинѣ и бассейну Ильменя-озера, т.-е. къ двумъ важнѣйшимъ дорогамъ въ Балтійское море, а устьемъ соединяетъ центральную Алаунскую возвышенность съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря; притоки Днѣпра, издалека идущіе справа и слѣва, какъ подъѣздные пути магистральной дороги, приближаютъ Поднѣпровье, съ одной стороны, къ карпатскимъ бассейнамъ Днѣстра и Вислы, съ другой — къ бассейнамъ Волги и Дона, т.-е. къ морямъ Каспійскому и Азовскому. Такимъ образомъ область Днѣпра охватываетъ всю западную и частью восточную половину русской равнины. Благодаря тому по Днѣпру съ незапамятныхъ временъ шло оживленное торговое движеніе, толчокъ къ которому былъ данъ греками. Сѣверные

Греческія колоніи. берега Чернаго моря и восточные Азовскаго еще задолго до нашей эры были усѣяны греческими колоніями, главными изъ которыхъ были: *Ольвія*, выведенная изъ Милета за 6 вѣковъ до Р. Х., въ глубинѣ лимана Восточнаго Буга (противъ Николаева), *Херсонесъ Таврическій* на юго-западномъ берегу Крыма, *Ѳеодосія* и *Пантикапея* (нынѣ Керчь) на юго-восточномъ его берегу, *Фанагорія* на Таманскомъ полуостровѣ, на азіатской сторонѣ Керченскаго пролива или древняго Босфора Киммерійскаго, наконецъ *Танаисъ* въ устьѣ Дона. Благодаря промышленной дѣятельности этихъ греческихъ колоній Днѣпръ еще задолго до Р. Х. сдѣлался большой торговой дорогой, о которой зналъ Геродотъ и которою греки, между прочимъ, получали янтарь съ береговъ Балтійскаго моря. Наша древняя Повѣсть о началѣ Руси также помнитъ старинное торговое значеніе Днѣпра. Какъ только размѣстила она восточныхъ славянъ по равнинѣ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію древ-

нѣйшихъ преданій о Русской землѣ, она спѣшитъ описать эту дорогу по Днѣпру: шелъ „путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, въ верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Ильмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево и того озера внидеть устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка". Сѣвъ по Днѣпру, восточные славяне очутились на самой этой круговой водной дорогѣ, опоясывавшей всю Европу. Этотъ Днѣпръ съ притоками и сдѣлался для восточныхъ славянъ могучей питательной артеріей народнаго хозяйства, втянувъ ихъ въ сложное торговое движеніе, которое шло тогда въ юго-восточномъ углу Европы. Своимъ низовымъ теченіемъ и лѣвыми притоками Днѣпръ потянулъ славянскихъ поселенцевъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Это торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Восточные славяне, какъ мы знаемъ, заняли преимущественно лѣсную полосу равнины. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставляла славянамъ обильный матеріалъ для внѣшней торговли. Съ тѣхъ поръ мѣха, медъ, воскъ стали главными статьями русскаго вывоза; съ тѣхъ поръ при хлѣбопашествѣ для себя или съ незначительнымъ вывозомъ началась усиленная эксплуатація лѣса, продолжавшаяся цѣлые вѣка и положившая глубокій отпечатокъ на хозяйственный и общественный бытъ и даже національный характеръ русскаго народа. Лѣсной звѣроловъ и бортникъ — самый ранній типъ, явственно обозначившійся въ исторіи русскаго народнаго хозяйства.

Посредничество хозаръ.

Одно внѣшнее обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Случилось такъ, что около того времени, когда восточные славяне съ запада вступили въ предѣлы нашей равнины, разселяясь по ея лѣсамъ, съ противоположной восточной стороны, изъ-за Волги и Дона, по южно-русскимъ степямъ распространялась новая азіатская орда, *хозары*, давно блуждавшіе между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Они начали утверждаться на сѣверныхъ берегахъ Понта и въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ именно съ VII в., когда началось разселеніе славянъ по нашей равнинѣ. Хозары — кочевое племя тюркскаго происхожденія; но оно не было похоже на предшествовавшія ему и слѣдовавшія за нимъ азіятскія орды, преемственно господствовавшія въ южно-русскихъ степяхъ. Хозары скоро стали покидать кочевой бытъ съ его хищничествомъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. У нихъ были города, куда они на зиму перебирались съ лѣтнихъ степныхъ кочевій. Въ VIII в. среди нихъ водворились изъ Закавказья промышленные евреи и арабы. Еврейское вліяніе здѣсь было такъ сильно, что династія хозарскихъ кагановъ со своимъ дворомъ, т.-е. высшимъ классомъ хозарскаго общества, приняла іудейство. Раскинувшись на привольныхъ степяхъ по берегамъ Волги и Дона, хозары основали средоточіе своего государства въ низовьяхъ Волги. Здѣсь столица ихъ Итиль скоро стала огромнымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, евреи, христіане и язычники. Хозары вмѣстѣ съ волжскими болгарами стали посредниками живого торговаго обмѣна, завязавшагося между балтійскимъ Сѣверомъ и арабскимъ Востокомъ приблизительно съ половины VIII в., около того времени, когда при Аббасидахъ центръ халифата перемѣстился изъ Дамаска въ Багдадъ. Въ VIII в. хозары покорили племена восточ-

ныхъ славянъ, жившія близко къ степямъ, полянъ, сѣверянъ, вятичей. Древнее кіевское преданіе отмѣтило впечатлѣніе, произведенное хозарами на покоренныхъ ими днѣпровскихъ славянъ, — впечатлѣніе народа невоинственнаго и нежестокаго, мягкаго. Повѣсть временныхъ лѣтъ разсказываетъ, какъ хозары стали брать дань съ полянъ. Нашли хозары полянъ, сидящихъ на горахъ сихъ (по высокому правому берегу Днѣпра) въ лѣсахъ, и сказали хозары: „платите намъ дань". Подумали поляне и дали „отъ дыма" (съ каждой избы) по мечу. И понесли эту дань хозары ко князю своему и къ старѣйшинамъ и сказали имъ: „вотъ мы отыскали новую дань". Тѣ спросили: „гдѣ?" — „Въ лѣсу на горахъ по рѣкѣ Днѣпру". — „А что вамъ дали?" Тѣ показали мечи. И сказали старѣйшины хозарскіе: „не добра эта дань, князь; мы доискались ея оружіемъ одностороннимъ, т.-е. саблями, а у этихъ оружіе обоюдуострое, т.-е. мечъ; они будутъ брать дань съ насъ и съ другихъ странъ". Такъ и сбылось: владѣютъ хозарами русскіе и до нынѣшняго дня. Иронія, которая звучитъ въ этомъ сказаніи, показываетъ, что хозарское иго было для днѣпровскихъ славянъ не особенно тяжело и нестрашно. Напротивъ, лишивъ восточныхъ славянъ внѣшней независимости, оно доставило имъ большія экономическія выгоды. Съ тѣхъ поръ для днѣпровцевъ, послушныхъ данниковъ хозаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Подъ покровительствомъ хозаръ по этимъ рѣкамъ и пошла бойкая торговля изъ Днѣпровья. Встрѣчаемъ рядъ довольно раннихъ указаній на успѣхи этой торговли. Арабскій писатель IX в. Хордадбе, современникъ Рюрика и Аскольда, замѣчаетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ краевъ своей страны къ Черному морю въ греческіе города, гдѣ византійскій

императоръ беретъ съ нихъ десятину (торговую пошлину); что тѣ же купцы по Дону и Волгѣ спускаются къ хозарской столицѣ, гдѣ властитель Хозаріи беретъ съ нихъ также десятину, выходятъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега его и даже провозятъ свои товары на верблюдахъ до Багдада, гдѣ ихъ и видалъ Хордадбе. Это извѣстіе тѣмъ важнѣе, что его относятъ еще къ первой половинѣ IX в., не позднѣе 846 года, т.-е. десятилѣтія на два раньше предположеннаго лѣтописцемъ времени призванія Рюрика съ братьями. Сколько поколѣній нужно было, чтобы проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути съ береговъ Днѣпра или Волхова! Восточная торговля Днѣпровья, какъ ее описываетъ Хордадбе, могла завязаться, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за сто до этого арабскаго географа, т.-е. около половины VIII в. Впрочемъ, есть и болѣе прямое указаніе на время, когда началась и развивалась эта торговля. Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть ихъ относится къ IX и X вв., ко времени наибольшаго развитія восточной торговли Руси. Но есть клады, въ которыхъ самыя позднія монеты не позже начала IX в., а раннія восходятъ къ началу VIII в.; изрѣдка попадаются монеты VII в. и то лишь самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Эта нумизматическая лѣтопись наглядно показываетъ, что именно въ VIII в. возникла и упрочилась торговля славянъ днѣпровскихъ съ хозарскимъ и арабскимъ Востокомъ. Но этотъ вѣкъ былъ временемъ утвержденія хозаръ въ южнорусскихъ степяхъ: ясно, что хозары и были торговыми посредниками между этимъ Востокомъ и русскими славянами.

Древнѣйшіе города.

Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли славянъ, завязавшейся въ VIII в., было возникновеніе древнѣйшихъ

торговыхъ городовъ на Руси. Повѣсть о началѣ Русской земли не помнитъ, когда возникли эти города Кіевъ, Переяславль, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ, Ростовъ, Полоцкъ. Въ ту минуту, съ которой она начинаетъ свой разсказъ о Руси, большинство этихъ городовъ, если не всѣ они, повидимому, были уже значительными поселеніями. Довольно бѣглаго взгляда на географическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть, что они были созданы успѣхами внѣшней торговли Руси. Большинство ихъ вытянулось длинной цѣпью по главному рѣчному пути „изъ Варягъ въ Греки", по линіи Днѣпра-Волхова; только нѣкоторые, Переяславль на Трубежѣ, Черниговъ на Деснѣ, Ростовъ въ области верхней Волги, выдвинулись къ востоку съ этого, какъ бы сказать, операціоннаго базиса русской торговли, какъ ея восточные форпосты, указывая фланговое ея направленіе къ Азовскому и Каспійскому морю. Возникновеніе этихъ большихъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ сложнаго экономическаго процесса, завязавшагося среди славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. Мы видѣли, что восточные славяне разселялись по Днѣпру и его притокамъ одинокими укрѣпленными дворами. Съ развитіемъ торговли среди этихъ однодворокъ возникли сборные торговые пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда звѣроловы и бортники сходились для торговли, для *гостьбы*, какъ говорили въ старину. Такіе сборные пункты получили названіе *погостовъ*. Впослѣдствіи, съ принятіемъ христіанства, на этихъ мѣстныхъ сельскихъ рынкахъ, какъ привычныхъ людскихъ сборищахъ, прежде всего ставились христіанскіе храмы: тогда погостъ получалъ значеніе мѣста, гдѣ стоитъ приходская церковь. При церквахъ хоронили покойниковъ: отсюда произошло значеніе погоста, какъ кладбища. Съ приходами совпадало или къ нимъ пріуро-

чивалось сельское административное дѣленіе: это сообщало погосту значеніе сельской волости. Но все это — позднѣйшія значенія термина: первоначально такъ назывались сборныя торговыя, „гостинныя" мѣста. Мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ путяхъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнѣйшіе торговые города по греко-варяжскому торговому пути. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ.

Таковы два важныя экономическія послѣдствія, которыми сопровождалось разселеніе славянъ по Днѣпру и его притокамъ: это 1) развитіе внѣшней южной и восточной, черноморско-каспійской торговли славянъ и вызванныхъ ею лѣсныхъ промысловъ, 2) возникновеніе древнѣйшихъ городовъ на Руси съ тянувшими къ нимъ торгово-промышленными округами. Оба эти факта можно относить къ VIII в.

Оговорка о словѣ *Русь*. Закончу изложеніе экономическихъ слѣдствій разселенія восточныхъ славянъ одной оговоркой съ цѣлью предупредить возможное недоразумѣніе съ вашей стороны. Передавая извѣстія о торговлѣ восточныхъ славянъ въ VIII и IX вв., я называлъ ихъ русскими славянами, говорилъ о Руси, о русскихъ купцахъ, какъ будто это выраженія однозначащія и своевременныя. Но о Руси среди восточныхъ славянъ въ VIII в. совсѣмъ не слышно, а въ IX и X вв. Русь среди восточныхъ славянъ — еще не славяне, отличалась отъ нихъ, какъ пришлый и господствующій классъ отъ туземнаго и подвластнаго населенія. Въ слѣдующій часъ мы коснемся этого важнаго въ нашей исторіи пред-

мста, а теперь ограничусь замѣчаніемъ, что, пользуясь привычнымъ словоупотребленіемъ и говоря о русскихъ славянахъ тѣхъ вѣковъ, я разумѣлъ славянъ, которые потомъ стали называться русскими. Водворившись среди восточныхъ славянъ, Русь стала направлять и расширять торговое движеніе, которое она здѣсь застала; но въ промышленныхъ успѣхахъ, ею достигнутыхъ, участвовало и туземное славянство, трудъ котораго возбуждался и направлялся ея спросомъ.

Лекція IX.

3) Политическія слѣдствія разселенія восточныхъ славянъ по русской равнинѣ. — Печенѣги въ южнорусскихъ степяхъ. — Русскіе торговые города вооружаются. — Варяги; вопросъ объ ихъ происхожденіи и времени появленія на Руси. — Образованіе городовыхъ областей и ихъ отношеніе къ племенамъ. — Варяжскія княжества. — Сказаніе о призваніи князей; его историческая основа. — Поведеніе скандинавскихъ викинговъ IX в. въ западной Европѣ. — Образованіе великаго княжества Кіевскаго, какъ первой формы русскаго государства. — Значеніе Кіева въ образованіи государства. — Обзоръ изученнаго.

Печенѣги. Изложенными въ прошлый часъ экономическими послѣдствіями разселенія восточныхъ славянъ по русской равнинѣ были подготовлены и послѣдствія политическія, которыя становятся замѣтны нѣсколько позднѣе, съ начала IX в. Съ этого времени хозарское владычество, казавшееся столь прочнымъ дотолѣ, начало видимо колебаться. Причиной этого было то, что съ востока въ тылу у хозаръ появились новыя орды печенѣговъ и слѣдовавшихъ за ними узовъ-торковъ. Хозары съ трудомъ сдерживали напоръ этихъ новыхъ пришельцевъ. Чтобы сдержать этотъ напоръ, около 835 года, по просьбѣ хозарскаго кагана, византійскіе инженеры построили гдѣ-то на Дону, вѣроятно тамъ, гдѣ Донъ близко подходитъ къ Волгѣ, крѣпость Саркелъ, извѣстную въ нашей лѣтописи подъ именемъ Бѣлой Вежи. Но этотъ оплотъ не сдержалъ азіатскаго напора. Въ первой половинѣ IX в. варвары, очевидно, прорвались сквозь хозарскія поселенія на западъ за Донъ и засорили

дотолѣ чистыя степныя дороги днѣпровскихъ славянъ. Есть два указанія на это, идущія съ разныхъ сторонъ. Въ одной западной латинской лѣтописи IX в., такъ называемой Бертинской, подъ 839 годомъ есть любопытный разсказъ о томъ, какъ послы отъ народа *Руси*, приходившіе въ Константинополь для подтвержденія дружбы, т.-е. для возобновленія торговаго договора, не хотѣли возвращаться домой прежней дорогой по причинѣ жившихъ по ней варварскихъ жестокихъ народовъ (qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant). Изъ нашего источника узнаемъ, какіе это были варварскіе попутные народы. Одно изъ первыхъ извѣстій о Кіевѣ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Повѣсти о началѣ Русской земли говоритъ, что Аскольдъ и Диръ въ 867 году избили множество печенѣговъ. Значитъ, печенѣги уже около половины IX в. успѣли придвинуться близко къ Кіеву, отрѣзывая среднее Поднѣпровье отъ его черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Другимъ врагомъ кіевской Руси были тогда Черные болгары, бродившіе по приморскимъ степямъ между Дономъ и Днѣпромъ: сохранилось извѣстіе, что въ 864 году въ войнѣ съ ними погибъ сынъ Аскольда. Хозарская власть, очевидно, уже не была въ состояніи оберегать русскихъ купцовъ на востокѣ. Главные торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту своей торговли и торговыхъ путей. Съ этой минуты они начали вооружаться, опоясываться стѣнами, вводить у себя военное устройство, запасаться ратными людьми. Такъ промышленные центры, склады товаровъ, превращались въ укрѣпленные пункты, вооруженныя убѣжища.

Вооруженіе городовъ.

Варяги.

Одно внѣшнее обстоятельство помогло скопленію военно-промышленнаго люда въ этихъ городахъ. Съ начала IX в., съ конца царствованія Карла Великаго, по берегамъ западной Европы начинаютъ рыскать вооруженныя шайки

пиратовъ изъ Скандинавіи. Такъ какъ эти пираты выходили преимущественно изъ Даніи, то они стали извѣстны на Западѣ подъ именемъ *дановъ*. Около этого же времени и на рѣчныхъ путяхъ нашей равнины стали появляться заморскіе пришельцы съ Балтійскаго моря, получившіе здѣсь названіе *варяговъ*. Въ X и XI вв. эти варяги постоянно приходили на Русь или съ торговыми цѣлями, или по зову нашихъ князей, набиравшихъ изъ нихъ свои военныя дружины. Но присутствіе варяговъ на Руси становится замѣтно гораздо раньше X в.: Повѣсть временныхъ лѣтъ знаетъ этихъ варяговъ по русскимъ городамъ уже около половины IX в. Кіевское преданіе XI столѣтія наклонно было даже преувеличивать численность этихъ заморскихъ пришельцевъ. По этому преданію варяги, обычные обыватели русскихъ торговыхъ городовъ, издавна наполняли ихъ въ такомъ количествѣ, что образовали густой слой въ составѣ ихъ населенія, закрывавшій собою туземцевъ. Такъ, по словамъ Повѣсти, новгородцы сначала были славянами, а потомъ стали варягами, какъ бы оваряжились вслѣдствіе усиленнаго наплыва пришельцевъ изъ-за моря. Особенно людно скоплялись они въ Кіевской землѣ. По лѣтописному преданію Кіевъ даже былъ основанъ варягами, и ихъ въ немъ было такъ много, что Аскольдъ и Диръ, утвердившись здѣсь, могли набрать изъ нихъ цѣлое ополченіе, съ которымъ отважились напасть на Царьградъ. Такъ смутное воспоминаніе нашей лѣтописи какъ будто отодвигаетъ появленіе варяговъ на Руси еще въ первую половину IX в.

Время ихъ появленія.

Встрѣчаемъ иноземное извѣстіе, изъ котораго видимъ, что дѣйствительно варяги или тѣ, кого такъ звали у насъ въ XI в., стали извѣстны восточной Европѣ еще въ первой половинѣ IX в., задолго до того времени, къ которому наша Начальная лѣтопись пріурочиваетъ появленіе Рюрика

въ Новгородѣ. Упомянутые послы отъ народа Руси, не хотѣвшіе изъ Константинополя возвратиться домой прежней дорогой, отправлены были въ 839 году съ византійскимъ посольствомъ къ германскому императору Людовику Благочестивому и тамъ по разслѣдованіи дѣла, по удостовѣреніи ихъ личности, оказались *свеонами*, шведами, т.-е. варягами, къ которымъ наша Повѣсть причисляетъ и шведовъ. Вслѣдъ за этимъ свидѣтельствомъ западной хроники идутъ навстрѣчу темному преданію нашей лѣтописи съ византійскаго и арабскаго Востока извѣстія о томъ, что уже въ первой половинѣ IX в. тамъ хорошо знали Русь по торговымъ дѣламъ съ нею и по ея нападеніямъ на сѣверные и южные берега Чернаго моря. Образцовыя критическія изслѣдованія академика Васильевскаго о житіяхъ свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго выяснили этотъ важный въ нашей исторіи фактъ. Въ первомъ изъ этихъ житій, написанномъ до 842 года, авторъ разсказываетъ, какъ Русь, народъ, который „всѣ знаютъ", начавъ опустошеніе южнаго черноморскаго берега отъ Пропонтиды, напала на Амастриду. Во второмъ житіи читаемъ, что по прошествіи немногихъ лѣтъ отъ смерти св. Стефана, скончавшагося въ исходѣ VIII в., большая русская рать съ сильнымъ княземъ Бравлиномъ, плѣнивъ страну отъ Корсуня до Керчи, послѣ десятидневннго боя взяла Сурожъ (Судакъ въ Крыму). Другія извѣстія ставятъ эту Русь первой половины IX в. въ прямую связь съ заморскими пришельцами, которыхъ наша лѣтопись помнитъ среди своихъ славянъ во второй половинѣ того же вѣка. Русь Бертинской хроники, оказавшаяся шведами, посольствовала въ Константинополѣ отъ имени своего царя *хакана*, всего вѣроятнѣе, хозарскаго кагана, которому тогда подвластно было днѣпровское славянство, и не хотѣла возвращаться на

родину ближайшей дорогой по причинѣ опасностей отъ варварскихъ народовъ — намекъ на кочевниковъ днѣпровскихъ степей. Арабъ Хордадбе даже считаетъ „русскихъ" купцовъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Багдадѣ, прямо славянами, приходящими изъ отдаленнѣйшихъ концовъ страны славянъ. Наконецъ, патріархъ Фотій называетъ Русью нападавшихъ при немъ на Царьградъ, а по нашей лѣтописи это нападеніе было произведено кіевскими варягами Аскольда и Дира. Какъ видно, въ одно время съ набѣгами дановъ на Западѣ ихъ родичи варяги не только людно разсыпались по большимъ городамъ греко-варяжскаго пути восточной Европы, но и такъ уже освоились съ Чернымъ моремъ и его берегами, что оно стало зваться *Русскимъ*, и по свидѣтельству арабовъ никто кромѣ Руси по нему не плавалъ въ началѣ X в.

Ихъ происхожденіе. Эти балтійскіе варяги, какъ и черноморская Русь, по многимъ признакамъ были скандинавы, а не славянскіе обитатели южно-балтійскаго побережья или нынѣшней южной Россіи, какъ думаютъ нѣкоторые ученые. Наша Повѣсть временныхъ лѣтъ признаетъ варяговъ общимъ названіемъ разныхъ германскихъ народовъ, обитавшихъ въ сѣверной Европѣ, преимущественно по *Варяжскому* (Балтійскому) морю, каковы шведы, норвежцы, готы, англы. Названіе это, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, есть славяно-русская форма скандинавскаго слова vaering или varing, значеніе котораго недостаточно выяснено. Византійцы XI в. знали подъ именемъ *βάραγγοι* норманновъ, служившихъ наемными тѣлохранителями у византійскаго императора. Въ началѣ XI в. нѣмцы, участвовавшіе въ походѣ польскаго короля Болеслава на князя русскаго Ярослава въ 1018 году, приглядѣвшись къ населенію Кіевской земли, разсказывали потомъ епископу мерзебургскому Титмару,

дописывавшему тогда свою хронику, что въ Кіевской землѣ несмѣтное множество народа, состоящаго преимущественно изъ бѣглыхъ рабовъ и „проворныхъ дановъ“ (ex velocibus danis), а нѣмцы едва ли могли смѣшать своихъ соплеменниковъ скандинавовъ съ балтійскими славянами. Въ Швеціи находятъ много древнихъ надписей на могильныхъ камняхъ, которыя говорятъ о древнихъ морскихъ походахъ изъ Швеціи на Русь. Скандинавскія саги, восходящія иногда къ очень древнему времени, разсказываютъ о такихъ же походахъ въ страну *Гардарикъ,* какъ называютъ они нашу Русь, т.-е. въ „царство городовъ“. Самое это названіе, такъ мало идущее къ деревенской Руси, показываетъ, что варяжскіе пришельцы держались преимущественно въ большихъ торговыхъ городахъ Руси. Наконецъ, имена первыхъ русскихъ князей-варяговъ и ихъ дружинниковъ почти всѣ скандинавскаго происхожденія; тѣ же имена встрѣчаемъ и въ скандинавскихъ сагахъ: *Рюрикъ* въ формѣ Hrörekr, *Труворъ* Thorvardr, *Олегъ* по древне-кіевскому выговору на *о* Helgi, *Ольга* Helga, у Константина Багрянороднаго *Ἔλγα*, *Игорь* Ingvarr, *Оскольдъ* Höskuldr, *Диръ* Dyri, *Фрелафъ* Frilleifr, *Свѣнальдъ* Sveinaldr и т. п. Что касается до Руси, то арабскіе и византійскіе писатели X в. отличаютъ ее, какъ особое племя, отъ славянъ, надъ которыми она господствовала, и Константинъ Багрянородный въ перечнѣ днѣпровскихъ пороговъ отчетливо различаетъ славянскія и русскія ихъ названія, какъ слова, принадлежащія совсѣмъ особымъ языкамъ.

Образованіе военно-промышленнаго класса въ городахъ.

Эти варяги-скандинавы и вошли въ составъ военно-промышленнаго класса, который сталъ складываться въ IX вѣкѣ по большимъ торговымъ городамъ Руси подъ вліяніемъ внѣшнихъ опасностей. Варяги являлись къ намъ съ иными цѣлями и съ иной физіономіей, не съ той, какую носили

даны на Западѣ: тамъ данъ — пиратъ, береговой разбойникъ; у насъ варягъ — преимущественно вооруженный купецъ, идущій на Русь, чтобы пробраться далѣе въ богатую Византію, тамъ съ выгодой послужить императору, съ барышомъ поторговать, а иногда и пограбить богатаго грека, если представится къ тому случай. На такой характеръ нашихъ варяговъ указываютъ слѣды въ языкѣ и въ древнемъ преданіи. Въ областномъ русскомъ лексиконѣ *варягъ* — разнощикъ, мелочной торговецъ, *варяжить* — заниматься мелочнымъ торгомъ. Любопытно, что когда неторговому вооруженному варягу нужно было скрыть свою личность, онъ прикидывался купцомъ, идущимъ изъ Руси или на Русь: это была личина, внушавшая наибольшее довѣріе, наиболѣе привычная, къ которой всѣ пригляделись. Извѣстно, чѣмъ обманулъ Олегъ своихъ земляковъ Аскольда и Дира, чтобы выманить ихъ изъ Кіева. Онъ послалъ сказать имъ: „я купецъ, идемъ мы въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря: придите къ намъ, землякамъ своимъ". Превосходная скандинавская сага о св. Олафѣ, полная историческихъ чертъ, разсказываетъ, какъ этотъ скандинавскій герой, долго и усердно служившій русскому конунгу Вальдамару, т.-е. св. Владиміру, возвращаясь съ дружиной на корабляхъ домой, былъ занесенъ бурею въ Померанію, во владѣнія вдовствующей княгини Гейры Буриславны, и не желая открывать свое званіе, выдалъ себя за купца гардскаго, т.-е. русскаго. Осаживаясь въ большихъ торговыхъ городахъ Руси, варяги встрѣчали здѣсь классъ населенія, соціально имъ родственный и нуждавшійся въ нихъ, классъ вооруженныхъ купцовъ, и входили въ его составъ, вступая въ торговое товарищество съ туземцами или нанимаясь за хорошій кормъ оберегать русскіе торговые пути и торговыхъ людей, т.-е. конвоировать русскіе торговые караваны. Какъ скоро

Города и окрестное населеніе.

изъ туземныхъ и пришлыхъ элементовъ образовался такой классъ въ большихъ торговыхъ городахъ и они превратились въ вооруженные пункты, должно было измѣниться и ихъ отношеніе къ окрестному населенію. Когда стало колебаться хозарское иго, эти города у племенъ, платившихъ дань хозарамъ, сдѣлались независимыми. Повѣсть временныхъ лѣтъ не помнитъ, какъ поляне освободились отъ хозарскаго ига. Она разсказываетъ, что Аскольдъ и Диръ, подошедши Днѣпромъ къ Кіеву и узнавъ, что городокъ этотъ платитъ дань хозарамъ, остались въ немъ и набравъ много варяговъ, начали владѣть землею полянъ. Повидимому этимъ и обозначился конецъ хозарскаго владычества въ Кіевѣ. Мы не знаемъ, какъ Кіевъ и другіе города управлялись при хозарахъ; но можно замѣтить, что взявши въ свои руки защиту торговаго движенія, они скоро подчинили себѣ свои торговые округа. Это политическое подчиненіе торговыхъ районовъ промышленнымъ центрамъ, теперь вооруженнымъ, повидимому началось еще до призыва князей, т.-е. раньше половины IX вѣка. Повѣсть о началѣ Русской земли, разсказывая о первыхъ князьяхъ, вскрываетъ любопытный фактъ: за большимъ городомъ идетъ его округъ, цѣлое племя или часть его. Олегъ, отправившись по смерти Рюрика изъ Новгорода на югъ, взялъ Смоленскъ и посадилъ въ немъ своего намѣстника: въ силу этого безъ дальнѣйшей борьбы смоленскіе кривичи стали признавать власть Олега. Олегъ занялъ Кіевъ, и кіевскіе поляне вслѣдствіе этого также признали его власть. Такъ цѣлые округа являются въ зависимости отъ своихъ главныхъ городовъ и эта зависимость повидимому установилась помимо и раньше князей. Трудно сказать, какъ она устанавливалась. Можетъ-быть, торговые округа добровольно подчинялись городамъ, какъ укрѣпленнымъ убѣжищамъ,

подъ давленіемъ внѣшней опасности; еще вѣроятнѣе, что при помощи вооруженнаго класса, скопившагося въ торговыхъ городахъ, послѣдніе силой завладѣвали своими торговыми округами; могло быть въ разныхъ мѣстахъ и то, и другое.

Образованіе городовыхъ областей. Какъ бы то ни было, въ неясныхъ извѣстіяхъ нашей Повѣсти обозначается первая мѣстная политическая форма, образовавшаяся на Руси около половины IX в.: это — *городовая область*, т.-е. торговый округъ, управляемый укрѣпленнымъ городомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и промышленнымъ средоточіемъ для этого округа. Эти области и звались по именамъ городовъ. Когда образовалось княжество Кіевское, вобравшее въ себя племена восточныхъ славянъ, эти древнія городовыя области Кіевская, Черниговская, Смоленская и другія, прежде независимыя, вошли въ его составъ, какъ его административные округа, послужили готовыми единицами областного дѣленія, установившагося на Руси при первыхъ кіевскихъ князьяхъ къ половинѣ XI в. Возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли эти области образовались подъ вліяніемъ торговыхъ городовъ, не имѣли ли онѣ племенного происхожденія? Наша древняя Повѣсть о началѣ Руси, какъ мы видѣли, дѣлитъ восточныхъ славянъ на нѣсколько племенъ и довольно точно указываетъ ихъ размѣщеніе. Можетъ-быть, области Кіевскаго княжества X — XI вв. были политически объединившіяся племена полянъ, сѣверянъ и пр., а не промышленные округа древнихъ торговыхъ городовъ Руси? Разборъ этнографическаго состава древнихъ городовыхъ областей даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Еслибы эти области имѣли племенное происхожденіе, сложились изъ племенныхъ связей, безъ участія экономическихъ интересовъ, каждое племя образовало бы особую область или, иначе говоря, каждая область составилась бы изъ одного

племени. Но этого не было на дѣлѣ: не было ни одной области, которая бы состояла только изъ одного и притомъ цѣльнаго племени; большинство областей составилось изъ разныхъ племенъ или ихъ частей; въ иныхъ областяхъ къ одному цѣльному племени примкнули разорванныя части другихъ племенъ. Такъ Новгородская область состояла изъ славянъ ильменскихъ съ вѣтвью кривичей, центромъ которой былъ городокъ Изборскъ. Въ составъ Черниговской области вошла сѣверная половина сѣверянъ съ частью радимичей и съ цѣлымъ племенемъ вятичей, а Переяславскую область составила южная половина сѣверянъ. Кіевская область состояла изъ всѣхъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и южной части дреговичей съ городомъ Туровомъ на Припети. Сѣверная часть дреговичей съ городомъ Минскомъ оторвана была западной вѣтвью кривичей и вошла въ составъ Полоцкой области. Смоленская область составилась изъ восточной части кривичей со смежной частью радимичей. Такимъ образомъ древнее племенное дѣленіе не совпадало съ городовымъ или областнымъ, образовавшимся къ половинѣ XI в. Значитъ, не размѣщеніемъ племенъ очертились предѣлы городовыхъ областей. По племенному составу этихъ областей не трудно замѣтить, какая сила стягивала ихъ. Если среди племени возникало два большихъ города, оно разрывалось на двѣ области (кривичи, сѣверяне). Если среди племени не оказывалось и одного такого города, оно не образовывало и особой области, а входило въ составъ области чужеплеменнаго города. Замѣчаемъ при этомъ, что появленіе значительнаго торговаго города среди племени зависѣло отъ географическаго положенія послѣдняго: такіе города, становившіеся центрами областей, возникали среди населенія, жившаго по главнымъ рѣчнымъ торговымъ линіямъ Днѣпра, Волхова и Западной

Двины. Напротивъ, племена, удаленныя отъ этихъ линій, не имѣли своихъ значительныхъ торговыхъ городовъ и потому не составили особыхъ областей, но вошли въ составъ областей чужеплеменныхъ торговыхъ городовъ. Такъ не видно большихъ торговыхъ городовъ у древлянъ, дреговичей, радимичей и вятичей: не было и особыхъ областей этихъ племенъ. Значитъ, силой, которая стягивала всѣ эти области, были именно торговые города, какіе возникали по главнымъ рѣчнымъ путямъ русской торговли и какихъ не было среди племенъ, отъ нихъ удаленныхъ. Если мы представимъ себѣ восточныхъ славянъ, какъ они устроились во второй половинѣ IX в., и сопоставимъ это устройство съ древнимъ племеннымъ дѣленіемъ ихъ, то найдемъ на всемъ пространствѣ отъ Ладоги до Кіева восемь славянскихъ племенъ. Четыре изъ нихъ (дреговичи, радимичи, вятичи и древляне) постепенно, частью уже при первыхъ кіевскихъ князьяхъ, а частью еще до нихъ, вошли въ составъ чужеплеменныхъ областей, а четыре другихъ племени (славяне ильменскіе, кривичи, сѣверяне и поляне) образовали шесть самостоятельныхъ городовыхъ областей, изъ коихъ ни одна кромѣ Переяславской не имѣла цѣльнаго, одноплеменнаго состава, каждая вобрала въ себя сверхъ одного господствующаго племени или господствующей части одного племени еще подчиненныя части другихъ племенъ, не имѣвшихъ своихъ большихъ городовъ. Это были области Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Переяславская и Кіевская. Итакъ, повторю, большіе вооруженные города, ставшіе правителями областей, возникли именно среди тѣхъ племенъ, которыя принимали наиболѣе дѣятельное участіе во внѣшней торговлѣ. Города эти подчинили себѣ соплеменныя имъ окрестныя населенія, для которыхъ они прежде служили торговыми средоточіями,

и образовали изъ нихъ политическіе союзы, области, въ составъ которыхъ втянули, частью еще до появленія князей кіевскихъ, а частью при нихъ, и сосѣднія поселенія чужихъ безгородныхъ племенъ.

Образованіе этой первой политической формы на Руси сопровождалось въ иныхъ мѣстахъ появленіемъ другой, вторичной и тоже мѣстной формы, *варяжскаго княжества*. Въ тѣхъ промышленныхъ пунктахъ, куда съ особенной силой приливали вооруженные пришельцы изъ-за моря, они легко покидали значеніе торговыхъ товарищей или наемныхъ охранителей торговыхъ путей и превращались во властителей. Во главѣ этихъ заморскихъ пришельцевъ, составлявшихъ военно-промышленныя компаніи, становились вожди, получавшіе при такомъ переворотѣ значеніе военныхъ начальниковъ охраняемыхъ ими городовъ. Такіе вожди въ скандинавскихъ сагахъ называются *конингами* или *викингами*. Оба эти термина перешли и въ нашъ языкъ, получивъ славяно-русскія формы *князя* и *витязя*. Эти слова есть и у другихъ славянъ, которые заимствовали ихъ у германскихъ племенъ средней Европы; въ нашъ языкъ они перешли отъ болѣе близкихъ къ намъ въ древности скандинавовъ, сѣверныхъ германцевъ. Превращеніе варяговъ изъ союзниковъ во властителей при благопріятныхъ обстоятельствахъ совершалось довольно просто. Извѣстенъ разсказъ Начальной лѣтописи о томъ, какъ Владиміръ, одолѣвъ кіевскаго брата своего Ярополка въ 980 году, утвердился въ Кіевѣ съ помощью призванныхъ изъ-за моря варяговъ. Заморскіе его соратники, почувствовавъ свою силу въ занятомъ ими городѣ, сказали своему наемщику: „князь, вѣдь городъ-то нашъ, мы его взяли; такъ мы хотимъ брать съ горожанъ окупъ — контрибуцію — по двѣ гривны съ человѣка". Владиміръ только хитростью сбылъ съ рукъ этихъ назойливыхъ наемниковъ,

Варяжскія княжества.

выпроводивъ ихъ въ Царьградъ. Такъ иные вооруженные огорода со своими областями при извѣстныхъ обстоятельствахъ попадали въ руки заморскихъ пришельцевъ и превращались во владѣнія варяжскихъ конинговъ. Такихъ варяжскихъ княжествъ мы встрѣчаемъ на Руси нѣсколько въ IX и X в. Такъ являются во второй половинѣ IX в. на сѣверѣ княжества Рюрика въ Новгородѣ, Синеусово на Бѣломъ Озерѣ, Труворово въ Изборскѣ, Аскольдово въ Кіевѣ. Въ X в. становятся извѣстны два другихъ княжества такого же происхожденія, Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ на Припети. Наша древняя лѣтопись не помнитъ времени возникновенія двухъ послѣднихъ княжествъ; самое существованіе ихъ отмѣчено въ ней лишь мимоходомъ, кстати. Отсюда можно заключать, что такія княжества появлялись и въ другихъ мѣстахъ Руси, но исчезали безслѣдно. Подобное явленіе совершалось въ то время и среди славянъ южно-балтійскаго побережья, куда также проникали варяги изъ Скандинавіи. Стороннему наблюдателю такія варяжскія княжества представлялись дѣломъ настоящаго завоеванія, хотя основатели ихъ варяги являлись обыкновенно безъ завоевательной цѣли, искали добычи, а не мѣстъ для поселенія. Еврей Ибрагимъ, человѣкъ бывалый въ Германіи, хорошо знакомый съ дѣлами средней и восточной Европы, записка котораго сохранилась въ сочиненіи арабскаго писателя XI в. Аль-Бекри, около половины X в. писалъ, что „племена сѣвера (въ числѣ ихъ и Русь) завладѣли нѣкоторыми изъ славянъ и до сей поры живутъ среди нихъ, даже усвоили ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними“. Это наблюденіе, очевидно, прямо схвачено со славяно-варяжскихъ княжествъ, возникавшихъ въ то время по берегамъ Балтійскаго моря и по рѣчнымъ путямъ на Руси.

Сказаніе о призваніи князей.

Появленіемъ этихъ варяжскихъ княжествъ вполнѣ объясняется и занесенное въ нашу Повѣсть о началѣ Руси *сказаніе о призваніи князей изъ-за моря*. По этому сказанію, еще до Рюрика варяги какъ-то водворились среди новгородцевъ и сосѣднихъ съ ними племенъ славянскихъ и финскихъ, кривичей, чуди, мери, веси, и брали съ нихъ дань. Потомъ данники отказались ее платить и прогнали варяговъ назадъ за море. Оставшись безъ пришлыхъ властителей, туземцы перессорились между собою; не было между ними правды, одинъ родъ возсталъ на другой и пошли между ними усобицы. Утомленные этими ссорами, туземцы собрались и сказали: „поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ насъ по праву". Порѣшивъ такъ, они отправили пословъ за море къ знакомымъ варягамъ, къ Руси, приглашая желающихъ изъ нихъ придти владѣть пространной и обильной, но лишенной наряда землей. Три родные брата откликнулись на зовъ и пришли „съ роды своими", т.-е. съ дружинами земляковъ. Если снять нѣсколько идиллическій покровъ, которымъ подернуто это сказаніе, то предъ нами откроется очень простое, даже грубоватое явленіе, не разъ повторявшееся у насъ въ тѣ вѣка. По разнымъ редакціямъ начальнаго лѣтописнаго свода разсѣяны черты преданія, позволяющія возстановить дѣло въ его дѣйствительномъ видѣ. Собравъ ихъ, узнаемъ, что пришельцы призваны были не для одного внутренняго наряда, т.-е. устройства управленія. Преданіе говоритъ, что князья-братья, какъ только усѣлись на своихъ мѣстахъ, начали „города рубить и воевать всюду". Если призванные принялись прежде всего за стройку пограничныхъ укрѣпленій и всестороннюю войну, значитъ, они призваны были оборонять туземцевъ отъ какихъ-то внѣшнихъ враговъ, какъ защитники населенія и охранители границъ. Далѣе, князья-братья повидимому не

совсѣмъ охотно, не тотчасъ, а съ раздумьемъ приняли предложеніе славяно-финскихъ пословъ, „едва избрашась, какъ записано въ одномъ изъ лѣтописныхъ сводовъ, боясь звѣринаго ихъ обычая и нрава". Съ этимъ согласно и уцѣлѣвшее извѣстіе, что Рюрикъ не прямо усѣлся въ Новгородѣ, но сперва предпочелъ остановиться вдали отъ него, при самомъ входѣ въ страну, въ городѣ Ладогѣ, какъ будто съ разсчетомъ быть поближе къ родинѣ, куда можно было бы укрыться въ случаѣ нужды. Въ Ладогѣ же онъ поспѣшилъ „срубить городъ", построить крѣпость тоже на всякій случай, для защиты туземцевъ отъ земляковъ-пиратовъ или же для своей защиты отъ самихъ туземцевъ, еслибы не удалось съ ними поладить. Водворившись въ Новгородѣ, Рюрикъ скоро возбудилъ противъ себя недовольство въ туземцахъ: въ томъ же лѣтописномъ сводѣ записано, что черезъ два года по призваніи новгородцы „оскорбились, говоря: быть намъ рабами и много зла потерпѣть отъ Рюрика и земляковъ его". Составился даже какой-то заговоръ: Рюрикъ убилъ вождя крамолы, „храбраго Вадима" и перебилъ многихъ новгородцевъ, его соумышленниковъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще множество новгородскихъ мужей бѣжало отъ Рюрика въ Кіевъ къ Аскольду. Всѣ эти черты говорятъ не о благодушномъ приглашеніи чужаковъ властвовать надъ безнарядными туземцами, а скорѣе о военномъ наймѣ. Очевидно, заморскіе князья съ дружиною призваны были новгородцами и союзными съ ними племенами для защиты страны отъ какихъ-то внѣшнихъ враговъ и получали опредѣленный кормъ за свои сторожевыя услуги. Но наемные охранители повидимому желали кормиться слишкомъ сытно. Тогда поднялся ропотъ среди плательщиковъ корма, подавленный вооруженною рукою. Почувствовавъ свою силу, наемники превратились во властителей, а свое

наемное жалованье превратили въ обязательную дань съ возвышеніемъ оклада. Вотъ простой прозаическій фактъ, повидимому скрывающійся въ поэтической легендѣ о призваніи князей: область вольнаго Новгорода стала варяжскимъ княжествомъ.

События, о которыхъ повѣствуетъ наше сказаніе о призваніи князей, не заключали въ себѣ ничего особеннаго, небывалаго, что̀ случилось только въ нашей странѣ. Они принадлежали къ порядку явленій, довольно обычныхъ въ тогдашней западной Европѣ. Девятый вѣкъ былъ временемъ усиленнаго опустошительнаго разгула морскихъ пиратовъ изъ Скандинавіи. Достаточно прочитать хроники IX в. монастырей Бертинскаго и Ваастскаго, чтобы видѣть, что на Востокѣ съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями повторялось то же, что̀ происходило тогда на Западѣ. Съ 830 годовъ до конца вѣка тамъ не проходило почти ни одного года безъ норманскаго нашествія. На сотняхъ судовъ рѣками, впадающими въ Нѣмецкое море и Атлантическій океанъ, Эльбой, Рейномъ, Сеной, Луарой, Гаронной, даны проникали въ глубь той или другой страны, опустошая все вокругъ, жгли Кельнъ, Триръ, Бордо, самый Парижъ, проникали въ Бургундію и Овернь, иногда на много лѣтъ водворялись и хозяйничали въ странѣ изъ укрѣпленныхъ стоянокъ гдѣ-нибудь на островѣ въ устьѣ рѣки и отсюда выходили собирать дань съ покоренныхъ обывателей или, взявъ окупъ, сколько хотѣли, въ одномъ мѣстѣ, шли за тѣмъ же въ другую страну. Въ 847 году послѣ многолѣтнихъ вторженій въ Шотландію они заставили страну платить имъ дань, усѣвшись на ближнихъ островахъ; но черезъ годъ скотты не дали имъ дани и прогнали ихъ, какъ поступили съ ихъ земляками новгородцы около того же времени. Безсильные Каролинги заключали съ ними договоры, нѣкото-

Скандинавскіе викинги въ Зап. Европѣ.

рыми условіями живо напоминающіе договоры кіевскихъ князей X в. съ греками, откупались отъ нихъ тысячами фунтовъ серебра или уступали ихъ вождямъ въ ленъ цѣлыя пограничныя области съ обязательствомъ защищать страну отъ своихъ же соплеменниковъ: такъ возникали и на Западѣ своего рода варяжскія княжества. Бывали случаи, когда партія дановъ, хозяйничавшая по одной рѣкѣ Франціи, обязывалась франкскому королю за извѣстную плату прогнать или перебить соотчичей, грабившихъ по другой рѣкѣ, нападала на нихъ, брала и съ нихъ окупъ, потомъ враги соединялись и партіями расходились по странѣ на добычу, какъ Аскольдъ и Диръ, слуги мирно призваннаго Рюрика, отпросившись у него въ Царьградъ, по пути засѣли въ Кіевѣ, набрали варяговъ и начали владѣть полянами независимо отъ Рюрика. Во второй половинѣ IX в. много шумѣлъ по Эльбѣ и Рейну современникъ и тезка нашего Рюрика, можетъ-быть, даже землякъ его, датскій бродяга-викингъ Рорихъ, какъ называетъ его Бертинская хроника. Онъ набиралъ ватаги норманновъ для побережныхъ грабежей, заставилъ импер. Лотаря уступить ему въ ленъ нѣсколько графствъ во Фрисландіи, не разъ присягалъ ему вѣрно служить и измѣнялъ присягѣ, былъ изгоняемъ фризами, добивался королевской власти на родинѣ и, наконецъ, гдѣ-то сложилъ свою обремененную приключеніями голову. И достойно замѣчанія, что подобно дружинамъ первыхъ кіевскихъ князей эти ватаги пиратовъ состояли изъ крещеныхъ и язычниковъ; первые при договорахъ переходили на службу къ франкскимъ королямъ, владѣнія которыхъ только что опустошали.

Балтійскіе варяги на Волховѣ и Днѣпрѣ

Этими западными дѣлами проясняются событія на Волховѣ и Днѣпрѣ. Около половины IX в. дружина балтійскихъ варяговъ проникла Финскимъ заливомъ и Волховомъ къ Ильменю и стала брать дань съ сѣверныхъ славянскихъ

и финскихъ племенъ. Туземцы, собравшись съ силами, прогнали пришельцевъ и для обороны отъ ихъ дальнѣйшихъ нападеній наняли партію другихъ варяговъ, которыхъ звали Русью. Укрѣпившись въ обороняемой странѣ, нарубивъ себѣ „городовъ", укрѣпленныхъ стоянокъ, наемные сторожа повели себя завоевателями. Вотъ все, что̀ случилось. Фактъ состоялъ изъ двухъ моментовъ, изъ наемнаго договора съ иноземцами о внѣшней оборонѣ и изъ насильственнаго захвата власти надъ туземцами. Наше сказаніе о призваніи князей поставило въ тѣни второй моментъ и изъяснительно изложило первый, какъ актъ добровольной передачи власти иноземцамъ туземцами. Идея власти перенесена изъ второго момента, съ почвы силы, въ первый, на основу права, и вышла очень недурно комбинированная юридическая постройка начала русскаго государства. На то были свои причины. Не забудемъ, что сказаніе о призваніи князей, какъ и всѣ древнѣйшія преданія о Русской землѣ, дошло до насъ въ томъ видѣ, какъ его знали и понимали русскіе книжные, ученые люди XI и начала XII вѣка, къ которымъ принадлежали неизвѣстный авторъ Повѣсти временныхъ лѣтъ и игуменъ Сильвестръ, составитель начальнаго лѣтописнаго свода, обработавшій эту Повѣсть и поставившій ее во главѣ своего ученаго историческаго труда. Въ XI в. варяги продолжали приходить на Русь наемниками, но уже не превращались здѣсь въ завоевателей, и насильственный захватъ власти, переставъ повторяться, казался маловѣроятнымъ. Притомъ, русское общество XI в. видѣло въ своихъ князьяхъ установителей государственнаго порядка, носителей законной власти, подъ сѣнію которой оно жило, и возводило ея начало къ призванію князей. Авторъ и редакторъ Повѣсти временныхъ лѣтъ не могли довольствоваться уцѣлѣвшими въ преданіи мало назидательными подробностями

того, что̀ случилось нѣкогда въ Новгородѣ: какъ мыслящіе бытописатели, они хотѣли осмыслить фактъ его слѣдствіями, случай освѣтить идеей. Фактически государства основываются различнымъ образомъ, но юридическимъ моментомъ ихъ возникновенія считается общественное признаніе властвующей силы властью по праву. Идея такой правомѣрной власти и внесена въ легенду о призваніи. Вѣче сѣверныхъ союзныхъ племенъ, какъ-то собравшееся среди родовой усобицы и постановившее искать князя, который бы „владѣлъ и судилъ по праву“, и обращенное къ Руси депутатами вѣча приглашеніе итти „княжить и володѣть“ великой и обильной, но безнарядной землей — что̀ это такое, какъ не стереотипная формула идеи правомѣрной власти, возникающей изъ договора, — теоріи очень старой, но постоянно обновляющейся по ея доступности мышленію, дѣлающему первые опыты усвоенія политическихъ понятій? Сказаніе о призваніи князей, какъ оно изложено въ Повѣсти, совсѣмъ не народное преданіе, не носитъ на себѣ его обычныхъ признаковъ: это — схематическая притча о происхожденіи государства, приспособленная къ пониманію дѣтей школьнаго возраста.

Образованіе вел княжества Кіевскаго.

Изъ соединенія варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *великое княжество Кіевское*. Образованіе этого княжества было подготовлено указанными выше экономическими и политическими фактами. На какихъ бы пунктахъ русскаго промышленнаго міра ни появлялись варяжскіе князья, ихъ постоянно тянуло къ городу на южной окраинѣ этого міра, замыкавшему цѣпь торговыхъ русскихъ городовъ по греко-варяжской рѣчной линіи Днѣпра-Волхова,—къ Кіеву. Здѣсь заморскіе искатели выгоднаго найма и торговаго барыша

могли поживиться всего болѣе. Кіевъ былъ сборнымъ пунктомъ русской торговли; къ нему стягивались торговыя лодки отовсюду, съ Волхова, Западной Двины, верхняго Днѣпра и его притоковъ. Отсюда, въ лѣтописномъ разсказѣ о событіяхъ IX и X вв. довольно явственно выступаютъ два факта: тяготѣніе варяжскихъ пришельцевъ съ Балтійскаго моря къ Кіеву и экономическая зависимость русскихъ городовъ отъ Кіева. Кто владѣлъ Кіевомъ, тотъ держалъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ главныхъ воротъ русской торговли. Вотъ почему всѣхъ варяжскихъ князей, появлявшихся на сѣверѣ, тянуло къ Кіеву. Изъ-за него они соперничали другъ съ другомъ и истребляли одинъ другого. Такъ новгородскій князь Олегъ за Кіевъ погубилъ земляковъ своихъ Аскольда и Дира; такъ и другой новгородскій князь Владиміръ за тотъ же Кіевъ погубилъ своего родного брата Ярополка. Съ другой стороны, всѣ торговые русскіе города стояли въ экономической зависимости отъ Кіева. Въ Кіевѣ сходились нити ихъ благосостоянія; онъ могъ подорвать ихъ торговлю, перерѣзавъ главную артерію хозяйственныхъ оборотовъ страны, не пропуская торговыхъ лодокъ внизъ по Днѣпру къ азовскимъ и черноморскимъ рынкамъ. Поэтому общимъ интересомъ этихъ городовъ было жить въ дружбѣ съ Кіевомъ, чтобы изъ Кіева имѣть свободный выходъ на степныя торговыя дороги. Этотъ общій интересъ замѣтно сквозитъ въ разсказѣ Начальной лѣтописи о первыхъ князьяхъ, утверждавшихся въ Кіевѣ. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившись отъ дружины Рюрика, безпрепятственно спустились Днѣпромъ до Кіева и безъ замѣтной борьбы овладѣли имъ вмѣстѣ со всею землею полянъ. Дальнѣйшая дѣятельность этихъ варяжскихъ викинговъ въ Кіевѣ объясняетъ причины ихъ успѣха. Лѣтопись замѣчаетъ, что послѣ Кія, основателя Кіева, полянъ

обижали древляне и другія окольныя племена. Поэтому Аскольдъ и Диръ, какъ только утвердились въ Кіевѣ, вступили въ борьбу съ этими племенами, древлянами, печенѣгами, болгарами, а потомъ, собравъ варяговъ, предприняли походъ на Царьградъ. Современникъ и очевидецъ этого нападенія, константинопольскій патріархъ Фотій говоритъ въ одной произнесенной по этому случаю проповѣди, что Русь очень ловко смастерила набѣгъ, тихонько подкралась къ Константинополю, когда императоръ Михаилъ III съ войскомъ и флотомъ ходилъ на сарацинъ, оставивъ свою столицу беззащитной со стороны моря. Значитъ, кіевская Русь не только хорошо знала морской путь къ Царьграду, но и умѣла добывать своевременныя свѣдѣнія о дѣлахъ Византіи: сами греки дивились нечаянности и необычайной быстротѣ нападенія. Оно вызвано было, по словамъ Фотія, тѣмъ, что греческій народъ нарушилъ договоръ, предпринято было Русью съ цѣлью отмстить за обиду, нанесенную ея землякамъ, русскимъ купцамъ, повидимому за неуплату долга, слѣдовательно, имѣло цѣлью силой возстановить торговыя сношенія, насильственно прерванныя греками. Значитъ еще до 860 года между Русью и Византіей существовали торговыя сношенія, закрѣпленныя дипломатическимъ актомъ, и узломъ этихъ сношеній былъ Кіевъ, откуда вышелъ смѣлый набѣгъ 860 года. Узнаемъ далѣе, что эти сношенія были довольно давнія, завязались еще въ первой половинѣ IX в. Послы отъ народа Руси, о которыхъ говоритъ Бертинская лѣтопись подъ 839 годомъ, приходили въ Царьградъ для установленія или возстановленія дружбы, т.-е. для заключенія договора. Такой же рядъ явленій повторился и въ исторіи Олега, шедшаго по слѣдамъ Аскольда. Онъ такъ же безпрепятственно спустился изъ Новгорода по Днѣпру, безъ осо-

беннаго труда захватилъ по дорогѣ Смоленскъ и Любечъ и безъ борьбы завладѣлъ Кіевомъ, погубивши своихъ земляковъ Аскольда съ Диромъ. Утвердившись въ Кіевѣ, онъ началъ рубить вокругъ него новые города для защиты Кіевской земли отъ набѣговъ изъ степи, а потомъ съ соединенными силами разныхъ племенъ предпринялъ новый походъ на Царьградъ, кончившійся также заключеніемъ торговаго договора. Значитъ, и этотъ походъ предпринятъ былъ съ цѣлью возстановить торговыя сношенія Руси съ Византіей, опять чѣмъ-либо прерванныя. Обоихъ вождей, повидимому, дружно поддерживали въ этихъ походахъ всѣ племена, заинтересованныя во внѣшней торговлѣ, преимущественно обитавшія по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова, т.-е. обыватели большихъ торговыхъ городовъ Руси. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Олега читаемъ, что кромѣ подвластныхъ Олегу племенъ въ дѣлѣ участвовали и племена неподвластныя, добровольно къ нему присоединившіяся, отдаленные дулѣбы и хорваты, жившіе въ области верхняго Днѣстра и обоихъ Буговъ, по сѣверо-восточнымъ склонамъ и предгорьямъ Карпатъ. Охрана страны отъ степныхъ кочевниковъ и далекіе военные походы на Царьградъ для поддержанія торговыхъ сношеній, очевидно, вызывали общее и дружное содѣйствіе во всемъ промышленномъ мірѣ по торговымъ линіямъ Днѣпра-Волхова и другихъ рѣкъ равнины. Этотъ общій интересъ и соединилъ прибрежные торговые города подъ властью князя кіевскаго, руководителя въ этомъ дѣлѣ по положенію, какое создавалось для него двоякимъ значеніемъ Кіева.

Двоякое значеніе Кіева.

Кіевъ служилъ главнымъ оборонительнымъ форпостомъ страны противъ степи и центральной вывозной факторіей русской торговли. Потому, попавъ въ варяжскія руки, онъ не могъ остаться простымъ мѣстнымъ варяжскимъ княже-

ствомъ, какими были возникшія въ то же время княжества въ Новгородѣ, Изборскѣ и на Бѣлоозерѣ или позднѣе въ Полоцкѣ и Туровѣ. Завязавшіяся торговыя связи съ Византіей и арабскимъ Востокомъ, съ черноморскими, азовскими и каспійскими рынками, направляя народный трудъ на разработку лѣсныхъ богатствъ страны, стягивали къ Кіеву важнѣйшіе хозяйственные ея обороты. Но для обезпеченія этихъ оборотовъ необходимо было имѣть безопасныя границы и открытые торговые пути по степнымъ рѣкамъ, даже производить иногда вооруженное давленіе на самые рынки для пріобрѣтенія выгодныхъ торговыхъ условій. Всего этого можно было достигнуть только соединенными силами всѣхъ восточныхъ славянскихъ племенъ, т.-е. насильственнымъ подчиненіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя, живя въ сторонѣ отъ главныхъ торговыхъ путей, не имѣли побужденій добровольно поддерживать князей кіевскихъ. Вотъ почему извѣстія свои и чужія говорятъ о воинственныхъ дѣлахъ первыхъ князей кіевскихъ. Изслѣдованія академика Васильевскаго о житіяхъ свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго достаточно убѣдительно доказали, что Русь еще въ первой половинѣ IX в. дѣлала набѣги на берега Чернаго моря, даже южные. Но до патріарха Фотія она не отваживалась напасть на самый Царьградъ. До Фотія дошли кое-какіе слухи о начавшемся важномъ переворотѣ на Руси, шедшемъ именно изъ Кіева, и онъ въ своихъ проповѣдяхъ по случаю нападенія Руси на Царьградъ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ окружномъ посланіи объясняетъ происхожденіе этой русской дерзости. Народъ, ни кѣмъ не знаемый до этого нападенія, ничтожный, по словамъ Фотія, вдругъ сталъ пресловутымъ, прославленнымъ послѣ этого отважнаго дѣла, а отвага внушена была ему тѣмъ, что недавно онъ поработилъ сосѣднія племена,

и этотъ успѣхъ сдѣлалъ его черезчуръ гордымъ и дерзкимъ. Значитъ, какъ только основалось въ Кіевѣ варяжское княжество, отсюда началось сосредоточеніе силъ страны и вышло первое общерусское предпріятіе, вызванное общимъ интересомъ, обезпеченіемъ торговыхъ сношеній.

Кіевское княжество—первая форма русскаго государства.

Таковы были условія, при содѣйствіи которыхъ возникло великое княжество Кіевское. Оно явилось сперва однимъ изъ мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ: Аскольдъ съ братомъ усѣлись въ Кіевѣ, какъ простые варяжскіе конинги, охранявшіе внѣшнюю безопасность и торговые интересы захваченнаго ими владѣнія. Олегъ шелъ по ихъ слѣдамъ и продолжалъ ихъ дѣла. Но военно-промышленное положеніе Кіева сообщило всѣмъ имъ болѣе широкое значеніе. Кіевская земля прикрывала собою съ юга всю страну по греко-варяжскому пути; ея торговые интересы раздѣляла вся страна, ею прикрываемая. Потому, подъ властью кіевскаго князя волей или неволей соединились другія варяжскія княжества и городовыя области Руси, и тогда Кіевское княжество получило значеніе русскаго государства. Это подчиненіе было вынуждено политической и экономической зависимостью отъ Кіева, въ какую эти княжества и области стали съ паденіемъ хозарскаго владычества въ степи. Поэтому, появленіе Рюрика въ Новгородѣ, кажется мнѣ, неудобно считать началомъ русскаго государства: тогда въ Новгородѣ возникло мѣстное и притомъ кратковременное варяжское княжество. Русское государство основалось дѣятельностью Аскольда и потомъ Олега въ Кіевѣ: изъ Кіева, а не изъ Новговода пошло политическое объединеніе русскаго славянства; Кіевское варяжское княжество этихъ витязей стало зерномъ того союза славянскихъ и сосѣднихъ съ ними финскихъ племенъ, который можно признать первоначальной формой русскаго государства.

Военно-промышленное его происхожденіе.

Государство становится возможно, когда среди населенія, разбитаго на безсвязныя части съ разобщенными или даже враждебными стремленіями, является либо вооруженная сила, способная принудительно сплотить эти безсвязныя части, либо общій интересъ, достаточно сильный, чтобы добровольно подчинить себѣ эти разобщенныя или враждебныя стремленія. Въ образованіи русскаго государства принимали участіе оба указанные фактора, общій интересъ и вооруженная сила. Общій интересъ состоялъ въ томъ, что всѣ торговые города Руси съ появленіемъ наводнившихъ степь печенѣговъ почувствовали потребность въ вооруженной силѣ, способной оградить предѣлы страны и ея степныя торговыя дороги отъ внѣшнихъ нападеній. Главнымъ исходнымъ пунктомъ, изъ котораго выходили русскіе торговые караваны къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ по степнымъ рѣкамъ, былъ Кіевъ. Какъ скоро здѣсь явилась вооруженная сила, доказавшая свою способность удовлетворять указаннымъ потребностямъ страны, этой силѣ добровольно подчинились всѣ торговые города Руси съ ихъ областями. Этой силой былъ варяжскій князь со своей дружиной. Ставъ носителемъ и охранителемъ общаго интереса, подчинившаго ему торговые города страны, этотъ князь съ дружиной изъ вооруженной силы превращается въ *политическую власть*. Но пользуясь новыми средствами, которыя доставляла ему эта власть, князь началъ насильственно подчинять себѣ и другія племена, не раздѣлявшія этого общаго интереса, слабо участвовавшія въ торговыхъ оборотахъ страны. Завоеваніемъ этихъ племенъ, удаленныхъ отъ центральной рѣчной дороги, завершено было политическое объединеніе восточныхъ славянъ. Такъ, повторяю, въ образованіи русскаго государства участвовали и общій интересъ и вооруженная завоевательная сила, потому что

общій интересъ соединился съ завоевательной силой: нужды и опасности русской торговли вызвали къ дѣйствію на ея защиту вооруженную дружину съ княземъ во главѣ, а эта дружина, опираясь на одни племена, завоевала другія. Прочтите внимательно разсказъ Начальной лѣтописи о кіевскихъ князьяхъ IX и X вв., и предъ вами раскроется это двойственное военно-промышленное происхожденіе Кіевскаго княжества, древнѣйшей формы русскаго государства. Первыя племена, примкнувшія къ Кіевскому княжеству и усердно поддерживавшія его князей въ заморскихъ походахъ, были именно племена, жившія по главной рѣчной дорогѣ Днѣпра-Волхова и тяготѣвшія къ большимъ торговымъ городамъ. Эти племена легко подчинялись власти кіевскаго князя. Славяне новгородскіе, призвавшіе князей, пытавшіеся бунтовать противъ Рюрика и потомъ покинутые Олегомъ и Игоремъ для Кіева, повиновались имъ безропотно. Чтобы подчинить другія племена, иногда достаточно было одного похода, даже безъ борьбы: такъ были покорены кривичи смоленскіе и сѣверяне. Напротивъ, племена, обитавшія въ сторонѣ отъ этой рѣчной дороги, среди которыхъ не было большихъ торговыхъ городовъ, т.-е. значительнаго вооруженнаго купечества, долго противились власти новыхъ правителей и покорились имъ только послѣ упорной, не разъ возобновлявшейся борьбы. Такъ послѣ многихъ трудныхъ походовъ были покорены древляне и радимичи; съ такими же усиліями были покорены и вятичи въ концѣ X в., спустя столѣтіе послѣ основанія Кіевскаго княжества. Таковъ былъ окончательный фактъ, завершившій собою рядъ сложныхъ процессовъ юридическихъ, экономическихъ и политическихъ, начавшихся разселеніемъ восточныхъ славянъ по русской равнинѣ. Перечислю еще разъ эти процессы.

Обзоръ изученнаго.

Мы застаемъ восточныхъ славянъ въ VII и VIII вв. на походѣ, въ состояніи все усиливавшагося общественнаго разложенія. Образовавшійся между ними на Карпатахъ военный союзъ распался на составлявшія его племена, племена разложились на роды, даже роды начали дробиться на мелкіе дворы или семейныя хозяйства, какими эти славяне стали жить на днѣпровскомъ новосельи. Но здѣсь подъ дѣйствіемъ новыхъ условій завязался среди нихъ обратный процессъ постепенно взаимнаго сцѣпленія; только связующимъ элементомъ въ новыхъ общественныхъ построеніяхъ служило уже не чувство кровнаго родства, а экономическій интересъ, вызванный къ дѣйствію свойствами страны и внѣшними обстоятельствами. Южныя рѣки равнины и наложенное со стороны иго втянуло восточныхъ славянъ въ оживленную внѣшнюю торговлю. Эта торговля стянула разбросанные одинокіе дворы въ сельскія торговыя средоточія, погосты, потомъ, въ большіе торговые города съ ихъ областями. Новыя внѣшнія опасности съ начала IX в. вызвали новый рядъ переворотовъ. Торговые города вооружились; тогда они изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ торговли превратились въ политическіе центры, а ихъ торговые округа стали ихъ государственными территоріями, городовыми областями; нѣкоторыя изъ этихъ областей сдѣлались варяжскими княжествами, а изъ соединенія тѣхъ и другихъ образовалось великое княжество Кіевское, древнѣйшая форма русскаго государства. Такова связь экономическихъ и политическихъ фактовъ въ нашей начальной исторіи: экономическіе интересы послѣдовательно превращались въ общественныя связи, изъ которыхъ выростали политическіе союзы.

Теперь, изучивъ рядъ древнѣйшихъ явленій нашей исторіи, припомнимъ тотъ исходный вопросъ, отъ котораго мы отправились въ этомъ изученіи. Обращаясь къ первому пе-

ріоду нашей исторіи, я изложилъ два взгляда на ея начало. Одни начинаютъ ее довольно поздно, не ранѣе половины IX в., съ прихода варяговъ, заставшихъ восточныхъ славянъ въ дикомъ состояніи, безъ всякихъ зачатковъ гражданственности; другіе отодвигаютъ начало нашей исторіи въ туманную даль дохристіанской древности. Припомнивъ изученные нами факты и извлеченные изъ нихъ выводы, мы можемъ установить свое отношеніе къ тому и другому взгляду. Наша исторія не такъ стара, какъ думаютъ одни, началась гораздо позднѣе начала христіанской эры; но она и не такъ запоздала, какъ думаютъ другіе: около половины IX в. она не начиналась, а уже имѣла за собою нѣкоторое прошедшее, только не многовѣковое, считавшее въ себѣ два съ чѣмъ-нибудь столѣтія.

Лекція X.

Дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей. — Объединеніе восточныхъ славянскихъ племенъ подъ властью кіевскаго князя. — Устройство управленія. — Налоги; повозы и полюдья. — Связь управленія съ торговымъ оборотомъ. — Внѣшняя дѣятельность кіевскихъ князей. — Договоры и торговыя сношенія Руси съ Византіей. — Значеніе этихъ договоровъ и сношеній въ исторіи русскаго права. — Внѣшнія затрудненія и опасности русской торговли. — Оборона степныхъ границъ. — Русская земля въ половинѣ XI в. — Населеніе и предѣлы. — Значеніе великаго князя кіевскаго. — Княжеская дружина; ея политическая и экономическая близкость къ купечеству большихъ городовъ. — Варяжскій элементъ въ составѣ этого купечества. — Рабовладѣніе, какъ первоначальная основа сословнаго дѣленія. — Варяжскій элементъ въ составѣ дружины. — Разновременныя значенія слова *Русь*. — Превращеніе племенъ въ сословія.

Мы старались разсмотрѣть фактъ, скрытый въ разсказѣ Начальной лѣтописи о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, который можно было бы признать началомъ русскаго государства. Мы нашли, что сущность этого факта такова: приблизительно къ половинѣ IX в. внѣшнія и внутреннія отношенія въ торгово-промышленномъ мірѣ русскихъ городовъ сложились въ такую комбинацію, въ силу которой охрана границъ страны и ея внѣшней торговли стала ихъ общимъ интересомъ, подчинившимъ ихъ князю кіевскому и сдѣлавшимъ Кіевское варяжское княжество зерномъ рус-

скаго государства. Этотъ фактъ надобно относить ко второй половинѣ IX в.: точнѣе я не рѣшаюсь обозначить его время.

Направленіе дѣятельности кіевскихъ князей.

Общій интересъ, создавшій великое княжество Кіевское, охрана границъ и внѣшней торговли, направлялъ и его дальнѣйшее развитіе, руководилъ какъ внутренней, такъ и внѣшней дѣятельностію первыхъ кіевскихъ князей. Читая начальный лѣтописный сводъ, встрѣчаемъ рядъ полуисторическихъ и полусказочныхъ преданій, въ которыхъ историческая правда сквозитъ чрезъ прозрачную ткань поэтической саги. Эти преданія повѣствуютъ о князьяхъ кіевскихъ IX и X вв. Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Ярополкѣ, Владимірѣ. Вслушиваясь въ эти смутныя преданія, безъ особенныхъ критическихъ усилій можно уловить основныя побужденія, которыя направляли дѣятельность этихъ князей.

Покореніе восточнаго славянства.

Кіевъ не могъ остаться стольнымъ городомъ одного изъ мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ: онъ имѣлъ общерусское значеніе, какъ узловой пунктъ торгово-промышленнаго движенія, и потому сталъ центромъ политическаго объединенія всей земли. Дѣятельность Аскольда, повидимому, ограничивалась огражденіемъ внѣшней безопасности Кіевской области: изъ лѣтописи не видно, чтобы онъ покорилъ какое-либо изъ окольныхъ племенъ, отъ которыхъ оборонялъ своихъ полянъ, хотя слова Фотія о Росѣ, возгордившемся порабощеніемъ окрестныхъ племенъ, какъ будто намекаютъ на это. Первымъ дѣломъ Олега въ Кіевѣ лѣтопись выставляетъ расширеніе владѣній, собираніе восточнаго славянства подъ своею властью. Лѣтопись ведетъ это дѣло съ подозрительной последовательностью, присоединяя къ Кіеву по одному племени ежегодно. Олегъ занялъ Кіевъ въ 882 году; въ 883 году были покорены древляне, въ 884 сѣверяне, въ 885 радимичи; послѣ того длинный рядъ лѣтъ оставленъ пустымъ. Очевидно, это порядокъ лѣтописныхъ воспоминаній или со-

ображеній, а не самыхъ событій. Къ началу XI в. всѣ племена восточныхъ славянъ были приведены подъ руку кіевскаго князя; вмѣстѣ съ тѣмъ племенныя названія по являются все рѣже, замѣняясь областными по именамъ главныхъ городовъ. Расширяя свои владѣнія, князья кіевскіе устанавливали въ подвластныхъ странахъ государственный порядокъ, прежде всего, разумѣется, администрацію налоговъ. Старыя городовыя области послужили готовымъ основаніемъ административнаго дѣленія земли. Въ подчиненныхъ городовыхъ областяхъ по городамъ Чернигову, Смоленску и др. князья сажали своихъ намѣстниковъ, *посадниковъ*, которыми были либо ихъ наемные дружинники, либо собственные сыновья и родственники. Эти намѣстники имѣли свои дружины, особые вооруженные отряды, дѣйствовали довольно независимо, стояли лишь въ слабой связи съ государственнымъ центромъ, съ Кіевомъ, были такіе же конинги, какъ и князь кіевскій, который считался только старшимъ между ними и въ этомъ смыслѣ назывался „великимъ княземъ русскимъ" въ отличіе отъ князей мѣстныхъ, намѣстниковъ. Для увеличенія важности кіевскаго князя и эти намѣстники его въ дипломатическихъ документахъ величались „великими князьями". Такъ по предварительному договору съ греками 907 г. Олегъ потребовалъ „укладовъ" на русскіе города Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе города, „по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиціи князи, подъ Олгомъ суще". Это были еще варяжскія княжества, только союзныя съ кіевскимъ: *князь* сохранялъ тогда прежнее военно-дружинное значеніе, не успѣвъ еще получить значенія династическаго. Генеалогическое пререканіе, какое затѣялъ подъ Кіевомъ Олегъ, упрекая Аскольда и Дира за то, что они княжили въ Кіевѣ, не будучи князьями, „ни рода княжа", — притязаніе

Олега, предупреждавшее ходъ событій, а еще вѣроятнѣе— такое же домышленіе самого составителя лѣтописнаго свода. Нѣкоторые изъ намѣстниковъ, покоривъ то или другое племя, получали его отъ кіевскаго князя въ управленіе съ правомъ собирать съ него дань въ свою пользу, подобно тому какъ на западѣ въ IX в. датскіе викинги, захвативъ ту или другую приморскую область имперіи Карла Великаго, получали ее отъ франкскихъ королей въ ленъ, т.-е. въ кормленіе. Игоревъ воевода Свѣнельдъ, побѣдивъ славянское племя улучей, обитавшее по нижнему Днѣпру, получалъ въ свою пользу дань не только съ этого племени, но и съ древлянъ, такъ что его дружина, *отроки*, жила богаче дружины самого Игоря.

Главной цѣлью княжеской администраціи былъ сборъ налоговъ. Олегъ, какъ только утвердился въ Кіевѣ, занялся установленіемъ даней съ подвластныхъ племенъ. Ольга объѣзжала подвластныя земли и также вводила „уставы и оброки, дани и погосты“, т-е. учреждала сельскіе судебно-административные округа и устанавливала податные оклады. Дань обыкновенно платили натурою, преимущественно мѣхами, „скорою“. Впрочемъ, изъ лѣтописи узнаемъ, что неторговые радимичи и вятичи въ IX и X вв. платили дань хозарамъ, а потомъ кіевскимъ князьямъ „по шлягу отъ рала“, съ плуга или сохи. Подъ *шлягами* (skilling) надобно разумѣть, вѣроятно, всякія иноземныя металлическія деньги, обращавшіяся тогда на Руси, преимущественно серебряные арабскіе диргемы, которые путемъ торговли въ изобиліи приливали тогда на Русь. Дань получалась двумя способами: либо подвластныя племена привозили ее въ Кіевъ, либо князья сами ѣздили за нею по племенамъ. Первый способъ сбора дани назывался *повозомъ*, второй *полюдьемъ*. Полюдье — это административно-финансовая поѣздка князя по подвластнымъ племе- Налоги.

намъ. Императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи *О народахъ,* писанномъ въ половинѣ X в., рисуетъ изобразительную картину полюдья современнаго ему русскаго князя. Какъ только наступалъ мѣсяцъ ноябрь, русскіе князья „со всею Русью“ (*μετὰ πάντων τῶν Ρῶς*), т.-е. съ дружиной, выходили изъ Кіева *εἰς τὰ πολίδια,* въ городки, т.-е. на *полюдье,* о которомъ ему говорили его славяно-русскіе разсказчики и которое онъ по созвучію пріурочилъ къ этому греческому слову. Князья отправлялись въ славянскія земли древлянъ, дреговичей, кривичей, сѣверянъ и прочихъ славянъ, платившихъ дань Руси, и кормились тамъ въ теченіе всей зимы, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда проходилъ ледъ на Днѣпрѣ, спускались опять къ Кіеву. Между тѣмъ какъ князья съ Русью блуждали по подвластнымъ землямъ, славяне, платившіе дань Руси, въ продолженіе зимы рубили деревья, дѣлали изъ нихъ лодки-однодеревки и весной, когда вскрывались рѣки, Днѣпромъ и его притоками сплавляли къ Кіеву, вытаскивали на берегъ и продавали Руси, когда она по полой водѣ возвращалась съ полюдья. Оснастивъ и нагрузивъ купленныя лодки, Русь въ іюнѣ спускала ихъ по Днѣпру къ Витичеву, гдѣ поджидала нѣсколько дней, пока по тому же Днѣпру собирались купеческія лодки изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода. Потомъ всѣ направлялись внизъ по Днѣпру къ морю въ Константинополь. Читая этотъ разсказъ императора, легко понять, какими товарами грузила Русь свои торговые караваны лодокъ, сплавлявшихся лѣтомъ къ Царьграду: это была дань натурой, собранная княземъ и его дружиной во время зимняго объѣзда, произведенія лѣсныхъ промысловъ, мѣха, медъ, воскъ. Къ этимъ товарамъ присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины. Почти весь X в. продолжалось покореніе славянскихъ и сосѣднихъ финскихъ племенъ изъ Кіева, сопровождавшееся

обращеніемъ массы побѣжденныхъ въ рабство. Арабъ Ибнъ-Даста, писавшій въ первой половинѣ этого вѣка, говоритъ о Руси, что она производитъ набѣги на славянъ, подъѣзжаетъ къ нимъ на корабляхъ, высаживается, забираетъ обывателей въ плѣнъ и продаетъ другимъ народамъ. У византійца Льва Діакона встрѣчаемъ очень рѣдкое извѣстіе, что императоръ Цимисхій по договору со Святославомъ дозволилъ Руси привозить въ Грецію хлѣбъ на продажу. Главными торговцами были кіевское правительство, князь и его „мужи“, бояре. Къ торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простыхъ купцовъ, чтобы подъ прикрытіемъ княжескаго конвоя дойти до Царьграда. Въ договорѣ Игоря съ греками читаемъ, между прочимъ, что великій князь русскій и его бояре ежегодно могутъ посылать къ великимъ царямъ греческимъ столько кораблей, сколько захотятъ, съ *послами* и съ *гостями*, т.-е. со своими собственными приказчиками и съ вольными русскими купцами. Этотъ разсказъ византійскаго императора наглядно указываетъ намъ на тѣсную связь между ежегоднымъ оборотомъ политической и экономической жизни Руси. Дань, которую собиралъ кіевскій князь, какъ правитель, составляла въ то же время и матеріалъ его торговыхъ оборотовъ: ставъ государемъ, какъ конингъ, онъ, какъ варягъ, не переставалъ еще быть вооруженнымъ купцомъ. Данью онъ дѣлился со своею дружиной, которая служила ему орудіемъ управленія, составляла правительственный классъ. Этотъ классъ дѣйствовалъ, какъ главный рычагъ, въ томъ и въ другомъ оборотѣ, и политическомъ, и экономическомъ: зимою онъ правилъ, ходилъ по людямъ, побирался, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что̀ собиралъ въ продолженіе зимы. Въ томъ же разсказѣ Константина живо обрисовывается и централизующее значеніе Кіева, какъ средоточія политической и хозяйственной жизни Русской

земли. Русь, правительственный классъ съ княземъ во главѣ, своими заморскими торговыми оборотами поддерживала въ славянскомъ населеніи всего днѣпровскаго бассейна судовой промыселъ, находившій себѣ сбытъ на весенней ярмаркѣ однодеревокъ подъ Кіевомъ, и каждую весну стягивала сюда же изъ разныхъ угловъ страны по греко-варяжскому пути купеческія лодки съ товарами лѣсныхъ звѣрогоновъ и бортниковъ. Такимъ сложнымъ экономическимъ круговоротомъ серебряный арабскій диргемъ или золотая застежка византійской работы попадали изъ Багдада или Царьграда на берега Оки или Вазузы, гдѣ ихъ и находятъ археологи.

Связь управленія съ торговлей.

Такъ устроялась *внутренняя* политическая жизнь въ Кіевскомъ княжествѣ IX и X вв. Легко замѣтить основной экономическій интересъ, руководившій этой жизнью, сближавшій и объединявшій отдаленныя и разрозненныя части земли: дань, шедшая кіевскому князю съ дружиной, питала внѣшнюю торговлю Руси. Этотъ же экономическій интересъ направлялъ и *внѣшнюю* дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей. Дѣятельность эта была направлена къ двумъ главнымъ цѣлямъ: 1) къ пріобрѣтенію заморскихъ рынковъ, 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которые вели къ этимъ рынкамъ. Самымъ виднымъ явленіемъ во внѣшней исторіи Руси до половины XI в. по Начальной лѣтописи были военные походы кіевскихъ князей на Царьградъ. До смерти Ярослава ихъ можно насчитать шесть, если не считать похода Владиміра на византійскую колонію Херсонесъ Таврическій въ 988 году: Аскольдовъ, который пріурочивали къ 865 году, а теперь относятъ къ 860 году, Олеговъ 907 г., два Игоревыхъ 941 и 944 г., второй болгарскій походъ Святослава 971 г., превратившійся въ войну съ греками, и, наконецъ, походъ Ярославова сына Владиміра 1043 года.

Достаточно знать причину перваго и послѣдняго изъ этихъ походовъ, чтобы понять главное побужденіе, которое ихъ вызывало. При Аскольдѣ Русь напала на Царьградъ, раздраженная, по словамъ патр. Фотія, умерщвленіемъ своихъ земляковъ, очевидно, русскихъ купцовъ, послѣ того какъ византійское правительство отказало въ удовлетвореніи за эту обиду, расторгнувъ тѣмъ свой договоръ съ Русью. Въ 1043 году Ярославъ послалъ на грековъ своего сына съ флотомъ, потому что въ Константинополѣ избили русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили. Итакъ, византійскіе походы вызывались, большею частью, стремленіемъ Руси поддержать или возстановить порывавшіяся торговыя сношенія съ Византіей. Вотъ почему они оканчивались обыкновенно торговыми трактатами. Такой торговый характеръ имѣютъ всѣ дошедшіе до насъ договоры Руси съ греками X в. Изъ нихъ дошли до насъ два договора Олега, одинъ Игоревъ и одинъ краткій договоръ или только начало договора Святославова. Договоры составлялись на греческомъ языкѣ и съ надлежащими измѣненіями формы переводились на языкъ понятный Руси. Читая эти договоры, легко замѣтить, какой интересъ связывалъ въ X в. Русь съ Византіей. Всего подробнѣе и точнѣе опредѣленъ въ нихъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, а также порядокъ частныхъ отношеній русскихъ въ Константинополѣ къ грекамъ: съ этой стороны договоры отличаются замѣчательной выработкой юридическихъ нормъ, особенно международнаго права.

Ежегодно лѣтомъ русскіе торговцы являлись въ Царьградъ на торговый сезонъ, продолжавшійся 6 мѣсяцевъ; по договору Игоря никто изъ нихъ не имѣлъ права оставаться тамъ на зиму. Русскіе купцы останавливались въ предмѣстьи Константинополя у св. Мамы, гдѣ находился нѣкогда мона- Договоры и торговля съ Византіей.

стырь св. Мamanта. Со времени того же договора императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева кораблей и переписывали имена прибывшихъ княжескихъ пословъ и простыхъ купцовъ, гостей, „да увѣмы и мы, прибавляютъ греки отъ себя въ договорѣ, оже съ миромъ приходятъ": это была предосторожность, чтобы подъ видомъ агентовъ кіевскаго князя не прокрались въ Царьградъ русскіе пираты. Русскіе послы и гости во все время своего пребыванія въ Константинополѣ пользовались отъ мѣстнаго правительства даровымъ кормомъ и даровой баней — знакъ, что на эти торговыя поѣздки Руси въ Константинополѣ смотрѣли не какъ на частныя промышленныя предпріятія, а какъ на торговыя посольства союзнаго кіевскаго двора. По свидѣтельству Льва Діакона, такое значеніе русскихъ торговыхъ экспедицій въ Византію было прямо оговорено въ трактатѣ Цимисхія со Святославомъ, гдѣ императоръ обязался принимать приходящихъ въ Царьградъ для торговли руссовъ въ качествѣ союзниковъ, „какъ искони повелось" (*καθάπερ ἀνέκαθεν ἔθιμον ἦν*). Надобно замѣтить при этомъ, что Русь была платной союзницей Византіи, обязывалась договорами за условленную „дань" оказывать грекамъ нѣкоторыя оборонительныя услуги на границахъ имперіи. Такъ договоръ Игоря обязывалъ русскаго князя не пускать Черныхъ болгаръ въ Крымъ „пакостить" въ странѣ Корсунской. Торговые послы Руси получали въ Царьградѣ свои посольскіе оклады, а простые купцы *мѣсячину*, мѣсячный кормъ, который имъ раздавался въ извѣстномъ порядкѣ по старшинству русскихъ городовъ, сначала кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ и изъ прочихъ городовъ. Греки побаивались Руси, даже приходившей съ законнымъ видомъ: купцы входили въ городъ со своими товарами

непремѣнно безъ оружія, партіями не больше 50 человѣкъ, одними воротами, съ императорскимъ приставомъ, который наблюдалъ за правильностью торговыхъ сдѣлокъ покупателей съ продавцами; въ договорѣ Игоря прибавлено: „входяще же Русь въ градъ, да не творятъ пакости“. По договору Олега русскіе купцы не платили никакой пошлины. Торговля была преимущественно мѣновая: этимъ можно объяснить сравнительно малое количество византійской монеты, находимой въ старинныхъ русскихъ кладахъ и курганахъ. Мѣха, медъ, воскъ и челядь Русь мѣняла на паволоки (шелковыя ткани), золото, вина, овощи. По истеченіи торговаго срока, уходя домой, Русь получала изъ греческой казны на дорогу продовольствіе и судовыя снасти, якори, канаты, паруса, все, чтò ей надобилось.

Такой порядокъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей установленъ былъ договорами Олега и Игоря. Разностороннее культурное значеніе ихъ для Руси понятно само собою: достаточно припомнить, что они были главнымъ средствомъ, подготовившимъ принятіе христіанства Русью и именно изъ Византіи. Но надобно теперь же отмѣтить въ нихъ одну сторону, которая могла возымѣть свое дѣйствіе еще до принятія христіанства, — сторону юридическую. Правовыя отношенія между русскими и греками въ Константинополѣ опредѣлялись, уголовныя и гражданскія правонарушенія, между ними случавшіяся, разбирались „по закону греческому и по уставу и по закону русскому“. Такъ возникали смѣшанныя нормы, комбинированныя изъ двухъ правъ, которыя излагались въ договорахъ. Въ нихъ иногда трудно различить составные элементы, римско-византійскій и русскій, притомъ русскій двойственный, варяжскій и славянскій. Договоры сами по себѣ, какъ дипломатическіе документы, лежавшіе въ кіевскомъ княжескомъ архивѣ, не могли оказать прямого дѣйствія на

Ихъ значеніе въ исторіи права.

русское право. Они имѣютъ важное научное значеніе, какъ древнѣйшіе письменные памятники, въ которыхъ проступаютъ черты этого права, хотя изучая ихъ, не всегда можно рѣшить, имѣемъ ли мы передъ собою чистую русскую норму, или разбавленную византійской примѣсью. Но отношенія, въ которыя становилась Русь, имѣвшая дѣла съ Константинополемъ, не могли остаться безъ вліянія на юридическія ея понятія и сами по себѣ, какъ непохожія на то, что̀ было на Днѣпрѣ или Волховѣ. Въ юридическое мышленіе этихъ людей иное грекоримское понятіе могло запасть такъ же невзначай, какъ въ нѣкоторыя статьи Олегова договора съ греками проскользнула терминологія греко-римскаго права. Въ Константинополѣ на императорской службѣ состояло не мало Руси и крещеной, и поганой. По одной статьѣ Олегова договора, если кто изъ такихъ русскихъ умретъ, не урядивъ своего имѣнія, не оставивъ завѣщанія, а „своихъ не иматъ", его имѣніе передается „къ малымъ ближикамъ въ Русь". *Свои* — это римское sui, нисходящіе, а *малые ближики* или просто ближики, какъ читаемъ въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ — proximi, *οἱ πλησίον*, боковые. Русь, торговавшая съ Византіей, была у себя дома господствующимъ классомъ, который обособлялся отъ туземнаго славянства сначала иноплеменнымъ происхожденіемъ, а потомъ, ославянившись, сословными привилегіями. Древнѣйшіе русскіе письменные памятники воспроизводятъ преимущественно право этой привилегированной Руси и только отчасти, по соприкосновенію, туземный, народный правовой обычай, котораго нельзя смѣшивать съ этимъ правомъ. Мы припомнимъ это замѣчаніе, когда будемъ изучать Русскую Правду.

Охрана торговыхъ путей.

Другою заботой кіевскихъ князей была поддержка и охрана торговыхъ путей, которые вели къ заморскимъ рынкамъ. Съ появленіемъ печенѣговъ въ южно-русскихъ сте-

пяхъ это стало очень труднымъ дѣломъ. Тотъ же императоръ Константинъ, описывая торговыя плаванія Руси въ Царьградъ, ярко рисуетъ затрудненія и опасности, какія приходилось ей одолѣвать на своемъ пути. Собранный пониже Кіева подъ Витичевомъ караванъ княжескихъ, боярскихъ и купеческихъ лодокъ въ іюнѣ отправлялся въ путь. Днѣпровскіе пороги представляли ему первое и самое тяжелое препятствіе. Вы знаете, что между Екатеринославомъ и Александровскомъ, тамъ, гдѣ Днѣпръ дѣлаетъ большой и крутой изгибъ къ востоку, онъ на протяженіи 70 верстъ пересѣкается отрогами Авратынскихъ возвышенностей, которые и заставляютъ его дѣлать этотъ изгибъ. Отроги эти принимаютъ здѣсь различныя формы; по берегамъ Днѣпра разсѣяны огромныя скалы въ видѣ отдѣльныхъ горъ; самые берега поднимаются отвѣсными утесами высотой до 35 саж. надъ уровнемъ воды и сжимаютъ широкую рѣку; русло ея загромождается скалистыми островами и перегораживается широкими грядами камней, выступающихъ изъ воды заостренными или закругленными верхушками. Если такая гряда сплошь загораживаетъ рѣку отъ берега до берега, это — *порогъ;* гряды, оставляющія проходъ судамъ, называются *заборами.* Ширина пороговъ по теченію до 150 саженей; одинъ тянется даже на 350 саж. Скорость теченія рѣки внѣ пороговъ не болѣе 25 саж. въ минуту, въ порогахъ до 150 саж. Вода, ударяясь о камни и скалы, несется съ шумомъ и широкимъ волненіемъ. Значительныхъ пороговъ теперь считаютъ до 10, во времена Константина Багрянороднаго считалось до 7. Небольшіе размѣры русскихъ однодеревокъ облегчали имъ прохожденіе пороговъ. Мимо однихъ Русь, высадивъ челядь на берегъ, шестами проталкивала свои лодки, выбирая въ рѣкѣ вблизи берега мѣста, гдѣ было поменьше камней. Передъ другими, болѣе опасными,

она высаживала на берегъ и выдвигала въ степь вооруженный отрядъ для охраны каравана отъ поджидавшихъ его печенѣговъ, вытаскивала изъ рѣки лодки съ товарами и тащила ихъ волокомъ или несла на плечахъ и гнала скованную челядь. Выбравшись благополучно изъ пороговъ и принесши благодарственныя жертвы своимъ богамъ, она спускалась въ днѣпровскій лиманъ, отдыхала нѣсколько дней на островѣ св. Елевѳерія (нынѣ Березань), исправляла судовыя снасти, готовясь къ морскому плаванію, и держась берега, направлялась къ устьямъ Дуная, все время преслѣдуемая печенѣгами. Когда волны прибивали лодки къ берегу, руссы высаживались, чтобы защитить товарищей отъ подстерегавшихъ ихъ преслѣдователей. Дальнѣйшій путь отъ устьевъ Дуная былъ безопасенъ. Читая подробное описаніе этихъ царьградскихъ поѣздокъ Руси у императора, живо чувствуешь, какъ нужна была русской торговлѣ вооруженная охрана при движеніи русскихъ купцовъ къ ихъ заморскимъ рынкамъ. Недаромъ Константинъ заканчиваетъ свой разсказъ замѣчаніемъ, что это — мучительное плаваніе, исполненное невзгодъ и опасностей.

Оборона степныхъ границъ.

Но засаривая степныя дороги русской торговли, кочевники безпокоили и степныя границы Русской земли. Отсюда третья забота кіевскихъ князей — ограждать и оборонять предѣлы Руси отъ степныхъ варваровъ. Съ теченіемъ времени это дѣло становится даже господствующимъ въ дѣятельности кіевскихъ князей вслѣдствіе все усиливавшагося напора степныхъ кочевниковъ. Олегъ, по разсказу Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ только утвердился въ Кіевѣ, началъ города ставить вокругъ него. Владиміръ, ставъ христіаниномъ, сказалъ: „худо, что мало городовъ около Кіева“, и началъ строить города по Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и другимъ рѣкамъ. Эти укрѣпленные пункты заселялись

боевыми людьми, „мужами лучшими“, по выраженію лѣтописи, которые вербовались изъ разныхъ племенъ, славянскихъ и финскихъ, населявшихъ русскую равнину. Съ теченіемъ времени эти укрѣпленныя мѣста соединялись между собою земляными валами и лѣсными засѣками. Такъ по южнымъ и юго-восточнымъ границамъ тогдашней Руси, на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра, выведены были въ X и XI вв. ряды земляныхъ окоповъ и сторожевыхъ „заставъ“, городковъ, чтобы сдерживать нападенія кочевниковъ. Все княженіе Владиміра Св. прошло въ упорной борьбѣ съ печенѣгами, которые раскинулись по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра восемью ордами, дѣлившимися каждая на пять колѣнъ. Около половины X в. по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, печенѣги кочевали на разстояніи одного дня пути отъ Руси, т. е. отъ Кіевской области. Если Владиміръ строилъ города по р. Стугнѣ (правый притокъ Днѣпра), значитъ, укрѣпленная южная степная граница Кіевской земли шла по этой рѣкѣ, на разстояніи не болѣе одного дня пути отъ Кіева. Въ началѣ XI в. встрѣчаемъ указаніе на успѣхъ борьбы Руси со степью. Въ 1006—7 г. чрезъ Кіевъ проѣзжалъ нѣмецкій миссіонеръ Бруно, направляясь къ печенѣгамъ для проповѣди Евангелія. Онъ остановился погостить у князя Владиміра, котораго въ письмѣ къ императору Генриху II называетъ сеньоромъ Руссовъ (senior Ruzorum). Князь Владиміръ уговаривалъ миссіонера не ѣздить къ печенѣгамъ, говоря, что у нихъ онъ не найдетъ душъ для спасенія, а скорѣе самъ погибнетъ позорною смертью. Князь не могъ уговорить Бруно и вызвался проводить его со своей дружиной (cum exercitu) до границъ своей земли, „которыя онъ со всѣхъ сторонъ оградилъ крѣпкимъ частоколомъ на весьма большомъ протяженіи по причинѣ скитающихся около нихъ непріятелей“.

Въ одномъ мѣстѣ князь Владиміръ провелъ нѣмцевъ воротами чрезъ эту линію укрѣпленій и остановившись на сторожевомъ степномъ холмѣ, послалъ сказать имъ: „вотъ я довелъ васъ до мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается непріятельская“. Весь этотъ путь отъ Кіева до укрѣпленной границы пройденъ былъ въ два дня. Мы замѣтили выше, что въ половинѣ X в. линія укрѣпленій по южной границѣ шла на разстояніи одного дня пути отъ Кіева. Значитъ, въ продолженіе полувѣковой упорной борьбы при Владимірѣ Русь успѣла пробиться въ степь на одинъ день пути, т.-е. передвинуть укрѣпленную границу на линію р. Роси, гдѣ преемникъ Владиміра Ярославъ „поча ставити городы“, населяя ихъ плѣнными ляхами.

Такъ первые кіевскіе князья продолжали начавшуюся еще до нихъ дѣятельность вооруженныхъ торговыхъ городовъ Руси, поддерживая сношенія съ приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси отъ степныхъ ея сосѣдей.

Населеніе и предѣлы Русской земли въ XI в.

Описавши дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей, сведемъ ея результаты, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе Руси около половины XI в. Своимъ мечомъ первые кіевскіе князья очертили довольно широкій кругъ земель, политическимъ центромъ которыхъ былъ Кіевъ. Населеніе этой территоріи было довольно пестрое; въ составъ его постепенно вошли не только всѣ восточныя славянскія племена, но и нѣкоторыя изъ финскихъ: чудь прибалтійская, весь бѣлозерская, меря ростовская и мурома по нижней Окѣ. Среди этихъ инородческихъ племенъ рано появились русскіе города. Такъ среди прибалтійской чуди при Ярославѣ возникъ Юрьевъ (Дерптъ), названный такъ по христіанскому имени Ярослава; еще раньше являются правительственныя русскія средоточія среди финскихъ племенъ на востокѣ,

среди муромы, мери и веси, Муромъ, Ростовъ и Бѣлозерскъ. Ярославъ построилъ еще на берегу Волги городъ, названный по его княжескому имени Ярославлемъ. Русская территорія такимъ образомъ простиралась отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣки Роси, праваго притока Днѣпра, и Ворсклы или Псла, лѣвыхъ притоковъ; съ востока на западъ она шла отъ устья Клязьмы, на которой при Владимірѣ Мономахѣ возникъ г. Владиміръ (Залѣсскій), до области верховьевъ Западнаго Буга, гдѣ еще раньше, при Владимірѣ Св. возникъ другой г. Владиміръ (Волынскій). Страна древнихъ хорватовъ Галиція была въ X и XI вв. спорнымъ краемъ, переходившимъ между Польшей и Русью изъ рукъ въ руки. Нижнее теченіе рѣки Оки, которая была восточной границею Руси, и низовья южныхъ рѣкъ Днѣпра, Восточнаго Буга и Днѣстра находились, повидимому, внѣ власти кіевскаго князя. Въ сторонѣ Русь удерживала еще за собой старую колонію Тмуторокань, связь съ которой поддерживалась водными путями по лѣвымъ притокамъ Днѣпра и рѣкамъ Азовскаго моря.

Характеръ государства.

Разноплеменное населеніе, занимавшее всю эту территорію, вошло въ составъ великаго княжества Кіевскаго или Русскаго государства. Но это Русское государство еще не было государствомъ русскаго народа, потому что еще не существовало самаго этого народа: къ половинѣ XI в. были готовы только этнографическіе элементы, изъ которыхъ потомъ долгимъ и труднымъ процессомъ выработается русская народность. Всѣ эти разноплеменные элементы пока были соединены чисто механически; связь нравственная, христіанство распространялось медленно и не успѣло еще захватить даже всѣхъ славянскихъ племенъ Русской земли: такъ вятичи не были христіанами еще въ началѣ XII в. Главной механической связью частей населенія Русской

земли была княжеская администрація съ ея посадниками, данями и пошлинами. Во главѣ этой администраціи стоялъ великій князь кіевскій. Намъ уже извѣстенъ характеръ его власти, какъ и ея происхожденіе: онъ вышелъ изъ среды тѣхъ варяжскихъ викинговъ, вождей военно-промышленныхъ компаній, которые стали появляться на Руси въ IX в.; это былъ первоначально наемный вооруженный сторожъ Руси и ея торговли, ея степныхъ торговыхъ путей и заморскихъ рынковъ, за что онъ получалъ кормъ съ населенія. Завоеванія и столкновенія съ чуждыми политическими формами клали заимствованныя черты на власть этихъ наемныхъ военныхъ сторожей и осложняли ее, сообщая ей характеръ верховной государственной власти: такъ въ X в. наши князья подъ хозарскимъ вліяніемъ любили величаться „каганами". Изъ словъ Ибнъ-Дасты видно, что въ первой половинѣ X в. обычнымъ названіемъ русскаго князя было „хаканъ-русъ", русскій каганъ. Русскій митрополитъ Иларіонъ, писавшій въ половинѣ XI в., въ похвальномъ словѣ Владиміру Святому даетъ даже этому князю хозарскій титулъ кагана. Вмѣстѣ съ христіанствомъ стала проникать на Русь струя новыхъ политическихъ понятій и отношеній. На кіевскаго князя пришлое духовенство переносило византійское понятіе о государѣ, поставленномъ отъ Бога не для внѣшней только защиты страны, но и для установленія и поддержанія внутренняго общественнаго порядка. Тотъ же митрополитъ Иларіонъ пишетъ, что князь Владиміръ „часто съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ отцами своими епископами о томъ, какъ уставить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа". И разсказъ начальнаго лѣтописнаго свода выводитъ Владиміра въ совѣтѣ съ епископами, которые внушаютъ ему мысль о необходимости князю казнить разбойниковъ, потому что онъ поставленъ отъ Бога казнить злыхъ и миловать добрыхъ.

Дружина.

Теперь бросимъ взглядъ на составъ русскаго общества, которымъ правилъ великій князь кіевскій. Высшимъ классомъ этого общества, съ которымъ князь дѣлилъ труды управленія и защиты земли, была княжеская дружина. Она дѣлилась на высшую и низшую: первая состояла изъ *княжихъ мужей* или *бояръ*, вторая изъ *дѣтскихъ* или *отроковъ;* древнѣйшее собирательное названіе младшей дружины *гридь* или *гридьба* (скандин. grid—дворовая прислуга) замѣнилось потомъ словомъ *дворъ* или *слуги.* Эта дружина вмѣстѣ со своимъ княземъ вышла, какъ мы знаемъ, изъ среды вооруженнаго купечества большихъ городовъ. Въ XI в. она еще не отличалась отъ этого купечества рѣзкими чертами ни политическими, ни экономическими. Дружина княжества составляла собственно военный классъ; но и больщіе торговые города были устроены по-военному, образовали каждый цѣльный организованный полкъ, называвшійся *тысячей,* которая подраздѣлялась на *сотни* и *десятки* (батальоны и роты). Тысячей командовалъ выбиравшійся городомъ, а потомъ назначаемый княземъ тысяцкій, сотнями и десятками также выборные сотскіе и десятскіе. Эти выборные командиры составляли военное управленіе города и принадлежавшей ему области, военно-правительственную старшину, которая называется въ лѣтописи „старцами градскими“. Городовые полки, точнѣе говоря, вооруженные города принимали постоянное участіе въ походахъ князя наравнѣ съ его дружиной. Съ другой стороны, дружина служила князю орудіемъ управленія: члены старшей дружины, бояре, составляли думу князя, его государственный совѣтъ. „Бѣ Волидиміръ, говоритъ объ немъ лѣтопись, любя дружину и съ ними думая о строи земленемъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленемъ“. Но въ этой дружинной или боярской думѣ сидѣли и „старцы градскіе“, т.-е. выборныя военныя власти

города Кіева, можетъ быть, и другихъ городовъ, тысяцкіе и сотскіе. Такъ самый вопросъ о принятіи христіанства былъ рѣшенъ княземъ по совѣту съ боярами „старцами градскими“. Эти старцы или старѣйшины городскіе являются объ руку съ княземъ, вмѣстѣ съ боярами, въ дѣлахъ управленія, какъ и при всѣхъ придворныхъ торжествахъ, образуя какъ бы земскую аристократію рядомъ съ княжеской служилой. На княжій пиръ по случаю освященія церкви въ Василевѣ въ 996 году званы были вмѣстѣ съ боярами и посадниками и „старѣйшины по всѣмъ градомъ“. Точно также по распоряженію Владиміра на его воскресные пиры въ Кіевѣ положено было приходить боярамъ, гриди, сотскимъ, десятскимъ и всѣмъ нарочитымъ мужамъ. Но составляя военно-правительственный классъ, княжеская дружина въ то же время оставалась еще во главѣ русскаго купечества, изъ котораго выдѣлилась, принимала дѣятельное участіе въ заморской торговлѣ. Это русское купечество около половины X в. далеко еще не было славяно-русскимъ. Договоръ Игоря съ греками заключили въ 945 году послы отъ кіевскаго правительства и гости, купцы, которые вели торговыя дѣла съ Византіей. Тѣ и другіе говорятъ о себѣ въ договорѣ: „мы отъ рода *русскаго* сли и гостье“. Все это были варяги. Въ перечнѣ 25 пословъ нѣтъ ни одного славянскаго имени; изъ 25 или 26 купцовъ только одного или двоихъ можно признать славянами. Указывая на близость тогдашняго русскаго купечества къ кіевскому правительству, призвавшему купцовъ къ участію въ такомъ важномъ дипломатическомъ актѣ, договоръ вскрываетъ и роль варяговъ въ заморской русской торговлѣ того времени: какъ люди бывалые и привычные къ морю, варяги, входившіе въ составъ туземнаго купечества, служили его коммиссіонерами, посредниками между нимъ и заморскими рынками. Сторон-

Варяжскій элементъ.

нимъ наблюдателямъ оба класса, княжеская дружина и городское купечество, представлялись однимъ общественнымъ слоемъ, который носилъ общее названіе *Руси* и, по замѣчанію восточныхъ писателей X в., занимался исключительно войной и торговлей, не имѣлъ ни деревень, ни пашенъ, т.-е. не успѣлъ еще сдѣлаться землевладѣльческимъ классомъ. Слѣды землевладѣнія у служилыхъ людей появляются въ памятникахъ не ранѣе XI столѣтія; оно и провело экономическую и юридическую грань между княжеской дружиной и городовымъ купечествомъ, но уже нѣсколько позднѣе: въ болѣе раннее время, можетъ быть, и городскіе купцы бывали землевладѣльцами, какъ это видимъ потомъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ Русской Правдѣ сословное дѣленіе основывается на отношеніи лицъ къ князю, какъ верховному правителю. Княжъ мужъ, бояринъ, пріобрѣтая землю, становился привилегированнымъ землевладѣльцемъ, какъ привилегированный слуга князя. Но первоначальнымъ основаніемъ сословнаго дѣленія русскаго общества, можетъ быть, еще до князей, служило, повидимому, *рабовладѣніе*. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ Русской Правды упоминается привилегированный классъ, носящій древнее названіе *огнищанъ*, которое въ другихъ статьяхъ замѣнено болѣе позднимъ терминомъ *княжи мужи;* убійство огнищанина, какъ и княжа мужа, оплачивается двойною вирой. Въ древнихъ памятникахъ славяно-русской письменности слово *огнище* является со значеніемъ челяди; слѣдовательно, огнищане были рабовладѣльцы. Можно думать, что такъ назывался до князей высшій классъ населенія въ большихъ торговыхъ городахъ Руси, торговавшій преимущественно рабами. Но если княжеская дружина въ XI в. еще не успѣла рѣзко обособиться отъ городского купечества ни политически, ни экономически, то можно замѣтить между ними различіе

Рабовладѣніе.

племенное. Княжеская дружина принимала въ свой составъ и туземныя силы, преимущественно изъ городской военно-правительственной старшины. Но по спискамъ кіевскихъ пословъ, заключавшихъ договоры съ греками въ X в., можно видѣть, что рѣшительное большинство въ тогдашнемъ составѣ княжеской дружины принадлежало „находникамъ“, какъ ихъ называетъ лѣтопись, заморскимъ варягамъ. Повидимому варяжскій элементъ преобладалъ въ составѣ дружины еще и въ XI в. Русское общество того времени привыкло считать русскаго боярина варягомъ. Есть любопытный памятникъ, относящійся къ первымъ временамъ христіанства на Руси: это слова на св. четыредесятницу съ предшествующими ей недѣлями. Въ одномъ изъ этихъ несомнѣнно русскихъ произведеній, въ словѣ на недѣлю мытаря и фарисея, слѣдовательно на тему о смиреніи, мы встрѣчаемъ одно любопытное указаніе проповѣдника. Внушая знати не кичиться своей знатностью, проповѣдникъ говоритъ: „не хвались родомъ, ты благородный, не говори: отецъ у меня бояринъ, а *мученики Христовы братья мнѣ*“. Это намекъ на христіанъ-варяговъ, отца съ сыномъ, пострадавшихъ отъ кіевскихъ язычниковъ при князѣ Владимірѣ въ 983 году. Значитъ, русскому обществу XI в. бояринъ русскій представлялся непремѣнно родичемъ, землякомъ кіевскихъ мучениковъ-варяговъ, хотя въ X и въ началѣ XI в. извѣстно по лѣтописи немало княжихъ мужей изъ туземцевъ славянъ. Слово писано, когда совершалось племенное обновленіе княжеской дружины, но еще не успѣли соотвѣтственно измѣниться привычныя соціальныя представленія. Княжеская дружина, служа орудіемъ администраціи въ рукахъ кіевскаго князя, торгуя вмѣстѣ съ купечествомъ большихъ городовъ, носила вмѣстѣ съ нимъ спеціальное названіе *Руси*. До сихъ поръ не объяснено удовлетвори-

Слово *Русь*.

тельно ни историческое происхожденіе, ни этимологическое значеніе этого загадочнаго слова. По предположенію автора древней Повѣсти о Русской землѣ первоначальное значеніе его было племенное: такъ называлось то варяжское племя, изъ котораго вышли первые наши князья. Потомъ это слово получило сословное значеніе: Русью въ X в. по Константину Багрянородному и арабскимъ писателямъ назывался высшій классъ русскаго общества, преимущественно княжеская дружина, состоявшая въ большинствѣ изъ тѣхъ же варяговъ. Позднѣе Русь или *Русская земля*, — выраженіе, впервые появляющееся въ Игоревомъ договорѣ 945 года, — получило географическое значеніе: такъ называлась преимущественно Кіевская область, гдѣ гуще осаживались пришлые варяги [„поляне, яже нынѣ зовомая Русь", по выраженію Начальной лѣтописи]. Наконецъ, въ XI—XII в., когда Русь, какъ племя, слилась съ туземными славянами, оба эти термина *Русь* и *Русская земля*, не теряя географическаго значенія, являются со значеніемъ политическимъ: такъ стала называться вся территорія, подвластная русскимъ князьямъ, со всѣмъ христіанскимъ славяно-русскимъ ея населеніемъ. Но въ X в. отъ смѣшаннаго высшаго класса, называвшагося Русью, военнаго и промышленнаго, въ значительномъ количествѣ пришлаго, еще рѣзко отличалось туземное низшее населеніе, славянское простонародье, платившее дань Руси. Скоро и это простонародье обозначится въ нашихъ памятникахъ не какъ туземная масса, платящая дань пришлымъ иноплеменникамъ, а въ видѣ низшихъ классовъ русскаго общества, отличающихся правами и обязанностями отъ верхнихъ слоевъ того же единоплеменнаго имъ русскаго общества. Такъ и въ нашей исторіи вы наблюдаете процессъ превращенія въ сословія племенъ, сведенныхъ судьбой для совмѣстной жизни въ одномъ госу-

Превращеніе племенъ въ сословія.

дарственномъ союзѣ, съ преобладаніемъ одного племени надъ другими. Можно теперь же отмѣтить особенность, отличавшую нашъ процессъ отъ параллельныхъ ему, извѣстныхъ вамъ изъ исторіи Западной Европы: у насъ пришлое господствующее племя, прежде чѣмъ превратиться въ сословіе, сильно разбавлялось туземной примѣсью. Это лишало общественный складъ рельефныхъ сословныхъ очертаній, зато смягчало соціальный антагонизмъ.

Въ такихъ чертахъ представляется намъ состояніе Русской земли около половины XI в. Съ этого времени до исхода XI в., т.-е. до конца перваго періода нашей исторіи, политическій и гражданскій порядокъ, основанія котораго были положены старыми волостными городами и потомъ первыми кіевскими князьями, получаетъ дальнѣйшее развитіе. Переходимъ къ изученію явленій, въ которыхъ обнаружилось это развитіе, и прежде всего изучимъ факты политическіе, т.-е. порядокъ княжескаго владѣнія, установившійся на Руси по смерти Ярослава.

Лекція XI.

Порядокъ княжескаго владѣнія Русской землей послѣ Ярослава. — Неясность порядка до Ярослава. — Раздѣлъ земли между сыновьями Ярослава и его основаніе. — Дальнѣйшія перемѣны въ распорядкѣ надѣловъ. — Очередь старшинства во владѣніи, какъ основа порядка. — Его схема. — Происхожденіе очередного порядка. — Практическое его дѣйствіе. — Условія, его разстраивавшія: ряды и усобицы князей; мысль объ отчинѣ; выдѣленіе князей-изгоевъ; личныя доблести князей; вмѣшательство волостныхъ городовъ. — Значеніе очередного порядка.

Намъ предстоитъ изучить политическій строй, устанавливавшійся въ Русской землѣ съ половины XI в., по смерти Ярослава. Различныя общественныя силы и историческія условія участвовали въ созиданіи этого строя; но основаніемъ его служилъ *порядокъ княжескаго владѣнія* Русской землей, дѣйствовавшій въ это время. На немъ прежде всего и остановимся.

Княжеское владѣніе до Ярослава.

Довольно трудно сказать, какой порядокъ княжескаго владѣнія существовалъ на Руси при предшественникахъ Ярослава и даже существовалъ ли какой-либо опредѣленный порядокъ. Иногда власть какъ будто переходила отъ одного князя къ другому по старшинству: такъ преемникомъ Рюрика былъ не малолѣтній сынъ его Игорь, а родственникъ Олегъ, по преданію его племянникъ. Иногда всею землею правилъ, повидимому, одинъ князь; но можно замѣтить, что это бывало тогда, когда не оставалось налицо другихъ взрос-

лыхъ князей. Слѣдовательно, единовластіе до половины XI в. было политическою случайностью, а не политическимъ порядкомъ. Какъ скоро у князя подрастало нѣсколько сыновей, каждый изъ нихъ, несмотря на возрастъ, обыкновенно еще при жизни отца получалъ извѣстную область въ управленіе. Святославъ, оставшійся послѣ отца малолѣтнимъ, однако еще при его жизни княжилъ въ Новгородѣ. Тотъ же Святославъ потомъ, собираясь во второй походъ на Дунай противъ болгаръ, роздалъ волости на Руси тремъ своимъ сыновьямъ; точно такъ же поступилъ со своими сыновьями и Владиміръ. При отцѣ сыновья правили областями въ качествѣ его посадниковъ (намѣстниковъ) и платили, какъ посадники, дань со своихъ областей великому князю-отцу. Такъ о Ярославѣ лѣтопись замѣчаетъ, что онъ, правя при отцѣ Новгородомъ, давалъ Владиміру ежегодную урочную дань по 2000 гривенъ: „такъ, прибавляетъ лѣтописецъ, и всѣ *посадники* новгородскіе платили". Но когда умиралъ отецъ, тогда, повидимому, разрывались всѣ политическія связи между его сыновьями: политической зависимости младшихъ областныхъ князей отъ старшаго ихъ брата, садившагося послѣ отца въ Кіевѣ, не замѣтно. Между отцомъ и дѣтьми дѣйствовало семейное право; но между братьями не существовало, повидимому, никакого установленнаго, признаннаго права, чѣмъ и можно объяснить усобицы между сыновьями Святослава и Владиміра. Впрочемъ, мелькаетъ неясная мысль о правѣ старшинства. Мысль эту высказалъ одинъ изъ сыновей Владиміра князь Борисъ. Когда ему по смерти отца дружина совѣтовала занять кіевскій столъ помимо старшаго брата Святополка, Борисъ отвѣчалъ: „не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто".

Раздѣлъ послѣ Ярослава.

По смерти Ярослава власть надъ Русской землей не сосредоточивается болѣе въ одномъ лицѣ: единовластіе, слу-

чавшееся иногда до Ярослава, не повторяется; никто изъ потомковъ Ярослава не принимаетъ, по выраженію лѣтописи, „власть русскую всю“, не становится „самовластцемъ Русстѣй земли“. Это происходитъ оттого, что родъ Ярослава съ каждымъ поколѣніемъ размножается все болѣе, и земля Русская дѣлится и передѣляется между подраставшими князьями. Надобно слѣдить за этими непрерывными дѣлежами, чтобы разглядѣть складывавшійся порядокъ и понять его основы. При этомъ слѣдуетъ различать схему или норму порядка и его практическое развитіе. Первую надобно наблюдать по практикѣ первыхъ поколѣній Ярославичей, а потомъ она остается только въ понятіяхъ князей, вытѣсняемая изъ практики измѣняющимися обстоятельствами. Такъ обыкновенно бываетъ въ жизни: отступая отъ привычнаго, затверженнаго правила подъ гнетомъ обстоятельствъ, люди еще долго донашиваютъ его въ своемъ сознаніи, которое вообще консервативнѣе, неповоротливѣе жизни, ибо есть дѣло одиночное, индивидуальное, а жизнь измѣняется коллективными усиліями и ошибками цѣлыхъ массъ. Посмотримъ прежде всего, какъ раздѣлилась Русская земля между Ярославичами тотчасъ по смерти Ярослава. Ихъ было тогда налицо шестеро: пять сыновей Ярослава и одинъ внукъ Ростиславъ отъ старшаго Ярославова сына Владиміра, умершаго еще при жизни отца. Мы не считаемъ раньше выдѣлившихся и не принимавшихъ участія въ общемъ владѣніи Ярославичей князей полоцкихъ, потомковъ старшаго Ярославова брата Изяслава, Владимірова сына отъ Рогнѣды. Братья подѣлились, конечно, по завѣту отца, и лѣтопись приписываетъ Ярославу предсмертное изустное завѣщаніе, въ которомъ онъ распредѣляетъ Русскую землю между сыновьями въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они владѣли ею послѣ отца. Старшій Ярославичъ Изяславъ сѣлъ въ Кіевѣ,

присоединивъ къ нему и Новгородскую волость: значитъ, въ его рукахъ сосредоточились оба конца рѣчного пути „изъ Варягъ въ Греки“. Второму сыну Ярослава Святославу досталась область днѣпровскаго притока Десны, земля Черниговская съ примыкавшей къ ней по Окѣ Муромо-Рязанской окраиной и съ отдаленной азовской колоніей Руси Тмутороканью, возникшей на мѣстѣ старинной византійской колоніи Таматарха (Тамань). Третій Ярославичъ Всеволодъ сѣлъ въ Переяславлѣ Русскомъ (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи) и получилъ въ прибавокъ къ этой сравнительно небольшой и окрайной волости оторванный отъ нея географически край Суздальскій и Бѣлозерскій по верхнему Поволжью. Четвертый Вячеславъ сѣлъ въ Смоленскѣ, пятый Игорь на Волыни, гдѣ правительственнымъ центромъ сталъ построенный при Владимірѣ Св. городъ Владиміръ (на р. Лугѣ, притокѣ Западнаго Буга). Сирота племянникъ получилъ отъ дядей отдаленный Ростовскій край среди владѣній Всеволода переяславскаго, хотя его отецъ княжилъ въ Новгородѣ. Очевидно, между братьями распредѣлялись городовыя области, старыя и новыя. Легко замѣтить двойное соображеніе, какимъ руководился Ярославъ при такомъ раздѣлѣ Русской земли: онъ распредѣлилъ ея части между сыновьями, согласуя ихъ взаимное отношеніе по степени старшинства со сравнительной доходностью этихъ частей. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ лучше и богаче волость ему доставалась. Говоря короче, раздѣлъ основанъ былъ на согласованіи генеалогическаго отношенія князей съ экономическимъ значеніемъ городовыхъ областей. Любопытно что три старшихъ города, Кіевъ, Черниговъ и Переяславль, по распредѣленію Ярослава слѣдуютъ другъ за другомъ совершенно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ перечислялись они въ договорахъ съ греками, а тамъ они расположены

въ порядкѣ своего политическаго и экономическаго значенія. Кіевъ, доставшійся старшему брату, въ XI в. былъ, какъ средоточіе русской торговли, богатѣйшимъ городомъ Руси. Иностранцы XI в. склонны были даже преувеличивать богатство и населенность этого города. Писатель самаго начала XI в. Титмаръ Мерзебургскій считаетъ Кіевъ чрезвычайно большимъ и крѣпкимъ городомъ, въ которомъ около 400 церквей и 8 рынковъ. Другой западный писатель того же вѣка Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя, „блестящимъ украшеніемъ Греціи“, т.-е. православнаго Востока. И въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ большой пожаръ 1071 года въ Кіевѣ сгорѣло до 700 церквей. За Кіевомъ по своему богатству и значенію слѣдовалъ Черниговъ, доставшійся второму Ярославичу, и т. д.

Теперь представляется вопросъ: какъ Ярославичи владѣли Русской землей при дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ наличномъ составѣ своей семьи? Получивъ, что̀ досталось каждому по раздѣлу, оставались ли они постоянными владѣльцами доставшихся имъ областей, и какъ ихъ области наслѣдовались? Я сейчасъ упомянулъ о предсмертномъ завѣщаніи Ярослава. Вы, навѣрное, читали его еще въ гимназіи, и я его не повторяю. Оно отечески-задушевно, но очень скудно политическимъ содержаніемъ; невольно спрашиваешь себя, не лѣтописецъ ли говоритъ здѣсь устами Ярослава. Среди наставленій сыновьямъ пребывать въ любви между собою можно уловить только два указанія на дальнѣйшій порядокъ отношеній между братьями-наслѣдниками. Перечисливъ города, назначенные каждому, завѣщаніе внушаетъ младшимъ братьямъ слушаться старшаго, какъ они слушались отца: „да той вы будетъ въ мене мѣсто“. Потомъ отецъ сказалъ старшему сыну: „если братъ будетъ обижать брата, ты помогай обижаемому“. Вотъ и все. Но есть два

Дальнѣйшія перемѣны.

важныя дополненія этого завѣщанія. Въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ уже извѣстнаго намъ мниха Іакова читаемъ, что Ярославъ оставилъ наслѣдниками и преемниками своего престола не всѣхъ пятерыхъ своихъ сыновей, а только троихъ старшихъ. Это извѣстная норма родовыхъ отношеній, ставшая потомъ одной изъ основъ мѣстничества. По этой нормѣ въ сложной семьѣ, состоящей изъ братьевъ съ ихъ семействами, т.-е. изъ дядей и племянниковъ, первое властное поколѣніе состоитъ только изъ трехъ старшихъ братьевъ, а остальные, младшіе братья отодвигаются во второе подвластное поколѣніе, приравниваются къ племянникамъ: по мѣстническому счету старшій племянникъ четвертому дядѣ въ версту, причемъ въ числѣ дядей считался и отецъ племянника. Потомъ лѣтописецъ, разсказавъ о смерти третьяго Ярославича Всеволода, вспомнилъ, что Ярославъ, любя его больше другихъ своихъ сыновей, говорилъ ему передъ смертью: „если Богъ дастъ тебѣ принять власть стола моего *послѣ своихъ братьевъ* съ правдою, а не съ насильемъ, то когда придетъ къ тебѣ смерть, вели положить себя, гдѣ я буду лежать, подлѣ моего гроба“. Итакъ Ярославъ отчетливо представлялъ себѣ порядокъ, какому послѣ него будутъ слѣдовать его сыновья въ занятіи кіевскаго стола: это порядокъ по очереди старшинства. Посмотримъ, такъ ли было на дѣлѣ, и какъ примѣнялась общая схема этого порядка. Въ 1057 году умеръ четвертый Ярославичъ Вячеславъ смоленскій, оставивши сына. Старшіе Ярославичи перевели въ Смоленскъ Игоря съ Волыни, а на его мѣсто на Волынь перевели изъ Ростова племянника Ростислава. Въ 1060 г. умеръ другой младшій Ярославичъ Игорь смоленскій, такъ же оставивши сыновей. Старшіе братья не отдали Смоленска ни этимъ сыновьямъ, ни Ростиславу. Послѣдній однако, считая себя въ правѣ перемѣститься по очереди съ Волыни

въ Смоленскъ, осердился на дядей и убѣжалъ въ Тмутороканъ собирать силы для мести. Въ 1073 г. Ярославичи Святославъ и Всеволодъ заподозрили старшаго брата Изяслава въ какихъ-то козняхъ противъ братьевъ и выгнали его изъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ сѣлъ по старшинству Святославъ изъ Чернигова, а въ Черниговъ на его мѣсто перешелъ Всеволодъ изъ Переяслава. Въ 1076 году Святославъ умеръ, оставивъ сыновей; на его мѣсто въ Кіевъ перешелъ изъ Чернигова Всеволодъ. Но скоро Изяславъ вернулся на Русь съ польской помощью. Тогда Всеволодъ добровольно уступилъ ему Кіевъ, какъ старшему, а самъ воротился въ Черниговъ. Обдѣленные племянники хотѣли добиться владѣній силой. Въ бою съ ними палъ Изяславъ въ 1078 году. Тогда Всеволодъ, единственный изъ сыновей Ярослава, остававшійся въ живыхъ, снова перемѣстился на старшій столъ въ Кіевъ. Въ 1093 году умеръ Всеволодъ. На сцену теперь выступаетъ второе поколѣніе Ярославичей, внуки Ярослава, и на кіевскій столъ садится сынъ старшаго Ярославича Святополкъ Изяславичъ.

Очередь старшинства.

Достаточно перечисленныхъ случаевъ, чтобы видѣть, какой порядокъ владѣнія устанавливался у Ярославичей. Князья-родичи не являются постоянными, неподвижными владѣльцами областей, достававшихся имъ по раздѣлу: съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ княжеской семьи идетъ передвижка, младшіе родичи, слѣдовавшіе за умершимъ, передвигались изъ волости въ волость, съ младшаго стола на старшій. Это передвиженіе слѣдовало извѣстной очереди, совершалось въ такомъ же порядкѣ старшинства князей, какъ былъ произведенъ первый раздѣлъ. Въ этой очереди выражалась мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія Русской землей: Ярославичи владѣли ею, не раздѣляясь, а передѣляясь, чередуясь по старшинству.

Очередь, устанавливаемая отношеніемъ старшинства князей и выражавшая мысль о нераздѣльности княжескаго владѣнія, остается по понятіямъ князей основаніемъ владѣльческаго ихъ порядка въ XI и до конца XII в. Въ продолженіе всего этого времени князья не переставали выражать мысль, что вся совокупность ихъ, весь родъ Ярослава долженъ владѣть наслѣдіемъ отцовъ и дѣдовъ нераздѣльно-поочередно. Это была цѣлая теорія, постепенно сложившаяся въ политическомъ сознаніи Ярославичей, съ помощію которой они старались оріентироваться въ путаницѣ своихъ перекрещивавшихся интересовъ и пытались исправить практику своихъ отношеній, когда они черезчуръ осложнялись. Въ разсказѣ лѣтописи эта теорія выражается иногда довольно отчетливо. Владиміръ Мономахъ, похоронивъ отца въ 1093 году, началъ размышлять, вѣроятно, по поводу совѣтовъ занять кіевскій столъ помимо старшаго двоюроднаго брата Святополка Изяславича; „сяду я на этотъ столъ — будетъ у меня рать со Святополкомъ, потому что его отецъ сидѣлъ на томъ столѣ прежде моего отца“. И размысливъ такъ, послалъ онъ звать Святополка въ Кіевъ. Въ 1195 году правнукъ Мономаха, смоленскій князь Рюрикъ съ братьями, признавъ старшинство въ своей линіи за внукомъ Мономаха Всеволодомъ III суздальскимъ, обратился къ черниговскому князю Ярославу, четвероюродному брату этого Всеволода, съ такимъ требованіемъ: „цѣлуй намъ крестъ со всею своею братіею, что не искать вамъ Кіева и Смоленка подъ нами, ни подъ вашими дѣтьми, ни подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ: дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ Днѣпромъ, потому вамъ и нѣтъ дѣла до Кіева“. Рюрикъ выдумалъ небывалый раздѣлъ: Ярославъ никогда не дѣлилъ сыновей своихъ Всеволода и Святослава Днѣпромъ; оба эти сына получили области

на восточной сторонѣ Днѣпра, Черниговъ и Переяславль. Такъ какъ это требованіе Рюрика было внушено ему главой линіи Всеволодомъ суздальскимъ, то съ отвѣтомъ на это требованіе Ярославъ черниговскій обратился прямо къ Всеволоду III, пославъ сказать ему: „у насъ былъ уговоръ не искать Кіева подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ; мы и стоимъ на этомъ уговорѣ; но если ты велишь намъ отказаться отъ Кіева навсегда, то вѣдь мы не угры и не ляхи, а единаго дѣда внуки: пока вы оба живы съ Рюрикомъ, мы не ищемъ Кіева, а послѣ васъ — кому Богъ дастъ". Не забудемъ, что въ этомъ столкновеніи выступаютъ довольно далекіе родственники, Ярославичи 4-го и 5-го поколѣнія, и однако они ясно выражаютъ мысль объ очередномъ порядкѣ владѣнія, основанномъ на единствѣ княжескаго рода и нераздѣльности отчаго и дѣдовскаго достоянія князей.

Схема очередного порядка.

Такой своеобразный порядокъ княжескаго владѣнія устанавливался на Руси по смерти Ярослава. Изложимъ его въ возможно простѣйшей схемѣ. Князь русскій имѣлъ уже династическое значеніе: это званіе усвоено было только потомкамъ Владиміра Св. Не было ни единичной верховной власти, ни личнаго преемства ея по завѣщанію. Ярославичи не дѣлили достоянія отцовъ и дѣдовъ на постоянныя доли и не передавали доставшейся каждому доли своимъ сыновьямъ по завѣщанію. Они были подвижными владѣльцами, которые передвигались изъ волости въ волость по извѣстной очереди. Очередь эта опредѣлялась старшинствомъ лицъ и устанавливала постоянно колебавшееся, измѣнчивое соотношеніе наличнаго числа князей съ количествомъ княжескихъ волостей или владѣній. Всѣ наличные князья по степени старшинства составляли одну генеалогическую лѣствицу. Точно такъ же вся Русская земля предста-

вляла лѣствицу областей по степени ихъ значенія и доходности. Порядокъ княжескаго владѣнія основывался на точномъ соотвѣтствіи ступеней обѣихъ этихъ лѣствицъ, генеалогической и территоріальной, лѣствицы лицъ и лѣствицы областей. На верху лѣствицы лицъ стоялъ старшій изъ наличныхъ князей, великій князь кіевскій. Это старшинство давало ему кромѣ обладанія лучшей волостью извѣстныя права и преимущества надъ младшими родичами, которые „ходили въ его послушаніи". Онъ носилъ званіе *великаго*, т.-е. старшаго князя, названаго отца своей братіи. *Быть въ отца мѣсто* — эта юридическая фикція поддерживала политическое единство княжескаго рода при его естественномъ распаденіи, восполняя или исправляя естественный ходъ дѣлъ. Великій князь распредѣлялъ владѣнія между младшими родичами, „надѣлялъ" ихъ, разбиралъ ихъ споры и судилъ ихъ, заботился объ ихъ осиротѣлыхъ семьяхъ, былъ высшій попечитель Русской земли, „думалъ, гадалъ о Русской землѣ", о чести своей и своихъ родичей. Такъ великому князю принадлежали распорядокъ владѣній, судъ надъ родичами, родственная опека и всеземское попечительство. Но руководя Русью и родичами, великій князь въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣйствовалъ не одинъ, а собиралъ князей въ общій *совѣтъ*, *снемъ* или *порядъ*, заботился объ исполненіи постановленій этого родственнаго совѣта, вообще дѣйствовалъ какъ представитель и исполнитель воли всего державнаго княжескаго рода. Такъ можно формулировать междукняжескія отношенія, какія признавались правильными. Въ нашей исторической литературѣ они впервые подробно были изслѣдованы С. М. Соловьевымъ. Если я не ошибаюсь, нигдѣ болѣе въ исторіи мы не имѣетъ возможности наблюдать столь своеобразный политическій порядокъ. По его главной основѣ, очереди старшинства, будемъ на-

зывать его *очереднымъ* въ отличіе отъ послѣдующаго *удѣльнаго,* установившагося въ XIII и XIV вв.

Остановимся на вопросѣ о происхожденіи этого порядка. Чтобы видѣть, что нужно объяснить въ вопросѣ, припомнимъ основанія порядка. Ихъ два: 1) верховная власть была собирательная, принадлежала всему княжескому роду; 2) отдѣльные князья временно владѣли тѣми или другими частями земли. Слѣдовательно въ разсматриваемомъ складѣ княжескаго владѣнія надобно различать *право* владѣнія, принадлежавшее цѣлому владѣтельному роду, и *порядокъ* владѣнія по извѣстной очереди, какъ средство осуществленія этого права. **Его происхожденіе.**

Происхожденіе родового порядка княжескаго владѣнія объясняютъ вліяніемъ частнаго туземнаго быта на политическій строй земли: пришлые варяжскіе князья усвоили господствовавшія среди восточныхъ славянъ родовыя понятія и отношенія и по нимъ устроили свой порядокъ управленія страной. Можно принять такое объясненіе происхожденія *права* коллективнаго владѣнія только съ нѣкоторой оговоркой: родовыя понятія и отношенія у туземцевъ находились уже въ состояніи разрушенія, когда князья начали усвоять ихъ. Впрочемъ, въ этой же части вопроса мало что требуетъ объясненія. Присутствіе нормъ частнаго семейнаго права въ государственномъ порядкѣ — довольно обычное явленіе: таково, напримѣръ, въ монархіяхъ преемство верховной власти въ порядкѣ старшинства нисходящихъ или наслѣдственность сословныхъ правъ и т. п. Это объясняется свойствомъ самыхъ учрежденій независимо отъ быта населенія. Исключительное положеніе династій, естественно, замыкаетъ каждую въ обособленный родственный кругъ. Идеи чистой монархіи еще не было у русскихъ князей XI в.; совмѣстное владѣніе со старшимъ во главѣ казалось проще и было доступнѣе пониманію. Но родовыми отношеніями не объ-

ясняется самый *порядокъ* княжескаго владѣнія по очереди старшинства съ владѣльческой передвижкой князей: подобнаго подвижнаго порядка не видимъ въ тогдашнемъ частномъ быту русскихъ славянъ. Родовое право могло выражаться въ различныхъ порядкахъ владѣнія. Могъ владѣть землей одинъ старшій въ княжескомъ родѣ, держа младшихъ родичей въ положеніи своихъ сотрудниковъ или исполнителей своихъ порученій по общему управленію и не дѣлая ихъ постоянными территоріальными владѣтелями: такъ поступалъ Владиміръ со своими сыновьями, посылая ихъ управлять областями, какъ своихъ намѣстниковъ, и переводя ихъ изъ одной области въ другую. Можно было разъ навсегда подѣлить общее родовое достояніе на постоянныя наслѣдственныя доли, какъ было у Меровинговъ при преемникахъ Хлодвига или какъ у насъ владѣли отчиной потомки Всеволода III. Откуда и какъ возникла мысль о подвижномъ порядкѣ владѣнія по очереди старшинства и о томъ, что соотвѣтствіе порядка старшинства князей политико-экономическому значенію областей должно поддерживаться постоянно и возстановляться при каждой перемѣнѣ въ наличномъ составѣ владѣтельнаго княжья, производя постоянную передвижку владѣльцевъ? Вотъ что̀ требуетъ объясненія.

Чтобы понять это явленіе, надобно войти въ политическое сознаніе русскихъ князей того времени. Вся совокупность ихъ составляла династію, власть которой надъ Русской землей всѣми признавалась. Но понятія о князѣ, какъ территоріальномъ владѣльцѣ, хозяинѣ какой-либо части Русской земли, имѣющемъ постоянныя связи съ владѣемой территоріей, еще не замѣтно. Ярославичи въ значительной мѣрѣ оставались еще тѣмъ же, чѣмъ были ихъ предки IX в., рѣчными викингами, которыхъ шедшія изъ степи опасности едва заставили пересѣсть съ лодки на коня. Они еще

не успѣли вполнѣ отрѣшиться отъ стараго варяжскаго взгляда на себя, видѣли въ себѣ не столько владѣтелей и правителей Русской земли, сколько наемныхъ, кормовыхъ охранителей страны, обязанныхъ „блюсти Русскую землю и имѣть рать съ погаными“. Кормъ былъ ихъ политическимъ правомъ, оборона земли ихъ политической обязанностью, служившей источникомъ этого права, и этими двумя идеями, кажется, исчерпывалось все политическое сознаніе тогдашняго князя, будничное, ходячее сознаніе, не торжественное, какое заимстововалось изъ книгъ или внушалось духовенствомъ. Распри князей и вмѣшательство волостныхъ городо̀въ въ ихъ дѣла давали имъ все живѣе чувствовать всю непрочность политической почвы подъ своими ногами. Ближайшаго преемника Ярославова, великаго князя Изяслава два раза выгоняли изъ Кіева, сперва кіевляне, потомъ собственные братья Святославъ и Всеволодъ. Оба раза онъ возвращался съ польской помощью. Выразительна его бесѣда съ братомъ Всеволодомъ, когда тотъ, въ свою очередь изгнанный изъ Чернигова племянниками, въ горѣ прибѣжалъ къ Изяславу въ Кіевъ. Человѣкъ добрый и простой, а потому лучше другихъ понимавшій положеніе дѣлъ, Изяславъ говорилъ: „Не тужи, братъ! припомни, что̀ со мной бывало: выгоняли меня кіевляне, разграбивъ мое имѣніе; потомъ выгнали меня вы, мои братья; не блуждалъ ли я, всего лишенный, по чужимъ землямъ, никакого не сдѣлавъ зла? и теперь не будемъ тужить, братъ! будетъ намъ „причастье въ Русской землѣ“, — такъ обоимъ; потеряемъ ее, — такъ оба же, а я сложу за тебя свою голову“. Такъ могъ говорить не самовластецъ Русской замли, а наемный служащій, не нынче-завтра ждущій себѣ неожиданной отставки. И Ярославичи подобно своимъ предкамъ, вождямъ варяжскихъ военно-промышленныхъ компаній, тягались другъ

съ другомъ за богатые города и волости; только теперь, составляя тѣсный родственный кругъ, а не толпу случайно встрѣтившихся искателей торговаго барыша и сытаго корма, они старались замѣнить случайное и безпорядочное дѣйствіе личной удали или личной удачи обязательнымъ правомъ старшинства, какъ постояннымъ правиломъ, и считали себя блюстителями земли не по найму, уговору, а по праву или по наслѣдственному долгу, падавшему на каждаго изъ нихъ по степени боевой, оборонительной годности. Эта годность *дѣтей* опредѣлялась волей отца, годность братьевъ — степенью старшинства среди родичей. По степени старшинства князь былъ въ правѣ получить болѣе или менѣе *доходную* волость; по той же степени старшинства онъ обязанъ былъ охранять болѣе или менѣе *угрожаемую* извнѣ область, ибо тогда степенью старшинства измѣрялись и владѣльческое право, и правительственный авторитетъ, и оборонительная способность князя. Но въ то время степень доходности областей соотвѣтствовала степени ихъ нужды во внѣшней оборонѣ, потому что то и другое зависѣло отъ ихъ близости къ степи, къ степнымъ врагамъ Руси и къ лежавшимъ за степью торговымъ ея рынкамъ. Доходность областей была обратно пропорціональна ихъ безопасности: чѣмъ ближе лежала область къ степи, т.-е. къ морю, тѣмъ она была доходнѣе и слѣдовательно чѣмъ доходнѣе, тѣмъ открытѣе для внѣшнихъ нападеній. Потому, какъ скоро князь поднимался на одну ступень по лѣстницѣ старшинства, должны были подняться на соотвѣтственную высоту и его владѣтельныя права, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиться и его правительственныя, оборонительныя обязанности, т.-е. онъ переходилъ изъ менѣе доходной и менѣе угрожаемой волости въ болѣе доходную и болѣе угрожаемую. Можно думать, что очередной порядокъ вла-

дѣнія былъ указанъ князьямъ этимъ своеобразнымъ сочетаніемъ стратегическаго положенія и экономическаго значенія областей при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ условій.

Указавъ начало, схему очередного порядка, какъ она проявлялась въ практикѣ первыхъ поколѣній Ярославичей, изучимъ его историческое дѣйствіе, точнѣе, его развитіе въ практикѣ дальнѣйшихъ поколѣній Что такое былъ этотъ порядокъ? Была ли это только идеальная схема, носившаяся въ умахъ князей, направлявшая ихъ политическія *понятія*, или это была историческая дѣйствительность, политическое правило, устанавливавшее самыя *отношенія* князей? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно строго отличать начала, основанія порядка и его казуальное развитіе, т.-е. приложеніе къ отдѣльнымъ случаямъ въ ходѣ княжескихъ отношеній, — словомъ, различать *право* и *политику*, разумѣя подъ политикой совокупность практическихъ средствъ для осуществленія права. Его дѣйствіе.

Мы видѣли, что юридическими основаніями этого порядка были: 1) совмѣстная власть княжескаго рода надъ всей Русской землей и 2) какъ практическое средство осуществленія этой власти, право каждаго родича на временное владѣніе извѣстной частью земли по очереди старшинства владѣльцевъ-родичей. Порядокъ владѣнія, построенный на такихъ основаніяхъ, Ярославичи до конца XII в. считали единственно правильнымъ и возможнымъ: они хотѣли править землей, какъ родовымъ своимъ достояніемъ. Но первымъ поколѣніямъ Ярославичей представлялись ясными и безспорными только эти общія основанія порядка, которыми опредѣлялись простѣйшія отношенія, возможныя въ тѣсномъ кругу близкихъ родичей. По мѣрѣ того, какъ этотъ кругъ расширялся, и вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія родства усложнялись и запутывались, возникали вопросы, рѣшеніе которыхъ Причины разстройства порядка.

не легко было извлечь изъ этихъ общихъ основаній. Тогда началась казуальная разработка этихъ основаній въ подробностяхъ. Примѣненіе основаній къ отдѣльнымъ случаямъ вызывало споры между князьями. Главнымъ источникомъ этихъ споровъ былъ вопросъ о способѣ опредѣленія относительнаго старшинства князей, на которомъ основывалась очередь владѣнія. По смерти Ярослава, когда началъ дѣйствовать очередной порядокъ, этотъ способъ, вѣроятно, не былъ еще достаточно уясненъ его дѣтьми. Имъ не было и нужды въ этомъ: они не могли предвидѣть всѣхъ возможныхъ случаевъ, а еслибъ и предвидѣли, не стали бы предрѣшать. Отношенія старшинства еще представлялись имъ въ простѣйшей схемѣ, какую можно снять съ тѣснаго семейнаго круга отца съ дѣтьми: отецъ долженъ идти впереди сыновей, старшій братъ впереди младшихъ. Но эту простую схему стало трудно прилагать къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ Ярославова рода, когда онъ размножился и распался на нѣсколько параллельныхъ вѣтвей, когда въ княжеской средѣ появилось много сверстниковъ и трудно стало распознать, кто кого старше и насколько, кто кому какъ доводится. Во второй половинѣ XII в. трудно даже сосчитать по лѣтописи всѣхъ наличныхъ князей, и эти князья уже не близкіе родственники, а большею частью троюродные, четвероюродные и Богъ знаетъ какіе братья и племянники. Отсюда чуть не при каждой перемѣнѣ въ наличномъ составѣ княжескаго рода рождались споры: 1) о порядкѣ старшинства и 2) объ очереди владѣнія. Укажу на одинъ спорный случай, особенно часто возникавшій и ссорившій князей. Старшинство опредѣлялось двумя условіями: 1) *порядкомъ поколѣній*, т.-е. разстояніемъ отъ родоначальника (старшинство *генеалогическое*), 2) *порядкомъ рожденій* или сравнительнымъ возрастомъ лицъ

въ каждомъ поколѣніи (старшинство *физическое*). Первоначально, въ предѣлахъ простой семьи, то и другое старшинство, генеалогическое и физическое, совпадаютъ: старшій по одному порядку старше и по другому. Но съ расширеніемъ простой семьи, т.-е. съ появленіемъ при отцахъ и дѣтяхъ третьяго поколѣнія—внуковъ это совпаденіе обыкновенно прекращается. Старшинство физическое расходится съ генеалогическимъ, сравнительный возрастъ лицъ не всегда отвѣчаетъ разстоянію отъ родоначальника. Обыкновенно бывало и бываетъ, что дядя старше племянника, раньше его родился; потому дядя въ силу самаго генеалогическаго своего званія выше племянника и считался званымъ отцомъ для него. Но при тогдашней привычкѣ князей жениться рано и умирать поздно иной племянникъ выходилъ лѣтами старше иного дяди. У Мономаха было 8 сыновей; пятый изъ нихъ Вячеславъ разъ сказалъ шестому Юрію Долгорукому: „я былъ уже бородатъ, когда ты родился“. Старшій сынъ этого пятаго бородатаго брата, а тѣмъ болѣе перваго — Мстислава, могъ родиться прежде своего дяди Юрія Долгорукаго. Отсюда возникалъ вопросъ: кто выше на лѣствицѣ старшинства, младшій ли лѣтами дядя, или младшій по поколѣнію, но старшій возрастомъ племянникъ? Большая часть княжескихъ усобицъ XI и XII вв. выходила именно изъ столкновенія старшихъ племянниковъ съ младшими дядьями, т.-е. изъ столкновенія первоначально совпадавшихъ старшинства физическаго съ генеалогическимъ. Князья не умѣли выработать способа точно опредѣлять старшинство, который разрѣшалъ бы всѣ спорные случаи въ ихъ генеалогическихъ отношеніяхъ. Это неумѣніе и вызвало къ дѣйствію рядъ условій, мѣшавшихъ мирному примѣненію очередного порядка владѣнія. Этими условіями были или послѣдствія, естественно вытекавшія изъ самаго

этого порядка, либо препятствія, приходившія со стороны, но которыя не имѣли бы силы, если бъ князья умѣли всегда мирно разрѣшать свои владѣльческія недоразумѣнія. Перечислимъ главныя изъ тѣхъ и другихъ условій.

Ряды и усобицы.

I. *Ряды и усобицы князей.* Возникавшіе между князьями споры о старшинствѣ и порядкѣ владѣнія разрѣшались или *рядами,* договорами князей на съѣздахъ, или, если соглашеніе не удавалось, оружіемъ т.-е. усобицами. Княжескія усобицы принадлежали къ одному порядку явленій съ рядами, имѣли юридическое происхожденіе, были точно такимъ же способомъ рѣшенія политическихъ споровъ между князьями, какимъ служило тогда *поле,* судебный поединокъ въ уголовныхъ и гражданскихъ тяжбахъ между частными лицами; поэтому вооруженная борьба князей за старшинство, какъ и поле, называлось „судомъ Божіимъ". *Богъ промежи нами будетъ* или *насъ Богъ разсудитъ* — таковы были обычныя формулы объявленія междоусобной войны. Значитъ, княжеская усобица, какъ и рядъ, была не отрицаніемъ междукняжескаго права, а только средствомъ для его возстановленія и поддержанія. Таково значеніе княжескихъ рядовъ и усобицъ въ исторіи очереднóго порядка: цѣлью тѣхъ и другихъ было возстановить дѣйствіе этого порядка, а не поставить на его мѣсто какой-либо новый. Но оба эти средства вносили въ порядокъ элементы, противные его природѣ, колебавшіе его, именно, съ одной стороны, условность соглашенія вопреки естественности отношеній кровнаго родства, съ другой — случайность перевѣса матеріальной силы вопреки нравственному авторитету старшинства. Извѣстный князь пріобрѣталъ старшинство не потому, что становился на самомъ дѣлѣ старшимъ по порядку нарожденія и вымиранія князей, а потому, что его соглашались признавать старшимъ или потому, что онъ самъ заставлялъ признать себя таковымъ. Отсюда при старшин-

ствѣ физическомъ и генеалогическомъ возникало еще третье—*юридическое*, условное или договорное, т.-е чисто фиктивное.

II. *Мысль объ отчинѣ.* Верховная власть принадлежала роду, а не лицамъ. Порядокъ лицъ въ очереди владѣнія основывался на томъ, что дальнѣйшія поколѣнія должны были повторять отношенія предковъ, сыновья должны были подниматься по родовой лѣствицѣ и чередоваться во владѣніи волостями въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ шли другъ за другомъ ихъ отцы. Итакъ дѣти должны идти въ порядкѣ отцовъ; мѣсто въ этой цѣпи родичей, унаслѣдованное дѣтьми отъ отца, и было ихъ *отчиной.* Такъ отчина имѣла первоначально генеалогическое значеніе: подъ этимъ словомъ разумѣлось мѣсто среди родичей на лѣствицѣ старшинства, доставшееся отцу по его рожденію и имъ переданное дѣтямъ. Но такое мѣсто — понятіе чисто математическое. Несоотвѣтствіе порядка рожденій порядку смертей, личныя свойства людей и другія случайности мѣшали дѣтямъ повторять порядокъ отцовъ. Потому съ каждымъ поколѣніемъ отношенія, первоначально установившіяся, путались, сыновья должны были пересаживаться, заводить порядокъ непохожій на отцовскій. Благодаря этому затрудненію отчина постепенно получила другое значеніе — территоріальное, которое облегчало распорядокъ владѣній между князьями: отчиною для сыновей стали считать область, которою владѣлъ ихъ отецъ. Это значеніе развилось изъ прежняго по связи генеалогическихъ мѣстъ съ территоріальными: когда сыновьямъ становилось трудно высчитывать свое взаимное генеалогическое отношеніе по отцамъ, они старались размѣститься по волостямъ, въ которыхъ сидѣли отцы. Такое значеніе отчины находило опору въ постановленіи одного княжескаго съѣзда. Ярославичи Изяславъ и Всеволодъ обездолили нѣсколько осиротѣлыхъ племянниковъ, не дали имъ отцовскихъ вла-

Мысль объ отчинѣ.

дѣній. По смерти послѣдняго Ярославова сына Всеволода, когда Русью стали править внуки Ярослава, они хотѣли мирно покончить распри, поднятыя обиженными сиротами, и на съѣздѣ въ Любечѣ 1097 г. рѣшили: „кождо да держитъ отчину свою“, т.-е. сыновья каждаго Ярославича должны владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ ихъ отецъ по Ярославову раздѣлу, Святополкъ Изяславичъ Кіевомъ, Святославичи Олегъ съ братьями Черниговской землей, Мономахъ Всеволодовичъ Переяславской и т. д. Какъ видно изъ послѣдующихъ событій, съѣздъ не давалъ постояннаго правила, не замѣнялъ разъ навсегда очередного владѣнія раздѣльнымъ, разсчитанъ былъ только на наличныхъ князей и ихъ отношенія, а такъ какъ это были все дѣти отцовъ, между которыми раздѣлена была Русская земля по волѣ Ярослава, то легко было возстановить этотъ раздѣлъ и въ новомъ поколѣніи князей такъ, что территоріальныя ихъ отчины совпадали съ генеалогическими. Точно такъ еще до съѣзда поступилъ Мономахъ, когда Олегъ Святославичъ, добиваясь своей отцовской волости, подступилъ въ 1094 г. къ Чернигову, гдѣ тотъ посаженъ былъ своимъ отцомъ не по отчинѣ. Мономахъ добровольно уступилъ Олегу „отца его мѣсто“, а самъ пошелъ „на отца своего мѣсто“ въ Переяславль. Но потомъ, когда генеалогическія отношенія стали запутываться, князья все крѣпче держались территоріальнаго распорядка отцовъ, даже когда онъ не совпадалъ съ генеалогическими отношеніями. Благодаря тому, по мѣрѣ распаденія Ярославова рода на вѣтви, каждая изъ нихъ все болѣе замыкалась въ одной изъ первоначальныхъ крупныхъ областей, которыми владѣли сыновья Ярослава. Эти области и стали считаться отчинами отдѣльныхъ княжескихъ линій. Всеволодъ Ольговичъ черниговскій, занявъ въ 1139 г. Кіевъ, хотѣлъ перевести одного Мономаховича изъ его отческаго Переяславля

въ Курскъ, но тотъ не послушался, отвѣтивъ Всеволоду: „лучше мнѣ смерть на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ Курское княженіе; отецъ мой въ Курскѣ не сидѣлъ, а въ Переяславлѣ: хочу умереть на своей отчинѣ“. Была даже попытка распространить это значеніе и на старшую Кіевскую область. Съ 1113 по 1139 на кіевскомъ столѣ сидѣли одинъ за другимъ Мономахъ и его сыновья Мстиславъ и Ярополкъ, оттѣсняя отъ него старшія линіи Изяславичей и Святославичей: этотъ столъ становился отчиной и дѣдиной Мономаховичей. По смерти Ярополка кіевляне посадили на своемъ столѣ третьяго Мономаховича Вячеслава. Но когда представитель долго оттѣсняемой отъ Кіева линіи Святославичей Всеволодъ черниговскій потребовалъ, чтобы Вячеславъ добромъ уходилъ изъ Кіева, тотъ отвѣчалъ: „я пришелъ сюда по завѣту нашихъ отцовъ на мѣсто братьевъ; но если ты захотѣлъ этого стола, покинувъ свою отчину, то пожалуй я буду меньше тебя, уступлю тебѣ Кіевъ“. Когда въ Кіевѣ сѣлъ (1154 г.) другой Святославичъ Изяславъ Давидовичъ, отецъ котораго въ Кіевѣ не сидѣлъ, Мономаховичъ Юрій Долгорукій потребовалъ его удаленія, пославъ сказать ему: „мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ“. Значитъ, Мономаховичи пытались превратить Кіевскую землю въ такую же вотчину своей линіи, какою становилась Черниговская земля для линіи Святославовой. Легко замѣтить, что территоріальное значеніе отчины облегчало распорядокъ владѣній между князьями, запутавшимися въ счетахъ о старшинствѣ. Притомъ такимъ значеніемъ предупреждалась одна политическая опасность. По мѣрѣ обособленія линій княжескаго рода ихъ споры и столкновенія получали характеръ борьбы возможныхъ династій за обладаніе Русской землей. Смѣлому представителю какой-либо линіи могла при благопріятныхъ обстоятельствахъ придти мысль „самому всю землю держати“ со своею бли-

жайшею братіею, какъ это и случилось съ упомянутымъ Всеволодомъ черниговскимъ, и ставъ великимъ князсмъ, онъ могъ бы съ этою цѣлью перетасовывать родичей по волостямъ; но родичи отвѣтили бы ему словами Мономаховича: „отецъ нашъ въ Курскѣ не сидѣлъ". Но очевидно также, что территоріальное значеніе отчины разрушало коренное основаніе очередного порядка, нераздѣльность родового владѣнія: подъ его дѣйствіемъ Русская земля распадалась на нѣсколько генеалогическихъ территорій, которыми князья владѣли уже по отчинному наслѣдству, а не по очереди старшинства.

Князья-изгои.

III. *Выдѣленіе князей-изгоевъ.* По обычному порядку человѣческаго общежитія въ каждую минуту дѣйствуютъ два поколѣнія, отцы и дѣти. Во владѣльческомъ порядкѣ Ярославичей дѣти вступали въ передовую цѣпь по мѣрѣ выбыванія отцовъ и занимали мѣста въ этой цѣпи въ порядкѣ своихъ отцовъ; внуки вступали на мѣста своихъ отцовъ по мѣрѣ того, какъ тѣ переставали быть дѣтьми, т.-е. по мѣрѣ выбыванія дѣдовъ. Значитъ, политическая карьера князя опредѣлялась движеніемъ его отца въ ряду поколѣній. Но порядокъ рожденій не соотвѣтствуетъ порядку смертей; поэтому, когда у князя отецъ умиралъ раньше дѣда, у внука не оставалось въ передовой цѣпи отецкаго мѣста, ибо въ ней не стоялъ его отецъ. Онъ становился княземъ-сиротой, *изгоемъ,* бездольнымъ вѣчнымъ внукомъ, генеалогическимъ недорослемъ. Не имѣя генеалогической отчины, онъ лишался права и на территоріальную, т.-е терялъ участіе въ очередномъ владѣльческомъ порядкѣ, какъ не попавшій въ очередь. Такихъ князей, преждевременно сиротѣвшихъ, которые лишались отцовъ еще при жизни дѣдовъ, старшіе родичи выдѣляли изъ своей среды, давали имъ извѣстныя волости въ постоянное владѣніе и лишали ихъ участія въ общемъ родовомъ

распорядкѣ, выкидывали изъ очереди. Эти князья-сироты становились отрѣзанными ломтями въ княжескомъ родѣ. Такими князьями-изгоями еще въ XI в. стали дѣти Ярославова внука Ростислава Володарь и Василько, отнявшіе у Польши города Червонной Руси и основавшіе изъ нихъ особое княжество. Въ XII столѣтіи изъ общаго очередного порядка владѣнія выдѣляются княжества: *Муромо-Рязанское*, доставшееся младшему изъ черниговскихъ князей Ярославу Святославичу, княжество *Турово-Пинское* на Припети, отошедшее въ осиротѣлую линію Ярославова внука Святополка Изяславича, наконецъ, княжество *Городенское* (Гродненское), ставшее постояннымъ владѣніемъ потомства Игоря Ярославича, котораго мы видѣли сперва на Волыни, а потомъ въ Смоленскѣ. Еще раньше всѣхъ этихъ изгоевъ въ положеніи выдѣленныхъ князей очутились не по преждевременному сиротству, а въ силу особенныхъ обстоятельствъ князья *полоцкіе*, потомки старшаго сына Владиміра Св. отъ Рогнѣды. Выдѣленіе князей-изгоевъ изъ владѣльческой очереди было естественнымъ слѣдствіемъ основаннаго на ней порядка, постоянно нарушаемаго общественной физикой, и было необходимо для поддержанія самой этой очереди; но оно, очевидно, суживало кругъ лицъ и областей, которыя захватывалъ очередной порядокъ, и вводило въ него складъ отношеній, ему чуждый и враждебный. Исключенія поддерживаютъ правило, когда являются случайностью, но разрушаютъ его, когда становятся необходимостью. Обратите вниманіе на географическое положеніе этихъ выдѣленныхъ княжествъ, постепенно стѣснявшихъ пространство дѣйствія очередного порядка: всѣ они окрайныя. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія, подогрѣваемый родственнымъ чувствомъ князей, основанъ былъ на соотвѣтствіи ступеней двухъ лѣствицъ, генеалогической и территоріальной. Теперь это соотвѣтствіе,

на которомъ онъ держался, повторяется и въ процессѣ его разрушенія. Князья, становившіеся, — если допустимо такое сравненіе, — генеалогическими оконечностями, задержанные преждевременнымъ сиротствомъ на самомъ низу родовой лѣствицы, всѣхъ дальше отъ названнаго отца, великаго князья кіевскаго, очутились владѣльцами оконечностей территоріальныхъ, окраинъ Русской земли, наиболѣе отдаленныхъ отъ „матери русскихъ городовъ": какъ будто теплое родственное чувство князей, еще бившееся съ нѣкоторой силою около сердца земли, Кіева, охладѣвало и застывало на ея оконечностяхъ, вдали отъ этого сердца.

Перечисленныя условія, разстраивавшія очередной порядокъ владѣнія, вытекали изъ его же основаній и были средствами, къ которымъ прибѣгали князья для его поддержанія. Въ томъ и состояло внутреннее противорѣчіе этого порядка, что слѣдствія, вытекавшія изъ его же основаній и служившія средствами его поддержанія, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушали самыя эти основанія. Это значитъ, что очередной порядокъ разрушалъ самъ себя, не выдерживалъ дѣйствія собственныхъ послѣдствій. Кромѣ того, эти условія разрушенія, вытекавшія изъ самаго порядка, вызывали къ дѣйствію стороннія силы, также его разстраивавшія.

Стороннія препятствія.

I. *Личныя доблести*, которыми отличались нѣкоторые князья, создавали имъ большую популярность на Руси, при помощи которой эти князья сосредоточивали въ своихъ рукахъ области помимо родовой очереди. Въ XII столѣтіи большая часть Русской земли является во владѣніи одной княжеской линіи Мономаховичей, самой обильной талантами. Одинъ изъ этихъ Мономаховичей, отважный внукъ Мономаха Изяславъ Мстиславичъ волынскій во время усобицъ съ дядьями бралъ столы съ бою, „головою добывалъ" ихъ не по очереди старшинства и смотрѣлъ на нихъ какъ на

личное пріобрѣтеніе, военную добычу. Этотъ князь первый и высказалъ взглядъ на порядокъ княжескаго владѣнія, шедшій совершенно въ разрѣзъ съ установившимся преданіемъ. Онъ сказалъ разъ: „не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту“, т.-е. не мѣсто ищетъ подходящей головы, а голова подходящаго мѣста. Такимъ образомъ личное значеніе князя онъ поставилъ выше правъ старшинства.

II. Наконецъ, еще одна сторонняя сила вмѣшивалась во взаимные счеты князей и путала ихъ очередь во владѣніи. То были *главные города* областей. Княжескіе счеты и сопровождавшія ихъ усобицы больно задѣвали интересы этихъ городовъ. Среди постоянныхъ княжескихъ споровъ у городовъ завязывались свои династическія симпатіи, привязывавшія ихъ къ нѣкоторымъ князьямъ. Такъ Мономаховичи пользовались популярностью даже въ городахъ, принадлежавшихъ черниговскимъ Святославичамъ. Увлекаемые этими сочувствіями и отстаивая свои мѣстные интересы, волостные города иногда шли наперекоръ княжескимъ счетамъ, призывая на свои столы любимыхъ князей помимо очередныхъ. Это вмѣшательство городовъ, путавшее княжескую очередь старшинства, началось вскорѣ послѣ смерти Ярослава. Въ 1068 году кіевляне выгоняютъ великаго князя Изяслава и сажаютъ на его мѣсто изгоя Всеслава полоцкаго, посаженнаго Ярославичами въ кіевскую тюрьму. Позднѣе, въ 1154 году кіевляне же, признавъ самовольно Ростислава смоленскаго соправителемъ его дяди, номинальнаго великаго князя Вячеслава, сказали ему: „до твоего живота Кіевъ твой“, т.-е. признали его своимъ пожизненнымъ княземъ, невзирая на права старшихъ князей. Новгородъ особенно больно чувствовалъ послѣдствія княжескихъ счетовъ и споровъ. Новгородомъ обыкновенно правилъ старшій сынъ или другой ближайшій родственникъ великаго князя кіевскаго. При

частыхъ смѣнахъ князей въ Кіевѣ князья часто мѣнялись и въ Новгородѣ. Эти смѣны сопровождались большими административными неудобствами для города. Менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ со смерти Ярослава въ Новгородѣ смѣнилось шесть князей, и Новгородъ сталъ думалъ, какъ бы завести своего постояннаго князя. Въ 1102 году тамъ сидѣлъ посаженный еще въ дѣтствѣ и „вскормленный“ Новгородомъ сынъ Мономаха Мстиславъ. Великій князь Святополкъ и Мономахъ рѣшили вывести Мстислава изъ Новгорода и по заведенному обычаю посадить на его мѣсто великокняжескаго сына. Узнавши объ этомъ, новгородцы послали въ Кіевъ пословъ, которые на княжемъ дворѣ сказали великому князю: „послалъ насъ Новгородъ и вотъ что велѣлъ сказать тебѣ: не хотимъ Святополка, ни сына его; если у твоего сына двѣ головы, пошли его въ Новгородъ; Мстислава далъ намъ Всеволодъ (дѣдъ), мы для себя его вскормили“. Великій князь много препирался съ послами, но тѣ стали на своемъ, взяли Мстислава и уѣхали съ нимъ въ Новгородъ. Князья не всегда послушно подчинялись вмѣшательству городовъ, но поневолѣ должны были сообразоваться съ его возможностью и вѣроятными послѣдствіями.

Значеніе очереднаго порядка.

Всѣ изложенныя условія позволяютъ намъ отвѣтить на поставленный вопросъ о дѣйствіи очередного порядка, т.-е. о его значеніи: считать ли его только политическою теоріей князей, ихъ идеаломъ, или онъ былъ дѣйствительнымъ политическимъ порядкомъ, и если былъ таковымъ, то въ какой силѣ и долго ли дѣйствовалъ? Онъ былъ и тѣмъ, и другимъ: въ продолженіе болѣе чѣмъ полутора вѣка со смерти Ярослава онъ дѣйствовалъ всегда и никогда — всегда отчасти и никогда вполнѣ. До конца этого періода онъ не терялъ своей силы, насколько его основанія были примѣнимы къ запутывавшимся княжескимъ отношеніямъ; но онъ никогда

не получалъ такого развитія, такой практической разработки, которая бы давала ему возможность распутывать эти отношенія, устранять всякія столкновенія между князьями. Эти столкновенія, не разрѣшаясь имъ, заставляли отступать отъ него или искажать его, во всякомъ случаѣ разстраивали его. Потому дѣйствіе очередного порядка было процессомъ его саморазрушенія, состояло въ его борьбѣ съ собственными послѣдствіями, его разстраивавшими.

Это—нерѣдкое явленіе въ исторіи обществъ: люди мысленно живутъ житейскимъ строемъ, который признается единственно правильнымъ и нарушается на каждомъ шагу. Но при описанномъ ходѣ дѣлъ, спрашивается, какой порядокъ могъ установиться въ Русской землѣ и могъ ли держаться какой-либо порядокъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, надобно строго различать порядокъ княжескихъ отношеній и земскій порядокъ на Руси. Послѣдній поддерживался не одними князьями, даже не ими преимущественно, имѣлъ свои основы и опоры. Князья не установили на Руси своего государственнаго порядка и не могли установить его. Ихъ не для того и звали, и они не для того пришли. Земля звала ихъ для внѣшней обороны, нуждалась въ ихъ саблѣ, а не въ учредительномъ умѣ. Земля жила своими мѣстными порядками, впрочемъ довольно однообразными. Князья скользили поверхъ этого земскаго строя, безъ нихъ строившагося, и ихъ фамильные счеты — не государственныя отношенія, а разверстка земскаго вознагражденія за охранную службу. Давность службы могла внушать имъ идею власти, они могли воображать себя владѣтелями, государями земли, какъ старый чиновникъ иногда говоритъ: „моя канцелярія“. Но это — воображеніе, а не право и не дѣйствительность. Впрочемъ, мы еще коснемся этого предмета въ слѣдующій часъ.

Лекція XII.

Слѣдствія очереднаго порядка и условій, ему противодѣйствовавшихъ. — Политическое раздробленіе Русской земли въ XII в. — Усиленіе старшихъ волостныхъ городовъ; ихъ вѣча и ряды съ князьями. — Элементы земскаго единства Руси въ XII вѣкѣ: дѣйствіе княжескихъ отношеній на общественное настроеніе и сознаніе; общеземское значеніе княжескихъ дружинъ; значеніе Кіева для князей и народа; обобщеніе бытовыхъ формъ и интересовъ. — Политическій строй Русской земли въ XII в. — Пробужденіе чувства народнаго единства — завершительный фактъ періода.

Изучая очередной порядокъ княжескаго владѣнія, мы разсматривали общественныя потребности и понятія, его вызвавшія и поддерживавшія, и препятствія, ему противодѣйствовавшія. Намъ предстоитъ видѣть, къ чему привело совмѣстное дѣйствіе этихъ противоположныхъ условій.

Политическое раздробленіе.

Отсюда вышли два ряда слѣдствій, которыми завершился политическій складъ Руси къ концу I періода. Однимъ изъ нихъ было двойное политическое раздробленіе Руси, династическое и земское. По мѣрѣ размноженія князей отдѣльныя линіи княжескаго рода все далѣе расходились другъ съ другомъ, отчуждались одна отъ другой. Сначала племя Ярославичей распадается на двѣ враждебныя вѣтви, Мономаховичей и Святославичей; потомъ линія Мономаховичей въ свою очередь раздѣлилась на Изяславичей волынскихъ, Ростиславичей

смоленскихъ, Юрьевичей суздальскихъ, а линія Святославичей на Давидовичей черниговскихъ и Ольговичей новгородъ-сѣверскихъ. Каждая изъ этихъ вѣтвей, враждуя съ другими изъ-за владѣльческой очереди, все плотнѣе усаживалась на постоянное владѣніе въ извѣстной области. Потому, съ другой стороны, одновременно съ распаденіемъ княжескаго рода на мѣстныя линіи и Русская земля распалась на обособленныя другъ отъ друга области, *земли*. Какъ мы знаемъ, первые князья кіевскіе установили политическую зависимость областей отъ Кіева. Эта зависимость поддерживалась княжескими посадниками и выражалась въ дани, какую области платили великому князю кіевскому. По смерти Ярослава этой зависимости не замѣтно. Посадники князя кіевскаго въ главныхъ городахъ областей исчезаютъ, уступая мѣсто все размножавшимся князьямъ. Областные или мѣстные князья перестаютъ платить дань Кіеву, несовмѣстную съ отношеніями младшихъ родичей къ названому отцу, великому князю кіевскому. Вмѣсто постоянной дани младшіе князья давали старшему отъ времени до времени добровольные дары. Съ владѣльческимъ разъединеніемъ правящаго рода разрывалась и политическая связь областей. Но дѣлаясь менѣе зависимыми сверху, областные князья становились все болѣе стѣснены снизу. Постоянное передвиженіе князей со стола на столъ и сопровождавшіе его споры роняли земскій авторитетъ князя. Князь не прикрѣплялся къ мѣсту владѣнія, къ тому или другому столу ни династическими, ни даже личными связями. Онъ приходилъ и скоро уходилъ, былъ политической случайностью для области, блуждающей кометой. Областное населеніе, естественно, искало усидчивой мѣстной силы, около которой могло бы сосредоточиться, которая постоянно оставалась на мѣстѣ, не приходила и не уходила подобно князю. Такая сила давно была уже со-

Волостные города.

здана ходомъ нашей исторіи. Это были главные города областей. Нѣкогда, еще до прихода князей, они одни правили своими областями. Но потомъ въ нихъ произошла большая перемѣна. Въ IX в. управленіе городомъ и областью сосредоточивалось въ рукахъ военной старшины, военныхъ начальниковъ главнаго города, тысяцкихъ, сотскихъ и т. д., выходившихъ изъ среды торговой городской знати. Съ появленіемъ князей эта городская аристократія постепенно переходила въ составъ княжеской дружины, въ классъ княжихъ мужей, или оставалась на мѣстѣ безъ правительственнаго дѣла. Военное управленіе городовъ, по личному составу прежде бывшее, можетъ-быть, выборнымъ, во всякомъ случаѣ туземнымъ по происхожденію своего личнаго состава, теперь стало приказно-служилымъ, перешло въ руки княжихъ мужей по назначенію князя. По мѣрѣ упадка авторитета князей вслѣдствіе усобицъ стало опять подниматься значеніе главныхъ областныхъ городовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ политической силой въ этихъ городахъ явилась вмѣсто исчезнувшей правительственной знати вся городская масса, собиравшаяся на *вѣчѣ*. Такимъ образомъ всенародное вѣче главныхъ областныхъ городовъ было преемникомъ древней городской торгово-промышленной аристократіи. Эти вѣча волостныхъ городовъ, въ Кіевѣ и Новгородѣ появляющіяся по лѣтописи еще въ началѣ XI в., со времени борьбы Ярослава со Святополкомъ въ 1015 году, все громче начинаютъ шумѣть съ конца этого вѣка, дѣлаясь повсемѣстнымъ явленіемъ, вмѣшиваясь въ княжескія отношенія. Князья должны были считаться съ этою силой, входить съ ней въ сдѣлки, заключать „ряды“ съ городами, политическіе договоры. Эти договоры опредѣляли порядокъ, котораго должны были держаться мѣстные князья въ своей правительственной дѣятельности. Такъ власть мѣстныхъ князей является ограниченной

вѣчами волостныхъ городовъ. Случаи такого договора мы встрѣчаемъ въ самомъ Кіевѣ. Въ 1146 году, по смерти великаго князя Всеволода изъ линіи черниговскихъ князей, на великокняжескомъ столѣ по уговору съ кіевлянами долженъ былъ сѣсть его братъ Игорь. Но кіевляне, много терпѣвшіе при Всеволодѣ отъ княжескихъ городскихъ судей, тіуновъ, возстали и потребовали отъ Игоря, чтобъ впредь онъ самъ судилъ горожанъ, не поручая суда своимъ приказчикамъ. Князь Игорь долженъ былъ дать кіевлянамъ обязательство въ томъ, что впредь городской судья будетъ назначаться по соглашенію съ городомъ, т.-е. съ его вѣчемъ.

Ряды съ городами.

Эти *ряды* князей съ волостными городами были новымъ явленіемъ Руси XI и XII вв. и внесли важную перемѣну въ ея политическую жизнь или, точнѣе, были выраженіемъ такой перемѣны, подготовленной ходомъ дѣлъ на Руси. Весь княжескій родъ оставался носителемъ верховной власти въ Русской землѣ; отдѣльные князья считались только временными владѣльцами княжествъ, достававшихся имъ по очереди старшинства. При сыновьяхъ и внукахъ Ярослава эта владѣльческая очередь простиралась на всю Русскую землю. Въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ Ярославова рода, когда онъ распался на отдѣльныя вѣтви, каждая вѣтвь заводила свою мѣстную очередь владѣнія въ той части Русской земли, гдѣ она утверждалась. Эти части, *земли,* какъ ихъ называетъ лѣтопись XII в., почти всѣ были тѣ же самыя городовыя области, которыя образовались вокругъ древнихъ торговыхъ городовъ еще до призванія князей: *Кіевская, Переяславская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Новгородская, Ростовская.* Къ этимъ древнимъ областямъ присоединились образовавшіяся позднѣе области *Волынская, Галицкая, Муромо-Рязанская.* Изъ этихъ земель три, Кіевская, Переяславская и Новгородская, оставались въ об-

щемъ владѣніи княжескаго рода или, точнѣе, служили предметомъ спора для князей; въ остальныхъ основались отдѣльныя линіи княжескаго рода: въ Полоцкой потомство Владимірова сына Изяслава, въ Черниговской линія Ярославова сына Святослава, въ Волынской, Смоленской и Ростовской—вѣтви Мономахова потомства и т. д. Первоначальными устроителями этихъ областей были древніе торговые города Руси, по именамъ которыхъ онѣ и назывались. Съ образованіемъ Кіевскаго княжества на этихъ городовыхъ областяхъ основались административное дѣленіе страны, а потомъ династическій распорядокъ владѣній между первыми Ярославичами. Но въ томъ и другомъ князья руководились своими собственными правительственными или генеалогическими видами. Теперь всѣ отношенія князей не только между собою, но и къ главнымъ городамъ областей стали договорными. Волостной городъ со своимъ вѣчемъ вошелъ властнымъ участникомъ въ политическія соображенія князей. Князь, садясь въ Кіевѣ, долженъ былъ упрочивать старшій столъ подъ собою уговоромъ съ кіевскимъ вѣчемъ; иначе бояре напоминали ему: „ты ся еси еще съ людьми Кіевѣ не укрѣпилъ". Не посягая на верховныя права всего княжескаго рода, вѣчевые города считали себя въ правѣ рядиться съ отдѣльными князьями-родичами.

Усиленіе городовъ.

Ограждая свои мѣстные политическіе интересы договорами съ княземъ, эти города постепенно пріобрѣтали въ своихъ областяхъ значеніе руководящей политической силы, которая соперничала съ князьями, а къ концу XII в. взяла надъ ними рѣшительный перевѣсъ. Въ это время областныя общества больше смотрѣли на вѣчевыя сходки своихъ главныхъ городовъ, чѣмъ на мѣстныхъ князей, являвшихся въ нихъ на короткое время. Къ тому же волостной городъ въ каждой землѣ былъ одинъ, а князей обыкновенно бы-

вало много. Управленіе цѣлой землей рѣдко сосредоточивалось въ рукахъ одного князя: обыкновенно она дѣлилась на нѣсколько княжествъ по числу наличныхъ взрослыхъ князей извѣстной линіи, и во владѣніи этими княжествами соблюдалась та же очередь старшинства, сопровождавшаяся обычными спорами и раздорами. Эти измѣнчивыя владѣнія назывались *волостями* или *надѣлками* князей: напримѣръ въ Черниговской землѣ были княжества *Черниговское, Сѣверское* (область Новгорода Сѣверскаго), *Курское, Трубчевское.* Такъ въ каждой области стали другъ противъ друга двѣ соперничавшія власти, вѣче и князь, и по мѣрѣ того, какъ городское вѣче, представлявшее силу центробѣжную, брало верхъ надъ княземъ, который, какъ членъ владѣтельнаго рода, владѣвшаго совмѣстно всей землей, поддерживалъ связь управляемой области съ другими, городовыя области все болѣе обособлялись политически. Благодаря этому Русская земля въ XII в. распалась на нѣсколько мѣстныхъ, плохо связанныхъ другъ съ другомъ областныхъ міровъ. Такой политическій порядокъ изображается и въ русской лѣтописи второй половины XII в. По одному случаю она замѣчаетъ, что новгородцы изначала и смольняне и кіевляне и всѣ „власти" (волостные, главные города) на вѣча, какъ на думу, сходятся, „на что же старѣйшіи (старшіе города) сдумаютъ, на томъ пригороди (города младшіе) станутъ". Значитъ, вѣчевыя постановленія старшаго, волостного города имѣли обязательную силу для его пригородовъ, какъ приговоры верховной законодательной власти въ области. Изображая политическій порядокъ, установившійся въ старыхъ областяхъ, публицистъ-лѣтописецъ отмѣтилъ вѣча старшихъ городовъ, но позабылъ или не счелъ нужнымъ упомянуть о князѣ. Такъ палъ политическій авторитетъ князя передъ значеніемъ вѣча. Итакъ, очередной порядокъ кня-

жескаго владѣнія при содѣйствіи условій, его разстраивавшихъ, привелъ къ двойному политическому раздробленію Руси: 1) къ постепенному распаденію владѣльческаго княжескаго рода на линіи, все болѣе удалявшіяся одна отъ другой генеалогически, и 2) къ распаденію Русской земли на городовыя области, все болѣе обособлявшіяся другъ отъ друга политически.

Элементы единства.

Но тотъ же порядокъ съ противодѣйствовавшими ему условіями создавалъ или вызывалъ къ дѣйствію рядъ связей, сцѣплявшихъ части Русской земли въ одно если не политическое, то бытовое земское цѣлое. Это второй рядъ слѣдствій очередного порядка. Перечислимъ эти связи.

Князья.

I. Первою изъ этихъ бытовыхъ связей являются главные виновники политическаго раздробленія Руси, сами князья, точнѣе говоря, то впечатлѣніе, какое производили они на Русскую землю своими владѣльческими отношеніями. Очередной порядокъ владѣнія, захватывая прямо или косвенно всѣ части Русской земли, устанавливалъ между ними невольное общеніе, всюду пробуждалъ извѣстныя одинаковыя думы, помыслы, вносилъ или затрогивалъ одинаковыя чувства и заботы. Несмотря на повсемѣстный упадокъ княжескаго авторитета, съ княземъ въ каждой области связаны были многіе существенные мѣстные интересы. Областные міры тяготились княжескими спорами, были равнодушны къ княжескимъ счетамъ о старшинствѣ; но они не могли оставаться равнодушны къ послѣдствіямъ этихъ споровъ, которыя иногда тяжело отзывались на областномъ населеніи. Такимъ образомъ, благодаря передвиженію князей изъ волости въ волость всѣ части земли невольно и незамѣтно для себя и князей смыкались въ одну цѣпь, отдѣльныя звенья которой были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Смѣна князя въ одной волости чувствительно отзывалась

на положеніи другихъ, даже отдаленныхъ. Сядетъ въ Кіевѣ великій князь изъ Мономаховичей, — онъ пошлетъ править Новгородомъ своего сына. Тотъ придетъ со своими боярами, своею дружиною, которая займетъ всѣ важныя правительственныя должности въ области. Съ этими боярами князь станетъ, выражаясь языкомъ древнерусскихъ памятниковъ, „суды судить, ряды рядить, всякія грамоты записывать". Но сгонитъ великаго князя съ кіевскаго стола родичъ изъ Чернигова или съ Волыни, и сынъ согнаннаго долженъ будетъ уйти изъ Новгорода вмѣстѣ со своей дружиной. На мѣсто ушедшаго явится новый князь, обыкновенно враждебный предшествовавшему. Для новгородцевъ возникалъ важный вопросъ, знаетъ ли новый князь порядки новгородскіе, мѣстную старину-пошлину, даже захочетъ ли знать ее. Пожалуй, изъ вражды къ предшественнику станетъ онъ суды судить и ряды рядить не постарому, старыя грамоты пересуживать. Такимъ образомъ, княжескій круговоротъ втягивалъ въ себя мѣстную жизнь, мѣстные интересы областей, не давая имъ слишкомъ обособляться. Области эти поневолѣ вовлекались въ общую сутолоку жизни, какую производили князья. Онѣ еще далеко не были проникнуты однимъ національнымъ духомъ, сознаніемъ общихъ интересовъ, общей земской думой, но по крайней мѣрѣ пріучались все болѣе думать другъ о другѣ, внимательно слѣдить за тѣмъ, что̀ происходило въ сосѣднихъ или отдаленныхъ областяхъ. Такъ благодаря очередному порядку княжескаго владѣнія создавалось общее настроеніе, въ которомъ первоначально отчетливо сказывалось, можетъ-быть, только чувство общихъ затрудненій, но которое со временемъ должно было переработаться въ сознаніе взаимныхъ связей между всѣми частями Русской земли.

II. Одинаковое съ князьями общеземское значеніе имѣли и ихъ дружины. Чѣмъ больше размножался княжескій родъ, Ихъ дружины.

и чѣмъ сильнѣе разгоралась борьба со степью, тѣмъ больше увеличивался численно служилый дружинный классъ. У насъ нѣтъ достаточно свѣдѣній о количествѣ дружины у отдѣльныхъ князей. Можно только замѣтить, что старшіе и богатые младшіе князья имѣли довольно многочисленные дворы. Святополкъ, великій князь кіевскій, хвалился, что у него до 300 однихъ отроковъ, т.-е. младшихъ придворныхъ слугъ. Въ Галичѣ, богатомъ княжествѣ XII—XIII вв., во время одной усобицы (1208 г.) перебито было 500 однихъ бояръ; но много ихъ еще разбѣжалось. Старшіе и богатые младшіе князья выводили въ поле по двѣ и по три тысячи человѣкъ дружины. О многочисленности этого класса можно судить еще и по тому, что каждый взрослый князь имѣлъ особую, хотя иногда и небольшую дружину, а во второй половинѣ XII в. такихъ князей дѣйствовало нѣсколько десятковъ, если не цѣлая сотня. Дружина попрежнему имѣла смѣшанный племенной составъ. Въ X—XI вв., какъ мы знаемъ, въ ней преобладали еще пришлые варяги. Въ XII в. въ ея составъ входятъ и другіе сторонніе элементы: рядомъ съ туземцами и обрусѣвшими потомками варяговъ видимъ въ ней людей изъ инородцевъ восточныхъ и западныхъ, которые окружали Русь, торковъ, берендѣевъ, половцевъ, хозаръ, даже евреевъ, угровъ, ляховъ, литву и чудь. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія, заставляя князей постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто, дѣлалъ столь же подвижною и княжескую дружину. Когда князь по очереди переходилъ съ худшаго стола на лучшій, его боярамъ и слугамъ выгодно было слѣдовать за нимъ, покидая прежнюю волость. Когда князь вопреки очереди покидалъ лучшій столъ для худшаго вслѣдствіе усобицы, дружинѣ его выгоднѣе было покинуть князя и остаться въ прежней волости. Единство княжескаго рода позволяло дружиннику переходить отъ князя къ князю,

а единство земли — изъ области въ область, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не дѣлаясь измѣнникомъ. Такъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія пріучалъ дружину мѣнять волости, какъ ихъ мѣняли князья, мѣнять и князей, какъ она мѣняла волости. Притомъ, благодаря этой подвижности старшіе дружинники, княжи мужи, бояре, занимавшіе высшія правительственныя должности, не могли занимать ихъ долгое время въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ и чрезъ это пріобрѣтать прочное мѣстное политическое значеніе въ извѣстной области, тѣмъ менѣе могли превращать свои должности въ наслѣдственныя, какъ это было на феодальномъ Западѣ и въ сосѣдней Польшѣ. Сосчитали всѣхъ упоминаемыхъ въ лѣтописи дружинниковъ со смерти Ярослава до 1228 года и насчитали до 150 именъ. Изъ всего этого количества нашли не болѣе шести случаевъ, когда дружинникъ по смерти князя-отца, которому онъ служилъ, оставался на службѣ у его сына, и не болѣе шести же случаевъ, когда дружинникъ при княжеской смѣнѣ оставался въ прежней волости; только въ двухъ случаяхъ на важной должности тысяцкаго, военнаго начальника главнаго областного города, являлись преемственно члены одного и того же боярскаго рода. Главнымъ образомъ, благодаря этой подвижности у бояръ туго развивалась и самая крѣпкая привязь къ мѣсту — землевладѣніе. Въ XI и XII вв. находимъ указанія на земли бояръ и младшихъ дружинниковъ. Но легко замѣтить, что боярское землевладѣніе развивалось слабо, не составляло главнаго экономическаго интереса для служилыхъ людей. Дружинники предпочитали другіе источники дохода, продолжали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ и получали отъ своихъ князей денежное жалованье. Мы даже знаемъ наиболѣе обычный размѣръ этого жалованья. Лѣтописецъ XIII в., вспоминая,

какъ живали въ старину, замѣчаетъ, что прежде бояре не говорили князю: „мало мнѣ, князь, 200 гривенъ". Эти 200 гривенъ кунъ (не менѣе 50 ф. серебра), очевидно, были въ XII в. наиболѣе обычнымъ окладомъ боярскаго жалованья. Значитъ, большинство бояръ, не пріобрѣтая въ областяхъ прочнаго правительственнаго положенія, не имѣло и вліятельнаго мѣстнаго значенія экономическаго. Такъ служилый человѣкъ не привязывался крѣпко ни къ мѣсту службы, ни къ лицу или семьѣ князя, которому служилъ. Не привязанный крѣпко ни къ какому князю, ни къ какому княжеству, бояринъ привыкалъ сознавать себя слугою всего княжескаго рода, „переднимъ мужемъ" всей Русской земли. У него не могли установиться ни прочные мѣстные интересы въ той или другой области, ни прочныя династическія связи съ той или другой княжеской линіей. Вмѣстѣ съ другимъ высшимъ классомъ общества, духовенствомъ, и, можетъ-быть, еще въ большей степени, чѣмъ это сословіе, многочисленный дружинный классъ былъ подвижнымъ носителемъ мысли о нераздѣльности Русской земли, о земскомъ единствѣ.

Кіевъ. III. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія поддерживалъ и усиливалъ общеземское значеніе политическаго средоточія Руси, города Кіева. Кіевъ былъ центральнымъ узломъ княжескихъ отношеній: туда направлялся княжескій круговоротъ; оттуда онъ нормировался. Удобства жизни въ Кіевѣ, фамильныя преданія, честь старшинства, названнаго отчества, церковное значеніе этого города дѣлали его завѣтной мечтой для каждаго князя. Молодой княжичъ, кружась по отдаленнымъ областямъ, не спускалъ съ него глазъ, спалъ и видѣлъ его. Превосходное поэтическое выраженіе этой тоски по Кіевѣ, одолѣвавшей молодого князя, находимъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ*. Въ 1068 году кіевляне возстали на великаго князя Изяслава и прогнали его, а на ве-

ликокняжескій столъ возвели посаженнаго старшими князьями въ тюрьму Всеслава полоцкаго. Только семь мѣсяцевъ посидѣлъ Всеславъ на кіевскомъ столѣ, лишь дотронулся копьемъ до него и долженъ былъ бѣжать въ Полоцкъ. Но онъ уже всю жизнь не могъ забыть Кіева. Бывало, рано утромъ зазвонятъ къ заутрени у св. Софіи въ Полоцкѣ, а князю все еще слышится знакомый звонъ у св. Софіи кіевской. Доля этихъ княжескихъ чувствъ къ Кіеву сообщалась и населенію русскихъ областей, даже самыхъ отдаленныхъ. Оно также все болѣе и все чаще пріучалось думать о Кіевѣ, гдѣ сидѣлъ старшій князь Русской земли, откуда выходили всѣ добрые княжескіе походы въ степь на поганыхъ, гдѣ жилъ высшій пастырь русской Церкви, митрополитъ всея Руси, и сосредоточивались наиболѣе чтимыя святыни Русской земли. Выраженіе этого народнаго отношенія къ Кіеву мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ духовномъ стихѣ о *Голубиной книгѣ*. Отвѣчая на вопросъ, какой городъ всѣмъ городамъ мать, онъ иногда, забывая про Іерусалимъ, поетъ: „а Кіевъ градъ всѣмъ городамъ мати“.

Культурное вліяніе княж. отношеній

IV. Усиливая земское значеніе главнаго города Русской земли, очередной порядокъ княжескаго владѣнія содѣйствовалъ успѣхамъ общежитія и гражданственности въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Руси. Чѣмъ больше становилось князей, тѣмъ мельче дробилась Русская земля. Каждый взрослый князь обыкновенно получалъ отъ старшихъ родичей особую волость. Благодаря этому отдаленныя захолустья постепенно превращались въ особыя княжества. Въ каждомъ изъ этихъ княжествъ являлся свой стольный городъ, куда наѣзжалъ князь со своей дружиной, своими боярами. Городъ обстраивался, князья украшали его храмами, монастырями; среди простенькихъ обывательскихъ домовъ появлялись большіе хоромы и дворы княжескіе и боярскіе, и все устроялось

по-кіевски. Такимъ образомъ въ разные углы Руси вносились обстановка и формы жизни, снятыя съ одного образца. Такимъ образцомъ и руководителемъ мѣстной жизни служилъ Кіевъ, источникъ права, богатства, знанія и искусства для всей тогдашней Руси. Благодаря распространенію князей по Русской землѣ совершалось извѣстное обобщеніе житейскихъ отношеній, нивелировка мѣстной жизни: во всѣхъ частяхъ земли устанавливались одинаковыя бытовыя формы, одинаковые общественные вкусы и понятія. Перелетныя птицы Русской земли, князья со своими дружинами всюду разносили сѣмена культуры, какая росла и расцвѣтала въ средоточіи земли, въ Кіевѣ.

Князья и земля.

Полученные нами два противоположныхъ ряда послѣдствій, вышедшихъ изъ борьбы очередного порядка съ условіями, его разрушавшими, даютъ намъ возможность опредѣлить политическій строй тогдашней Русской земли, обозначить форму ея политическаго быта привычной намъ терминологіей. Что такое была Русская земля въ XII в., какъ политическій составъ? Было ли это — единое цѣльное государство съ единой верховной властью, носительницей политическаго единства страны? На Руси была тогда единая верховная власть, только не единоличная. Она имѣла довольно условное, стѣсненное значеніе. Князья были не полновластные государи земли, а только военно-полицейскіе ея правители. Ихъ признавали носителями верховной власти, насколько они обороняли землю извнѣ и поддерживали въ ней существовавшій порядокъ; только въ этихъ предѣлахъ они и могли законодательствовать. Но не ихъ дѣло было созидать новый земскій порядокъ: такого полномочія верховной власти еще не было ни въ дѣйствовавшемъ правѣ, ни въ правовомъ сознаніи земли. Князья внесли не мало новаго въ земскія отношенія Руси, но не въ силу своей власти,

а по естественному ходу дѣлъ: эти новости рождались не только изъ дѣйствія княжескаго порядка владѣнія, но и изъ противодѣйствія ему, напримѣръ, изъ вмѣшательства волостныхъ городовъ. Къ числу этихъ новостей относится и то, что княжескій родъ сталъ элементомъ единства Русской земли. Естественное преемство поколѣній сообщило потомству Владиміра Св. видъ династіи, платнымъ сторожамъ Руси дало монополію наслѣдственнаго правленія землей. Это былъ простой фактъ, никогда не закрѣпленный признаніемъ земли, у которой не было и органа для такого признанія: при замѣщеніи столовъ волостные города договаривались съ отдѣльными князьями, а не съ цѣлымъ княжескимъ родомъ. Порядокъ совмѣстнаго княжескаго владѣнія и сталъ однимъ изъ средствъ объединенія земли; но онъ былъ не актомъ ихъ учредительной власти, а слѣдствіемъ ихъ неумѣнья раздѣлиться, какъ раздѣлились потомъ суздальскіе потомки Всеволода III. Такъ двѣ общественныя силы стали другъ противъ друга, князья со своимъ родовымъ единствомъ и земля, раздѣленная на области. При первомъ взглядѣ Русская земля представляется земской федераціей, союзомъ самостоятельныхъ областей, земель. Однако ихъ объединялъ политически только княжескій родъ, помимо котораго между ними не было другой политической связи. Но и единство княжескаго рода было не государственнымъ установленіемъ, а бытовымъ обычаемъ, къ которому была равнодушна земля и которому подчасъ противодѣйствовала. Въ этомъ заключались существенныя отличія Руси XII в., какъ земскаго союза, отъ федераціи въ привычномъ смыслѣ этого слова. Основаніе федераціи — постоянный *политическій договоръ,* моментъ юридическій; въ основѣ княжескаго совмѣстнаго владѣнія лежалъ *фактъ происхожденія,* моментъ генеалогическій, изъ котораго выходили постоянно измѣнявшіяся

личныя соглашенія. Этотъ фактъ навязывалъ князьямъ солидарность дѣйствій, не давая имъ постоянныхъ нормъ, не указывая опредѣленнаго порядка отношеній. Далѣе, въ федераціи должны быть союзныя учрежденія, простирающія свое дѣйствіе на всю союзную территорію. Правда, и на Руси XII в. было два такихъ учрежденія: власть великаго князя кіевскаго и княжескіе съѣзды. Но власть великаго князя кіевскаго, вытекая изъ генеалогическаго факта, а не изъ постояннаго договора, не была точно опредѣлена и прочно обезпечена, не имѣла достаточныхъ средствъ для дѣйствія и постепенно превратилась въ почетное отличіе, получила очень условное значеніе. Какія сколько-нибудь опредѣленныя, обязательныя политическія отношенія могли выдти изъ такого неполитическаго источника, какъ званіе названнаго отца? Это генеалогическая фикція, а не реальная политическая власть. Каждый младшій родичъ, областной князь, считалъ себя въ правѣ противиться великому князю кіевскому, если находилъ его дѣйствія неправильными, неотеческими. Съ другой стороны, по призыву великаго князя нерѣдко устраивались княжескіе съѣзды для обсужденія общихъ дѣлъ. Такими общими дѣлами были обыкновенно вопросы законодательства, чаще вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ князей и о средствахъ защиты Русской земли отъ внѣшнихъ враговъ. Но эти съѣзды никогда не соединяли всѣхъ наличныхъ князей и никогда не было точно опредѣлено значеніе ихъ постановленій. Князья, не присутствовавшіе на съѣздѣ, едва ли считали для себя обязательными ихъ рѣшенія; даже князья, участвовавшіе въ съѣздѣ, считали себя въ правѣ дѣйствовать вопреки его рѣшенію по личному усмотрѣнію. На съѣздѣ въ Витичевѣ въ 1100 г. старшіе двоюродные братья Святополкъ, Мономахъ, Давидъ и Олегъ (Святославичи), приговоривши наказать Давида Иго-

ревича волынскаго за ослѣпленіе Василька, постановили отнять и у этого послѣдняго его Теребовльскую волость, какъ у неспособнаго править ею. Но Ростиславичи Володарь и Василько не признали этого рѣшенія. Старшіе князья хотѣли принудить ихъ къ тому силой; но самый видный изъ членовъ съѣзда Мономахъ, участвовавшій въ этомъ рѣшеніи, отказался идти въ походъ, признавъ за Ростиславичами право ослушаться съѣзда на основаніи постановленія прежняго съѣзда въ Любечѣ (1907 года), гдѣ за Василькомъ былъ утвержденъ Теребовль. Такъ ни власть великаго князя, ни княжескіе съѣзды не сообщали Русской землѣ характера политической федераціи, союзнаго государства въ точномъ смыслѣ слова, Русская земля представляла собою не союзъ князей или областей, а союзъ областей черезъ князей. Это была федерація не политическая, а генеалогическая, если можно соединять въ одномъ опредѣленіи понятія столь различныхъ порядковъ, федерація, построенная на фактѣ родства правителей, союзъ невольный по происхожденію и ни къ чему не обязывавшій по своему дѣйствію — одинъ изъ тѣхъ средневѣковыхъ общественныхъ составовъ, въ которыхъ изъ частно-правовой основы возникали политическія отношенія. Русская земля не дѣлилась на части, совершенно обособленныя другъ отъ друга, не представляла кучи областей, соединенныхъ только сосѣдствомъ. Въ ней дѣйствовали связи, соединявшія эти части въ одно цѣлое; только эти связи были не политическія, а племенныя, экономическія, соціальныя и церковно-нравственныя. Не было единства государственнаго, но завязывалось единство земское, народное. Нитями, изъ которыхъ сплеталось это единство, были не законы и учрежденія, а интересы, нравы и отношенія, еще не успѣвшіе облечься въ твердые законы и учрежденія. Перечислимъ еще разъ эти связи: 1) взаимное

невольное общеніе областей, вынужденное дѣйствіемъ очередного порядка княжескаго владѣнія, 2) общеземскій характеръ, усвоенный высшими правящими классами общества, духовенствомъ и княжеской дружиной, 3) общеземское значеніе Кіева, какъ средоточія Руси не только торгово-промышленнаго, но и церковно-нравственнаго и 4) одинаковыя формы и обстановка жизни гражданскаго порядка, устанавливавшіяся во всѣхъ частяхъ Руси при помощи очерѐдного порядка княжескаго владѣнія.

Двоякое дѣйствіе очередного порядка.

Двоякое дѣйствіе очередного порядка и условій, его разстраивавшихъ, привело къ двойственному результату: оно 1) разрушило политическую цѣльность, государственное единство Русской земли, надъ которымъ повидимому съ такимъ успѣхомъ трудились первые кіевскіе князья, и 2) содѣйствовало пробужденію въ русскомъ обществѣ чувства земскаго единства, зарожденію русской народности. Въ этомъ второмъ результатѣ, кажется, надобно искать разгадки своеобразнаго отношенія къ старой Кіевской Руси со стороны нашего народа и нашей исторіографіи. И народъ, и историки до. сихъ поръ относятся къ этой Руси съ особеннымъ сочувствіемъ, которое кажется неожиданнымъ при томъ хаотическомъ впечатлѣніи, какое выносимъ изъ изученія того періода. Въ современной русской жизни осталось очень мало слѣдовъ отъ старой Кіевской Руси, отъ ея быта. Казалось бы, отъ нея не могло остаться какихъ-либо слѣдовъ и въ народной памяти, а всего менѣе благодарныхъ воспоминаній. Чѣмъ могла заслужить благодарное воспоминаніе въ народѣ Кіевская Русь со своей неурядицей, вѣчной усобицей князей и нападеніями степныхъ поганыхъ? Между тѣмъ для него старый Кіевъ Владиміра Св. — только предметъ поэтическихъ и религіозныхъ воспоминаній. *Языкъ до Кіева доводитъ:* эта народная поговорка значитъ не то, что невѣдома дорога

къ Кіеву, а то, что вездѣ всякій укажетъ вамъ туда дорогу, потому что по всѣмъ дорогамъ идутъ люди въ Кіевъ; она говоритъ то же, что средневѣковая западная поговорка: всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Народъ доселѣ помнитъ и знаетъ старый Кіевъ съ его князьями и богатырями, съ его св. Софіей и Печерской лаврой, непритворно любитъ и чтитъ его, какъ не любилъ и не чтилъ онъ ни одной изъ столицъ, его смѣнившихъ, ни Владиміра на Клязьмѣ, ни Москвы, ни Петербурга. О Владимірѣ онъ забылъ, да и въ свое время мало зналъ его; Москва была тяжела народу, онъ ее немножко уважалъ и побаивался, но не любилъ искренно; Петербурга онъ не любитъ, не уважаетъ и даже не боится. Столь же сочувственно относится къ Кіевской Руси и наша исторіографія. Эта Русь не выработала прочнаго политическаго порядка, способнаго выдержать внѣшніе удары; однако изслѣдователи самыхъ различныхъ направленій вообще наклонны рисовать жизнь Кіевской Руси свѣтлыми красками. Гдѣ причина такого отношенія? Въ старой кіевской жизни было много неурядицъ, много безтолковой толкотни; „безсмысленныя драки княжескія“, по выраженію Карамзина, были прямымъ народнымъ бѣдствіемъ. Зато въ князьяхъ того времени такъ живо было родственное, точнѣе, генеалогическое чувство, такъ много удали, стремленія „любо налѣзти собѣ славу, а любо голову свою сложить за землю Русскую“, на поверхности общества такъ много движенія, а люди вообще неравнодушны къ временамъ, исполненнымъ чувства и движенія. Но это мы, поздніе наблюдатели, находимъ эстетическое удовольствіе въ оживленномъ движеніи, изображаемомъ лѣтописью XI—XII вв. Сами участники движенія навѣрное выносили нѣсколько иное впечатлѣніе изъ шума, какой они производили и переживали. Они видѣли себя среди все осложнявшихся затрудненій и опасностей, вну-

треннихъ и внѣшнихъ, и все сильнѣе чувствовали, что съ этими дѣлами имъ не справиться разобщенными мѣстными силами, а необходимо дружное дѣйствіе всей земли. Необходимость эта особенно живо должна была чувствоваться послѣ Ярослава и Мономаха. Эти сильные князья умѣли забирать въ свои руки силы всей земли и направлять ихъ въ ту или другую сторону. Безъ нихъ, по мѣрѣ того какъ ихъ слабые родичи и потомки запутывались въ своихъ интересахъ и отношеніяхъ, общество все яснѣе видѣло, что ему самому приходится искать выхода изъ затрудненій, обороняться отъ опасностей. Въ размышленіяхъ о средствахъ для этого кіевлянинъ все чаще думалъ о черниговцѣ, а черниговецъ о новгородцѣ и всѣ вмѣстѣ о Русской землѣ, объ общемъ земскомъ дѣлѣ. Пробужденіе во всемъ обществѣ мысли о Русской землѣ, какъ о чемъ-то цѣльномъ, объ общемъ земскомъ дѣлѣ, какъ о неизбѣжномъ, обязательномъ дѣлѣ всѣхъ и каждаго, — это и было кореннымъ, самымъ глубокимъ фактомъ времени, къ которому привели разнообразныя, несогласованныя и нескладныя, часто противодѣйствовавшія другъ другу стремленія князей, бояръ, духовенства, волостныхъ городовъ, всѣхъ общественныхъ силъ того времени. Историческая эпоха, въ дѣлахъ которой весь народъ принималъ участіе и черезъ это участіе почувствовалъ себя чѣмъ-то цѣльнымъ, дѣлающимъ общее дѣло, всегда особенно глубоко врѣзывается въ народной памяти. Господствующія идеи и чувства времени, съ которыми всѣ освоились и которыя легли во главу угла ихъ сознанія и настроенія, обыкновенно отливаются въ ходячія, стереотипныя выраженія, повторяемыя при всякомъ случаѣ. Въ XI—XII вв. у насъ такимъ стереотипомъ была *Русская земля,* о которой такъ часто говорятъ и князья, и лѣтописцы. Въ этомъ и можно видѣть коренной фактъ нашей исторіи, совершившійся въ тѣ вѣка: Рус-

ская земля, механически сцѣпленная первыми кіевскими князьями изъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ въ одно политическое цѣлое, теперь, теряя эту политическую цѣльность, впервые начала чувствовать себя цѣльнымъ народнымъ или земскимъ составомъ. Послѣдующія поколѣнія вспоминали о Кіевской Руси, какъ о колыбели русской народности.

Общеземское чувство.

Этого факта, конечно, не докажешь какой-либо цитатой, тѣмъ или другимъ мѣстомъ историческаго памятника; но онъ сквозитъ всюду, въ каждомъ проявленіи духа и настроенія времени. Прочитайте или припомните разсказъ Даніила Паломника изъ Черниговской земли о томъ, какъ онъ въ началѣ XII в. ставилъ русскую лампаду на гробѣ Господнемъ въ Іерусалимѣ. Пришелъ онъ къ королю Балдуину съ просьбой разрѣшить ему это дѣло. Король зналъ русскаго игумена и встрѣтилъ его ласково, потому что былъ онъ человѣкъ добрый и смиренный. — Что тебѣ надо, игумене русскій, спросилъ онъ Даніила. — Князь и господинъ, отвѣчалъ ему Даніилъ, хотѣлъ бы я на гробѣ Господнемъ поставить лампаду отъ всей Русской земли, за всѣхъ князей и за всѣхъ христіанъ Русской земли. По ходу политическихъ дѣлъ на Руси Черниговская область рано стала обособляться отъ другихъ русскихъ областей и земскія русскія чувства по характеру и отношеніямъ черниговскихъ Святославичей могли находить себѣ пищи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо при тамошнихъ княжескихъ столахъ. Ничего этого не сказалось въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, пѣвецъ котораго принадлежалъ къ черниговской княжеской дружинѣ. Поэма вся проникнута живымъ общеземскимъ чувствомъ и чужда мѣстныхъ сочувствій и пристрастій. Когда ея сѣверскіе и курскіе полки вступили въ степь, она восклицаетъ: „о Русская земля! уже ты за холмами“. Эти полки зовутся въ ней русиками, русскими полками; разбитые, они ложатся за землю Русскую;

тоска разливается по всей Русской землѣ, когда распространилась вѣсть объ этомъ пораженіи. Не своихъ черниговскихъ Святославичей, а Мономаховичей, Всеволода изъ Суздальской земли, Рюрика и Давида изъ Смоленской, Романа съ Волыни зоветъ сѣверскій пѣвецъ вступиться за обиду своего времени, за землю Русскую. Вездѣ Русская земля, и нигдѣ, ни въ одномъ памятникѣ не встрѣтимъ выраженія *русскій народъ*. Пробуждавшееся чувство народнаго единства цѣплялось еще за территоріальные предѣлы земли, а не за національныя особенности народа. Народъ — понятіе слишкомъ сложное, заключающее въ себѣ духовно-нравственные признаки, еще не дававшіеся тогдашнему сознанію или даже еще не успѣвшіе достаточно обнаружиться въ самомъ русскомъ населеніи. Притомъ не успѣли еще сгладиться остатки стариннаго племенного дѣленія, и въ предѣлахъ Русской земли было много нетронутыхъ ассимиляціей иноплеменниковъ, которыхъ еще нельзя было ввести въ понятіе русскаго общества. Изъ всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ государства, территорія наиболѣе доступна пониманію; она и служила опредѣленіемъ народности. Потому чувство народнаго единства пока выражалось еще только въ идеѣ *общаго отечества,* а не въ сознаніи національнаго характера и историческаго назначенія и не въ мысли о долгѣ служенія народному благу, хотя и пробуждалось уже помышленіе о нравственной отвѣтственности передъ отечествомъ наравнѣ со святыней. На Любецкомъ съѣздѣ князья, поцѣловавъ крестъ на томъ, чтобы всѣмъ дружно вставать на нарушителя договора, скрѣпили свое рѣшеніе заклятіемъ противъ зачинщика: „да будетъ на него крестъ честной и вся земля Русская“.

Лекція XIII.

Русское гражданское общество въ XI и XII вв. — *Русская Правда*, какъ его отраженіе.—Два взгляда на этотъ памятникъ.—Особенности Русской Правды, указывающія на ея происхожденіе. — Необходимость переработаннаго свода мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ для церковнаго судьи XI и XII вв. — Значеніе кодификаціи въ ряду основныхъ формъ права. — Византійская кодификація и ея вліяніе на русскую.— Церковно-судное происхожденіе Правды. — Денежный счетъ Правды и время ея составленія. — Источники Правды. *Законъ русскій*. — Княжеское законодательство.—Судебные приговоры князей. — Законодательные проекты духовенства. — Пособія, которыми они пользовались.

Я кончилъ изображеніе политическаго порядка, установившагося на Руси въ XI и XII вв. Теперь я долженъ обратиться къ болѣе глубокой, зато и болѣе сокрытой отъ глазъ наблюдателя сферѣ жизни, къ гражданскому порядку, къ ежедневнымъ частнымъ отношеніямъ лица къ лицу и тѣмъ интересамъ и понятіямъ, которыми эти отношенія направлялись и скрѣплялись. Впрочемъ, я ограничусь лишь лицевою юридической стороной гражданскаго быта. До сихъ поръ господствуетъ въ нашей исторической литературѣ убѣжденіе, что эта частная юридическая жизнь древнѣйшей Руси наиболѣе полно и вѣрно отразилась въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго права, въ *Русской Правдѣ*. Прежде

чѣмъ взглянуть на частныя юридическія отношенія чрезъ это зеркало, мы должны разсмотрѣть, насколько полно и вѣрно отразило оно въ себѣ эти отношенія. Съ этой цѣлью я остановлю предварительно ваше вниманіе на вопросѣ о происхожденіи и составѣ Русской Правды и потомъ изложу въ главныхъ чертахъ ея содержаніе.

Два взгляда. Въ нашей литературѣ по исторіи русскаго права господствуютъ два взгляда на происхожденіе Русской Правды. Одни видятъ въ ней не оффиціальный документъ, не подлинный памятникъ законодательства, какъ онъ вышелъ изъ рукъ законодателя, а приватный юридическій сборникъ, составленный какимъ-то древнерусскимъ законовѣдомъ или нѣсколькими законовѣдами для своихъ частныхъ надобностей. Другіе считаютъ Русскую Правду оффиціальнымъ документомъ, подлиннымъ произведеніемъ русской законодательной власти, только испорченнымъ переписчиками, вслѣдствіе чего явилось множество разныхъ списковъ Правды, различающихся количествомъ, порядкомъ и даже текстомъ статей. Разберемъ Русскую Правду, чтобы провѣрить и оцѣнить оба эти взгляда.

Читая Русскую Правду, вы прежде всего узнаете по заглавію надъ первой статьей памятника въ древнѣйшихъ спискахъ, что это „судъ" или „уставъ" Ярославль. Въ самомъ памятникѣ не разъ встрѣчается замѣчаніе, что такъ „судилъ" или „уставилъ" Ярославъ. Первое заключеніе, къ которому приводятъ эти указанія, то, что Русская Правда есть кодексъ, составленный Ярославомъ и служившій руководствомъ для княжескихъ судей XI в. И въ нашей древней письменности сохранилась память объ Ярославѣ, какъ установителѣ правды, закона: ему давалось иногда прозваніе *Правосуда*. Всматриваясь ближе въ памятникъ, мы соберемъ значительный запасъ наблюденій, разрушающихъ это первое заключеніе.

I. Встрѣчаемъ въ Правдѣ нѣсколько постановленій, изданныхъ преемниками Ярослава, его дѣтьми и даже его внукомъ Мономахомъ, которому принадлежитъ законъ, направленный противъ ростовщичества и занесенный въ Правду. Итакъ Правда была плодомъ законодательной дѣятельности не одного Ярослава. Слѣды Ярославичей и Мономаха.

II. Текстъ нѣкоторыхъ статей представляетъ не подлинныя слова законодателя, а ихъ изложеніе, парафразу, принадлежащую кодификатору или повѣствователю, разсказавшему о томъ, какъ законъ былъ составленъ. Такова, напримѣръ, вторая статья Правды по пространной редакціи. Статья эта есть добавка, точнѣе, поправка къ первой статьѣ о кровной мести и гласитъ: „послѣ Ярослава собрались сыновья его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ и отмѣнили месть за убійство, а установили денежный выкупъ, все же прочее, какъ судилъ Ярославъ, какъ уставили и его сыновья“. Вы видите, что это не подлинный текстъ закона Ярославовыхъ сыновей, даже не текстъ какого-либо закона, а протоколъ княжескаго съѣзда или историческое изложеніе закона словами кодификатора. Парафразы.

III. Въ Русской Правдѣ нѣтъ и слѣда одной важной особенности древнерусскаго судебнаго процесса, одного изъ судебныхъ доказательствъ — судебнаго поединка, *поля*. Между тѣмъ сохранились въ древнихъ источникахъ нашей исторіи слѣды, указывающіе на то, что поле практиковалось какъ до Русской Правды, такъ и долго послѣ нея. Византійскій писатель X в. Левъ Діаконъ въ разсказѣ о болгарскомъ походѣ Святослава говоритъ, что русскіе въ его время имѣли обыкновеніе рѣшать взаимныя распри „кровью и убійствомъ“. Подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ можно еще разумѣть родовую кровную месть; но арабскій писатель Ибнъ-Даста, писавшій нѣсколько Вліяніе духовенства.

раньше Льва, рисуетъ намъ изобразительную картину судебнаго поединка на Руси въ первой половинѣ X в. По его словамъ, если кто на Руси имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ князю, предъ которымъ и препираются обѣ стороны. Дѣло рѣшается приговоромъ князя. Если же обѣ стороны недовольны этимъ приговоромъ, окончательное рѣшеніе предоставляется оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и беретъ верхъ. При борьбѣ присутствуютъ родичи обѣихъ сторонъ, вооруженные. Кто одолѣетъ въ бою, тотъ и выигрываетъ дѣло. Итакъ несомнѣнно, что задолго до Русской Правды Ярослава въ русскомъ судопроизводствѣ практиковалось поле, судебный поединокъ. Съ другой стороны, указанія на практику поля появляются въ памятникахъ русскаго права съ самаго начала XIII в. Почему Правда не знаетъ этого важнаго судебнаго средства, къ которому такъ любили прибѣгать въ древнихъ русскихъ судахъ? Она знаетъ его, но игнорируетъ, не хочетъ признавать. Находимъ и объясненіе этого непризнанія. Духовенство наше настойчиво въ продолженіе вѣковъ возставало противъ судебнаго поединка, какъ языческаго остатка, обращалось даже къ церковнымъ наказаніямъ, чтобы вывести его изъ практики русскихъ судовъ; но долго, едва ли не до конца XVI в., ея усилія оставались безуспѣшны. Итакъ замѣчается нѣкоторая солидарность между Русской Правдой и юридическими понятіями древнерусскаго духовенства.

Русская Правда — часть церковнаго свода.

IV. По разнымъ спискамъ Русская Правда является въ двухъ основныхъ редакціяхъ, въ краткой и пространной. Въ письменности раньше становится извѣстна послѣдняя: пространную Правду мы встрѣчаемъ уже въ новгородской Кормчей конца XIII столѣтія, тогда какъ древнѣйшій списокъ краткой редакціи находимъ въ спискѣ новгородской лѣтописи конца XV в. Эта пространная Правда является

всегда въ одинаковомъ, такъ сказать, окруженіи, въ одномъ литературномъ обществѣ. Краткая редакція Правды обыкновенно попадается въ памятникахъ чисто литературнаго свойства, не имѣвшихъ практическаго судебнаго употребленія, чаще въ спискахъ новгородской лѣтописи древнѣйшей редакціи. Правду пространную встрѣчаемъ большею частью въ Кормчихъ, древнерусскихъ сводахъ церковныхъ законовъ, иногда въ сборникахъ каноническаго содержанія, носящихъ названіе *Мѣрила Праведнаго*. Такимъ образомъ Русская Правда жила и дѣйствовала въ церковно-юридическомъ обществѣ: ее встрѣчаемъ среди юридическихъ памятниковъ церковнаго или византійскаго происхожденія, принесенныхъ на Русь духовенствомъ и имѣвшихъ практическое значеніе въ церковныхъ судахъ. Перечислю членовъ этого церковно-юридическаго общества Правды. Вамъ извѣстно, что древняя русская *Кормчая* (*Πηδάλιον*) есть переводъ византійскаго *Номоканона*. Номоканонъ есть сводъ церковныхъ правилъ (*κανόνες*) и касающихся Церкви законовъ (*νόμοι*) византійскихъ императоровъ. Этимъ сводомъ и руководилась, частію руководится и доселѣ русская Церковь въ своемъ управленіи и особенно въ судѣ по духовнымъ дѣламъ. Византійскій Номоканонъ, наша Кормчая, является въ нашей письменности съ цѣлымъ рядомъ дополнительныхъ статей, внесенныхъ во вторую часть ея, въ отдѣлъ императорскихъ законовъ. Главныя изъ нихъ таковы: 1) извлеченіе изъ законовъ Моисеевыхъ; 2) Эклога (*'Εκλογὴ τῶν νόμων*, выборка законовъ), сводъ, составленный при иконоборческихъ императорахъ-соправителяхъ первой половины VIII в. Львѣ Исаврѣ и его сынѣ Константинѣ Копронимѣ; этотъ сводъ содержитъ преимущественно постановленія семейнаго и гражданскаго права, но въ немъ есть отдѣлъ и о наказаніяхъ за уголовныя преступленія; 3) *Законъ судный людемъ* или Судеб-

никъ царя Константина: это — славянская передѣлка той же Эклоги, преимущественно ея статей о наказаніяхъ; передѣлка эта является въ славянской письменности даже раньше перевода самой Эклоги и, кажется, сдѣлана для болгаръ вскорѣ послѣ принятія ими христіанства, т.-е. въ IX в.; 4) *Прохиронъ* (*'Ο πρόχειρος νόμος*, *Законъ градскій* — jus civile), законодательный сводъ императора Василія Македонянина IX же вѣка; 5) цѣликомъ или отрывками церковные уставы нашихъ первыхъ христіанскихъ князей Владиміра и Ярослава. Среди этихъ-то дополнительныхъ статей Кормчей обыкновенно и встрѣчаемъ мы нашу пространную Правду. Такъ она является не самостоятельнымъ памятникомъ древнерусскаго законодательства, а одной изъ дополнительныхъ статей къ своду церковныхъ законовъ.

Черты церковно-византійскаго права.

V. Разбирая дополнительныя статьи церковно-византійскаго происхожденія, замѣчаемъ нѣкоторую внутреннюю связь между ними и нашей Правдой: нѣкоторыя постановленія послѣдней какъ будто составлены при содѣйствіи первыхъ. Напримѣръ въ извлеченіи изъ Моисеевыхъ законовъ читаемъ статью о ночномъ воровствѣ. Эта статья, заимствованная изъ книги Исходъ, въ нашей печатной Библіи читается такъ: „аще въ подкопаніи обрящется тать и язвенъ умретъ, нѣсть ему убійство; аще же взыдетъ солнце надъ нимъ, повиненъ есть, умретъ за него". Смыслъ этой статьи таковъ: если ночью захватятъ татя на мѣстѣ преступленія и убьютъ, не считать этого за убійство; если же его убьютъ по восходѣ солнца, то убійца виновенъ, долженъ самъ подвергнуться смертной казни. Въ нашей Правдѣ читается такая статья о ночной татьбѣ: „кого застанутъ ночью у клѣти или на какомъ воровствѣ, могутъ убить, какъ собаку; если же продержатъ пойманнаго вора до разсвѣта, то должны вести его на княжій дворъ, въ судъ; если же воръ окажется

убитымъ, а сторонніе люди видѣли его уже связаннымъ, то платить за убійство пеню въ 12 гривенъ". Вы чувствуете внутреннюю связь этой статьи съ приведеннымъ мѣстомъ Моисеева закона, но видите также, какъ Моисеево постановленіе обрусѣло въ Правдѣ, приноровлено къ мѣстному обществу и приняло своеобразныя туземныя формы выраженія. Другой примѣръ. Въ числѣ статей упомянутыхъ Эклоги и Прохирона мы встрѣчаемъ краткое постановленіе: „рабъ не послушествуетъ" (не допускается на судѣ, какъ свидѣтель). У насъ на Руси кромѣ рабовъ былъ еще классъ полусвободныхъ людей, называвшихся *закупами*. Въ Русской Правдѣ читаемъ такую статью о свидѣтельствѣ въ судѣ, о *послушествѣ:* „свидѣтелемъ холопъ быть не можетъ (а послушества на холопа не складаютъ); если не будетъ свидѣтеля изъ свободныхъ людей, то по нуждѣ можно призвать въ свидѣтели боярскаго тіуна (приказчика), но не другихъ (простыхъ) холоповъ; только въ маломъ искѣ и то по нуждѣ можно сослаться и на свидѣтельство закупа". Опять мысль Эклоги развита въ Правдѣ примѣнительно къ составу русскаго общества, выразилась въ чисто русской формѣ. Или въ числѣ статей упомянутаго Закона Суднаго людемъ мы встрѣчаемъ постановленіе о томъ, какъ наказывать человѣка, который безъ спроса сядетъ на чужую лошадь: „аще кто безъ повелѣнія на чужемъ конѣ ѣздитъ, да ся тепетъ по три краты", т.-е. наказывается тремя ударами. Въ нашей Правдѣ есть постановленіе на тотъ же случай, которое читается такъ: „кто сядетъ на чужого коня безъ спросу, три гривны за это". Русь временъ Правды не любила тѣлесныхъ наказаній, и византійскіе удары плетью переведены въ Правдѣ на обычный у насъ денежный штрафъ, на гривны. Послѣдній примѣръ. Въ Законѣ Судномъ есть взятая изъ Эклоги или Прохирона статья о рабѣ, совершившемъ кражу на сторонѣ, не

у своего господина: если господинъ такого раба-вора захочетъ удержать его за собою, обязанъ вознаградить потерпѣвшаго, въ противномъ случаѣ долженъ отдать его въ полное владѣніе потерпѣвшему. Въ нашей Правдѣ есть статья, по которой господинъ холопа, обокравшаго кого-либо, долженъ выкупать вора, платить всѣ причиненные имъ убытки и пени или же выдать его потерпѣвшему; но въ нашей статьѣ къ этому прибавлено постановленіе, какъ поступать съ семьей холопа-вора и со свободными людьми, участвовавшими въ кражѣ. Такъ мы замѣчаемъ, что составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно изъ памятниковъ церковнаго и византійскаго права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшіе опредѣленія, ставили законодательные вопросы, отвѣтовъ на которые онъ искалъ въ туземномъ правѣ.

Выводы. Изложенныя наблюденія проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе Русской Правды. Мы замѣчаемъ, что Русская Правда — законъ не одного Ярослава, еще составлялась и въ XII в., долго послѣ Ярославовой смерти, что она представляетъ не вездѣ подлинный текстъ закона, а часто только его повѣствовательное изложеніе, что Русская Правда игнорируетъ судебные поединки, несомнѣнно практиковавшіеся въ русскомъ судопроизводствѣ XI и XII вв., но противные Церкви, что Русская Правда является не какъ особый самостоятельный судебникъ, а только какъ одна изъ дополнительныхъ статей къ Кормчей, и что эта Правда составлялась не безъ вліянія памятниковъ церковно-византійскаго права, среди которыхъ она вращалась. Къ чему приводитъ совокупность этихъ наблюденій? Думаю, къ тому, что читаемый нами текстъ Русской Правды сложился въ сферѣ не княжескаго, а церковнаго суда, въ средѣ церковной юрисдикціи, нуждами и цѣлями которой и руко-

водился составитель Правды въ своей работѣ. Церковный кодификаторъ воспроизводилъ дѣйствовавшее на Руси право, имѣя въ виду потребности и основы церковной юрисдикціи, и воспроизводилъ только въ мѣру этихъ потребностей и въ духѣ этихъ основъ. Вотъ почему Правда не хочетъ знать поля. Потому же она молчитъ о преступленіяхъ политическихъ, не входившихъ въ компетенцію церковнаго суда, также объ умычкѣ, объ оскорбленіи женщинъ и дѣтей, объ обидахъ словомъ: эти дѣла судились церковнымъ судомъ, но на основаніи не Русской Правды, а особыхъ церковныхъ законоположеній, какъ увидимъ. Съ другой стороны, до половины XI столѣтія княжескому судьѣ едва ли былъ и нуженъ писанный сводъ законовъ. Княжескій судья могъ обходиться безъ такого свода по многимъ причинамъ: 1) были еще крѣпки древніе юридическіе обычаи, которыми руководствовались въ судебной практикѣ князь и его судьи; 2) тогда господствовалъ состязательный процессъ, *пря*, и если бы судья забылъ или не захотѣлъ вспомнить юридическій обычай, то ему настойчиво напомнили бы объ немъ сами тяжущіяся стороны, которыя собственно и вели дѣло и при которыхъ судья присутствовалъ болѣе безучастнымъ зрителемъ или пассивнымъ предсѣдателемъ, чѣмъ руководителемъ дѣла; наконецъ 3) князь всегда могъ въ случаѣ нужды своей законодательной властью восполнить юридическую память или разрѣшить казуальное недоумѣніе судьи.

Но если княжескіе судьи до половины или до конца XI в. могли обходиться безъ писаннаго свода законовъ, то такой сводъ былъ совершенно необходимъ церковнымъ судьямъ. Со времени принятія христіанства русской Церкви была предоставлена двоякая юрисдикція. Она, во-первыхъ, судила *всѣхъ* христіанъ, духовныхъ и міранъ, по *нѣкото-*

рымъ дѣламъ духовно-нравственнаго характера, во-вторыхъ, судила *нѣкоторыхъ* христіанъ, духовныхъ и мірянъ, по *всѣмъ* дѣламъ церковнымъ и нецерковнымъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Эти нѣкоторые христіане, во всѣхъ дѣлахъ подсудные Церкви, образовали особое церковное общество, составъ котораго скоро увидимъ. Церковный судъ по духовнымъ дѣламъ надъ всѣми христіанами производился на основаніи Номоканона, принесеннаго изъ Византіи, и церковныхъ уставовъ, изданныхъ первыми христіанскими князьями Руси. Церковный судъ по нецерковнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, простиравшійся только на церковныхъ людей, долженъ былъ производиться по мѣстному праву и вызывалъ потребность въ письменномъ сводѣ мѣстныхъ законовъ, какимъ и явилась Русская Правда. Необходимость такого свода обусловливалась двумя причинами: 1) первые церковные судьи на Руси, греки или южные славяне, незнакомы были съ русскими юридическими обычаями; 2) этимъ судьямъ нуженъ былъ такой письменный сводъ туземныхъ законовъ, въ которомъ были бы устранены или по крайней мѣрѣ смягчены нѣкоторые туземные обычаи, особенно претившіе нравственному и юридическому чувству христіанскихъ судей, воспитанныхъ на византійскомъ церковномъ и гражданскомъ правѣ. Въ самомъ языкѣ Русской Правды можно найти нѣкоторыя указанія на то, что она вышла изъ среды, знакомой съ терминологіей византійскаго и южно-славянскаго права: такъ встрѣчаемъ чуждое русскому языку слово *братучадо* въ значеніи двоюроднаго брата, представляющее довольно механическій переводъ термина византійскихъ кодексовъ *ἀδελφόπαις*, также слово *вражда* въ смыслѣ пени за убійство или вообще судебнаго взысканія, довольно употребительное въ южно-славянскихъ юридическихъ памятникахъ, между

прочимъ въ Законникѣ Душана и въ законѣ Винодольскомъ. Наконецъ, и внѣшнимъ видомъ своимъ Русская Правда указываетъ на свою связь съ византійскимъ законодательствомъ. Это — небольшой синоптическій кодексъ въ родѣ Эклоги и Прохирона. Самая эта форма права, кодификація, была принесена къ намъ церковными законовѣдами, которые одни понимали ея смыслъ и надобность.

Форма кодификаціи.

Есть двѣ основныя формы права: *юридическій обычай* и *законъ*. Юридическій обычай — первоначальная, естественная форма права: на первыхъ ступеняхъ общежитія все право заключено въ юридическомъ обычаѣ. Онъ слагается постепенно путемъ продолжительнаго примѣненія къ одинаковымъ случаямъ или отношеніямъ извѣстнаго правила, выработаннаго юридическимъ сознаніемъ народа подъ вліяніемъ историческихъ условій его жизни. Согласіе съ юридическими и религіозными воззрѣніями народа и продолжительность дѣйствія сообщаютъ этому правилу физіологически-принудительную силу привычки, преданія. Законъ есть правило, установленное верховной государственной властью для удовлетворенія текущихъ нуждъ государства и подъ ихъ давленіемъ тотчасъ получаетъ обязательную силу, поддерживаемую всѣми средствами государственной власти. Законъ является позднѣе юридическаго обычая и первоначально только дополняетъ или поправляетъ его, а потомъ вытѣсняетъ и замѣняетъ новымъ правомъ. *Кодификація* является еще позднѣе и обыкновенно совмѣщаетъ въ себѣ обѣ предшествующія формы права. По общепринятому ея пониманію, она не даетъ новыхъ юридическихъ нормъ, а только приводитъ въ порядокъ правила, установленные юридическимъ обычаемъ и законодательствомъ, или примѣняетъ ихъ къ измѣняющимся нравамъ и юридическимъ воззрѣніямъ народа или потребностямъ государства. Но самое это упо-

рядоченіе и примѣненіе дѣйствующихъ нормъ нечувствительно измѣняетъ ихъ и подготовляетъ новое право. Въ Византіи по традиціи, шедшей отъ римской юриспруденціи, усердно обрабатывалась особая форма кодификаціи, которую можно назвать кодификаціей синоптической. Образецъ ея данъ былъ Институціями Юстиніана, а дальнѣйшими образчиками являются сосѣди Русской Правды по Кормчей книгѣ Эклога и Прохиронъ. Это — краткія систематическія изложенія права, скорѣе произведенія законовѣдѣнія, чѣмъ законодательства, не столько уложенія, сколько юридическіе учебники, приспособленные къ легчайшему познанію законовъ. Главы, или параграфы титуловъ, на которые раздѣлены эти кодексы, похожи на тезисы конспекта лекцій изъ курса гражданскаго права. Кромѣ руководствъ такого рода, исходившихъ отъ законодательной власти, составлялись по ихъ типу перерабатывавшіе или пополнявшіе ихъ частные своды, извѣстные подъ названіями „Эклоги приватной“, „Эпанагоги, сведенной съ Прохирономъ“, „Эклоги переработанной по Прохирону“, и т. п. Эти приватныя руководства были въ ходу у грековъ въ тѣ же XI и XII вв., когда и у насъ производилась по византійскимъ образцамъ подобная кодификаціонная работа. Нужды мѣстной церковной юрисдикціи привели къ этой работѣ, а византійская синоптическая кодификація дала ей готовую форму и пріемы. При такихъ пособіяхъ изложенными потребностями и вызвана была въ церковной средѣ попытка составить кодексъ, который воспроизводилъ бы дѣйствовавшіе на Руси юридическіе обычаи примѣнительно къ принесеннымъ Церковію или измѣненнымъ подъ ея вліяніемъ понятіямъ и отношеніямъ. Плодомъ этой попытки и была Русская Правда. Итакъ, повторяю, Русская Правда родилась въ сферѣ церковной юрисдикціи.

Изложенный разборъ Русской Правды даетъ намъ возможность отвѣтить на вопросъ, поставленный при самомъ началѣ ея изученія: былъ ли это документъ оффиціальный, дѣло княжеской законодательной власти, или частный юридическій сборникъ, не имѣвшій ни оффиціальнаго происхожденія, ни обязательнаго дѣйствія? Ни то, ни другое: Русская Правда не была произведеніемъ княжеской законодательной власти; но она не осталась и частнымъ юридическимъ сборникомъ, получила обязательное дѣйствіе, какъ законодательный сводъ, въ одной части русскаго общества; именно въ той, на которую простиралась церковная юрисдикція по нецерковнымъ дѣламъ, и въ такомъ обязательномъ значеніи признаваема была самой княжеской властью. Впрочемъ можно думать, что дѣйствіе Русской Правды съ теченіемъ времени перешло за предѣлы церковной юрисдикціи. До половины XI в. еще крѣпкій древній обычай давалъ княжескимъ судамъ возможность обходиться безъ письменнаго свода законовъ. Но различныя обстоятельства, успѣхи гражданственности, особенно появленіе христіанской Церкви съ чуждымъ для Руси церковнымъ и византійскимъ правомъ, съ новыми для нея юридическими понятіями и отношеніями — все это должно было поколебать древній туземный юридическій обычай и помутить юридическую память судьи. Теперь судебная практика на каждомъ шагу задавала судьѣ вопросы, на которые онъ не находилъ отвѣта въ древнемъ туземномъ обычаѣ или отвѣтъ на которые можно было извлечь изъ этого обычая лишь путемъ его напряженнаго толкованія. Это должно было вызвать и среди княжескихъ судей потребность въ письменномъ изложеніи дѣйствовавшаго судебнаго порядка, приноровленномъ къ измѣнившемуся положенію дѣлъ. Русская Правда устраняла часть этихъ судебныхъ затрудненій: она давала отвѣты на многіе

Судьба памятника.

изъ этихъ новыхъ вопросовъ, старалась примѣниться къ новымъ понятіямъ и отношеніямъ. Я думаю, что съ теченіемъ времени Русская Правда, имѣвшая обязательное дѣйствіе только въ сферѣ церковной юрисдикціи, стала служить руководствомъ и для княжескихъ судей, но едва ли обязательнымъ, скорѣе имѣвшимъ значеніе юридическаго пособія, какъ бы сказать, справочнаго толкованія дѣйствовавшаго права. Итакъ Русская правда есть памятникъ собственно древнерусской кодификаціи, а не древнерусскаго законодательства. Въ этомъ надобно искать объясненія той видимой странности, что памятники не только государственнаго, но и церковнаго права дальнѣйшаго времени, воспроизводя нормы Правды, нигдѣ, сколько помнится, на нее не ссылаются.

Время составленія. Когда происходила эта кодификаціонная работа? Отвѣтъ на этотъ вопросъ — необходимое дополненіе сказаннаго о происхожденіи Русской Правды. Въ древней новгородской лѣтописи читаемъ, что въ 1016 году Ярославъ, отпуская домой помогавшихъ ему въ борьбѣ со Святополкомъ новгородцевъ, будто бы далъ имъ „правду и уставъ списалъ“, сказавъ имъ: „по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите“. Вслѣдъ за этими словами приведена краткая редакція Русской Правды съ дополнительными постановленіями сыновей Ярослава. Это извѣстіе или преданіе возникло очевидно вслѣдствіе желанія объяснить, почему въ лѣтописи подъ 1016 годомъ помѣщался этотъ памятникъ. Мы уже знаемъ, что въ пространную редакцію Правды внесено постановленіе вел. кн. Владиміра Мономаха; слѣдовательно она продолжала составляться и въ первой половинѣ XII в. Въ краткой редакціи еще нѣтъ этого постановленія: можно думать, что она составилась раньше великокняженія Мономаха, не позднѣе самаго начала XII в. Но окончательный составъ, въ какомъ является Правда по пространной ре-

дакціи, она получила позднѣе половины XII в. Указаніе на это находимъ въ денежномъ счетѣ, какого держится Правда. Это довольно запутанный вопросъ въ исторіи памятника. Познакомлю васъ съ нимъ, не вводя въ излишнія подробности.

Денежный счетъ Правды.

Главнымъ видомъ возмездія не только за гражданскія, но и за уголовныя правонарушенія, какъ увидимъ, служатъ въ Русской Правдѣ денежныя взысканія. Они высчитываются на гривны кунъ и ихъ части. *Гривна* значитъ *фунтъ* до появленія въ нашемъ языкѣ этого нѣмецкаго слова, въ свою очередь происшедшаго отъ лат. pondus; гривна серебра — фунтъ серебра. *Куны* — деньги; наше нынѣшнее слово *деньги* татарскаго происхожденія, означаетъ звонкую монету и вошло въ нашъ языкъ не раньше XIII в. *Гривной кунъ*, т.-е. денежнымъ фунтомъ, назывался слитокъ серебра различной формы, обыкновенно продолговатый, служившій самымъ крупнымъ серебрянымъ мѣновымъ знакомъ на древнерусскомъ рынкѣ до XIV в. или нѣсколько раньше, когда его замѣнилъ *рубль*. Гривна кунъ подраздѣлялась на 20 *ногатъ*, на 25 *кунъ*, на 50 *рѣзанъ;* рѣзана подраздѣлялась на *векшы*, на сколько именно — это не установлено точно. Въ памятникахъ нѣтъ прямыхъ указаній, какіе именно мѣха назывались ногатами, кунами, рѣзанами; но мы знаемъ, что это были мѣховыя денежныя единицы, какъ и слово *куны* въ смыслѣ денегъ вообще означало собственно мѣха, ходившіе на рынкѣ какъ деньги. Въ извѣстныхъ уже вамъ древнихъ словахъ на св. Четыредесятницу проповѣдникъ осуждаетъ богатство, которое скрываютъ въ землю, между прочимъ „*куны* и порты (платье) на изъяденіе моли“: это выраженіе не идетъ къ металлическимъ деньгамъ. Но рано появились въ русскомъ оборотѣ и металлическія деньги. Я уже говорилъ, что въ предѣлахъ Европейской Россіи

находили и находятъ очень много кладовъ съ диргемами, арабскими монетами VIII—X вв. Диргемъ — это серебряная монета съ нашъ полтинникъ, только тоньше его. Клады большею частью некрупные, содержатъ монеты не болѣе фунта. Такіе клады, какъ найденный въ Муромѣ, вѣсомъ болѣе двухъ пудовъ (болѣе 11 тыс. монетъ), — большая рѣдкость. Замѣчательно, что въ этихъ кладахъ рядомъ съ цѣльными диргемами находили обыкновенно множество ихъ частей, половинокъ, четвертей и болѣе мелкихъ долей. Въ одномъ кладѣ съ монетами X в., найденномъ подъ Рязанью, оказалось при 15 цѣльныхъ диргемахъ до 900 кусочковъ, изъ которыхъ самые мелкіе равнялись $^1/_{40}$ диргема. Это подало поводъ къ очень вѣроятному предположенію, что у насъ рѣзали и крошили диргемы, чтобы получить мелкую размѣнную монету. Свою монету, русскіе „сребреники" вѣсомъ не болѣе диргема, у насъ начали чеканить только при Владимірѣ Св. и то повидимому въ небольшомъ количествѣ. Устанавливалось опредѣленное рыночное отношеніе диргемовъ и ихъ частей къ мѣховымъ цѣнностямъ, отъ которыхъ они получали и свои названія: часть диргема, за которую покупали мѣхъ рѣзану, называлась рѣзаной и т. п. Такъ разсчеты производились, какъ бы сказать, на двѣ валюты, мѣховую и металлическую. Памятники не разъ и сопоставляютъ тѣ и другія денежныя единицы: „а пять ногатъ за лисицу, а за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты", какъ читаемъ въ одномъ документѣ XII в. Въ Русской Правдѣ находимъ указаніе и на постоянное соотношеніе мѣховыхъ и металлическихъ цѣнностей. Она устанавливаетъ одну добавочную пошлину къ судебнымъ пенямъ въ 5 кунъ — „на мѣхъ 2 ногатѣ": это значитъ, что 5 металлическихъ кунъ могутъ быть замѣняемы двумя мѣховыми ногатами. Итакъ мѣхъ-ногата равнялся $2^1/_2$

металлическимъ кунамъ. Лыбопытно, что подобное соотношеніе тѣхъ и другихъ цѣнностей встрѣчаемъ и у волжскихъ болгаръ. Тогдашніе рынки отличались устойчивостью цѣнъ, а при оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ Руси съ болгарскимъ Поволжьемъ, скрѣплявшихся договорами, русскія рыночныя цѣны вывозныхъ товаровъ могли имѣть тѣсную связь съ болгарскими. Арабъ Ибнъ-Даста, писавшій въ первой половинѣ X в., говоритъ объ этихъ болгарахъ, что у нихъ звонкую монету замѣняютъ куньи мѣха, а каждый мѣхъ стоитъ $2^1/_2$ диргема. Если можно сближать данныя, раздѣленныя такимъ пространствомъ и временемъ, то металлической куной на Руси временъ Русской Правды служилъ диргемъ.

Его измѣненія по вѣкамъ.

Въ разное время сообразно измѣнявшейся цѣнности серебра на Руси гривна кунъ имѣла неодинаковый вѣсъ. Въ X в., какъ видно изъ договоровъ Олега и Игоря съ греками, она равнялась приблизительно $^1/_3$ фунта. До насъ дошло немало гривенъ вѣсомъ въ полфунта или около того: по соображенію данныхъ объ исторіи денежнаго обращенія на Руси такія гривны надобно отнести къ XI и началу XII вв., ко временамъ Ярослава, Мономаха и Мстислава I. Но во второй половинѣ XII в. извѣстныя намъ обстоятельства стѣснили внѣшнюю торговлю Руси; приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы сократился, серебро вздорожало и изъ памятниковъ конца XII и начала XIII в. видимъ, что вѣсъ гривны кунъ уменьшился вдвое, до $^1/_4$ фунта. Эта перемѣна измѣнила и денежный счетъ. Гривна кунъ, ставъ легковѣснѣе вслѣдствіе вздорожанія серебра, сохранила прежнюю покупную силу, такъ какъ въ связи и соразмѣрно съ тѣмъ товары подешевѣли. Но иноземная серебряная монета, служившая размѣнными частями гривны кунъ, приходила къ нимъ съ прежнимъ вѣсомъ, а мѣха,

какъ деньги, сохранили въ русскомъ оборотѣ прежнюю покупную силу и, значитъ, измѣнилось ихъ рыночное отношеніе и отношеніе всѣхъ товаровъ къ металлическимъ единицамъ: мѣхъ-ногата, прежде стоившій $2^1/_2$ цѣльныхъ диргема-куны, теперь сталъ стоить $2^1/_2$ полудиргема-рѣзаны и полудиргемъ, наша рѣзана, теперь покупалъ на рынкѣ то же, за чтò прежде платили цѣлый диргемъ, нашу куну. По привычкѣ обозначать иноземную монету туземными названіями равноцѣнныхъ ей мѣховъ рѣзану стали теперь называть куной и считать въ гривнѣ 50, а не 25 кунъ. Такъ можно объяснить, почему въ пеняхъ, выраженныхъ въ краткой редакціи Русской Правды рѣзанами, пространная редакція всюду замѣняетъ рѣзаны кунами, не измѣняя самой цифры пени: за украденную ладью въ первой редакціи пени 60 рѣзанъ, во второй 60 кунъ и т. п. Итакъ Русская Правда получила законченный составъ въ второй половинѣ XII или въ началѣ XIII в. Если начало ея составленія можно отнести ко времени Ярослава, то, значитъ, она вырабатывалась не менѣе полуто́ра столѣтія.

Источники. Выяснивъ происхожденіе Русской Правды, т.-е. потребность, вызвавшую ея составленіе, и опредѣливъ приблизительно время, когда она составлялась, мы получаемъ одно основаніе для отвѣта и на другой вопросъ, поставленный при началѣ ея изученія: насколько полно и вѣрно отразился въ ней дѣйствовавшій на Руси юридическій порядокъ? Но необходимо имѣть для того еще и другое основаніе: надобно видѣть, какими источниками и какъ пользовался кодификаторъ, точнѣе, рядъ кодификаторовъ, работавшихъ надъ кодексомъ.

Источники Русской Правды опредѣлились самымъ ея происхожденіемъ и назначеніемъ. Это былъ судебникъ, назначенный для суда надъ церковными людьми по нецер-

ковнымъ дѣламъ. Ему предстояло черпать нормы изъ источниковъ двоякаго рода, церковныхъ и нецерковныхъ. Начнемъ съ послѣднихъ.

Законъ русскій. По договорамъ Руси съ греками X в. за ударъ мечомъ или другимъ оружіемъ, нанесенный русскимъ греку или грекомъ русскому, положено денежное взысканіе „по закону русскому". Этотъ *законъ русскій,* т.-е. обычное право языческой Руси, и легъ въ основаніе Русской Правды, былъ основнымъ ея источникомъ. Опасаюсь, что опредѣливъ этотъ источникъ, какъ обычное право языческой Руси, я сказалъ неясно и даже неточно. Предметъ сложнѣе, чѣмъ можетъ показаться по такому опредѣленію. Одно ли и то же *законъ русскій* договоровъ и тотъ же законъ временъ Русской Правды, когда она пользовалась имъ, какъ источникомъ? Мирясь съ греками подъ стѣнами Константинополя, Олегъ, еще истый варягъ, съ мужами своими, въ большинствѣ, если не исключительно, тоже варягами, „по русскому закону" клялись въ соблюденіи мира славянскими богами, Перуномъ, „богомъ *своимъ*", и Волосомъ. Значитъ, законъ русскій—это юридическій обычай Руси, смѣшаннаго варяго-славянскаго класса, который господствовалъ надъ восточными славянами и велъ дѣла съ Византіей. Этотъ обычай былъ такого же смѣшаннаго происхожденія и состава, какъ и классъ, жизнь котораго онъ нормировалъ. Но трудно было бы различить въ немъ составные элементы, варяжскій и славянскій, и именно по Русской Правдѣ. Два вѣка совмѣстнаго жительства обоихъ племенъ — достаточно времени для слiянія разноплеменныхъ обычаевъ въ органически-нераздѣлимое цѣлое. Притомъ въ торговыхъ городахъ по Днѣпру и другимъ рѣкамъ равнины и пришельцы-варяги, и сами туземцы-славяне вступали въ такія условія и отношенія, которыя въ этихъ городахъ возникали впервые и

потому не могли найти себѣ готовыхъ нормъ ни въ варяжскомъ, ни въ славянскомъ юридическомъ обычаѣ. Въ IX в. варяги въ этихъ городахъ сдѣлались господствующимъ классомъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе виднымъ его элементомъ, въ началѣ X в. при Олегѣ клялись богами подвластныхъ имъ славянъ, какъ своими, посредствомъ византійской службы и торговли стали проводниками византійскихъ юридическихъ понятій и обычаевъ въ городское населеніе Кіевской Руси, внесли въ ея управленіе и право нѣсколько своихъ административныхъ и юридическихъ понятій вмѣстѣ съ терминами *ябетникъ, тіунъ, гридь, вира,* съ княженія Игоря явились первыми проводниками христіанства на Руси, при язычникѣ Владимірѣ дали ей первыхъ христіанскихъ мучениковъ изъ своей среды, а въ эпоху составленія Русской Правды ихъ недалекіе ославянившіеся потомки смотрѣли на единоплеменниковъ своихъ, на новопришлыхъ варяговъ, молившихся по-католически, какъ на некрещеныхъ чужаковъ, „варяговъ, крещенія не имѣющихъ“, по выраженію одной цзъ редакцій Русской Правды. Въ такомъ составѣ дошелъ русскій законъ до кодификаторовъ Русской Правды. Въ русскомъ законѣ отразился бытъ, сложившійся въ русскихъ торговыхъ городахъ IX — XI вв. Онъ имѣлъ отдаленные корни въ народныхъ языческихъ обычаяхъ варяжскихъ и славянскихъ; но эти корни подъ разносторонними вліяніями получили такое развитіе, такъ обросли новыми бытовыми образованіями въ два вѣка совмѣстнаго жительства и племеннаго сліянія разсѣянныхъ по русскимъ городамъ варяговъ съ туземцами славянами, что представляли уже особую бытовую формацію, отличную отъ древняго народнаго обычая, еще державшагося въ сельскомъ славяно-русскомъ населеніи и, можетъ быть, кой-гдѣ въ Скандинавіи. Русская Правда, воспроизводя дѣйствующее

право Руси своего времени, имѣла въ виду этотъ новый бытовой складъ высшихъ городскихъ классовъ, отмѣчая черты народнаго обычая только по связи его съ этимъ складомъ въ видѣ сословныхъ особенностей или насколько послѣднiй посредствомъ землевладѣнiя и торговаго общенiя соприкасался съ народной сельской средой. Приведу одинъ примѣръ въ поясненiе своей мысли. Въ статьяхъ, относящихся къ семейному праву, Русская Правда разумѣетъ христiанскую семью, создаваемую церковныхъ бракомъ. Одна статья опредѣляетъ положенiе и внѣбрачной семьи, „робьихъ дѣтей“ съ ихъ матерью по смерти ихъ отца: они получаютъ свободу. Изъ другого памятника узнаемъ, что имъ при этомъ выдѣлялась изъ имущества умершаго отца „прелюбодѣйная часть“. Но изъ правилъ митрополита Iоанна II видимъ, что сто лѣтъ спустя послѣ крещенiя Руси „простые люди“, не князья и не бояре, обыкновенно заводили семьи по старому языческому обычаю, безъ церковнаго вѣнчанiя, и Церковь признавала такiя семьи внѣбрачными, незаконными. Невѣроятно, чтобы и въ этихъ семьяхъ къ порядку наслѣдованiя примѣнялась норма „прелюбодѣйной части“: тогда въ огромной массѣ русскаго простонародья не оказалось бы ни законныхъ семей, ни законныхъ прямыхъ наслѣдниковъ. Между тѣмъ изъ Ярославова церковнаго устава видимъ, что „невѣнчальная жена“, незаконная съ церковной точки зрѣнiя, признавалась законной съ точки зрѣнiя юридической, если при ней не было у мужа жены „вѣнчальной“: самовольный разводъ такихъ невѣнчальныхъ супруговъ подлежалъ взысканiю, какъ и самовольный разводъ законныхъ; только взысканiе это было вдвое легче. Русская Правда игнорируетъ эти, какъ бы сказать, внѣбрачные браки, державшiеся на древнемъ юридическомъ обычаѣ и даже терпимые новымъ

правомъ христіанской Руси. Итакъ въ *законѣ русскомъ*, насколько онъ служилъ источникомъ для Русской Правды, надобно видѣть не первобытный юридическій обычай восточныхъ славянъ, а право городовой Руси, сложившееся изъ довольно разнообразныхъ элементовъ въ IX — XI вв.

Княжеское законодательство.

Рядомъ съ закономъ русскимъ кодификаторъ черпалъ и изъ другихъ источниковъ, открывшихся или расширившихся съ принятіемъ христіанства, которые давали ему нормы, измѣнявшія или развивавшія этотъ законъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ надобно признавать законодательныя постановленія русскихъ князей: такъ во второй статьѣ пространной Правды изложенъ законъ Ярославовыхъ сыновей, замѣнявшій родовую месть за убійство денежной пеней съ обстоятельнымъ изложеніемъ въ дальнѣйшихъ статьяхъ таксы денежныхъ взысканій и другихъ процессуальныхъ подробностей, относящихся къ дѣламъ объ убійствѣ. Самая идея законодательной обязанности, свыше возложенной на государя, мысль о возможности и даже необходимости регулировать общественную жизнь волею власти была принесена къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, внушалась съ церковной стороны. Вторымъ источникомъ были судебные приговоры князей по частнымъ случаямъ, превращавшіеся въ прецеденты: это наиболѣе обычный способъ древнѣйшаго законодательства. Таковъ приговоръ Изяслава Ярославича, присудившаго къ двойной вирѣ жителей Дорогобужа за убійство княжескаго „конюха стараго", т.-е. конюшаго старосты или приказчика: приговоръ этотъ занесенъ въ Правду, какъ общій законъ, причислившій княжескаго старосту конюшаго по размѣру пени за его убійство къ составу старшей дружины князя. Къ обоимъ этимъ источникамъ надобно прибавить еще третій — законодательные проекты духовенства, принятые князьями. Слѣды этой законодатель-

ной работы духовенства мы замѣчаемъ уже въ лѣтописномъ разсказѣ о князѣ Владимірѣ. Когда усилились разбои въ Русской землѣ, епископы предложили этому князю денежную пеню за разбой болѣе тяжкой правительственной карой: въ Русской Правдѣ находимъ постановленіе, въ силу котораго разбойникъ наказуется не денежной пеней, а „потокомъ и разграбленіемъ", конфискаціей всего имущества преступника и продажей его самого въ рабство за границу со всѣмъ семействомъ. Этотъ источникъ служилъ однимъ изъ путей, даже главнымъ путемъ, которымъ проникало въ русское общество вліяніе церковно-византійскаго, а через него и римскаго права. Это вліяніе важно не только новыми юридическими нормами, какія оно вносило въ русское право, но и общими юридическими понятіями и опредѣленіями, которыя составляютъ основу юридическаго сознанія. Правовому вѣдѣнію духовенства открыта была преимущественно область семейныхъ отношеній, которыя приходилось перестраивать заново. Здѣсь ему даны были значительныя полномочія, не только судебныя, но и законодательныя, въ силу которыхъ оно довольно независимо нормировало семейную жизнь, примѣняя къ мѣстнымъ условіямъ свои каноническія установленія. Поэтому съ большою вѣроятностію можно предполагать, что отдѣлъ статей въ Русской Правдѣ о порядкѣ наслѣдованія, опекѣ, о положеніи вдовъ и ихъ отношеніи къ дѣтямъ составленъ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ этого источника. Такъ въ составѣ имущества вдовы точно различены вдовья часть, выдѣляемая ей изъ наслѣдства дѣтей на прожитокъ до смерти или вторичнаго замужества, и то, что̀ ей далъ мужъ въ полную собственность и что̀ даже выражено въ формулѣ, напоминающей римскій терминъ полной собственности (dominium): „а что на ню мужъ взложитъ, тому же есть *госпожа*".

Вліяніе духовенства.

Пособія. Пособія, какими пользовались церковная юрисдикція и церковная кодификація при разрѣшеніи и формулированіи встрѣчавшихся имъ случаевъ, также можно причислить къ источникамъ Русской Правды, насколько такіе случаи нашли себѣ въ ней мѣсто. Такими пособіями прежде всего служили тѣ дополнительныя статьи Кормчей, среди которыхъ помѣщалась и Русская Правда. Самое присутствіе ихъ въ составѣ такого памятника, какъ Кормчая, служило достаточнымъ доказательствомъ ихъ авторитета, какъ источниковъ права. Но древнерусскіе церковные законовѣды не пренебрегали источниками менѣе авторитетными, если находили въ нихъ подходящій матеріалъ; только трудно уловить ихъ. Кажется сохранился слѣдъ одного изъ нихъ. Въ Русской Правдѣ есть рядъ статей о побояхъ и поврежденіи руки, ноги и другихъ членовъ тѣла. Въ такъ-называемой „Эклогѣ, переработанный по Прохирону“, приватномъ руководствѣ права, относимомъ извѣстнымъ канонистомъ Цахаріэ ко времени позднѣе начала X в., встрѣчается рядъ статей подобнаго же содержанія. Взысканія, назначаемыя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей, вызываютъ невольное предположеніе, не имѣлъ ли этихъ статей передъ глазами составитель Русской Правды, когда формулировалъ пени за побои и членовредительство. Такъ за порчу глаза и носа эта Эклога назначаетъ въ пользу потерпѣвшаго пеню въ 30 сиклъ (восточная монета); въ Правдѣ за то же положено пени и вознагражденія потерпѣвшему 30 гривенъ; за выбитіе зуба въ Эклогѣ 12 золотыхъ (номисма), въ Правдѣ 12 гривенъ кунъ. Эта частная греческая компиляція была мало извѣстна древнерусскимъ правовѣдамъ и, если не ошибаюсь, не оставила замѣтнаго слѣда въ старинной юридической письменности. Если это сходство — не случайное совпаденіе, то у составителей Русской Правды можно подозрѣвать довольно разнообразные и даже неожиданные источники.

Лекція XIV.

Предстоящіе вопросы о составленіи Русской правды. — Слѣды частичной кодификаціи въ древнерусской юридической письменности. — Сведеніе и переработка частично составленныхъ статей.— Составленіе и составъ Русской Правды; взаимное отношеніе основныхъ ея редакцій. — Отношеніе Правды къ дѣйствовавшему праву. —Гражданскій порядокъ по Русской Правдѣ. — Предварительная замѣтка о значеніи памятниковъ права для историческаго изученія гражданскаго общества. — Раздѣльная черта между уголовнымъ и гражданскимъ правомъ по Русской Правдѣ. — Система наказаній. — Древняя основа Правды и позднѣйшія наслоенія. — Сравнительная оцѣнка имущества и личности человѣка. — Двоякое дѣленіе общества.— Имущественныя сдѣлки и обязательства. — Русская Правда—кодексъ капитала.

Мы разсмотрѣли замѣтные источники Русской Правды. Но мы не можемъ подступить къ бытовому содержанію этого памятника, не рѣшивъ еще одного и очень труднаго вопроса, — какъ онъ составлялся. Это вопросъ о томъ, какъ составители Правды пользовались своими источниками и какъ, какимъ кодификаціоннымъ процессомъ и изъ какихъ частей составилась Правда. Обработка матеріала въ памятникѣ.

Въ Правдѣ замѣтенъ двоякій способъ пользованія источниками, формальный и матеріальный: или брали изъ источника только юридическій казусъ, который нормировали по другимъ источникамъ, или заимствовали самую юридическую норму. Первый способъ преобладалъ въ отношеніи къ иноземнымъ, византійскимъ источникамъ, второй въ отношеніи къ своимъ, туземнымъ. Разбирая въ прошлый часъ Формальный способъ.

18*

сохранившіеся въ Правдѣ признаки ея происхожденія, я уже привелъ нѣсколько образчиковъ такого казуальнаго отношенія къ переводнымъ дополнительнымъ статьямъ Кормчей. Этотъ способъ, конечно, имѣлъ свое и важное дидактическое значеніе въ развитіи русскаго правовѣдѣнія: онъ пріучалъ правовѣдовъ различать и опредѣлять людскія отношенія, вникать въ смыслъ и духъ правовѣдѣнія въ отношеніе права къ жизни, — словомъ, вырабатывалъ и изощрялъ юридическое мышленіе. Отсюда же Русская Правда усвоила и одну внутреннюю особенность византійской синоптической кодификаціи. Эта кодификація стояла подъ двойнымъ вліяніемъ — римской юриспруденціи и христіанской проповѣди. Первая внесла въ нее пріемъ юридическаго трактата, вторая — пріемъ религіозно-нравственнаго назиданія. Оба пріема сливаются у византійскаго кодификатора въ наклонность оправдывать, мотивировать законъ. Нашъ памятникъ по мѣрѣ силъ подражалъ этой наклонности. Мотивы очень разнообразны: ими служатъ какъ психологическія и нравственныя побужденія, такъ и практическія цѣли, житейскіе разсчеты. Одна статья Русской Правды гласитъ, что холопы за кражу не подлежатъ пенѣ въ пользу князя, „зане суть несвободни". По другой статьѣ заимодавецъ, давшій взаймы болѣе 3 гривенъ безъ свидѣтелей, терялъ право иска. Судья обязанъ былъ объяснить истцу отказъ въ искѣ резолюціей, смыслъ которой, придерживаясь ея драматической формы, можно передать такъ: „ну, братъ, извини, самъ виноватъ, что такъ раздобрился, повѣрилъ въ долгъ столько денегъ безъ свидѣтелей".

Матеріальный.

Какъ не важенъ самъ по себѣ формальный способъ пользованія источниками со стороны Русской Правды, для исторіи положительнаго права важнѣе другой способъ, матеріальный: зато онъ менѣе уловимъ. Легко подыскать въ ис-

точникѣ статью, нормирующую одинаковый съ извѣстной статьей Правды юридическій казусъ; гораздо труднѣе угадать, какъ создалась въ послѣдней самая норма, непохожая на соотвѣтствующую статью источника. Остановимся прежде всего на одномъ внѣшнемъ библіографическомъ наблюденіи. Въ древнерусской юридической, преимущественно церковно-юридической письменности встрѣчаемъ одинокія статьи русскаго происхожденія, какъ будто случайно попавшія въ то мѣсто, гдѣ мы ихъ находимъ, не имѣющія органической связи съ памятникомъ, къ которому онѣ прицѣплены. Въ нашей старинной письменности обращалась компиляція, носящая названіе *Книгъ Законныхъ*, изслѣдованная и изданная покойнымъ профессоромъ каноническаго права А. С. Павловымъ. Это—сборникъ, составленный изъ нѣсколькихъ памятниковъ византійскаго права въ славянскомъ переводѣ; между ними помѣщался и *Законъ о казнѣхъ*, переводъ уголовнаго титула изъ извѣстнаго намъ Прохирона. Греко-римское право не допускало брака госпожи со своимъ рабомъ. По статьѣ упомянутаго титула бездѣтная вдова, сблизившаяся со своимъ рабомъ, подвергалась остриженію и тѣлесному наказанію, а если имѣла законныхъ дѣтей, лишалась еще въ пользу ихъ своего имущества, кромѣ доли, необходимой на прожитокъ. Русскій переводчикъ или кто другой прибавилъ къ этой византійской статьѣ свою собственную, совершенно несогласную съ византійскимъ правомъ: по ней бракъ вдовы со своимъ рабомъ не только является возможнымъ, но и сопровождается для нея лишь обычными юридическими послѣдствіями вторичнаго замужества. Эта статья не попала въ отдѣлъ Русской Правды о семейномъ правѣ. Не попала въ Правду и русская статья, находящаяся среди статей Эклоги въ одномъ древнемъ спискѣ Мѣрила Праведнаго и носящая заглавіе „о уставленьи татьбы“. Здѣсь устанавли-

Оригинальныя древнерусскія нормы.

вается подсудность дѣлъ о кражѣ, когда поличное и самъ воръ окажутся въ другомъ округѣ (волости), не въ томъ, гдѣ совершена кража. Другія такія же бродячія статьи попадали только въ нѣкоторые списки Правды болѣе поздняго времени, не попавъ въ древнѣйшіе. Такъ въ одномъ спискѣ Правды XV в. помѣщена статья о человѣкѣ, обманомъ, подъ предлогомъ какого-либо предпріятія или порученія выманившемъ у кого-либо деньги („полгавъ куны у людей“) и убѣжавшемъ въ чужую землю: это преступленіе приравнивается по презумпціи къ татьбѣ, а не къ торговой несостоятельности, несчастной или какой-либо иной, наказуемой несходно съ татьбой. Статья помѣщена не на мѣстѣ, не среди статей о татьбѣ, а въ концѣ, какъ прибавленіе, рядомъ съ другой такъ же не попавшей на свое мѣсто позднѣйшей статьей о вознагражденіи человѣка, несправедливо по чьему-либо иску подвергшагося аресту или наказанію кнутомъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды находимъ другія вставныя или приписныя статьи, не нашедшія себѣ мѣста въ другихъ спискахъ. Одна изъ нихъ, о безчестьи, особенно неудачно помѣщалась въ Правдѣ: это, какъ увидимъ при разборѣ Ярославова церковнаго устава, схолія—или, точнѣе, примѣчаніе—къ одной изъ его статей, безъ которой она совершенно непонятна; она не имѣетъ связи ни съ какой статьей Правды, однако приписывалась обыкновенно къ послѣдней и, сколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ спискѣ не поставлена на своемъ мѣстѣ въ Ярославовомъ уставѣ. Встрѣчаемъ, наконецъ, статьи, даже цѣлыя группы статей, обращавшихся въ письменности отдѣльно и вмѣстѣ съ тѣмъ вошедшихъ во всѣ списки пространной Правды съ нѣкоторыми текстуальными измѣненіями или въ редакціонной переработкѣ, но съ сохраненіемъ сущности содержанія. Въ отдѣлѣ Правды о холопствѣ есть статья, ограничивающая источники неволи: чело-

вѣкъ, отданный или поступившій въ срочную работу за долгъ, за прокормъ или за ссуду подъ работу, не считается холопомъ, можетъ уйти отъ хозяина до срока, только обязанъ вознаградить его, т.-е. уплатить долгъ или ссуду либо заплатить за прокормъ. Одинъ изъ этихъ случаевъ, исключающихъ порабощеніе, сходно формулированъ въ одномъ изъ русскихъ прибавленій къ болгарской компиляціи, *Закону Судному:* кто отдается въ работу въ голодное время, не становится холопомъ одерноватымъ, т.-е. полнымъ, „дернь ему не надобѣ"; онъ можетъ уйти, только заплативъ 3 гривны, разумѣется, если не заработалъ прокорма, а исполненная работа въ счетъ не идетъ, „служилъ даромъ".

Я привелъ далеко не всѣ извѣстныя статьи такого рода. Дальнѣйшее изученіе древнерусской письменности, вѣроятно, увеличитъ ихъ количество, и теперь уже довольно значительное. Онѣ вскрываютъ процессъ, бросающій свѣтъ на составленіе Русской Правды. Видимъ, что систематической кодификаціи, изъ которой выходили памятники, подобные Русской Правдѣ, предшествовала частичная выработка отдѣльныхъ нормъ, которыя потомъ подбирались въ болѣе или менѣе полные своды или по которымъ перерабатывались своды, раньше составленные. Гдѣ, въ какой общественной средѣ происходила эта важная для исторіи нашего древняго права работа? Вы, вѣроятно, догадываетесь, какую среду я назову: эта была сфера церковной юрисдикціи, т.-е. та часть духовенства, пришлаго и туземнаго, которая, сосредоточиваясь около епископскихъ каѳедръ, подъ руководствомъ епископовъ служила ближайшимъ орудіемъ церковнаго управленія и суда. Никакой другой классъ русскаго общества не обладалъ тогда необходимыми для такой работы средствами ни общеобразовательными, ни спеціально-юридическими. Отъ XI и XII вв. до насъ дошло нѣсколько памят-

Сфера, гдѣ онѣ вырабатывались.

никовъ, ярко освѣщающихъ ходъ этой работы. Переходъ отъ язычества къ христіанству сопряженъ былъ съ большими затрудненіями для неопытныхъ христіанъ и ихъ руководителей. Подчиненные церковные правители, судьи, духовники, обращались къ епископамъ съ вопросами по дѣламъ своей компетенціи, возбуждавшимъ недоумѣнія, и получали отъ владыкъ руководительные отвѣты. Вопросы относились большею частью къ церковной практикѣ и христіанской дисциплинѣ, но касались нерѣдко и чисто юридическихъ предметовъ, роста и лихоимства, церковныхъ наказаній за убійство и другія уголовныя преступленія, брака, развода и внѣбрачнаго сожительства, крестоцѣлованія, какъ судебнаго доказательства, холопства и отношенія къ нему церковнаго суда. Рядомъ съ вопросомъ, въ какой одеждѣ пристойно ходить христіанину, и отвѣтомъ — въ чемъ хотятъ, бѣды нѣтъ, хотя бы и въ медвѣжинѣ,—спрашивали, какъ наказывать рабовъ, совершившихъ душегубство, и получали отвѣтъ: половиннымъ наказаніемъ и даже легче того, потому что несвободны. Пастырскія правила примѣнялись къ судебной практикѣ, становились юридическими нормами и находили себѣ письменное изложеніе въ видѣ отдѣльныхъ статей, которыя записывались, гдѣ приходилось. Эти разсѣянныя статьи потомъ подбирались въ группы и въ цѣлые своды, иногда съ новой переработкой, въ болѣе или менѣе измѣненной редакціи.

Ихъ подборъ въ разныхъ спискахъ Правды.

Есть признаки, позволяющіе предполагать участіе такой частичной выработки и разновременнаго подбора статей въ составленіи Русской Правды. Этимъ можно объяснить несходство списковъ Правды въ количествѣ, порядкѣ и изложеніи статей. Мы различаемъ двѣ основныя редакціи памятника, краткую и распространенную. Краткая состоитъ изъ двухъ частей: одна содержитъ въ себѣ небольшое ко-

личество статей (17) объ убійствѣ, побояхъ, о нарушеніи права собственности и способахъ его возстановленія, о вознагражденіи за порчу чужихъ вещей; вторая излагаетъ рядъ постановленій, принятыхъ на съѣздѣ старшихъ Ярославичей, о пеняхъ и вознагражденіяхъ за тѣ же преступленія противъ жизни и имущества, а также о судебныхъ пошлинахъ и расходахъ. Въ пространной редакціи статьи краткой развиты и изложены стройнѣе и обстоятельнѣе, причемъ постановленія княжескаго съѣзда включены въ общій распорядокъ свода. Можно было бы принять краткую редакцію за выборку изъ пространной, если бы этому не мѣшали два препятствія. По одной статьѣ краткой редакціи за холопа, нанесшаго ударъ свободному человѣку, господинъ его платитъ пеню, если не хочетъ выдать его, а затѣмъ гдѣ потерпѣвшій встрѣтитъ того холопа, „да бьютъ (убьютъ) его“. Воспроизводя эту статью, пространная редакція прибавляетъ, что при встрѣчѣ съ тѣмъ холопомъ Ярославъ уставилъ было убить его, но сыновья Ярослава предоставили оскорбленному либо побить холопа, либо взыскать деньги съ его господина „за соромъ“. Значитъ, краткая статья редакціи считалась выраженіемъ устава самого Ярослава. Съ другой стороны, какъ мы видѣли, вторая часть краткой редакціи въ пеняхъ за правонарушенія держится болѣе древняго денежнаго счета, чѣмъ пространная. Итакъ краткую редакцію можно признать первымъ опытомъ кодификаціоннаго воспроизведенія юридическаго порядка, установившагося при Ярославѣ и его сыновьяхъ. Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что это настоящая Ярославова Правда. Пространная редакція является другимъ, болѣе обработаннымъ опытомъ воспроизведенія того же порядка съ прибавленіемъ нормъ, установленныхъ законодательствомъ Мономаха и дальнѣйшей практикой. Но трудно раздѣлить отчетливо въ составѣ этой ре-

дакціи всѣ ея разновременныя составныя части. Въ древнихъ спискахъ это дѣлалось довольно механически. Почти въ серединѣ памятника, послѣ статьи „о мѣсячномъ рѣзѣ“ (ростѣ) слѣдовало въ повѣствовательномъ изложеніи постановленіе объ ограниченіи роста, состоявшееся на совѣщаніи великаго князя Владиміра Мономаха съ тысяцкими и другими боярами. Здѣсь и производили раздѣльную черту между двумя частями, на которыя дѣлили правду: статьямъ до этого постановленія давали заглавіе *Судъ* или *Уставъ Ярославль Володимеричъ*, а надъ дальнѣйшими статьями ставили заглавіе: *Уставъ Володимеръ Всеволодича*. Но эти заглавія относятся только къ первымъ статьямъ обѣихъ частей. Заглавіе надъ первой статьей объ убійствѣ значитъ: вотъ какъ судилось убійство Ярославомъ или при Ярославѣ — мстили за убитаго его кровные родные: братъ, отецъ, сынъ и т. д., а при отсутствіи такихъ законныхъ мстителей платилась денежная пеня, вира. Но, гласитъ вторая статья, сыновья Ярослава отмѣнили месть и узаконили виру. На самомъ дѣлѣ Правда состоитъ не изъ двухъ разновременныхъ частей, а гораздо сложнѣе: это можно замѣтить, сопоставивъ другъ съ другомъ нѣкоторыя статьи изъ разныхъ ея частей. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ сохранились даже косвенныя указанія на время, когда онѣ были редактированы. Такъ одна статья назначаетъ 12 гривенъ пени за ударъ необнаженнымъ мечомъ, а другая только 3 гривны за ударъ мечомъ обнаженнымъ, даже причинившій рану, лишь бы несмертельную. Одна статья караетъ 12 гривнами кунъ за ударъ батогомъ, а другая только 3 гривнами за ударъ жердью, не менѣе обидный для чести. Въ краткой Правдѣ и назначена одинаковая пеня за обиды. Видимое разногласіе статей объясняется составомъ Правды. Въ древнихъ спискахъ Кормчей и Мѣрила Праведнаго помѣщался частичный сводъ статей „о послухахъ“, извлеченный изъ

византійскихъ источниковъ; но нѣкоторыя статьи, очевидно, русскаго происхожденія. Отсюда и взяты упомянутыя статьи Правды съ 3-гривенными пенями; только самыя пени здѣсь опредѣлены иначе. За ударъ жердью статья свода о послухахъ не полагаетъ опредѣленной пени, предоставляя это усмотрѣнію судей, „во что обложатъ". Это признакъ болѣе древней редакціи. Но за ударъ обнаженнымъ мечомъ положено не 3, а 9 гривенъ. Такъ по однимъ спискамъ свода; по другимъ — 3 гривны. Здѣсь нѣтъ разногласія. Статья Правды съ 12-гривенной пеней за ударъ необнаженнымъ мечомъ редактирована во второй половинѣ XII в., когда ходила гривна кунъ въ 1/4 фунта. Это даетъ поводъ предполагать, что при полуфунтовой гривнѣ кунъ за такое оскорбленіе взыскивалась пеня въ 6 гривенъ кунъ; такая именно такса и сохранилась въ новгородскомъ договорѣ съ нѣмцами 1195 года: за ударъ „оружіемъ" 6 гривенъ „старыхъ", т.-е. полуфунтовыхъ. Но мы увидимъ въ свое время, что въ промежуткѣ между гривнами кунъ въ 1/2 и въ 1/4 фунта, именно около половины XII в. ходили гривны кунъ вѣсомъ около 1/3 ф. Русскія статьи въ сводѣ о послухахъ редактировались около половины XII в., при третной гривнѣ кунъ: 6-гривенная пеня и была въ немъ переверстана въ 9-гривенную, а въ другой его редакціи переложена въ фунты, въ 3 гривны серебра, и въ такомъ видѣ эти статьи попали въ Правду вслѣдъ за статьями, уже формулировавшими подобныя же правонарушенія, только съ пенями, высчитанными по другой денежной единицѣ (12 гривенъ кунъ четвертныхъ). А такъ какъ постановленія Мономаха о ростѣ разсчитаны, несомнѣнно, по полуфунтовой гривнѣ кунъ, то можно сказать, что въ таксѣ денежныхъ взысканій Русской Правды отразились всѣ денежные курсы, испытанные русскимъ рынкомъ въ XII в. Разновременный составъ Правды

открывается изъ разбора и другихъ ея мѣстъ. Такъ, по одной статьѣ за кражу, совершенную холопомъ, нѣтъ пени въ пользу князя, потому что воръ — несвободный человѣкъ, а господинъ его платитъ потерпѣвшему двойную стоимость украденнаго. По статьѣ въ другомъ мѣстѣ Правды за кражу коня холопомъ взыскивается, разумѣется, съ его господина, такая же плата, какъ и со свободнаго за то же преступленіе. По третьей статьѣ въ концѣ Правды господину холопа-вора предоставляется или „выкупать“ его, платить за него, или выдать его потерпѣвшему, о чемъ умалчиваютъ другія статьи. Можно подумать, что каждая слѣдующая статья отмѣняетъ предыдущую. Но это едва ли такъ: ближе подходитъ къ характеру памятника предположеніе, что эти статьи принадлежатъ къ разновременнымъ его частямъ и формулируютъ сходные, но не тожественные случаи, различіе которыхъ не выражено ясно редакціей статей. Надобно помнить, что въ Русской Правдѣ мы имѣемъ дѣло не съ законодательствомъ, замѣняющимъ однѣ нормы другими, а со сводной кодификаціей, старавшейся собрать въ одно цѣлое всякія нормы, какія она находила въ своихъ источникахъ.

Собирательный характеръ списковъ.

Въ разныхъ спискахъ Правды слишкомъ явственно сказывается это стремленіе. Среди статей по семейному праву вставлены таксы вознагражденія городнику, вѣдавшему городскія укрѣпленія, и мостнику за постройку и починку мостовъ, а въ концѣ Правды по нѣкоторымъ спискамъ приписанъ уставъ о распредѣленіи мостовой повинности между частями Новгорода и, какъ мы видѣли, нѣсколько статей, относящихся къ разнымъ отдѣламъ Правды. Одна статья Правды опредѣляетъ годовой ростъ съ занятаго капитала въ 50%. По этой схемѣ какой-то сельскій хозяинъ, кажется, Ростовской области, положивъ въ основу инвентарь своего села, составилъ математическій, т.-е. фантастическій разсчетъ,

сколько въ 12 или 9 лѣтъ получится приплода отъ его скота и пчелъ, прибыли отъ высѣваемаго хлѣба и пяти стоговъ сѣна, а также сколько причтется платы за 12-лѣтнюю сельскую работу женщинѣ съ дочерью. Этотъ разсчетъ, обильный любопытными чертами русскаго сельскаго хозяйства въ XIII, а судя по денежному счету, даже въ XII в., является въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды неожиданнымъ прибавленіемъ къ помянутой статьѣ о ростѣ. Такія вставки мѣшаютъ точно различить составныя части памятника и уловить порядокъ въ расположеніи его статей. Выдаются только нѣкоторыя группы статей съ признаками, что это были отдѣльные частичные своды одной редакціи. Таковы, напримѣръ, отдѣлы Правды о порчѣ или похищеніи разныхъ хозяйственныхъ статей и принадлежностей, о семейномъ правѣ, о холопствѣ. Въ распорядкѣ предметовъ можно замѣтить тенденцію идти отъ наиболѣе тяжкихъ преступленій къ болѣе легкимъ; а отъ нихъ переходить къ постановленіямъ, которыя можно было бы отнести къ области гражданскаго права.

Итакъ, Русская Правда есть сводъ разновременныхъ частичныхъ сводовъ и отдѣльныхъ статей, сохранившійся притомъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, тоже разновременныхъ. Что можно въ ней назвать Правдой Ярослава,— это небольшое количество древнѣйшихъ статей свода, воспроизводящихъ юридическій порядокъ временъ этого князя.

Теперь мы, кажется, достаточно подготовились, чтобы подойти къ главной цѣли историко-критическаго разбора Русской Правды, къ рѣшенію вопроса, насколько полно и вѣрно воспроизводитъ она право, дѣйствовавшее въ ея время. Это собственно вопросъ о томъ, какъ воспользовалась Правда матеріальнымъ содержаніемъ своихъ источни-

ковъ, особенно главнаго изъ нихъ, того русскаго закона, о которомъ мы говорили въ прошлый разъ.

Сфера Правды.

По самому своему происхожденію и назначенію Русская Правда, какъ мы говорили, не могла захватывать всей области современнаго ей русскаго языка. Она держалась въ предѣлахъ церковной юрисдикціи по нецерковнымъ дѣламъ, простиравшейся на духовенство и церковныхъ мірянъ. Потому, съ одной стороны, Правда не касается политическихъ дѣлъ, не входившихъ въ церковную компетенцію, а съ другой — дѣлъ духовно-нравственнаго характера, которыя судились по особымъ церковнымъ законамъ. Въ остальныхъ дѣлахъ ей предстояло воспроизводить практику княжескаго суда съ тѣми отступленіями, какія допускалъ церковный судъ въ силу данныхъ ему на то полномочій. Отношеніе Русской Правды къ современному ей русскому праву, именно къ тогдашней практикѣ княжескаго суда, — это предметъ, заслуживающій цѣлаго спеціальнаго изслѣдованія. Я ограничусь немногими указаніями, какія представляются мнѣ наиболѣе характерными.

Правда и княжескій судъ.

Русская Правда, какъ мы уже знаемъ, не признаетъ поля, судебнаго поединка, если не видѣть намека на этотъ видъ суда Божія въ одной неясной статьѣ древнѣйшей краткой ея редакціи. Эта статья гласитъ, что если побитый явится въ судъ со знаками побоевъ, ранами или синяками, жалоба его принимается и безъ свидѣтеля; если же знаковъ битья не окажется, необходимъ свидѣтель; иначе дѣло кончается ничѣмъ, „ту тому конецъ“. Если же, добавляетъ статья, побитый не въ состояніи мстить за себя, взыскать съ обидчика 3 гривны „за обиду“ да „лѣчцу мзда“, вознагражденіе лѣкарю за лѣченіе. Эти послѣднія слова даютъ понять, что статья разумѣетъ случай, когда побитый являлся въ судъ съ признаками, очевидно указывавшими на необхо-

димость лѣченія, т.-е. когда жалоба его удовлетворялась судомъ,—и удовлетвореніе состояло въ судебномъ разрѣшеніи обиженному мстить за себя обидчику. Но что такое месть, т.-е. личная расправа по приговору суда? Если она соединялась съ лишеніемъ обвиненнаго возможности защищаться, это было тѣлесное наказаніе, исполнителемъ котораго являлся самъ обиженный; если же у обидчика оставалась возможность дать отпоръ мстителю, выходила драка сторонъ по приговору суда, т.-е. нѣчто въ родѣ судебнаго поединка. Во всякомъ случаѣ, пространная редакція Правды, воспроизводя этотъ юридическій случай, устраняетъ всякій намекъ на личную расправу по приговору суда. Доказавшій свою обиду знаками или свидѣтелемъ получалъ по суду денежное вознагражденіе; если же на судѣ оказывалось, что онъ былъ зачинщикомъ драки, ему не присуждалось вознагражденія, хотя бы онъ былъ израненъ: отвѣтчику не вмѣнялось нанесеніе ранъ, какъ дѣло необходимой обороны. Та же тенденція пространной редакціи устранить частную расправу сказалась и въ другомъ случаѣ. Краткая редакція допускаетъ месть дѣтей за изувѣченнаго отца: „чада смирятъ“. Пространная редакція замѣняетъ месть дѣтей пеней въ половину штрафа за убійство и вознагражденіемъ изувѣченнаго въ четверть этого штрафа. Такъ, церковный судъ въ первое время дѣлалъ значительныя уступки мѣстному юридическому обычаю, но потомъ, постепенно укрѣпляясь, сталъ рѣшительнѣе проводить въ свою практику усвоенныя имъ юридическія начала.

Русская Правда не знаетъ смертной казни. Но изъ одного произведенія начала XIII в., вошедшаго въ составъ Печерскаго патерика, знаемъ, что въ концѣ XI в. за тяжкія преступленія осуждали на повѣшеніе, если осужденный не былъ въ состояніи заплатить назначенный за такое пре-

ступленіе пени. Молчаніе Правды въ этомъ случаѣ можно объяснить двояко. Во-первыхъ, самыя тяжкія преступленія, какъ душегубство и татьбу съ поличнымъ, церковный судъ разбиралъ съ участіемъ княжескаго судьи, который, вѣроятно, и произносилъ въ подлежащемъ случаѣ смертный приговоръ. Притомъ христіанскій взглядъ на человѣка непримиримъ съ мыслью о смертной казни, и Мономахъ понималъ его, когда въ своемъ Поученіи давалъ дѣтямъ настойчивое наставленіе не убивать ни праваго, ни виноватаго, хотя бы кто былъ повиненъ смерти. Тѣмъ же побужденіемъ можно объяснить молчаніе Правды о невмѣненіи господину смерти его холопа, умершаго отъ его побоевъ. Эклога и Прохиронъ формулировали это, какъ бы сказать, право или привилегію безнаканности съ ограниченіями, имѣвшими цѣлью отдѣлить неумышленное убійство раба отъ умышленнаго, которое подлежало обычному наказанію. Наше право, повидимому, не признавало этихъ ограниченій; по крайней мѣрѣ Двинская уставная грамота 1397 г. говоритъ кратко безъ оговорокъ, что если господарь „огрѣшится", ударитъ своего холопа или рабу и случится смерть, онъ за то не судится; такъ же говоритъ объ этомъ и одна старинная компиляція, носящая заглавіе „о правосудіи митрополичемъ" и составленная по Русской Правдѣ и церковному уставу Ярослава, но съ нѣкоторыми дополненіями изъ судебной практики: въ случаѣ убійства господаремъ челядина полнаго „нѣсть ему душегубства, но вина есть ему отъ Бога". Церковное правосудіе не могло признать такой привилегіи, но не могло и отнять ее у рабовладѣльцевъ. Церковь могла только карать ихъ на духу церковной карой, эпитиміей, и уставъ о церковныхъ наказаніяхъ, приписываемый русскому митрополиту XI в. Георгію, рѣшительно предписываетъ: „аще кто челядина убіетъ, яко разбойникъ

эпитемію пріиметъ". Въ упомянутой сейчасъ статьѣ Печерскаго патерика есть разсказъ о пыткѣ, какой сынъ великаго кн. Святополка подвергъ двухъ монаховъ Печерскаго монастыря, чтобы дознаться о мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ варяжскій кладъ въ ихъ пещерѣ. Можетъ быть, это было только проявленіемъ княжескаго произвола. Но если бы пытка была даже обычнымъ слѣдственнымъ пріемомъ тогдашняго княжескаго суда, понятно, почему Правда о ней умалчиваетъ.

Несовершенства кодификаціи.

Перечисленныя умолчанія Русской Правды можно признать глухимъ протестомъ христіанскаго юриста противъ стараго языческаго обычая или нововымышленной жестокости. Но въ ней замѣтны опущенія и недомолвки, которыхъ нельзя объяснить этимъ побужденіемъ. Ихъ надобно приписать несовершенству тогдашней кодификаціи: затруднялись брать юридическую норму во всей полнотѣ заключавшихся въ ней отношеній, предусматривать всѣ житейскія видоизмѣненія юридическаго казуса. Такъ Правда не указываетъ, что священникъ по размѣру пени, ограждавшей его жизнь, приравнивался къ княжимъ мужамъ, членамъ старшей дружины, боярамъ. Говоря, что раба съ дѣтьми, прижитыми отъ господина, по смерти его выходила на волю, Правда не договариваетъ, что при этомъ ей съ дѣтьми „по указу" выдѣлялась „прелюбодѣйная часть" изъ движимаго имущества господина. Кромѣ этого Правда не указываетъ другихъ случаевъ обязательнаго освобожденія подневольныхъ людей. Въ *Законѣ Судномъ* помѣщалась статья, предписывавшая отпускать на волю раба, которому хозяинъ выкололъ глазъ или выбилъ зубъ. Изъ другихъ источниковъ знаемъ, что обязательно освобождались подневольные люди, потерпѣвшіе увѣчья по винѣ своихъ господъ; также получала свободу осрамленная раба.

Впрочемъ достаточно вспомнить, какъ составлялась Правда, чтобы не искать въ ней систематической полноты и стройности. Она не была плодомъ одной цѣльной мысли, а мозаически слѣпилась изъ разновременныхъ частей, которыя составлялись по нуждамъ церковно-судебной практики. Въ концѣ пространной редакціи въ статьяхъ о холопствѣ отмѣчены только три источника *обельнаго*, полнаго холопства: продажа въ неволю при свидѣтеляхъ, женитьба на рабѣ „безъ ряду“, безъ договора съ господиномъ рабы, ограждающаго свободу жениха, и поступленіе въ домашнее услуженіе безъ такого же договора. Между тѣмъ изъ другихъ статей той же Правды видимъ, что неволя возникала и изъ другихъ источниковъ, изъ нѣкоторыхъ преступленій (разбоя, конокрадства), изъ торговой несостоятельности, а изъ другихъ памятниковъ знаемъ, что холопство создавалось еще плѣномъ и княжеской опалой, не говоря уже о происхожденіи отъ холопа. Эти статьи о холопствѣ — особый отдѣлъ, одинъ изъ позднѣйшихъ, внесенныхъ въ Правду, частичное уложеніе о холопствѣ, составленное безъ соображенія съ цѣлымъ, въ составъ котораго оно попало: составитель его по нуждамъ практики хотѣлъ формулировать только важнѣйшіе источники холопства, возникавшаго изъ частичныхъ сдѣлокъ, не касаясь источниковъ уголовныхъ и политическихъ.

Трудность ея условій

Изучая отношеніе Русской Правды къ современному ей русскому праву, не слѣдуетъ забывать положенія тогдашняго русскаго кодификатора. Онъ имѣлъ дѣло съ неупорядоченной судебной практикой, въ которой старый обычай боролся съ новыми юридическими понятіями и требованіями и людскія отношенія являлись передъ судомъ въ сочетаніяхъ, не предусмотрѣнныхъ ни закономъ, ни судебной практикой, и судья поочередно переходилъ отъ недоумѣнія къ усмо-

тренію, т.-е. къ произволу и обратно. При такомъ состояніи правосудія многія нормы даже трудно было уловить и формулировать. Приведу одинъ примѣръ, чтобы пояснить дѣло. Главное вниманіе Правды обращено на основныя, элементарныя опредѣленія матеріальнаго права, какія наиболѣе настойчиво спрашивались жизнью, ея господствующими интересами, на наказанія и возмездія, княжія пени и частныя вознагражденія за правонарушенія. Въ судебномъ процессѣ Правды наиболѣе обстоятельно обработанъ порядокъ иска пропавшей или украденной вещи, особенно бѣжавшаго или украденнаго холопа. Но въ Правдѣ не находимъ прямыхъ указаній, которыя отвѣчали бы на вопросъ очень важный для характеристики общественнаго порядка и правового сознанія ея времени: всегда ли преслѣдованіе преступленія вчинялось частнымъ обвиненіемъ, или при отсутствіи истца сама общественная власть брала на себя это дѣло? Надобно предполагать послѣднее, потому что судебное обличеніе всякаго правонарушенія соединялось съ пеней, доходомъ въ пользу судебной власти. Обратимся къ памятникамъ, современнымъ Правдѣ или близкимъ къ ней по времени. Въ древнемъ повѣствованіи о кіево-печерскихъ инокахъ, на которое я уже не разъ ссылался, есть разсказъ объ ученикѣ преп. Θеодосія инокѣ Григоріи. Воры собирались обокрасть его; но это имъ не удалось: Григорій задержалъ ихъ, простилъ и отпустилъ. Городской „властелинъ“, узнавъ объ этомъ, посадилъ воровъ въ тюрьму. Григорій, жалѣя, что они изъ-за него страдали, заплатилъ за нихъ городскому тіуну, а ихъ отпустилъ, „татіе же отпусти“ — не судья, а Григорій: это можетъ значить только то, что Григорій отказался отъ частнаго взысканія за свою „обиду“, которое могло задержать воровъ въ заключеніи, а судья, получивъ свою „продажу“, пеню за покушеніе на татьбу, не имѣлъ

причинъ ихъ болѣе задерживать. Изъ исторіи русской литературы вамъ извѣстенъ любопытный памятникъ XII в., содержащій въ себѣ вопросы Кирика и другихъ духовныхъ лицъ съ отвѣтами на нихъ новгородскаго епископа Нифонта и другихъ іерарховъ. Между прочимъ Кирикъ спрашивалъ, можно ли ставить въ священнослужители человѣка, совершившаго кражу, и получилъ отвѣтъ: если кража велика, а ея не уладятъ безъ огласки, „а не уложатъ ее отай, но сильну прю составятъ передъ княземъ и передъ людьми“, того человѣка не подобаетъ ставить въ дьяконы; если же кража улажена безъ огласки, то можно ставить. Епископъ не считалъ предосудительнымъ и находилъ возможнымъ, т.-е. обычнымъ дѣломъ предупредить тяжбу даже о большой татьбѣ мировой сдѣлкой съ истцомъ втихомолку. Если принять еще во вниманіе, что по Русской Правдѣ выигравшая сторона, будь то истецъ или отвѣтчикъ, платила судьѣ „помочное“ за содѣйствіе, то правосудіе временъ Правды получаетъ такой видъ: во всякомъ правонарушеніи сталкивались три стороны, истецъ, отвѣтчикъ и судья; каждая сторона была враждебна обѣимъ остальнымъ, но союзъ двухъ рѣшалъ дѣло на счетъ третьей.

Общій характеръ памятника.

Теперь, наконецъ, мы можемъ отвѣтить на вопросъ, для разрѣшенія котораго предприняли довольно подробный разборъ Русской Правды: насколько полно и вѣрно отразился въ ней дѣйствовашій на Руси юридическій порядокъ? Въ ней можно замѣтить слѣды несочувствія нѣкоторымъ юридическимъ обычаямъ Руси, слишкомъ отзывавшимся языческой стариной. Но воспроизводя порядокъ, дѣйствовашій въ княжескомъ судѣ, она не отмѣчаетъ отступленій отъ этого порядка, какія допускалъ церковный судъ по нецерковнымъ дѣламъ, не исправляетъ мѣстнаго юридическаго обычая введеніемъ новыхъ нормъ *взамѣнъ* дѣйствовавшихъ.

У нея другія средства исправленія. Она, во-первыхъ, просто умалчиваетъ о томъ, что̀ считаетъ необходимымъ устранить изъ судебной практики и чего не примѣнялъ церковный судъ, какъ поступила она съ судебнымъ поединкомъ и частной расправой, а во-вторыхъ, можетъ быть, она пополняетъ дѣйствовавшее право, формулируя такіе юридическіе случаи и отношенія, на которые это право не давало прямыхъ отвѣтовъ, что̀ можно предположить о статьяхъ ея, касающихся наслѣдованія и холопства. Многаго въ дѣйствовавшемъ правѣ она не захватила или потому, что не было практической надобности это формулировать, или потому, что при неупорядоченномъ состояніи княжескаго судопроизводства трудно было формулировать. Поэтому Русскую Правду можно признать довольно вѣрнымъ, но не цѣльнымъ отраженіемъ юридическаго порядка ея времени. Она не вводила новаго права взамѣнъ дѣйствовавшаго; но въ ней воспроизведены не всѣ части дѣйствовавшаго права, а части воспроизведенныя пополнены и развиты, обработаны и изложены такъ отчетливо, какъ, можетъ быть, не сумѣлъ бы сдѣлать этого тогдашній княжескій судья. Русская Правда — хорошее, но разбитое зеркало русскаго права XI—XII вв.

Обращаемся къ изученію гражданскаго общества по Русской Правдѣ.

Однимъ изъ слѣдствій очередного порядка княжескаго владѣнія мы признали извѣстное обобщеніе житейскихъ отношеній въ разныхъ частяхъ Руси XI и XII вв. Значитъ, изучая гражданскій бытъ Руси того времени, мы наблюдаемъ одинъ изъ элементовъ земскаго или народнаго единства, какіе вносилъ въ русское общество этотъ порядокъ княжескаго владѣнія.

Гражданское общество складывается изъ очень сложныхъ отношеній юридическихъ, экономическихъ, семейныхъ, нравственныхъ. Эти отношенія строятся и приводятся въ дви- Памятники права въ историческомъ изученіи.

женіе личными интересами, чувствами, и понятіями. Это по преимуществу область *личности*. Если однако при всемъ разнообразіи движущихъ пружинъ эти отношенія сохраняютъ гармонію и складываются въ порядокъ, это значитъ, что въ личныхъ интересахъ, чувствахъ и понятіяхъ извѣстнаго времени есть нѣчто общее, ихъ примиряющее и слаживающее, что̀ всѣми признается за общеобязательное. Изъ этого вырабатываются рамки, которыми сдерживаются частныя отношенія, правила, коими регулируется игра и борьба личныхъ интересовъ, чувствъ и понятій. Совокупность этихъ рамокъ и правилъ составляетъ *право;* охраняетъ общіе интересы и выражаетъ общественныя отношенія, отливая тѣ и другія въ требованія и положенія, *обычай* или *законъ*. Личныя стремленія обыкновенно произвольны, личныя чувства и понятія всегда случайны, тѣ и другія неуловимы; по нимъ нельзя опредѣлить общаго настроенія, уровня общественнаго развитія. Мѣриломъ для этого могутъ быть только отношенія, признаваемыя нормальными и общеобязательными, а они формулируются въ правѣ и черезъ то становятся доступны изученію. Такія отношенія создаются и поддерживаются господствующими побужденіями и интересами времени, а въ этихъ побужденіяхъ и интересахъ выражаются его матеріальное положеніе и нравственное содержаніе. Такимъ образомъ памятники права даютъ изучающему нить къ самымъ глубокимъ основамъ изучаемой жизни.

Система наказаній по Р. Правдѣ.

Съ такими предварительными соображеніями обратимся къ разбору содержанія Русской Правды. Впрочемъ я не воспроизведу его во всей полнотѣ, но коснусь лишь настолько, чтобы вы могли уловить въ немъ основные житейскіе мотивы и интересы, дѣйствовавшіе тогда въ русскомъ обществѣ. Главное содержаніе памятника составляетъ юриди-

ческое опредѣленіе дѣяній, коими одно лицо причиняетъ другому матеріальный вредъ, физическій или хозяйственный. За нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній законъ полагаетъ лишь частное вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, за другія сверхъ того и правительственную кару со стороны князя. Очевидно, Русская правда различаетъ право уголовное и гражданское: дѣянія перваго рода она признаетъ гражданскими правонарушеніями, дѣянія второго рода — уголовными преступленіями. Это одно есть уже важное данное для характеристики русскаго общества того времени. Граница между уголовнымъ и гражданскимъ правомъ вообще недостаточно ясна: трудно выдѣлить элементъ преступности въ составѣ гражданскаго правонарушенія, уловить то, что нѣмецкіе юристы называютъ Schuldmoment; это дѣло легче поддается нравственному чутью, чѣмъ юридическому анализу. Поэтому и способы возмездія за преступное дѣяніе или за моментъ и степень виновности въ древнемъ правѣ были различны. По договору Олега съ греками воръ, застигнутый на мѣстѣ преступленія и сдавшійся безъ сопротивленія, подвергается утроенному возмездію, возвращаетъ украденную вещь съ приплатой двойной ея стоимости; воръ не пойманный, а только уличенный, подлежитъ по договору Игоря удвоенному возмездію, въ случаѣ продажи украденнаго „вдасть цѣну его сугубо". По Русской Правдѣ господинъ холопа, совершившаго кражу, платитъ потерпѣвшему двойную стоимость украденнаго въ видѣ кары за попустительство или небрежный надзоръ. Даже въ чисто гражданскихъ правонарушеніяхъ требовалось кратное возмѣщеніе убытковъ со значеніемъ пени за произвольное нарушеніе сдѣлки. Чертой, какую Русская Правда проводитъ между уголовнымъ преступленіемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ, служитъ денежное взысканіе въ пользу князя за первое.

Значитъ, если Русская Правда и понимала отвѣтственность за преступленіе и даже не только передъ потерпѣвшимъ, но и передъ обществомъ въ лицѣ князя, то отвѣтственность только внѣшнюю, матеріальную, безъ участія нравственнаго мотива. Правдѣ впрочемъ не чужды и нравственные мотивы: она отличаетъ убійство неумышленное „въ свадѣ“ или „въ обиду“, отъ совершеннаго съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, „въ разбоѣ“, преступленіе, обличающее злую волю, отъ правонарушенія совершеннаго по невѣдѣнію, дѣйствіе, причиняющее физическій вредъ или угрожающее жизни, напримѣръ, отсѣченіе пальца, ударъ мечомъ, не сопровождавшійся смертью, хотя и причинившій рану, отличаетъ отъ дѣйствія менѣе опаснаго, но оскорбительнаго для чести, отъ удара палкой, жердью, ладонью или если вырвутъ усы или бороду, и за послѣднія дѣйствія наказываетъ пеней вчетверо дороже, чѣмъ за первыя; она, наконецъ, совсѣмъ не вмѣняетъ дѣйствій, опасныхъ для жизни, но совершенныхъ въ случаѣ необходимой обороны или въ раздраженіи оскорбленной чести, напримѣръ, удара мечомъ, нанесеннаго въ отвѣтъ на ударъ палкой, „не терпя противу тому“. Здѣсь прежде всего законъ даетъ понять, что оказываетъ усиленное вниманіе къ чести людей, постоянно имѣющихъ при себѣ наготовѣ мечъ, т.-е. военно-служилаго класса, такъ что это вниманіе является не правомъ всѣхъ, а привилегіей лишь нѣкоторыхъ. Потомъ, эти тонкія различенія оскорбленій по ихъ нравственному дѣйствію едва ли не внесены въ Правду позднѣе, такъ какъ другая статья ея назначаетъ за ударъ жердью и по лицу (рукой) простую, не четверную пеню. Это — новой слой юридическихъ понятій, ложившійся на древнюю основу права, воспроизводимаго Правдой, и можно замѣтить, съ какой стороны наносился этотъ слой. Къ тому же новому слою

Древняя основа и позднѣйшія наслоенія.

относится и осложненная кара за наиболѣе тяжкія преступленія: за разбой, поджогъ и конокрадство преступникъ подвергался не опредѣленной денежной пенѣ въ пользу князя, а потерѣ всего имущества съ лишеніемъ свободы. Мы уже знаемъ, что еще при кн. Владимірѣ за разбой взималась денежная пеня, какъ за простое убійство, замѣненное по совѣту епископовъ „казнью", т.-е. потокомъ и разграбленіемъ.

Эта древняя основа обличается тѣмъ, что пеня за татьбу въ случаѣ несостоятельности татя замѣнялася повѣшеніемъ: гривна кунъ служила единственной понятной мѣркой не только чувства чести, но и самой жизни человѣка. За всѣ остальныя преступныя дѣянія кромѣ трехъ упомянутыхъ законъ наказывалъ опредѣленной денежной пеней въ пользу князя и денежнымъ вознагражденіемъ въ пользу потерпѣвшаго. Княжескія пени и частныя вознагражденія представляютъ въ Русской Правдѣ цѣлую систему; онѣ высчитывались на *гривны кунъ*. Мы не можемъ опредѣлить тогдашнюю рыночную стоимость серебра, а можемъ оцѣнить лишь стоимость вѣсовую. Въ XII в. серебро было гораздо дороже, чѣмъ теперь. Политико-экономы разсчитываютъ, что теперь нужно по крайней мѣрѣ вчетверо больше серебра, чѣмъ до открытія Америки, чтобы купить то же самое. Если фунтъ серебра оцѣнить, скажемъ, рублей въ 20, то гривна кунъ въ XI и въ началѣ XII вв. по вѣсу металла стоила около 10 рублей, а въ концѣ XII в. около 5 руб. За убійство взималась денежная пеня въ пользу князя, называвшаяся *вирой,* и вознагражденіе въ пользу родственниковъ убитаго, называвшееся *головничествомъ.* Вира была троякая: двойная въ 80 гривенъ кунъ за убійство княжого мужа или члена старшей княжеской дружины, простая въ 40 гривенъ за убійство простого свободнаго человѣка, половинная или *полувирье* въ 20 гривенъ за убійство женщины и тяжкія

увѣчья, за отсѣченіе руки, ноги, и носа и за порчу глаза. Головничество было гораздо разнообразнѣе, смотря по общественному значенію убитаго. Такъ головничество за убійство княжого мужа равнялось двойной вирѣ, головничество за свободнаго крестьянина 5 гривнамъ. За всѣ прочія преступныя дѣянія законъ наказывалъ *продажею* въ пользу князя и *урокомъ за обиду* въ пользу потерпѣвшаго. Такова была система наказаній по Русской Правдѣ. Легко замѣтить взглядъ, на которомъ основывалась эта система. Русская Правда отличала личное оскорбленіе, обиду, нанесенную дѣйствіемъ лицу, отъ ущерба, причиненнаго его имуществу; но и личная обида, т.-е. вредъ физическій, разсматривалась закономъ преимущественно съ точки зрѣнія ущерба хозяйственнаго. Онъ строже наказывалъ за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, потому что въ первомъ случаѣ потерпѣвшій становился менѣе способнымъ къ труду, т.-е. къ пріобрѣтенію имущества. Смотря на преступленія преимущественно какъ на хозяйственный вредъ, Правда и карала за нихъ возмездіемъ, соотвѣтствующимъ тому матеріальному ущербу, какой они причиняли. Когда господствовала родовая месть, возмездіе держалось на правилѣ: жизнь за жизнь, зубъ за зубъ. Потомъ возмездіе перенесено было на другое основаніе, которое можно выразить словами: гривна за гривну, рубль за рубль. Это основаніе и было послѣдовательно проведено въ системѣ наказаній по Русской Правдѣ. Правда не заботится ни о предупрежденіи преступленій, ни объ исправленіи преступной воли. Она имѣетъ въ виду лишь непосредственныя матеріальныя послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника матеріальнымъ же, имущественнымъ убыткомъ. Законъ какъ будто говоритъ преступнику: бей, воруй, сколько хочешь, только за все плати исправно по таксѣ. Далѣе этого не простирался взглядъ первобытнаго права, лежащаго въ основѣ Русской Правды.

Имущество и личность.

Любопытно сопоставить нѣкоторыя статьи Правды о продажахъ или пеняхъ въ пользу князя, какъ и о частныхъ вознагражденіяхъ или урокахъ. Въ Правдѣ отразился бытъ торговый, охотничій и земледѣльческій. Одинаковая пеня въ 12 гривенъ грозитъ и за похищеніе бобра изъ ловища, и за уничтоженіе полевой межи, за выбитіе зуба и за убійство чужого холопа. Одинаковой пеней въ 3 гривны и одинаковымъ урокомъ въ одну гривну наказываются и отсѣченіе пальца, и ударъ по лицу или мечомъ не на смерть, и порча веревки въ перевѣсѣ (птичьемъ ловѣ), и похищеніе охотничьяго пса съ мѣста лова, и самоуправное „мученіе“ (лишеніе свободы) свободнаго крестьянина безъ приговора судьи. Поджогъ и конокрадство наказываются самой тяжкой карой, гораздо тяжелѣе, чѣмъ тяжкія увѣчья и даже убійство. Значитъ, имущество человѣка въ Правдѣ цѣнится не дешевле, а даже дороже самого человѣка, его здоровья, личной безопасности. Произведеніе труда для закона важнѣе живого орудія труда — рабочей силы человѣка. Тотъ же взглядъ на лицо и имущество проводится и въ другомъ ряду постановленій Правды. Замѣчательно, что имущественная безопасность, цѣлость капитала, неприкосновенность собственности обезпечивается въ законѣ личностью человѣка. Купецъ, торговавшій въ кредитъ и ставшій несостоятельнымъ по своей винѣ, могъ быть проданъ кредиторами въ рабство. Наемный сельскій рабочій, получившій при наймѣ отъ хозяина ссуду съ обязательствомъ за нее работать, терялъ личную свободу и превращался въ полнаго холопа за попытку убѣжать отъ хозяина, не расплатившись. Значитъ, безопасность капитала законъ цѣнилъ дороже и обезпечивалъ заботливѣе личной свободы человѣка. Личность человѣка разсматривается, какъ простая цѣнность, и идетъ взамѣнъ имущества. Мало того: даже общественное значеніе лица опредѣлялось его иму-

щественной состоятельностью. Это можно замѣтить, изучая по Русской Правдѣ составъ общества (свѣтскаго, не церковнаго).

Двоякое дѣленіе общества.

Въ Правдѣ обозначается двоякое дѣленіе общества, политическое и экономическое. Политически, по отношенію къ князю, лица дѣлятся на два сословія, на людей служилыхъ и неслужилыхъ, на *княжихъ мужей* и *людей* или *простыхъ людей*. Первые лично служили князю, составляли его дружину, высшее привилегированное и военно-правительственное сословіе, посредствомъ котораго князья правили своими княжествами, обороняли ихъ отъ враговъ; жизнь княжа мужа оберегалась двойною вирою. *Люди*, свободное простонародье, платили князю дань, образуя податныя общества, городскія и сельскія. Трудно сказать, можно ли причислить къ этимъ двумъ сословіямъ еще третье низшее — *холоповъ*. По Русской Правдѣ холопы собственно не сословіе, даже не лица, а вещи, какъ и рабочій скотъ; поэтому за убійство чужого холопа взимались не вира и головничество, а только продажа въ пользу князя и урокъ въ пользу хозяина, какъ за порчу чужой вещи, а убійство своего холопа государственнымъ судомъ совсѣмъ не наказывалось. Но церковь уже проводила иной взглядъ на холопа, какъ на человѣка, и за убійство его наказывала церковной карой. Княжеское законодательство начинало подчиняться этому взгляду. Въ самой Русской Правдѣ замѣтна попытка измѣнить прежнее отношеніе закона къ рабамъ. До смерти Ярослава чужой холопъ, нанесшій ударъ свободному человѣку, могъ быть убитъ имъ. Ярославичи запретили это, предоставивъ потерпѣвшему либо побить холопа, либо взыскать пеню за „соромъ“, разумѣется, съ его господина. Итакъ, думаю, холоповъ можно если не по государственному праву, то по бытовой практикѣ, слагающейся изъ совокупности юридическихъ и нравственныхъ отношеній, считать особымъ клас-

сомъ въ составѣ русскаго общества, отличавшимся отъ другихъ тѣмъ, что онъ не платилъ податей и служилъ не князю, а частнымъ лицамъ. Значитъ, русское общество XI и XII вв. по отношенію лицъ къ князю дѣлилось на свободныхъ, служившихъ лично князю, на свободныхъ, не служившихъ князю, а платившихъ ему дань міромъ, и наконецъ на несвободныхъ, служившихъ частнымъ лицамъ. Но рядомъ съ этимъ политическимъ дѣленіемъ мы замѣчаемъ въ Правдѣ и другое — экономическое. Между государственными сословіями стали завязываться переходные слои. Такъ въ средѣ княжихъ мужей возникаетъ классъ частныхъ привилегированныхъ земельныхъ собственниковъ. Въ Русской Правдѣ этотъ классъ носитъ названіе *бояръ*. Бояре Правды не придворный чинъ, а классъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Точно также и среди людей, т.-е. свободнаго неслужилаго простонародья, именно въ сельскомъ населеніи образуются два класса. Одинъ изъ нихъ составляли хлѣбопашцы, жившіе на княжеской, т.-е. государственной землѣ, не составлявшей ничьей частной собственности; въ Русской Правдѣ они называются *смердами*. Другой классъ составляли сельскіе рабочіе, селившіеся на земляхъ частныхъ собственниковъ со ссудой отъ хозяевъ. Этотъ классъ называется въ Правдѣ *наймитами* или *ролейными закупами*. Таковы были три новые класса, обозначившіеся въ составѣ русскаго общества и не совпадавшіе съ политическимъ его дѣленіемъ. Между ними было собственно имущественное различіе. Такъ смердъ, государственный крестьянинъ, обрабатывалъ государственную землю своимъ инвентаремъ, а ролейный закупъ является сельскимъ рабочимъ, который обрабатывалъ полученный имъ отъ хозяина участокъ земли хозяйскимъ инвентаремъ, бралъ у землевладѣльца въ ссуду сѣмена, земледѣльческія орудія и рабочій скотъ. Но это экономическое различіе соединялось

съ юридическимъ неравенствомъ. Классъ бояръ-землевладѣльцевъ пользовался той привилегіей, что движимое и недвижимое имущество послѣ боярина при отсутствіи сыновей могло переходить къ его дочерямъ. Смердъ, работавшій на княжеской землѣ со своимъ инвентаремъ, могъ передавать дочерямъ только движимое имущество, остальное же, т.-е. участокъ земли и дворъ, послѣ смерда, не оставившаго сыновей, наслѣдовалъ князь. Но смерды, какъ и бояре, свободныя лица; наймитъ, напротивъ, лицо полусвободное, приближавшееся къ холопу, нѣчто въ родѣ временно-обязаннаго крестьянина. Это полусвободное состояніе обнаруживается въ Правдѣ такими признаками: 1) хозяинъ пользовался правомъ тѣлесно наказывать своего закупа; 2) закупъ — неполноправное лицо: на судѣ онъ могъ быть свидѣтелемъ только въ незначительныхъ тяжбахъ и только въ случаѣ нужды, когда не было свидѣтелей изъ свободныхъ лицъ; 3) закупъ самъ не отвѣчалъ за нѣкоторыя преступленія, напр. за кражу: за него платилъ пеню хозяинъ, который за то превращалъ его въ полнаго своего холопа. Легко замѣтить, что и экономическіе классы, не совпадая съ основными государственными сословіями, однако подобно послѣднимъ различались между собою правами. Политическія сословія создавались княземъ, княжеской властью; экономическіе классы творились капиталомъ, имущественнымъ неравенствомъ людей. Такимъ образомъ капиталъ является въ Правдѣ на ряду съ княжеской властью дѣятельной соціальной силой, вводившей въ политическій составъ общества свое особое общественное дѣленіе, которое долженъ былъ признать и княжескій законъ. Капиталъ является въ Правдѣ то сотрудникомъ, то соперникомъ княжескаго закона, какъ въ лѣтописи того времени городской капиталистъ — то сотрудникъ, то вѣчевой соперникъ князя-законодателя.

Столь же важное значеніе капитала открывается въ постановленіяхъ Правды, относящихся къ области гражданскаго права, въ ея статьяхъ объ имущественныхъ сдѣлкахъ и обязательствахъ. Правда, т.-е. право, ею воспроизводимое, смутно понимаетъ преступленія противъ нравственнаго порядка; въ ней едва мерцаетъ мысль о нравственной несправедливости; зато она тонко различаетъ и точно опредѣляетъ имущественныя отношенія. Она строго отличаетъ отдачу имущества на храненіе (*поклажа*, кажется, переводъ греческаго καταθήκη) отъ займа, простой заемъ, безкорыстную ссуду, одолженіе по дружбѣ, отъ отдачи денегъ въ ростъ изъ опредѣленнаго условленнаго процента, процентный заемъ краткосрочный отъ долгосрочнаго и наконецъ заемъ отъ торговой комиссіи и вклада въ торговое компанейское предпріятіе изъ неопредѣленнаго барыша или дивиденда. Далѣе, въ Правдѣ находимъ точно опредѣленный порядокъ взысканія долговъ съ несостоятельнаго должника при ликвидаціи его дѣлъ, т.-е. порядокъ торговаго конкурса съ различеніемъ несостоятельности злостной и несчастной. Замѣчаемъ слѣды значительнаго развитія торговыхъ операцій въ кредитъ. Русская Правда довольно отчетливо различаетъ нѣсколько видовъ кредитнаго оборота. *Гости*, иногородные или иноземные купцы, „запускали товаръ" за купцовъ туземныхъ, продавали имъ въ долгъ. Купецъ давалъ своему гостю, купцу-земляку, торговавшему съ другими городами или землями, „куны въ куплю", на комиссію, для закупки ему товара на сторонѣ; капиталистъ ввѣрялъ купцу „куны въ гостьбу", для оборота изъ барыша. Обѣ послѣднія операціи Правда разсматриваетъ, какъ сдѣлки товарищей по довѣрію; юридическая ихъ особенность та, что при передачѣ денегъ довѣрителемъ довѣренному, комиссіонеру или товарищу, не требовалось присутствія свидѣтелей, „послу-

Сдѣлки и обязательства.

ховъ", какъ при займѣ изъ условленнаго процента: въ случаѣ спора, иска со стороны довѣрителя, дѣло рѣшается присягой довѣреннаго. При конкурсѣ предпочтеніе отдается гостямъ, кредиторамъ иногороднымъ и иноземнымъ, или казнѣ, если за несостоятельнымъ купцомъ окажутся „княжи куны": они получаютъ деньги изъ конкурсной массы полнымъ рублемъ, а остатокъ дѣлится между „домашними" кредиторами. Встрѣчи гостей съ казной въ конкурсѣ Правда, кажется, не предусматриваетъ и потому не видно, даетъ ли она предпочтеніе казнѣ предъ иноземцами, какъ это было установлено въ позднѣйшемъ законодательствѣ, или наоборотъ, какъ въ подобномъ случаѣ постановилъ смоленскій договоръ съ нѣмцами 1229 года. Можно отмѣтить при этомъ нѣкоторую внутреннюю несоразмѣрность въ Русской Правдѣ: воспроизводя правовое положеніе личности, она довольствуется простѣйшими случаями, элементарными обезпеченіями безопасности; зато формулируя имущественныя отношенія, ограждая интересы капитала, она обнаруживаетъ замѣчательную для ея юридическаго возраста отчетливость и предусмотрительность, обиліе выработанныхъ нормъ и опредѣленій. Видно, что житейская и судебная практика доставляла кодификаторамъ неодинаково цѣнный матеріалъ въ той и въ другой области.

Р. Правда — кодексъ капитала.

Таковы главныя черты Правды, въ которыхъ можно видѣть выраженіе господствовавшихъ житейскихъ интересовъ, основныхъ мотивовъ жизни стараго кіевскаго общества. Русская Правда есть по преимуществу уложеніе о капиталѣ. Капиталъ служитъ предметомъ особенно напряженнаго вниманія для законодателя; самый трудъ, т.-е. личность человѣка разсматривается, какъ орудіе капитала: можно сказать, что капиталъ — это самая привилегированная особа въ Русской Правдѣ. Капиталомъ указываются важнѣйшія юридическія

отношенія, которыя формулируетъ законъ: послѣдній строже наказываетъ за дѣянія, направленныя противъ собственности, чѣмъ за нарушеніе личной безопасности. Капиталъ служитъ и средствомъ возмездія за тѣ или другія преступленія и гражданскія правонарушенія: на немъ основана самая система наказаній и взысканій. Само лицо разсматривается въ Правдѣ не столько какъ членъ общества, сколько какъ владѣтель или производитель капитала: лицо, его не имѣющее и производить не могущее, теряетъ права свободнаго или полноправнаго человѣка; жизнь женщины ограждается только половинной вирой. Капиталъ чрезвычайно дорогъ: при краткосрочномъ займѣ размѣръ мѣсячнаго роста не ограничивался закономъ; годовой процентъ опредѣленъ одной статьей Правды „въ треть", на два третій, т.-е. въ 50%. Только Владиміръ Мономахъ, ставъ великимъ княземъ, ограничилъ продолжительность взиманія годового роста въ половину капитала: такой ростъ можно было брать только два года, и послѣ того кредиторъ могъ искать на должникѣ только капитала, т.-е. долгъ становился далѣе безпроцентнымъ; кто бралъ такой ростъ на третій годъ, терялъ право искать и самаго капитала. Впрочемъ при долголѣтнемъ займѣ и Мономахъ допустилъ годовой ростъ въ 40%. Но едвали эти ограничительныя постановленія исполнялись. Въ упомянутыхъ вопросахъ Кирика епископъ даетъ наставленіе учить міранъ брать лихву милосердно, полегче—на 5 кунъ 3 или 4 куны. Если рѣчь идетъ о годовомъ займѣ, то вскорѣ послѣ Мономаха милосерднымъ ростомъ считали 60% или 80%, въ полтора раза или вдвое больше узаконеннаго. Нѣсколько позднѣе, въ XIII в., когда торговый городъ потерялъ свое преобладаніе въ народно-хозяйственной жизни, духовные пастыри находили возможнымъ требовать „легкаго" роста — „по 3 куны на гривну или по 7 рѣзанъ", т.-е. по

12°/₀ или по 14°/₀. Такое значеніе капитала въ Русской Правдѣ сообщаетъ ей черствый мѣщанскій характеръ. Легко замѣтить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основаніемъ Русской Правды: это былъ большой торговый городъ. Село въ Русской Правдѣ остается въ тѣни, на заднемъ планѣ: огражденію сельской собственности отведенъ короткій рядъ статей среди позднѣйшихъ частей Правды. Впереди всего, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшихъ отдѣлахъ кодекса, поставлены интересы и отношенія состоятельныхъ городскихъ классовъ, т.-е. отношеніе холоповладѣльческаго и торгово-промышленнаго міра. Такъ, изучая по Русской Правдѣ гражданскій порядокъ, частныя юридическія отношенія людей, мы и здѣсь встрѣчаемся съ той же силой, которая такъ могущественно дѣйствовала на установленіе политическаго порядка во все продолженіе изучаемаго нами перваго періода: тамъ, въ политической жизни, такою силой былъ торговый городъ со своимъ вѣчемъ; и здѣсь, въ частномъ гражданскомъ общежитіи, является тотъ же городъ съ тѣмъ, чѣмъ онъ работалъ, — съ торгово-промышленнымъ капиталомъ.

Мы кончили довольно продолжительное и детальное изученіе Русской Правды. Участвуя въ немъ послѣ разбора Начальной лѣтописи, вы, вѣроятно, не въ первый разъ спрашивали себя, соблюдаю ли я соразмѣрность въ изложеніи курса, ограничиваясь бѣглымъ обзоромъ историческихъ фактовъ и такъ долго останавливая ваше вниманіе на нѣкоторыхъ историческихъ источникахъ. Я вижу эту несоразмѣрность, но допускаю ее не безъ разсчета. Слѣдя за моимъ обзоромъ историческихъ фактовъ, вы усвояете готовые выводы; подробно разбирая при вашемъ участіи важнѣйшіе и древнѣйшіе памятники нашей исторіи, я желалъ наглядно показать вамъ, какъ эти выводы добываются. Въ слѣдующій часъ мы сдѣлаемъ еще одинъ опытъ подобнаго разбора.

Лекція XV.

Церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей Руси. — Церковное вѣдомство по уставу Владиміра Св. — Пространство церковнаго суда и совмѣстный церковно-мірской судъ по уставу Ярослава. — Перемѣны въ понятіи преступленія, въ области вмѣненія и въ системѣ наказаній. — Денежный счетъ Ярославова устава; время его составленія. — Первоначальная основа устава. — Законодательныя полномочія Церкви. — Ходъ церковной кодификаціи. — Слѣды ея пріемовъ въ уставѣ Ярослава. — Отношеніе устава къ Русской Правдѣ. — Вліяніе Церкви на политическій порядокъ, общественный складъ и гражданскій бытъ. — Устройство христіанской семьи.

Дополненіе данныхъ Р. Правды въ памятникахъ церковныхъ.

Разбирая Русскую Правду, я назвалъ ее довольно вѣрнымъ отраженіемъ русской юридической дѣйствительности XI и XII вв., но отраженіемъ далеко не полнымъ. Она воспроизводитъ одинъ рядъ частныхъ юридическихъ отношеній, построенныхъ на матеріальномъ, экономическомъ интересѣ; но въ это царство матеріальнаго интереса все глубже врѣзывался съ конца X в. новой строй юридическихъ отношеній, едва затронутый Русской Правдой, который созидался на иномъ началѣ, на чувствѣ нравственномъ. Эти отношенія проводила въ русскую жизнь Церковь. Памятники, въ которыхъ отразился этотъ новый порядокъ отношеній, освѣщаютъ русскую жизнь тѣхъ вѣковъ съ другой стороны, которую оставляетъ въ тѣни Русская Правда. Бѣглымъ обзоромъ древнѣйшихъ изъ этихъ памятниковъ на короткое время я займу ваше вниманіе.

Уставъ Владиміра Св.

Начальная лѣтопись, разсказывая, какъ Владиміръ святой въ 996 году назначилъ на содержаніе построенной имъ въ Кіевѣ соборной Десятинной церкви десятую часть своихъ доходовъ, прибавляетъ: „и положи написавъ клятву въ церкви сей“. Эту клятву мы и встрѣчаемъ въ сохранившемся церковномъ уставѣ Владиміра, гдѣ этотъ князь заклинаетъ своихъ преемниковъ блюсти нерушимо постановленія, составленныя имъ на основаніи правилъ вселенскихъ соборовъ и законовъ греческихъ царей, т.-е. на основаніи греческаго Номоканона. Древнѣйшій изъ многочисленныхъ списковъ этого устава мы находимъ въ той же самой новгородской Кормчей конца XIII в., которая сберегла намъ и древнѣйшій извѣстный списокъ Русской Правды. Время сильно попортило этотъ памятникъ, покрывъ первоначальный его текстъ густымъ слоемъ позднѣйшихъ наростовъ. Въ спискахъ этого устава много поправокъ, передѣлокъ, вставокъ, подновленій, словомъ, варіантовъ — знакъ продолжительнаго практическаго дѣйствія устава. Однако легко возстановить если не первоначальный текстъ памятника, то его юридическую основу, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы понять основную мысль, проведенную въ немъ законодателемъ. Уставъ опредѣляетъ положеніе Церкви въ новомъ для нея государствѣ. Церковь на Руси вѣдала тогда не одно только дѣло спасенія душъ: на нее возложено было много чисто земныхъ заботъ, близко подходящихъ къ задачамъ государства. Она является сотрудницей и нерѣдко даже руководительницей мірской государственной власти въ устроеніи общества и поддержаніи государственнаго порядка. Съ одной стороны, Церкви была предоставлена широкая юрисдикція надъ всѣми христіанами, въ составъ которой входили дѣла семейныя, дѣла по нарушенію святости и неприкосновенности христіанскихъ храмовъ и символовъ, дѣла о вѣроотступничествѣ, объ оскорбленіи

нравственнаго чувства, о противоестественныхъ грѣхахъ, о покушеніяхъ на женскую честь, объ обидахъ словомъ. Такъ Церкви предоставлено было устроять и блюсти порядокъ семейный, религіозный и нравственный. Съ другой стороны, подъ ея особое попеченіе было поставлено особое общество, выдѣлившееся изъ христіанской паствы и получившее названіе *церковныхъ* или *богадѣльныхъ* людей. Общество это во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ и нецерковныхъ вѣдала и судила церковная власть. Оно состояло: 1) изъ духовенства бѣлаго и чернаго съ семействами перваго, 2) изъ мірянъ, служившихъ Церкви или удовлетворявшихъ разнымъ мірскимъ ея нуждамъ, каковы были, напримѣръ, врачи, повивальныя бабки, просвирни и вообще низшіе служители Церкви, также *задушные* люди и *прикладни*, т.-е. рабы, отпущенные на волю по духовному завѣщанію или завѣщанные Церкви на поминъ души и селившіеся обыкновенно на церковныхъ земляхъ подъ именемъ *изгоевъ* въ качествѣ полусвободныхъ крестьянъ, 3) изъ людей безпріютныхъ и убогихъ, призрѣваемыхъ Церковью, каковы были странники, нищіе, слѣпые, вообще неспособные къ работѣ. Разумѣется, въ вѣдомствѣ Церкви состояли и тѣ духовныя и благотворительныя учрежденія, въ которыхъ находили убѣжище церковные люди: монастыри, больницы, странопріимные дома, богадѣльни. Весь этотъ разнообразный составъ церковнаго вѣдомства опредѣленъ въ уставѣ Владиміра лишь общими чертами, часто одними намеками; церковные дѣла и люди обозначены краткими и сухими перечнями.

Уставъ Ярослава.

Практическое развитіе началъ церковной юрисдикціи, намѣченныхъ въ уставѣ Владиміра, находимъ въ церковномъ уставѣ его сына Ярослава. Это уже довольно пространный и стройный церковный судебникъ. Онъ повторяетъ почти тѣ же подсудныя Церкви дѣла и лица, какія перечислены

въ уставѣ Владиміра; но сухіе перечни послѣдняго здѣсь разработаны уже въ казуально расчлененныя и отчетливо формулированныя статьи со сложной системой наказаній и по мѣстамъ съ обозначеніемъ самаго порядка судопроизводства. Эта система и этотъ порядокъ построены на различеніи и соотношеніи понятій грѣха и преступленія. Грѣхъ вѣдаетъ Церковь, преступленіе — государство. Всякое преступленіе Церковь считаетъ грѣхомъ; но не всякій грѣхъ государство считаетъ преступленіемъ. Грѣхъ — нравственная несправедливость или неправда, нарушеніе божественнаго закона; преступленіе — неправда противообщественная, нарушеніе закона человѣческаго. Преступленіе есть *дѣяніе*, которымъ одно лицо причиняетъ матеріальный вредъ или наноситъ нравственную обиду другому. Грѣхъ — не только дѣяніе, но и *мысль* о дѣяніи, которымъ грѣшникъ причиняетъ или можетъ причинить матеріальный или нравственный вредъ не только своему ближнему, но и *самому себѣ*, Поэтому всякое преступленіе — грѣхъ, насколько оно портитъ волю преступника; но грѣхъ — преступленіе, насколько онъ вредитъ другому или обижаетъ его и разстраиваетъ общежитіе. На комбинаціи этихъ основныхъ понятій и построенъ церковно-судный порядокъ въ уставѣ Ярослава. Это нравственный катехизисъ, переложенный въ дисциплинарно-юридическія предписанія. Церкви подсудны грѣхи всѣхъ христіанъ и противозаконныя дѣянія людей особаго церковнаго вѣдомства. На этотъ двойной составъ церковной юрисдикціи указываетъ уставъ, говоря отъ лица князя-законодателя: „помыслихъ *грѣховныя* вещи и *духовныя* (т.-е. духовно-сословныя) отдати Церкви“. Согласно съ этой комбинаціей всѣ судныя дѣла, относимыя уставомъ къ вѣдомству Церкви, можно свести къ тремъ разрядамъ.

Классификація дѣлъ, подсудныхъ Церкви.

I. Дѣла только грѣховныя, безъ элемента преступности, судились исключительно церковной властью, разбирались святительскимъ, т.-е. епископскимъ судомъ безъ участія судьи княжескаго, по церковнымъ законамъ. Сюда относятся дѣла, нарушающія церковную заповѣдь, но не входившія въ составъ компетенціи княжескаго суда: волхвованіе, чародѣяніе, браки въ близкихъ степеняхъ родства, общеніе въ пищѣ съ язычниками, употребленіе недозволенной пищи, разводъ по взаимному соглашенію супруговъ и т. п.

II. Дѣла грѣховно-преступныя, въ которыхъ грѣховный элементъ, нарушеніе церковнаго правила, соединяется съ насиліемъ, съ физическимъ или нравственнымъ вредомъ для другого, либо съ нарушеніемъ общественнаго порядка, — такія дѣла, какъ нарушающія и государственный законъ, разбирались княжескимъ судьей съ участіемъ судьи церковнаго. Такой составъ и порядокъ суда обозначался формулой: *митрополиту въ винѣ* или митрополиту столько-то гривенъ пени, а *князь казнитъ*, судитъ и караетъ, дѣлясь пенями съ митрополитомъ. Къ этому разряду относятся дѣла объ умычкѣ дѣвицъ, объ оскорбленіи женской чести словомъ или дѣломъ, о самовольномъ разводѣ мужа съ женой по волѣ перваго безъ вины послѣдней, о нарушеніи супружеской вѣрности и т. п.

III. Наконецъ, дѣла „духовныя“, сословныя, касающіяся лицъ духовнаго вѣдомства, были обыкновенныя противозаконныя дѣянія, совершенныя церковными людьми, какъ духовными, такъ и мірянами. По уставу Владиміра такихъ людей во всѣхъ судныхъ дѣлахъ вѣдала церковная власть, разумѣется, по законамъ и обычаямъ, дѣйствовавшимъ въ княжескихъ судахъ; но и князь, какъ исполнитель судебнаго приговора, полицейское орудіе кары и какъ верховный блюститель общественнаго порядка, оставлялъ за собою

нѣкоторое участіе въ судѣ надъ людьми церковнаго вѣдомства. Это участіе выражено въ уставѣ словами князя: „отдали есмо святителемъ тыа духовныа суды, судити ихъ оприсно мірянъ (безъ мірскихъ, княжихъ судей), развѣе татьбы съ поличнымъ, то судити съ моимъ (судьей), тажъ и душегубленіе, а въ иныя дѣла никакожъ моимъ не вступатися“. Такимъ образомъ наиболѣе тяжкія преступленія, совершенныя церковными людьми, судилъ церковный судья съ участіемъ княжескаго, съ которымъ и дѣлился денежными пенями. Такой порядокъ судопроизводства выраженъ въ уставѣ Ярослава формулами: *митрополиту въ винѣ со княземъ напольы* или *платятъ виру князю съ владыкою напольы,* т.-е. денежныя пени дѣлятся пополамъ между обѣими властями.

Цѣль ея. Изъ этой классификаціи дѣлъ, нормируемыхъ церковнымъ Ярославовымъ уставомъ, можно видѣть, что главная его цѣль — разграниченіе двухъ подсудностей, княжеской и святительской, выдѣленіе въ составѣ церковнаго суда дѣлъ, рѣшаемыхъ совмѣстно представителями обѣихъ. Уставъ опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ долженъ судить одинъ церковный судья и въ какихъ дѣйствуетъ совмѣстный церковно-мірской судъ, въ которомъ, пользуясь языкомъ устава, къ святительскому суду „припущались міряне“, свѣтскіе судьи. Такой смѣшанный составъ суда вызывался свойствомъ дѣлъ или лицъ: извѣстныя дѣла двойственнаго, уголовно-церковнаго характера, совершенныя лицами, подсудными княжескому суду, привлекали своимъ церковнымъ элементомъ къ участію въ ихъ разборѣ судью церковнаго; извѣстныя лица, подсудныя церковному суду, привлекали къ участію въ судѣ надъ ними княжескаго судью, когда совершали дѣла, подсудныя послѣднему. Въ первомъ случаѣ церковный судья являлся ассистентомъ княжескаго, во второмъ наоборотъ.

Этотъ совмѣстный судъ надобно отличать отъ того, который позднѣе назывался *обчимъ* или *смѣснымъ:* это судъ по дѣламъ, въ которыхъ сталкивались стороны разныхъ подсудностей, напримѣръ, княжеской и церковной. Уставъ Владиміра кратко упоминаетъ о немъ, перечисливъ разряды церковныхъ людей, во всѣхъ дѣлахъ подсудныхъ митрополиту или епископу: „аже будетъ иному человѣку съ тымъ человѣкомъ рѣчь, то обчій судъ", т.-е. если нецерковный человѣкъ будетъ тягаться съ церковнымъ, судить ихъ общимъ судомъ. Совмѣстный судъ, о которомъ говоритъ Ярославовъ уставъ, представляетъ особую и довольно своеобразную комбинацію: онъ вѣдалъ дѣла, входившія въ составъ одной подсудности, но совершенныя лицами, подлежавшими другой.

Церковный судъ, какъ онъ устроенъ или, точнѣе, описанъ Ярославовымъ уставомъ, углубляя понятіе о преступленіи, вносилъ въ право и другія существенныя новости. Здѣсь, во-первыхъ, онъ значительно расширилъ область вмѣняемости. Почти вся его общая компетенція, простиравшаяся на всѣхъ вѣрующихъ и обнимавшая жизнь семейную, религіозную и нравственную, составилась изъ дѣлъ, которыхъ не вмѣнялъ или не предусматривалъ древній юридическій обычай: таковы умычка, святотатство, нарушеніе неприкосновенности храмовъ и священныхъ символовъ, оскорбленіе словомъ (обзываніе еретикомъ или зелейникомъ, составителемъ отравъ и привораживающихъ снадобій, обзываніе женщины позорнымъ словомъ). Установленіе этихъ трехъ видовъ оскорбленія словомъ было первымъ опытомъ пробужденія въ крещеномъ язычникѣ чувства уваженія къ нравственному достоинству личности человѣка—заслуга церковнаго правосудія, не умепьшаемая малоплодностью его усилій въ этомъ направленіи. Не менѣе важны нововведенія въ способахъ судебнаго возмездія за правонарушенія. Старый юридическій обычай смо-

Новости, вносимыя уставомъ Ярослава.

трѣлъ только на непосредственныя матеріальныя слѣдствія противозаконнаго дѣянія и каралъ за нихъ денежными пенями и вознагражденіями, *продажами* и *уроками*. Взглядъ христіанскаго законодателя шире и глубже, восходитъ отъ слѣдствій къ причинамъ: законодатель не ограничивается пресѣченіемъ правонарушенія, но пытается предупредить его, дѣйствуя на волю правонарушителя. Уставъ Ярослава, удерживая денежныя взысканія, полагаетъ за нѣкоторыя дѣянія еще нравственно-исправительныя наказанія, арестъ при церковномъ домѣ, соединявшійся, вѣроятно, съ принудительной работой на церковь, и эпитимію, т.-е. либо временное лишеніе нѣкоторыхъ церковныхъ благъ, либо извѣстныя нравственно-покаянныя упражненія. За дѣтоубійство, за битье родителей дѣтьми уставъ предписываетъ виноватую или виноватаго „пояти въ домъ церковный“; бракъ въ близкой степени родства наказуется денежной пеней въ пользу церковной власти, „а ихъ разлучити, а опитемью да пріимутъ“. Въ уставѣ нѣтъ прямого указанія еще на одно нравоисправительное средство судебнаго возмездія, наименѣе удачное и наименѣе приличное духовному пастырству, однако допущенное въ практику церковнаго суда того времени: это — тѣлесныя наказанія. Средство это было заимствовано изъ византійскаго законодательства, которое его очень любило и заботливо разрабатывало, осложняя физическую боль уродованіемъ человѣческаго тѣла, ослѣпленіемъ, отсѣченіемъ руки и другими безполезными жестокостями. Въ Ярославовомъ уставѣ есть статья, по которой женщину, занимавшуюся какимъ-либо родомъ волхвованія, надлежало „доличивъ казнить“, а митрополиту заплатить пени 6 гривенъ. Одно изъ правилъ русскаго митрополита Іоанна II (1080—1089 годовъ) объясняетъ, въ чемъ должна была состоять эта „казнь“; занимающихся волхвованіемъ надлежало сперва отклонять отъ грѣха сло-

веснымъ увѣщаніемъ, а если не послушаются, „яро казнити, но не до смерти убивати, ни обрѣзати сихъ тѣлесе". Подъ „ярой", строгой казнью, не лишающей жизни и не „обрѣзывающей", т.-е. не уродующей тѣла, можно разумѣть только простое тѣлесное наказаніе.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе Ярославова устава. Не трудно замѣтить, какія новыя понятія вносилъ онъ въ русское право и правовое сознаніе: онъ 1) осложнялъ понятіе о преступленіи, какъ матеріальномъ вредѣ, причиняемомъ другому, мыслью о грѣхѣ, какъ о нравственной несправедливости или нравственномъ вредѣ, какой причиняетъ преступникъ не только другому лицу, но и самому себѣ, 2) подвергалъ юридическому вмѣненію грѣховныя дѣянія, которыхъ старый юридическій обычай не считалъ вмѣняемыми, наконецъ, 3) согласно съ новымъ взглядомъ на преступленіе осложнялъ дѣйствовавшую карательную систему наказаній мѣрами нравственно-исправительнаго воздѣйствія, разсчитанными на оздоровленіе и укрѣпленіе больной воли или шаткой совѣсти, каковы: эпитимія, арестъ при церковномъ домѣ, тѣлесное наказаніе.

Ярославовъ уставъ современенъ Р. Правдѣ.

Такимъ образомъ надъ порядкомъ матеріальныхъ интересовъ и отношеній, державшихся на старомъ юридическомъ обычаѣ, Ярославовъ уставъ строилъ новый высшій порядокъ интересовъ и отношеній нравственно-религіозныхъ. Церковный судъ, какъ онъ поставленъ въ уставѣ, долженъ былъ служить проводникомъ въ русскомъ обществѣ новыхъ юридическихъ и нравственныхъ понятій, которыя составляли основу этихъ интересовъ и отношеній. Съ этой стороны Русская Правда, какъ отраженіе господствующихъ юридическихъ отношеній, является судебникомъ, начинавшимъ уже отживать, разлагаться; напротивъ, уставъ Ярослава представляетъ собою міръ юридическихъ понятій и отношеній,

только что завязывавшихся и начинавшихъ жить. Но представляя собою различные моменты въ юридическомъ развитіи русскаго общества, какъ памятники права, Русская Правда и церковный уставъ Ярослава — сверстники, какъ памятники кодификаціи. Всматриваясь пристальнѣе въ текстъ устава, въ археологическія черты, пощаженныя въ немъ временемъ, можно приблизительно опредѣлить, когда онъ составлялся. И въ этомъ памятникѣ, какъ въ Русской Правдѣ, руководящую нить къ рѣшенію вопроса даютъ денежныя пени. Въ разныхъ спискахъ устава онѣ представляютъ при первомъ взглядѣ самое безпорядочное разнообразіе. Одинъ списокъ назначаетъ за извѣстное дѣяніе въ пользу церковной власти гривну серебра, другой — рубль, третій — „гривну серебра или рубль", а это — разновременныя денежныя единицы. За одну и ту же вину взыскивается то 20, то 40 гривенъ, за другую то 40, то 100 гривенъ кунъ. Въ этомъ разнообразіи отразились колебанія денежнаго курса, признаки которыхъ мы замѣтили и въ Русской Правдѣ; но въ Ярославовомъ уставѣ они отразились гораздо полнѣе и явственнѣе. Мы видѣли, что въ краткой редакціи Правды нѣкоторыя пени опредѣляются извѣстной суммой рѣзанъ, а въ пространной той же суммой кунъ. И въ уставѣ Ярослава обидѣвшій непригожимъ словомъ крестьянку, „сельскую" жену, платитъ ей по однимъ спискамъ 60 рѣзанъ, по другимъ 60 кунъ. Причиной такой замѣны, какъ мы уже знаемъ, было то, что гривна кунъ, вѣсившая въ началѣ XII в. полфунта, въ концѣ его была вдвое легковѣснѣе. Такса судебныхъ взысканій переверстывалась сообразно съ перемѣнами денежнаго обращенія; но при этомъ не всегда сообразовались съ рыночной цѣнностью денегъ, а заботились о томъ, чтобы при уменьшившемся вѣсѣ денежныхъ единицъ сохранить въ судебной пенѣ прежнее количество металла. Для этого или удерживали прежнія

суммы взысканій съ уплатой ихъ „старыми кунами“, или возвышали эти суммы соотвѣтственно пониженію вѣса денежныхъ единицъ. Этимъ послѣднимъ способомъ переверстки пользовались и церковные судьи, руководствовавшіеся въ своей практикѣ Ярославовымъ уставомъ, согласуя размѣры карательныхъ взысканій съ колебаніями денежнаго курса. Если въ одномъ спискѣ устава за двоеженство назначено пени въ пользу церковной власти 20 гривенъ, а въ другомъ 40, это значитъ, что первый списокъ воспроизвелъ уставъ въ редакціи или, какъ бы мы сказали, въ изданіи первой половины XII в., при полуфунтовой гривнѣ кунъ, а второй списокъ — въ редакціи второй половины, при гривнѣ вѣсомъ вдвое легче. Но этому паденію вѣса гривны предшествовалъ, какъ можно предполагать по нѣкоторымъ указаніямъ памятниковъ, промежуточный моментъ, который можно относить ко второй четверти XII в., ко времени вслѣдъ за смертью Мстислава (1132 года), когда на рынкѣ ходили гривны вѣсомъ около трети фунта, и такія гривны также попадаются въ кладахъ. Пересмотръ устава, относящійся и къ этой переходной порѣ, оставилъ свой слѣдъ въ его спискахъ: по однимъ изъ нихъ участники въ умычкѣ дѣвицы, „умычники“ платятъ пени гривну серебра, по другимъ 60 ногатъ, а это — 3 гривны кунъ. Съ другой стороны, во второй четверти XIII в. поступили въ обращеніе, какъ я уже говорилъ въ одномъ изъ предшествующихъ чтеній, гривны кунъ, которыхъ отливали $7^1/_2$ изъ фунта серебра: значитъ, онѣ въ $2^1/_2$ раза были легковѣснѣе третныхъ гривенъ. Встрѣчаемъ точно такое же отношеніе между пенями за одни и тѣ же преступленія въ разныхъ пересмотрахъ устава: по однимъ спискамъ 40 гривенъ кунъ, по другимъ 100 гр. Позднѣйшіе переписчики совмѣщали въ однихъ и тѣхъ же спискахъ устава таксы разновременныхъ его пересмотровъ и совершенно запутали

систему денежныхъ взысканій, ставя рядомъ съ древней гривной кунъ временъ Мономаха денежныя единицы XIV и XV вв. Но съ помощію исторіи денежнаго обращенія въ древней Руси можно разобраться въ этой путаницѣ и придти къ тому заключенію, что древнѣйшій видъ, какой встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ устава, этотъ памятникъ получилъ въ началѣ XII в., во всякомъ случаѣ еще до половины этого вѣка. Значитъ, уставъ Ярослава вырабатывался въ одно время съ Русской Правдой. Сравнивая оба эти памятника русской кодификаціи, находимъ далѣе, что они не только сверстники, но и земляки, если можно такъ выразиться: у нихъ одна родина, они выросли на одной и той же почвѣ церковной юрисдикціи.

Процессъ составленія устава.

Несходство текста въ разныхъ спискахъ, очевидные слѣды передѣлокъ и подновленій въ немъ возбуждаютъ въ историческои критикѣ Ярославова устава два вопроса: о его подлинности и о возстановленіи его первоначальной основы. Имѣя въ виду пріемы русскаго законодательства и кодификаціи въ тѣ вѣка, можно сомнѣваться, приложимы ли эти обычные вопросы исторической критики къ такому памятнику, какъ уставъ Ярослава. Въ краткомъ введеніи, которымъ онъ начинается и которое также изложено неодинаково въ разныхъ спискахъ, великій князь Ярославъ говоритъ, что онъ „по данію“ или „по записи“ своего отца „сгадалъ“ съ митрополитомъ Иларіономъ согласно съ греческимъ Номоканономъ предоставить митрополиту и епископамъ тѣ суды, которые писаны въ церковныхъ правилахъ, въ Номоканонѣ, именно суды по грѣховнымъ дѣламъ и по дѣламъ духовныхъ лицъ, оговоривъ при этомъ и тѣ дѣла, въ которыхъ законодатель удержалъ извѣстное участіе за свѣтской властью. Это введеніе не даетъ никакого повода предполагать, что Ярославъ утвердилъ какой-либо готовый проектъ церковнаго устава, ему предложенный:

рѣчь идетъ только о договорѣ между двумя властями, свѣтской и духовной, разграничивавшемъ принципіально въ духѣ греческаго Номоканона судебныя вѣдомства той и другой власти. Можно думать, что договоръ и ограничивался этой общей, принципіальной разверсткой обѣихъ подсудностей и краткое введеніе въ уставъ было его первоначальной основой: въ такомъ краткомъ видѣ и приводитъ его одна позднѣйшая лѣтопись (Архангелогородская). Согласно съ договоромъ устанавливалась практика церковнаго суда, которая постепенно кодифицировалась, облекаясь въ письменныя правила; изъ совокупности этихъ правилъ и составился уставъ, получившій по происхожденію своей основы названіе Ярославова. Такимъ образомъ тогдашнее законодательство шло отъ практики къ кодексу, а не наоборотъ, какъ было позднѣе. Такой ходъ составленія дѣлалъ уставъ особенно воспріимчивымъ къ перемѣнамъ, какія вносили въ практику церковнаго суда измѣнчивыя условія мѣста и времени.

Законодательныя полномочія Церкви.

Объясняя такъ происхожденіе Ярославова устава, я имѣю въ виду отношеніе русской Церкви къ государству, установившееся въ первую пору христіанской жизни Руси. Обращаясь къ Церкви за содѣйствіемъ въ установленіи общественнаго порядка на христіанскихъ основаніяхъ, княжеское правительство предоставляло ея вѣдѣнію дѣла и отношенія, непривычныя для языческаго общества, которыя возникли только съ принятіемъ христіанства, дѣла и отношенія, самое понятіе о которыхъ впервые проводило въ новопросвѣщенные умы христіанское духовенство. Въ устроеніи такихъ дѣлъ и отношеній духовенство руководилось своими церковными правилами, и государственная власть давала ему надлежащія полномочія на тѣ учредительныя и распорядительныя мѣры, которыя оно признавало необходимыми, примѣняя свои церковныя правила къ условіямъ русской жизни.

Какъ ближайшая сотрудница правительства въ устроеніи государственнаго порядка, церковная іерархія законодательствовала въ отведенной ей сферѣ по государственному порученію. Узнаемъ, чѣмъ вызывалось и какъ, въ какой формѣ возлагалось на нее это законодательное порученіе. Внукъ Мономаха Всеволодъ въ припискѣ къ церковному уставу, который онъ далъ Новгороду, когда княжилъ тамъ, разсказываетъ, что ему приходилось разбирать тяжбы о наслѣдствѣ между дѣтьми отъ одного отца и разныхъ матерей и онъ рѣшалъ такія тяжбы „заповѣдми по преданію св. отецъ", т.-е. по указаніямъ, содержащимся въ Номоканонѣ. Князь однако думалъ, что не его дѣло рѣшать такія тяжбы, и прибавилъ въ припискѣ къ уставу заявленіе о всѣхъ судебныхъ дѣлахъ такого рода: „а то все приказахъ епископу управляти, смотря въ Номоканонъ, а мы сіе съ своей души сводимъ". Совѣсть князя тяготилась сомнѣніемъ, въ правѣ ли онъ рѣшать такія дѣла, требующія каноническаго разумѣнія и авторитета, и онъ обращается къ церковной власти съ призывомъ снять съ его души нравственную отвѣтственность за дѣла, которыя она разумѣетъ лучше, и дѣлать по своему разумѣнію, соображаясь съ Номокапономъ и съ русскими нравами. Но соображать византійскій законъ съ русской дѣйствительностью значило перерабатывать и этотъ законъ, и эту дѣйствительность, внося заимствованное юридическое начало въ туземное отношеніе, т.-е. значило создавать новый законъ. Такая законодательная работа и возлагалась на церковную іерархію. Такъ нечувствительно судебная власть Церкви превращалась въ законодательную.

Кн. Всеволодъ разсказываетъ въ припискѣ, какъ онъ рѣшалъ дѣла о наслѣдствѣ; но онъ не придавалъ своимъ рѣшеніямъ силы обязательныхъ прецедентовъ, предоставляя вѣдать такія дѣла епископу. Кто-то вставилъ въ приписку

князя замѣтку о томъ, что по церковнымъ правиламъ, которыми руководствовался князь въ своей судебной практикѣ, отцовское имущество дѣлится поровну между сыновьями и дочерьми. Эта норма была чужда русскому наслѣдственному праву и никогда въ немъ не дѣйствовала, притомъ не относилась къ тому юридическому вопросу, о которомъ шла рѣчь въ припискѣ; ее внесли въ приписку, даже какъ будто отъ лица князя-уставодателя, на всякій случай, въ чаяніи, что и она можетъ пригодиться.

Церковная кодификація.

Все это ярко освѣщаетъ ходъ судопроизводства, законодательства и кодификаціи въ Россіи XI и XII вв. Христіанство осложняло жизнь, внося въ нее новые интересы и отношенія. Княжи мужи, органы власти, со своими старыми понятіями и нравами не стояли на высотѣ новыхъ задачъ суда и управленія и своими ошибками и злоупотребленіями „топили княжу душу“, по выраженію того же Всеволодова устава. Усиливаясь поправить положеніе дѣлъ, князья разграничивали вѣдомства, устанавливали компетенціи, искали новыхъ юридическихъ нормъ, лучшихъ правительственныхъ органовъ и за всѣмъ этимъ обращались къ церковной іерархіи, къ ея нравственнымъ указаніямъ и юридическимъ средствамъ. Церковные судьи и законовѣды собирали церковно-византійскія произведенія о судѣ и управленіи, выписывали изъ нихъ пригодныя правила, обращались съ запросами по своимъ недоумѣніямъ къ высшимъ своимъ іерархамъ и получали отъ нихъ вразумляющіе отвѣты, изъ этихъ правилъ и отвѣтовъ составляли юридическія нормы, болѣе или менѣе удачно приноровленныя къ русской жизни, и по мѣрѣ того какъ эти нормы входили въ практику церковнаго суда, облекали ихъ въ форму законоположительныхъ статей, которыя вносили въ прежде изданные русскіе уставы или соединяли въ новые своды, покры-

вая ихъ именемъ князя, которымъ вызвана была эта кодификаціонная работа или который освятилъ такой сводъ своимъ законодательнымъ признаніемъ. Въ древнерусскихъ рукописныхъ *кормчихъ, мѣрилахъ праведныхъ* и другихъ сборникахъ юридическаго содержанія сохранились остатки этой продолжительной и трудно-уловимой законодательно-кодификаціонной работы въ видѣ цѣльныхъ уложеній, каковы уставы князей Владиміра и Ярослава, или въ видѣ отдѣльныхъ статей, неизвѣстно когда и по какому случаю составленныхъ, служившихъ какъ будто схоліями или дополненіями къ какому-то цѣльному уложенію. Это, какъ видимъ, тотъ же процессъ, какимъ составлялась и Русская Правда.

Ея слѣды въ уставѣ Ярослава.

Уставъ Ярослава въ своихъ спискахъ сохранилъ довольно явственные слѣды такого происхожденія. По самой цѣли своей, какъ уголовно-дисциплинарный церковный судебникъ, онъ стоялъ ближе къ церковно-византійскимъ источникамъ права, чѣмъ Русская Правда. Это понятно: онъ вводилъ христіанскія начала въ русскую жизнь, державшуюся на языческомъ обычаѣ, тогда какъ Русская Правда воспроизводила языческій обычай, слегка приправляя его христіанскими понятіями. Основнымъ источникомъ устава служили помѣщавшіеся вмѣстѣ съ нимъ въ нашихъ кормчихъ византійскіе кодексы Эклога и Прохиронъ, преимущественно ихъ уголовный отдѣлъ или титулы „о казняхъ". Но уставъ не копируетъ, а передѣлываетъ ихъ, придавая заимствуемымъ нормамъ туземную обработку, соображаясь съ мѣстными нравами и отношеніями, развивая общія положенія источника въ казуальныя подробности, иногда вводя новые юридическіе случаи, подсказанные явленіями мѣстной жизни. Такіе пріемы мы замѣтили и въ Русской Правдѣ. Ограничимся немногими примѣрами, чтобы объяснить эти пріемы.

По одной статьѣ Прохирона похитившій замужнюю или девицу безъ различія состоянія, даже собственную невѣсту, со своими соучастниками, соумышленниками, пособниками и укрывателями подвергается болѣе или менѣе жестокому наказанію смотря по тому, были ли похитители вооружены, или нѣтъ. Первая статья Ярославова устава говоритъ объ обычной тогда на Руси умычкѣ дѣвицъ и налагаетъ на похитителя болѣе или менѣе тяжелую денежную пеню смотря по состоянію похищенной, дочь ли она „большихъ или меньшихъ бояръ", т.-е. человѣка старшей или младшей княжеской дружины, или же „добрыхъ людей", степеннаго состоятельнаго горожанина; подвергаются пенѣ и „умычники", соучастники умычки. Позднѣе сдѣлано было разъясненіе этой статьи: назначенныя въ ней пени взимаются въ случаѣ, если „дѣвка засядетъ", не выйдетъ замужъ за своего похитителя. Предполагается, что если умычка, бывшая до принятія христіанства одной изъ формъ брака, сопровождалась христіанскимъ бракомъ, виновникъ ея не подвергался церковному суду и денежному взысканію, а наказывался вмѣстѣ съ похищенной женой только эпитиміей, „занеже не по закону Божію сочетались", какъ положено объ этомъ дѣлѣ въ поученіи духовенству XII в., приписываемомъ новгородскому архіепископу Ильѣ-Іоанну. Кромѣ того, разъясненіе прибавляетъ къ тремъ общественнымъ классамъ первой статьи еще четвертый — „простую чадь", простонародье. Потомъ и къ этому разъясненію сдѣлано было дополненіе: постановленное въ статьѣ и въ разъясненіи имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда „дѣвку кто умолвитъ къ себѣ и дастъ въ толоку", т.-е. когда кто похититъ дѣвицу скопомъ, „толокой", съ ея согласія, предварительно сговорившись съ нею, какъ обыкновенно и происходили умычки. Предполагается, что если дѣвица похищена насильно, безъ ея согласія, дѣло

Примѣры.

21*

должно идти инымъ порядкомъ и привести къ другимъ послѣдствіямъ. И разъясненіе, и дополненіе оторваны отъ статьи, къ которой относятся, помѣщены въ уставѣ, какъ отдѣльныя статьи (6-я и 7-я), излагающія особые случаи, и въ этомъ положеніи совершенно непонятны. Ввожу васъ въ эти подробности съ двоякой цѣлью, чтобы показать на частномъ примѣрѣ, во-первыхъ, какъ чужой казусъ разрабатывался туземной кодификаціей примѣнительно къ мѣстному обычаю, и, во-вторыхъ, какія затрудненія встрѣтите вы въ древнерусскихъ памятникахъ, когда вамъ придется имѣть съ ними дѣло. Послѣднее поясню еще однимъ примѣромъ. Къ извѣстному уже намъ Закону Судному и къ Русской Правдѣ прибавлялась въ спискахъ непонятная статья о безчестіи такого содержанія: за безчестную гривну золота, ежели бабка и мать были въ золотѣ, взять за гривну золота 50 гривенъ кунъ, а ежели бабка была въ золотѣ, а по матери не слѣдуетъ золото, взять гривну серебра, а за гривну серебра полъосьмы ($7^1/_2$) гривны кунъ. Изъ этой статьи прежде всего открывается соотношеніе денежныхъ единицъ золотыхъ и серебряныхъ: въ фунтѣ золота считалось 50 гр. кунъ, въ фунтѣ серебра $7^1/_2$ гривенъ. Статья относится къ XIII в. и показываетъ, что золото тогда цѣнилось у насъ только въ $6^2/_3$ раза дороже серебра. Но про какихъ бабку и мать въ золотѣ говоритъ статья? Смыслъ ея открывается при сопоставленіи со статьей Ярославова устава, по которой обозвавшій чужую жену позорнымъ словомъ платитъ ей „за срамъ“ 5 гривенъ или 3 гривны золота, если это жена большого или меньшого боярина, а если оскорбленная — жена простого горожанина, то ей за срамъ 3 гривны серебра. Бродячая статья значитъ: человѣкъ, потерпѣвшій оскорбленіе словомъ съ непочтительнымъ упоминаніемъ его родителей, взыскиваетъ съ оскор-

бителя за безчестье гривну золота, если его бабушка и мать были замужемъ за людьми изъ княжеской дружины; если же его мать по мужу простая горожанка, онъ имѣетъ право искать на обидчикѣ только одной гривны серебра, хотя бы бабушка была за княжимъ дружинникомъ.

Уставъ Ярослава и Р. Правда.

Изучая уставъ Ярослава, застаемъ церковно-судебную практику и церковную кодификацію, такъ сказать, на ходу, въ состояніи колебаній и первыхъ опытовъ, неупорядоченныхъ усилій. За извѣстное грѣховное дѣяніе по одному списку устава положена опредѣленная пеня, а по другому она еще какъ будто не готова, предоставлена усмотрѣнію церковной власти: „епископу въ винѣ, во что ихъ обрядитъ". Уставъ не исчерпываетъ всей церковно-судебной практики своего времени, не предусматриваетъ многихъ дѣяній, на счетъ которыхъ церковная власть XI и XII вв. дала уже опредѣленныя и точныя руководящія указанія. Эти пробѣлы легко замѣтить, сличая уставъ съ упомянутыми уже мною правилами митрополита Іоанна II и отвѣтами епископа Нифонта на вопросы Кирика и другихъ. Несмотря на то уставъ Ярослава остается единственнымъ памятникомъ изучаемаго времени по своей мысли и по своему содержанію. Церковные уставы, данные потомками Ярослава, имѣли мѣстное или спеціальное значеніе: они или повторяли съ нѣкоторыми измѣненіями для извѣстной епархіи общій уставъ Владиміра Св., какъ новгородскій церковный уставъ Мономахова внука Всеволода, или опредѣляли финансовыя отношенія Церкви къ государству въ извѣстной области, каковы уставы новгородскій кн. Святослава 1137 года и смоленскій кн. Ростислава 1151 года. Уставъ Ярослава есть предназначенный для всей русской Церкви судебникъ, пытавшійся провести раздѣльную черту и вмѣстѣ съ тѣмъ установить точки соприкосновенія между судомъ государственнымъ

и церковнымъ. Съ этой стороны уставъ имѣетъ близкое юридическое и историческое отношеніе къ Русской Правдѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое Русская Правда? Это—церковный судебникъ по недуховнымъ дѣламъ лицъ духовнаго вѣдомства; уставъ Ярослава — церковный судебникъ по духовнымъ дѣламъ лицъ духовнаго и свѣтскаго вѣдомства. Русская Правда — сводъ постановленій объ уголовныхъ преступленіяхъ и гражданскихъ правонарушеніяхъ въ томъ объемѣ, въ какомъ нуженъ былъ такой сводъ церковному судьѣ для суда по недуховнымъ дѣламъ церковныхъ людей; Ярославовъ уставъ — сводъ постановленій о грѣховно-преступныхъ дѣяніяхъ, судъ по которымъ надъ всѣми христіанами, духовными и мірянами, порученъ былъ русской церковной власти. Основные источники Правды — мѣстный юридическій обычай и княжеское законодательство при косвенномъ участіи церковно-византійскаго права; основные источники устава — греческій Номоканонъ съ другими памятниками церковно-византійскаго права и Владиміровъ церковный уставъ при косвенномъ участіи мѣстнаго юридическаго обычая и княжескаго законодательства. Правда нашла въ византійскихъ источникахъ устава образцы кодификаціи, а уставъ взялъ изъ русскихъ источниковъ Правды основу своей системы наказаній, денежныя взысканія, и оба памятника заимствовали у своихъ византійскихъ образцовъ, Эклоги и Прохирона, одинаковую форму синоптическаго, конспективнаго свода законовъ. Такъ Русская Правда и Ярославовъ церковный уставъ являются какъ бы двумя частями одного церковно-юридическаго кодекса.

Вліяніе Церкви на политич. порядокъ.

По разсмотрѣннымъ церковнымъ уставамъ при пособіи другихъ современныхъ имъ памятниковъ можно составить общее сужденіе о томъ дѣйствіи, какое оказала Церковь на бытъ и нравы русскаго общества въ первые вѣка его

христіанской жизни. Русскій митрополитъ-грекъ XI в. Іоаннъ II въ своихъ церковныхъ правилахъ далъ наставленіе духовному лицу, спрашивавшему его о разныхъ предметахъ церковной практики: „прилежи паче закону, неже обычаю земли“. Ни русская церковно-судебная практика, ни русская кодификація, насколько та и другая проявились въ Русской Правдѣ и уставѣ Ярослава, не оправдали этого наставленія, оказавъ слишкомъ много вниманія обычаю земли. Церковь не пыталась перестроить ни формъ, ни основаній государственнаго порядка, какой она застала на Руси, хотя пришлой церковной іерархіи, привыкшей къ строгой монархической власти и политической централизаціи, русскій государственный порядокъ, лишенный того и другого, не могъ внушать сочувствія. Церковная іерархія старалась только устранить или ослабить нѣкоторыя тяжелыя слѣдствія туземнаго порядка, напримѣръ, княжескія усобицы, и внушить лучшія политическія понятія, разъясняя князьямъ истинныя задачи ихъ дѣятельности и указывая наиболѣе пригодныя и чистыя средства дѣйствія. Церковное управленіе и поученіе, несомнѣнно, вносило и въ княжескую правительственную и законодательную практику, а можетъ-быть, и въ политическое сознаніе князей нѣкоторыя техническія и нравственныя усовершенствованія, понятія о законѣ, о правителѣ, начатки слѣдственнаго судебнаго процесса, письменное дѣлопроизводство: не даромъ писецъ, дѣлопроизводитель изстари усвоилъ у насъ греческое названіе *дьяка*. Но при низкомъ уровнѣ нравственнаго и гражданскаго чувства у тогдашняго русскаго княжья Церковь не могла внести какого-либо существеннаго улучшенія въ политическій порядокъ. Когда между князьями затѣвалась ссора и готовилась кровавая усобица, митрополитъ по порученію старѣйшаго города Кіева могъ говорить соперникамъ внуши-

тельныя рѣчи: „молимъ васъ, не погубите Русской земли: если будете воевать между собою, поганые обрадуются и возьмутъ землю нашу, которую отцы и дѣды наши стяжали трудомъ своимъ великимъ и мужествомъ; побоpая по Русской землѣ, они чужія земли пріискивали, а вы и свою погубить хотите". Добрые князья, подобные Мономаху или Давиду черниговскому, плакали отъ такихъ словъ, но дѣла шли своимъ стихійнымъ чередомъ, порядокъ добрыхъ впечатлѣній и порядокъ привычныхъ отношеній развивались параллельно, не мѣшая одинъ другому и встрѣчаясь только въ исключительныхъ личностяхъ на короткое время, по истеченіи котораго кляузы родичей быстро заметали слѣды плодотворной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. До насъ дошло отъ XII в. горячее „Слово о князьяхъ", произнесенное однимъ церковнымъ витіей на память святыхъ князей Бориса и Глѣба. Тема, разумѣется братолюбіе и миролюбіе; цѣль поученія — обличеніе княжескихъ усобицъ, въ разгаръ которыхъ оно, повидимому, было сказано. „Слышите, князья, противящіеся старшей братіи и рать поднимающіе и поганыхъ наводящіе на свою братію! Не обличитъ ли васъ Богъ на страшномъ судѣ? Святые Борисъ и Глѣбъ попустили брату своему отнять у нихъ не только власть, но и жизнь. А вы одного слова стерпѣть брату не можете и за малую обиду смертоносную вражду поднимаете, призываете поганыхъ на помощь противъ своей братіи. Какъ вамъ не стыдно враждовать со своей братіей и единовѣрными своими!" Это негодованіе — опора для сужденія о людяхъ того времени: пришлось бы цѣнить ихъ очень низко, если бы изъ среды ихъ не послышалось негодующаго голоса противъ княжескихъ безпорядковъ. И все-таки проповѣдникъ горячился напрасно: источникомъ безпорядковъ былъ самый порядокъ княжескаго управленія землей. Князья сами тяготились этимъ порядкомъ, но не сознавали возможности замѣнить

его другимъ и не сумѣли бы замѣнить, если бы и сознавали. Да и сама іерархія не обладала ни авторитетомъ, ни энергіей въ достаточной мѣрѣ, чтобы сдерживать генеалогическій задоръ князей. Въ ея верхнемъ, правящемъ слоѣ было много пришельцевъ. Въ далекую и темную скиѳскую митрополію шли не лучшіе греки. Они были равнодушны къ мѣстнымъ нуждамъ и заботились о томъ, чтобы высылать на родину побольше денегъ, чѣмъ мимоходомъ кольнулъ имъ глаза новгородскій владыка XII в. Іоаннъ въ поученіи своему духовенству. Уже въ то время слово *грекъ* имѣло у насъ недоброе значеніе — плута: таилъ онъ въ себѣ обманъ, потому что былъ онъ грекъ, замѣчаетъ лѣтопись объ одномъ русскомъ архіереѣ.

Церковная іерархія дѣйствовала не столько силой лицъ, сколько правилами и учрежденіями, ею принесенными, и дѣйствовала не столько на политическій порядокъ, сколько на частныя гражданскія и особенно на семейныя отношенія. Здѣсь, не ломая прямо закоренѣлыхъ привычекъ и предразсудковъ, Церковь исподоволь прививала къ туземному быту новыя понятія и отношенія, перевоспитывая умы и нравы, приготовляя ихъ къ воспріятію новыхъ нормъ, и такимъ путемъ глубоко проникала въ юридическій и нравственный складъ общества. Мы видѣли составъ этого общества по Русской Правдѣ. Оно дѣлилось по правамъ и имущественной состоятельности на политическіе и экономическіе классы высшіе и низшіе, лежавшіе одинъ надъ другимъ, т.-е. дѣлилось горизонтально. Церковь стала расчленять общество въ иномъ направленіи, сверху внизъ, вертикально. Припомните составъ общества *церковныхъ людей*. Это не былъ устойчивый и однородный классъ съ наслѣдственнымъ значеніемъ, образовавшій новое сословіе въ составѣ русскаго общества: въ число церковныхъ людей попадали лица раз- На общество.

ныхъ классовъ гражданскаго общества, и принадлежность къ нему условливалась не происхожденіемъ, а волей или временнымъ положеніемъ лица, иногда случайными обстоятельствами (убогіе и безпріютные, странники и т. п.). Даже князь могъ попасть въ число церковныхъ людей. Церковный уставъ кн. Всеволода, составленный на основаніи Владимірова устава и данный новгородскому Софійскому собору во второй четверти XII в., причисляетъ къ церковнымъ людямъ и *изгоевъ*, людей, по несчастію или другимъ причинамъ потерявшихъ права своего состоянія, сбившихся съ житейскаго пути, по которому шли ихъ отцы. Уставъ различаетъ 4 вида изгоевъ: это—поповъ сынъ, не обучившійся грамотѣ, обанкрутившійся купецъ, холопъ, выкупившійся на волю, и князь, преждевременно осиротѣвшій. Итакъ рядомъ съ общественнымъ дѣленіемъ по правамъ и имущественной состоятельности Церковь вводила свое дѣленіе, основанное на иныхъ началахъ. Она соединяла въ одно общество людей разныхъ состояній или во имя *цѣли*, житейскаго назначенія, религіозно-нравственнаго служенія, или во имя *чувства* состраданія и милосердія. При такомъ составѣ церковное общество являлось не новымъ государственнымъ сословіемъ съ духовенствомъ во главѣ, а особымъ обществомъ, параллельнымъ государственному, въ которомъ люди разныхъ государственныхъ сословій соединялись во имя равенства и религіозно-нравственныхъ побужденій.

На семью. Не менѣе глубоко было дѣйствіе Церкви на формы и духъ частнаго гражданскаго общежитія, именно на основной его союзъ семейный. Здѣсь она доканчивала разрушеніе языческаго родового союза, до нея начавшееся. Христіанство застало на Руси только остатки этого союза, напримѣръ кровомщеніе: цѣльнаго рода уже не существовало. Одинъ изъ признаковъ его цѣльности — отсутствіе наслѣдованія

по завѣщанію, а изъ договора Олега съ греками мы видѣли, что уже за три четверти вѣка до крещенія Владиміра письменное *обряженіе*, завѣщаніе было господствующей формой наслѣдованія, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ классахъ русскаго общества, которые имѣли прямыя сношенія съ Византіей. Построенный на языческихъ основаніяхъ, родовой союзъ былъ противенъ Церкви, и она съ первой минуты своего водворенія на Руси стала разбивать его, строя изъ его обломковъ союзъ семейный, ею освящаемый. Главнымъ средствомъ для этого служило церковное законодательство о бракѣ и наслѣдованіи. Мы уже знаемъ, что лѣтопись отмѣтила у полянъ еще въ языческую пору *приводъ* невѣсты къ жениху вечеромъ, форму брачнаго союза, которую она даже рѣшилась признать бракомъ. Но изъ поученія духовенству, приписываемаго архіепископу новгородскому Іоанну, видимъ, что даже въ его время, почти два вѣка спустя по принятіи христіанства, въ разныхъ классахъ общества дѣйствовали различныя формы языческаго брака, и приводъ, и умычка, замѣнявшая бракъ христіанскій. Поэтому „невѣнчальныя" жены въ простонародьи были столь обычны, что Церковь принуждена была до извѣстной степени мириться съ ними, признавать ихъ если не вполнѣ законными, то терпимыми, и уставъ Ярослава даже налагаетъ на мужа пеню за самовольный разводъ съ такой женой, а сейчасъ упомянутый архіепископъ настойчиво требуетъ отъ священниковъ, чтобы они вѣнчали такія четы даже и съ дѣтьми. Гораздо строже, чѣмъ за уклоненіе отъ церковнаго вѣнчанія, караетъ тотъ же уставъ за браки въ близкихъ степеняхъ родства. Митрополитъ Іоаннъ II во второй половинѣ XI в. налагаетъ эпитемію на браки даже между четвероюродными; но потомъ допускали брачный союзъ и между троюродными. Христіанскій бракъ не допускается между близкими родственниками,

между *своими;* слѣдовательно, стѣсняя постепенно кругъ родства, въ предѣлахъ котораго запрещался бракъ, Церковь пріучала болѣе отдаленныхъ родственниковъ смотрѣть другъ на друга, какъ на *чужихъ.* Такъ Церковь укорачивала языческое родство, обрубая слишкомъ широко раскидывавшіяся его вѣтви.

Развитіе семейнаго начала.

Труднымъ дѣломъ Церкви въ устройствѣ семьи было установить въ ней новыя юридическія и нравственныя начала. Здѣсь предстояло внести право и дисциплину въ наименѣе поддающіяся нормировкѣ отношенія, направляемыя дотолѣ инстинктомъ и произволомъ, бороться со многоженствомъ, наложничествомъ, со своеволіемъ разводовъ, посредствомъ которыхъ мужья освобождались отъ наскучившихъ имъ женъ, заставляя ихъ уходить въ монастырь. Христіанская семья, завязываясь, какъ союзъ гражданскій, обоюднымъ согласіемъ жениха и невѣсты, держится на юридическомъ равенствѣ и нравственномъ взаимодѣйствіи мужа и жены. Необходимое слѣдствіе гражданской равноправности жены— усвоеніе ей права собственности. Еще въ X в. дружинная и торговая Русь знакома была съ раздѣльностью имущества супруговъ: по договору Олега съ греками на имущество жены не падала отвѣтственность за преступленіе мужа. Церкви предстояло поддерживать и укрѣплять это установленіе: церковный уставъ Владиміра Св. ей предоставилъ разбирать споры между мужемъ и женой „о животѣ", объ имуществѣ. Впрочемъ, вліяніе Церкви на семейный бытъ не ограничивалось сферой дѣйствія формальнаго церковнаго суда, регламентируемаго уставами: оставались отношенія, которыя она предоставляла чисто нравственному суду духовника. Уставъ Ярослава наказываетъ жену, которая бьетъ своего мужа, но обратный случай обходитъ молчаніемъ. Духовника не слѣдуетъ забывать и при разборѣ статей

церковныхъ уставовъ объ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми. Здѣсь законъ ограничивается, какъ бы сказать, простѣйшими, наименѣе терпимыми неправильностями семейной жизни, сдерживая произволъ родителей въ дѣлѣ женитьбы или замужества дѣтей, возлагая на родителей отвѣтственность за цѣломудріе дочерей, карая дѣтей, которыя бьютъ своихъ родителей, не только церковной, но и гражданской, „властельской казнью", какъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Зато предоставленъ былъ полный просторъ мужу и отцу, какъ завѣщателю: древнѣйшіе памятники русскаго права не налагаютъ никакихъ ограниченій на его предсмертную волю, не слѣдуя въ этомъ за своими византійскими образцами. „Какъ кто, умирая, раздѣлитъ свой домъ дѣтямъ, на томъ и стоять": такова основа наслѣдственнаго права по Русской Правдѣ. Законъ не предполагаетъ, чтобы при дѣтяхъ возможны были внѣ семьи какіе-либо другіе наслѣдники по завѣщанію. Близкіе родственники выступаютъ только въ случаѣ опеки, когда мать-вдова при малолѣтнихъ дѣтяхъ вторично выходила замужъ, а въ договорѣ Олега являются законными наслѣдниками, когда послѣ умершаго не оставалось ни дѣтей, ни завѣщанія.

Припомнимъ, что въ этой побѣдѣ семейнаго начала надъ родовымъ церковное законодательство только доканчивало дѣло, начатое еще въ языческія времена другими вліяніями, на которыя я указывалъ прежде (въ лекціяхъ VIII и X).

Лекція XVI.

Главныя явленія II періода русской исторіи.—Условія, разстраивавшія общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси.—Бытъ высшаго общества; успѣхи гражданственности и просвѣщенія.—Положеніе низшихъ классовъ; успѣхи рабовладѣнія и порабощенія.—Половецкія нападенія.—Признаки запустѣнія днѣпровской Руси.—Двусторонній отливъ населенія оттуда.—Признаки отлива на западъ.—Взглядъ на дальнѣйшую судьбу югозападной Руси и вопросъ о происхожденіи малорусскаго племени.—Признаки отлива населенія на сѣверо-востокъ.—Значеніе этого отлива и коренной фактъ періода.

II періодъ. Обращаюсь къ изученію второго періода нашей исторіи, продолжавшагося съ XIII до половины XV в. Напередъ отмѣчу главныя явленія этого времени, которыя составятъ предметъ нашего изученія. Это были коренныя перемѣны русской жизни, если сопоставить ихъ съ главными явленіями перваго періода. Въ первомъ періодѣ главная масса русскаго населенія сосредоточивалась въ области Днѣпра; во второмъ она является въ области Верхней Волги. Въ первомъ періодѣ устроителемъ и руководителемъ политическаго и хозяйственнаго порядка былъ большой торговый городъ; во второмъ такимъ устроителемъ и руководителемъ становится князь — наслѣдственный вотчинникъ своего удѣла. Итакъ, въ изучаемомъ періодѣ являются новая историческая сцена, новая территорія и другая господствующая политическая сила: Русь днѣпровская смѣняется Русью

верхне-волжской; волостной городъ уступаетъ свое мѣсто князю, съ которымъ прежде соперничалъ. Эта двоякая перемѣна, территоріальная и политическая, создаетъ въ верхневолжской Руси совсѣмъ иной экономическій и политическій бытъ, непохожій на кіевскій. Соотвѣтственно новой политической силѣ эта верхневолжская Русь дѣлится не на городовыя области, а на княжескіе удѣлы; сообразно съ новой территоріей, т.-е. съ внѣшней обстановкой, въ какую попадаетъ главная масса русскаго населенія, и двигателемъ народнаго хозяйства на верхней Волгѣ становится, вмѣсто внѣшней торговли, сельскохозяйственная эксплуатація земли съ помощью вольнаго труда крестьянина-арендатора. Какъ, въ какомъ порядкѣ будемъ мы изучать эти новые факты? Припомните, какъ вы изучали явленія нашей исторіи XII и XIII вѣковъ на гимназической скамьѣ, т.-е. какъ они излагаются въ краткомъ учебномъ руководствѣ. Приблизительно до половины XII в., до Андрея Боголюбскаго, вниманіе изучающаго сосредоточивается на Кіевской Руси, на ея князьяхъ, на событіяхъ, тамъ происходившихъ. Но съ половины или съ конца XII в. вниманіе ваше довольно круто поворачивалось въ другую сторону, на сѣверо-востокъ, обращалось къ Суздальской землѣ, къ ея князьямъ, къ явленіямъ, тамъ происходившимъ. Историческая сцена мѣняется какъ-то вдругъ, неожиданно, безъ достаточной подготовки зрителя къ такой перемѣнѣ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой перемѣны мы не можемъ дать себѣ яснаго отчета ни въ томъ, куда дѣвалась старая Кіевская Русь, ни въ томъ, откуда выросла Русь новая, верхне-волжская. Обращаясь ко второму періоду нашей исторіи, мы должны начать съ объясненія того, что̀ было виною этой перестановки исторической сцены. Отсюда первый вопросъ при изученіи второго періода — когда и какимъ образомъ масса

русскаго населенія передвинулась въ новый край. Это передвиженіе было слѣдствіемъ разстройства общественнаго порядка, какой установился въ Кіевской Руси. Причины разстройства были довольно сложны и скрывались какъ въ самомъ складѣ жизни этой Руси, такъ и въ ея внѣшней обстановкѣ. Я бѣгло укажу главныя изъ этихъ причинъ.

Внѣшнее благосостояніе Кіевской Руси.

Съ половины XII столѣтія становится замѣтно дѣйствіе условій, разрушавшихъ общественный порядокъ и экономическое благосостояніе Кіевской Руси. Если судить объ этой Руси по быту высшихъ классовъ, можно предполагать въ ней значительные успѣхи матеріальнаго довольства, гражданственности и просвѣщенія. Руководящая сила народнаго хозяйства, внѣшняя торговля, сообщала жизни много движенія, приносила на Русь большія богатства. Денежные знаки обращались въ изобиліи. Не говоря о серебрѣ, въ оборотѣ было много гривенъ золота, слитковъ вѣсомъ въ греческую литру (72 золотника). Въ большихъ городахъ Кіевской Руси XI и XII вв. въ рукахъ князей и бояръ замѣтно присутствіе значительныхъ денежныхъ средствъ, большихъ капиталовъ. Нужно было имѣть въ распоряженіи много свободныхъ богатствъ, чтобы построить изъ такого дорогого матеріала и съ такой художественной роскошью храмъ, подобный кіевскому Софійскому собору Ярослава. Въ половинѣ XII в. смоленскій князь получалъ со своего княжества только дани, не считая другихъ доходовъ, 3000 гривенъ кунъ, что̀ при тогдашней рыночной стоимости серебра представляло сумму не менѣе 150 тысячъ рублей. Владиміръ Мономахъ однажды поднесъ отцу обѣденный подарокъ въ 300 гривенъ золота, а Владимірко, князь галицкій, далъ великому князю Всеволоду въ 1144 г. 1200 гривенъ серебра, чтобы склонить его къ миру. Встрѣчаемъ указанія на большія денежныя средства и у частныхъ лицъ. Сынъ богатаго выѣзжаго

варяга Шимона, служившій тысяцкимъ у Юрія Долгорукаго, пожелавъ оковать гробъ преподобнаго Θеодосія, пожертвовалъ на это 500 фунтовъ серебра и 50 фунтовъ золота. Церковный уставъ Ярослава находилъ возможнымъ назначить большому боярину за самовольный разводъ съ женой пеню: ей „за соромъ", за обиду 300 гривенъ кунъ, а въ пользу митрополита 5 гривенъ золота. Кромѣ денегъ, есть еще извѣстія объ изобильныхъ хозяйственныхъ статьяхъ и запасахъ въ частныхъ имѣніяхъ князей, гдѣ работали сотни челяди, о табунахъ въ тысячи головъ кобылъ и коней, о тысячахъ пудовъ меду, о десяткахъ корчагъ вина; въ сельцѣ у князя Игоря Ольговича, убитаго въ Кіевѣ въ 1147 году, стояло на гумнѣ 900 стогновъ хлѣба.

Культурные успѣхи

Пользуясь приливомъ туземныхъ и заморскихъ богатствъ въ Кіевъ и въ другіе торговые и административные центры, господствующій классъ создалъ себѣ привольную жизнь, нарядно одѣлся и просторно обстроился въ городахъ. Цѣлые вѣка помнили на Руси о воскресныхъ пирахъ кіевскаго князя и доселѣ память о нихъ звучитъ въ богатырской былинѣ, какую поетъ олонецкій или архангельскій крестьянинъ. Матеріальное довольство выражалось въ успѣхахъ искусствъ, книжнаго образованія. Богатства привлекали заморскаго художника и заморскія украшенія жизни. За столомъ кіевскаго князя XI в. гостей забавляли музыкой. До сихъ поръ въ старинныхъ могилахъ и кладахъ южной Руси находятъ относящіяся къ тѣмъ вѣкамъ вещи золотыя и серебряныя часто весьма художественной работы. Уцѣлѣвшіе остатки построекъ XI и XII вв. въ старинныхъ городахъ Кіевской Руси, храмовъ съ ихъ фресками и мозаиками поражаютъ своимъ мастерствомъ того, чей художественный глазъ воспитался на архитектурѣ и живописи Московскаго Кремля. Вмѣстѣ съ богатствами и искусствами изъ Византіи притекали на

Русь также гражданскія и нравственныя понятія; оттуда въ X в. принесено христіанство съ его книгами, законами, съ его духовенствомъ и богослуженіемъ, съ иконописью, вокальной музыкой и церковною проповѣдью. Артеріей, по которой текли на Русь къ Кіеву эти матеріальныя и нравственныя богатства, былъ Днѣпръ, тотъ „батюшка Днѣпръ Словутичъ", о которомъ поетъ русская пѣсня, донесшаяся отъ тѣхъ вѣковъ. Извѣстія XI и XII вв. говорятъ о знакомствѣ тогдашнихъ русскихъ князей съ иностранными языками, объ ихъ любви собирать и читать книги, о ревности къ распространенію просвѣщенія, о заведеніи ими училищъ даже съ греческимъ и латинскимъ языкомъ, о вниманіи, какое они оказывали ученымъ людямъ, приходившимъ изъ Греціи и Западной Европы. Эти извѣстія говорятъ не о рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ или исключительныхъ явленіяхъ, не оказавшихъ никакого дѣйствія на общій уровень просвѣщенія: сохранились очевидные плоды этихъ просвѣтительныхъ заботъ и усилій. Помощью переводной письменности выработался книжный русскій языкъ, образовалась литературная школа, развилась оригинальная литература, и русская лѣтопись XII в. по мастерству изложенія не уступаетъ лучшимъ анналамъ тогдашняго Запада.

Рабовладѣніе.

Но все это составляло лицевую сторону жизни, которая имѣла свою изнанку, какою является бытъ общественнаго низа, низшихъ классовъ общества. Экономическое благосостояніе Кіевской Руси XI и XII вв. держалось на рабовладѣніи. Къ половинѣ XII в. рабовладѣніе достигло тамъ громадныхъ размѣровъ. Уже въ X—XI вв. челядь составляла главную статью русскаго вывоза на черноморскіе и волжско-каспійскіе рынки. Русскій купецъ того времени всюду неизмѣнно является съ главнымъ своимъ товаромъ, съ челядью. Восточные писатели X вѣка въ живой картинѣ

рисуютъ намъ русскаго купца, торгующаго челядью на Волгѣ; выгрузившись, онъ разставлялъ на волжскихъ базарахъ, въ городахъ Болгарѣ или Итилѣ, свои скамьи, лавки, на которыхъ разсаживалъ живой товаръ — рабынь. Съ тѣмъ же товаромъ являлся онъ и въ Константинополь. Когда греку, обывателю Царьграда, нужно было купить раба, онъ ѣхалъ на рынокъ, гдѣ „русскіе купцы приходяще челядь продаютъ": такъ читаемъ въ одномъ посмертномъ чудѣ Николая Чудотворца, относящемся къ половинѣ XI в. Рабовладѣніе было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, на который обращено вниманіе древнѣйшаго русскаго законодательства, сколько можно судить о томъ по Русской Правдѣ: статьи о рабовладѣніи составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и обработанныхъ отдѣловъ въ ея составѣ. Рабовладѣніе было, повидимому, и первоначальнымъ юридическимъ и экономическимъ источникомъ русскаго землевладѣнія. До конца X в. господствующій классъ русскаго общества остается городскимъ по мѣсту и характеру жизни. Управленіе и торговля давали ему столько житейскихъ выгодъ, что онъ еще не думалъ о землевладѣніи. Но прочно усѣвшись въ большомъ днѣпровскомъ городѣ, онъ обратилъ вниманіе и на этотъ экономическій источникъ. Военные походы скопляли въ его рукахъ множество челяди. Наполнивъ ими свои городскія подворья, онъ сбывалъ излишекъ за море: съ X в. челядь, какъ мы знаемъ, на ряду съ мѣхами, была главной статьей русскаго вывоза. Теперь люди изъ высшаго общества стали сажать челядь на землю, примѣнять рабовладѣніе къ землевладѣнію. Признаки частной земельной собственности на Руси появляются не раньше XI в. Въ XII ст. мы встрѣчаемъ нѣсколько указаній на частныхъ земельныхъ собственниковъ. Такими собственниками являются: 1) князья и члены ихъ семействъ, 2) княжіе мужи, 3) церковныя учре-

жденія, монастыри и епископскія каѳедры. Но во всѣхъ извѣстіяхъ о частномъ землевладѣніи XII в. земельная собственность является съ однимъ отличительнымъ признакомъ: она населялась и эксплуатировалась рабами; это — „села съ челядью". Челядь составляла, повидимому, необходимую хозяйственную принадлежность частнаго землевладѣнія свѣтскаго и церковнаго, крупнаго и мелкаго. Отсюда можно заключить, что самая идея о правѣ собственности на землю, о возможности владѣть землею, какъ всякою другою вещью, вытекла изъ рабовладѣнія, была развитіемъ мысли о правѣ собственности на холопа. Эта земля *моя*, потому что *мои* люди, ее обрабатывающіе: таковъ былъ, кажется, діалектическій процессъ, которымъ сложилась у насъ юридическая идея о правѣ земельной собственности. Холопъ-земледѣлецъ, „страдникъ", какъ онъ назывался на хозяйственномъ языкѣ древней Руси, служилъ проводникомъ этой идеи отъ хозяина на землю, юридической связью между ними, какъ тотъ же холопъ былъ для хозяина орудіемъ эксплуатаціи его земли. Такъ возникла древнерусская *боярская вотчина:* привилегированный купецъ-огнищанинъ и витязь-княжъ мужъ X в. превратился въ *боярина*, какъ называется на языкѣ Русской Правды привилегированный землевладѣлецъ. Вслѣдствіе того, что въ XI и XII вв. раба стали сажать на землю, онъ поднялся въ цѣнѣ. Мы знаемъ, что до смерти Ярослава законъ дозволялъ убить чужого раба за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку. Дѣти Ярослава запретили это. Рабовладѣльческія понятія и привычки древнерусскихъ землевладѣльцевъ стали потомъ переноситься и на отношенія послѣднихъ къ вольнымъ рабочимъ, къ крестьянамъ. Русская Правда знаетъ классъ „ролейныхъ", т.-е. земледѣльческихъ наймитовъ или закуповъ. Закупъ близко стоялъ къ холопу, хотя законъ и отличалъ его отъ послѣдняго: это, какъ мы видѣли, неполно-

Порабощеніе вольныхъ рабочихъ.

правный, временно-обязанный крестьянинъ, работавшій на чужой землѣ съ хозяйскимъ инвентаремъ и за нѣкоторыя преступленія (за кражу и побѣгъ отъ хозяина) превращавшійся въ полнаго, *обельнаго* холопа. Въ этомъ угнетенномъ юридическомъ положеніи закупа и можно видѣть дѣйствіе рабовладѣльческихъ привычекъ древнерусскихъ землевладѣльцевъ, переносившихъ на вольнонаемнаго крестьянина взглядъ, какимъ они привыкли смотрѣть на своего раба-земледѣльца. Подъ вліяніемъ такого взгляда въ старинныхъ памятникахъ юридическаго характера наймитъ вопреки закону прямо зовется „челядиномъ". Этимъ смѣшеніемъ вольнаго работника-закупа съ холопомъ можно объяснить одну черту не дошедшаго до насъ договора Владиміра Св. съ волжскими болгарами, заключеннаго въ 1006 году и изложеннаго Татищевымъ въ его Исторіи Россіи: болгарскимъ купцамъ, торговавшимъ по русскимъ городамъ, запрещено было ѣздить по русскимъ селамъ и продавать товары „огневтинѣ и смердинѣ". *Смердина* — свободные крестьяне, жившіе на княжескихъ или государственныхъ земляхъ; *огневтина* — рабочее населеніе частно-владѣльческихъ земель безъ различія челяди и наймитовъ. Строгость, съ какою древнерусскій законъ преслѣдовалъ ролейнаго наймита за побѣгъ отъ хозяина безъ расплаты, обращая его въ полнаго холопа, свидѣтельствуетъ въ одно время и о нуждѣ землевладѣльцевъ въ рабочихъ рукахъ, и о стремленіи наемныхъ рабочихъ, закуповъ, выйти изъ своего тяжелаго юридическаго положенія. Такія отношенія складывались изъ господствовавшихъ интересовъ времени. Обогащеніемъ и порабощеніемъ создавалось общественное положеніе лица. Въ одномъ произведеніи русскаго митрополита XII в. Климента Смолятича изображается современный ему русскій человѣкъ, добивающійся славы, знатности: онъ прилагаетъ домъ къ дому, село къ селу, набираетъ себѣ

бортей и пожень, „изгоевъ и сябровъ", подневольныхъ людей. Такимъ образомъ экономическое благосостояніе и успѣхи общежитія Кіевской Руси куплены были цѣною порабощенія низшихъ классовъ; привольная жизнь общественныхъ вершинъ держалась на юридическомъ приниженіи массъ простого народа. Эта приниженность обострялась еще рѣзкимъ имущественнымъ неравенствомъ между классами русскаго общества по большимъ городамъ XI и XII вв. Начальная лѣтопись вскрываетъ предъ нами эту соціальную черту, обычную особенность быта, строящагося усиленной работой торгово-промышленнаго капитала. Въ 1018 году новгородцы рѣшили на вѣчѣ сложиться, чтобы нанять за моремъ варяговъ на помощь Ярославу въ борьбѣ его съ кіевскимъ братомъ Святополкомъ. По общественной раскладкѣ постановили собрать съ простыхъ людей по 4 куны, а съ бояръ по 18 гривенъ кунъ. Кунъ въ гривнѣ считалось 25: значитъ, высшій классъ общества былъ обложенъ въ 112½ разъ тяжелѣе сравнительно съ простыми гражданами. Это приниженное юридическое и экономическое положеніе рабочихъ классовъ и было однимъ изъ условій, колебавшихъ общественный порядокъ и благосостояніе Кіевской Руси. Порядокъ этотъ не имѣлъ опоры въ низшихъ классахъ населенія, которымъ онъ давалъ себя чувствовать только своими невыгодными послѣдствіями.

Княжескія усобицы.

Князья своими владѣльческими отношеніями сообщали усиленное дѣйствіе этому неблагопріятному условію. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія сопровождался крайне бѣдственными слѣдствіями для народнаго хозяйства. Въ постоянныхъ своихъ усобицахъ князья мало думали о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ, о территоріальномъ расширеніи своихъ областей, въ которыхъ они являлись временными владѣльцами: но тяготясь малонаселенностью своихъ частныхъ имѣній, они старались заселить ихъ искусственно. Лучшимъ

средствомъ для этого былъ *полонъ*. Поэтому ихъ общей военной привычкой было, вторгнувшись во враждебную страну, разорить ее и набрать какъ можно больше плѣнныхъ. Плѣнники по тогдашнему русскому праву обращались въ рабство и селились на частныхъ земляхъ князя и его дружины, съ которой князь дѣлился своей добычей. Ослѣпленный князь Василько въ горѣ своемъ вспомнилъ, какъ нѣкогда онъ имѣлъ намѣреніе захватить болгаръ дунайскихъ и посадить ихъ въ своемъ Теребовльскомъ княжествѣ. Поговорка, ходившая о князѣ конца XII в. Романѣ волынскомъ („худымъ живеши, литвою ореши"), показываетъ, что онъ сажалъ литовскихъ плѣнниковъ на свои княжескія земли, какъ крѣпостныхъ или обязанныхъ работниковъ. Эти колонизаторскія заботы на счетъ иноземныхъ сосѣдей были неудобны только тѣмъ, что вызывали и съ противной стороны соотвѣтственную отместку. Гораздо хуже было то, что подобные пріемы войны князья во время усобицъ примѣняли и къ своимъ. Первымъ дѣломъ ихъ было, вступивъ въ княжество соперника-родича, пожечь его села и забрать или истребить его „жизнь", т.-е. его хозяйственные запасы, хлѣбъ, скотъ, челядь. Владиміръ Мономахъ былъ самый добрый и умный изъ Ярославичей XI—XII вв., но и онъ не чуждъ былъ этого хищничества. Въ своемъ Поученіи дѣтямъ онъ разсказываетъ, какъ напавши разъ врасплохъ на Минскъ, онъ не оставилъ тамъ „ни челядина, ни скотины". Въ другой разъ сынъ его Ярополкъ (1116 г.) захватилъ Друцкъ въ томъ же Минскомъ княжествѣ и всѣхъ жителей этого города перевелъ въ свою Переяславскую волость, построивши для нихъ новый городъ при впаденіи Сулы въ Днѣпръ. Лѣтописецъ XII в., разсказывая объ удачномъ вторженіи князя въ чужую волость, иногда заканчиваетъ разсказъ замѣчаніемъ, что побѣдители воротились, „споло-

нившись челядью и скотомъ". Обращали въ рабство и плѣнныхъ соотечественниковъ: послѣ неудачнаго нападенія рати Андрея Боголюбскаго на Новгородъ въ 1169 году тамъ продавали плѣнныхъ суздальцевъ по 2 ногаты человѣка. Такъ же поступали съ плѣнною Русью половцы, которыхъ князья русскіе въ своихъ усобицахъ не стыдились наводить на Русскую землю. Превратившись въ хищническую борьбу за рабочія руки, сопровождавшуюся уменьшеніемъ свободнаго населенія, княжескія усобицы еще болѣе увеличивали тяжесть положенія низшихъ классовъ, и безъ того приниженныхъ аристократическимъ законодательствомъ XI — XII вв.

Половецкія нападенія.

Внѣшнія отношенія Кіевской Руси прибавляли къ указаннымъ условіямъ еще новое, наиболѣе гибельно дѣйствовавшее на ея общественный порядокъ и благосостояніе. Изучая жизнь этой Руси, ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что она основалась на окраинѣ культурно-христіанскаго міра, на берегу Европы, за которымъ простиралось безбрежное море степей, служившихъ преддверіемъ Азіи. Эти степи со своимъ кочевымъ населеніемъ и были историческимъ бичемъ для древней Руси. Послѣ пораженія, нанесеннаго Ярославомъ печенѣгамъ въ 1036 г., русская степь на нѣкоторое время очистилась; но вслѣдъ за смертью Ярослава съ 1061 года начались непрерывныя нападенія на Русь новыхъ степныхъ ея сосѣдей половцевъ (куманъ). Съ этими половцами Русь боролась упорно въ XI и XII ст. Эта борьба — главный предметъ лѣтописнаго разсказа и богатырской былины. Половецкія нападенія оставляли по себѣ страшные слѣды на Руси. Читая лѣтопись того времени, мы найдемъ въ ней сколько угодно яркихъ красокъ для изображенія бѣдствій, какія испытывала Русь со степной стороны. Нивы забрасывались, заростали травою и лѣсомъ; гдѣ паслись стада, тамъ водворялись звѣри. Половцы умѣли подкрадываться къ самому

Кіеву: въ 1096 году ханъ Бонякъ „шелудивый“ чуть не въѣхалъ въ самый городъ, ворвался въ Печерскій монастырь, когда монахи спали послѣ заутрени, ограбилъ и зажегъ его. Города, даже цѣлыя области пустѣли. Въ XI в. Поросье (край по рѣкѣ Роси, западному притоку Днѣпра ниже Кіева) съ Ярославова времени является хорошо заселенной страной. Здѣсь жило смѣшанное населеніе: рядомъ съ плѣнниками ляхами, которыхъ сажалъ здѣсь Ярославъ, селились русскіе выходцы и мирные кочевники, торки, берендѣи, даже печенѣги, спасшіеся отъ половцевъ и примкнувшіе къ Руси для борьбы съ ними. Эти мирные инородцы вели полукочевой образъ жизни: лѣтомъ они бродили по сосѣднимъ степямъ со своими стадами и вежами (шатрами или кибитками), а зимой или на время опасности укрывались въ свои укрѣпленныя становища и города по Роси, составлявшіе сторожевыя военныя поселенія по степной границѣ. Русскіе въ отличіе отъ дикихъ половцевъ звали ихъ „своими погаными“. Въ концѣ XI ст. Поросье стало особой епархіей, каѳедра которой находилась въ Юрьевѣ на Роси, городѣ, построенномъ Ярославомъ и названномъ по его христіанскому имени (Ярославъ-Георгій или Юрій). Обитатели Поросья жили въ постоянной тревогѣ отъ нападеніи изъ степи. Въ 1095 году юрьевцы подверглись новому нападенію и, наскучивъ постоянными опасностями отъ половцевъ, всѣ ушли въ Кіевъ, а половцы сожгли опустѣлый городъ. Великій князь Святополкъ построилъ для переселенцевъ новый городъ на Днѣпрѣ ниже Кіева Святополчъ; скоро къ нимъ присоединились другіе бѣглецы со степной границы. Еще большія опасности переживала также сосѣдняя со степью Переяславская земля: по тамошнимъ рѣкамъ Трубежу, Супою, Сулѣ, Хоролю происходили чуть не ежегодныя, въ иные годы неоднократныя встрѣчи Руси съ половцами;

въ продолженіе XII в. эта область постепенно пустѣла. Подъ гнетомъ этихъ тревогъ и опасностей, при возраставшихъ усобицахъ князей, почва общественнаго порядка въ Кіевской Руси становилась зыбкой, ежеминутно грозившей погромомъ: возникало сомнѣніе въ возможности жить при такихъ условіяхъ. Въ 1069 году, когда Изяславъ, изгнанный кіевлянами за нерѣшительность въ борьбѣ съ половцами, шелъ на Кіевъ съ польской помощью, кіевское вѣче просило его братьевъ Святослава и Всеволода защитить городъ своего отца: „а не хотите, прибавили кіевляне, — намъ ничего больше не остается дѣлать — зажжемъ свой городъ и уйдемъ въ Греческую землю". Русь истощалась въ средствахъ борьбы съ варварами. Никакими мирами и договорами нельзя было сдержать ихъ хищничества, бывшаго ихъ привычнымъ промысломъ. Мономахъ заключилъ съ ними 19 мировъ, передавалъ имъ множество платья и скота,—и все напрасно. Съ той же цѣлью князья женились на ханскихъ дочеряхъ; но тесть попрежнему грабилъ область своего русскаго зятя безъ всякаго вниманія къ свойству. Русь окапывала свои степныя границы валами, огараживала цѣпью острожковъ и военныхъ поселеній, предпринимала походы въ самыя степи; дружинамъ въ пограничныхъ со степью областяхъ приходилось чуть не постоянно держать своихъ коней за поводъ въ ожиданіи похода. Этой изнурительной борьбой былъ выработанъ особаго типа богатырь, — не тотъ богатырь, о которомъ поетъ богатырская былина, а его историческій подлинникъ, какимъ является въ лѣтописи Демьянъ Куденевичъ, жившій въ Переяславлѣ Русскомъ въ половинѣ XII в. Онъ со слугой и пятью молодцами выѣзжалъ на цѣлое войско и обращалъ его въ бѣгство, разъ выѣхалъ на половецкую рать совсѣмъ одинъ, даже одѣтый подомашнему, безъ шлема и панцыря, перебилъ множество половцевъ, но самъ былъ изстрѣлянъ

непріятелями и чуть живой воротился въ городъ. Такихъ „храбровъ“ звали тогда *людьми Божіими*. Это были ближайшіе преемники варяжскихъ витязей, пересѣвшіе съ рѣчной лодки на степного коня, и отдаленные предшественники днѣпровскаго козачества, воевавшаго съ крымскими татарами и турками и на конѣ, и на лодкѣ. Такихъ богатырей много подвизалось и полегло въ смежныхъ со степью русскихъ областяхъ XI и XII вв. Одно старинное географическое описаніе югозападной Руси XVI в. изображаетъ одну мѣстность на пути между Переяславлемъ Русскимъ и Кіевомъ въ видѣ богатырскаго кладбища: „а тутъ богатыри кладутся русскіе“. До смерти Мономахова сына Мстислава (1132 г.) Русь еще съ успѣхомъ отбивала половцевъ отъ границъ своихъ и даже иногда удачно проникала въ самую глубь половецкихъ степей; но со смерти этого дѣятельнаго Мономаховича ей очевидно становилось не подъ силу сдерживать напоръ кочевниковъ и она начинала отступать передъ ними. Отъ этихъ нападеній, разумѣется, всего болѣе страдало сельское пограничное населеніе, не прикрытое отъ враговъ городскими стѣнами. На княжескомъ съѣздѣ въ 1103 г. Владиміръ Мономахъ живо изобразилъ великому князю Святополку тревожную жизнь крестьянъ въ пограничныхъ со степью областяхъ: „весною“, говорилъ князь, „выѣдетъ смердъ въ поле пахать на лошади и пріѣдетъ половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою и возьметъ его лошадь, потомъ пріѣдетъ въ село, заберетъ его жену, дѣтей и все имущество, да и гумно его зажжетъ“. Эта почти двухвѣковая борьба Руси съ половцами имѣетъ свое значеніе въ европейской исторіи. Въ то время, какъ Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азіатскій Востокъ, когда и на Пиренейскомъ полуостровѣ началось такое же движеніе противъ мавровъ, Русь своей

степной борьбой прикрывала лѣвый флангъ европейскаго наступленія. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее съ насиженныхъ днѣпровскихъ мѣстъ и круто измѣнила направленіе ея дальнѣйшей жизни.

Запустѣніе Кіевской Руси.

Подъ давленіемъ этихъ трехъ неблагопріятныхъ условій, юридическаго и экономическаго приниженія низшихъ классовъ, княжескихъ усобицъ и половецкихъ нападеній, съ половины XII в. становятся замѣтны признаки запустѣнія Кіевской Руси, Поднѣпровья. Рѣчная полоса по среднему Днѣпру съ притоками, издавна такъ хорошо заселенная, съ этого времени пустѣетъ, населеніе ея исчезаетъ куда-то. Самымъ выразительнымъ указаніемъ на это служитъ одинъ эпизодъ изъ исторіи княжескихъ усобицъ. Въ 1157 году умеръ сидѣвшій въ Кіевѣ Мономаховичъ великій князь Юрій Долгорукій; мѣсто его на великокняжескомъ столѣ занялъ старшій изъ черниговскихъ князей Изяславъ Давидовичъ. Этотъ Изяславъ по очереди старшинства долженъ былъ уступить черниговскій столъ съ областью своему младшему родичу двоюродному брату Святославу Ольговичу, княжившему въ Новгородѣ Сѣверскомъ. Но Изяславъ отдалъ Святославу не всю Черниговскую область, а только старшій городъ Черниговъ съ семью другими городами. Въ 1159 г. Изяславъ собрался въ походъ на недруговъ своихъ, князей галицкаго Ярослава и волынскаго Мстислава, и звалъ Святослава къ себѣ на помощь; но Святославъ отказался. Тогда старшій братъ послалъ ему такую угрозу: „смотри, братъ! когда, Богъ дастъ, управлюсь въ Галичѣ, тогда ужъ не пеняй на меня, какъ поползешь ты изъ Чернигова обратно къ Новгороду Сѣверскому“. На эту угрозу Святославъ отвѣчалъ такими многознаменательными словами: „Господи, ты видишь мое смиреніе, сколько я поступался своимъ, не

хотя лить крови христіанской, губить своей отчины; взялъ я городъ Черниговъ съ семью другими городами, да и то пустыми: живутъ въ нихъ псари да половцы“. Значитъ, въ этихъ городахъ остались лишь княжескіе дворовые люди да мирные половцы, перешедшіе на Русь. Къ нашему удивленію, въ числѣ этихъ семи запустѣлыхъ городовъ Черниговской земли мы встрѣчаемъ и одинъ изъ самыхъ старинныхъ и богатыхъ городовъ Поднѣпровья Любечъ. Одновременно съ признаками отлива населенія изъ Кіевской Руси замѣчаемъ и слѣды упадка ея экономическаго благосостоянія: Русь, пустѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднѣла. Указаніе на это находимъ въ исторіи денежнаго обращенія въ XII в. Изучая Русскую Правду, мы уже увидѣли, что вѣсъ мѣнового знака, серебряной гривны кунъ, при Ярославлѣ и Мономахѣ содержавшей въ себѣ около полуфунта серебра, съ половины XII в. сталъ быстро падать — знакъ, что начали засариваться каналы, которыми притекали на Русь драгоцѣнные металлы, т.-е. пути внѣшней торговли, и серебро дорожало. Во второй половинѣ XII в. вѣсъ гривны кунъ упалъ уже до 24 золотниковъ, а въ XIII в. падаетъ еще ниже, такъ что въ Новгородѣ около 1230 г. ходили гривны кунъ вѣсомъ въ 12—13 зол. Лѣтописецъ объясняетъ намъ и причину этого вздорожанія серебра. Внѣшніе торговые обороты Руси все болѣе стѣснялись торжествовавшими кочевниками; прямое указаніе на это находимъ въ словахъ одного южнаго князя второй половины XII в. Знаменитый соперникъ Андрея Боголюбскаго Мстиславъ Изяславичъ волынскій въ 1167 г. старался подвинуть свою братію князей въ походъ на степныхъ варваровъ. Онъ указывалъ на бѣдственное положеніе Руси: „пожалѣйте“, говорилъ онъ, о „Русской землѣ, о своей отчинѣ: каждое лѣто поганые уводятъ христіанъ въ свои вежи, а вотъ уже и пути у насъ отнимаютъ“, и тутъ же

перечислилъ черноморскіе пути русской торговли, упомянувъ между ними и *греческій*. Въ продолженіе XII в. чуть не каждый годъ князья спускались изъ Кіева съ вооруженными отрядами, чтобы встрѣтить и проводить „гречниковъ", русскихъ купцовъ, шедшихъ въ Царьградъ и другіе греческіе города или возвращающихся оттуда. Это вооруженное конвоированіе русскихъ торговыхъ каравановъ было важной правительственной заботой князей. Очевидно, во второй половинѣ XII столѣтія князья со своими дружинами уже становятся безсильны въ борьбѣ со степнымъ напоромъ и стараются по крайней мѣрѣ удержать въ своихъ рукахъ пролегавшіе черезъ степь рѣчные пути русской внѣшней торговли.

Вотъ рядъ явленій, указывающихъ, какія неустройства скрывались въ глубинѣ русскаго общества подъ видимой блестящей поверхностью кіевской жизни и какія бѣдствія приходили на него со стороны. Теперь предстоитъ рѣшить вопросъ, куда дѣвалось населеніе пустѣвшей Кіевской Руси, въ какую сторону отливали низшіе рабочіе классы, уступавшіе свое мѣсто въ Поднѣпровьѣ княжескимъ дворовымъ людямъ и мирнымъ половцамъ.

Отливъ населенія на З.

Отливъ населенія изъ Поднѣпровья шелъ въ двухъ направленіяхъ, двумя противоположными струями. Одна струя направлялась на Западъ, за Западный Бугъ, въ область верхняго Днѣстра и верхней Вислы, въ глубь Галиціи и Польши. Такъ южнорусское населеніе изъ Приднѣпровья возвращалось на давно-забытыя мѣста, покинутыя его предками еще въ VII в. Слѣды отлива въ эту сторону обнаруживаются въ судьбѣ двухъ окрайныхъ княжествъ, Галицкаго и Волынскаго. По положенію своему въ политической іерархіи русскихъ областей эти княжества принадлежали къ числу младшихъ. Галицкое княжество, одно изъ выдѣ-

ленныхъ, сиротскихъ по генеалогическому положенію своихъ князей, принадлежавшихъ къ одной изъ младшихъ линій Ярославова рода, уже во второй половинѣ XII в. дѣлается однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ на югозападѣ: князь его отворяетъ ворота Кіеву, какъ говоритъ Слово о полку Игоревѣ про Ярослава Осмомысла. Съ конца XII в., при князьяхъ Романѣ Мстиславовичѣ, присоединившемъ Галицію къ своей Волыни, и его сынѣ Данилѣ, соединенное княжество замѣтно растетъ, густо заселяется, князья его быстро богатѣютъ, несмотря на внутреннія смуты, распоряжаются дѣлами югозападной Руси и самимъ Кіевомъ; Романа лѣтопись величаетъ „самодержцемъ всей Русской земли". Этимъ наплывомъ русскихъ переселенцевъ, можетъ быть, объясняются извѣстія XIII и XIV вв. о православныхъ церквахъ въ Краковской области и въ другихъ мѣстностяхъ юговосточной Польши.

Малороссійское племя.

Въ связи съ этимъ отливомъ населенія на западъ объясняется одно важное явленіе въ русской этнографіи, именно образованіе малороссійскаго племени. Запустѣніе днѣпровской Руси, начавшееся въ XII в., было завершено въ XIII в. татарскимъ погромомъ 1229—1240 гг. Съ той поры старинныя области этой Руси, нѣкогда столь густо заселенныя, надолго превратились въ пустыню со скуднымъ остаткомъ прежняго населенія. Еще важнѣе было то, что разрушился политическій и народно-хозяйственный строй всего края. Вскорѣ послѣ татарскаго погрома, въ 1246 году, проѣзжалъ изъ Польши черезъ Кіевъ на Волгу къ татарамъ папскій миссіонеръ Плано-Карпини. Въ своихъ запискахъ онъ замѣчаетъ, что на пути изъ Владиміра Волынскаго къ Кіеву онъ ѣхалъ въ постоянномъ страхѣ отъ Литвы, которая часто дѣлаетъ нападенія на эти края Руси, но что отъ Руси онъ былъ вполнѣ безопасенъ, Руси здѣсь осталось

очень мало: большая часть ея либо перебита, либо уведена въ плѣнъ татарами. На всемъ пройденномъ имъ пространствѣ южной Руси въ Кіевской и Переяславской землѣ Плано-Карпини встрѣчалъ по пути лишь безчисленное множество человѣческихъ костей и череповъ, разбросанныхъ по полямъ. Въ самомъ Кіевѣ, прежде столь обширномъ и многолюдномъ городѣ, едва насчитывали при немъ 200 домовъ, обыватели которыхъ терпѣли страшное угнетеніе. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 2—3 вѣковъ Кіевъ испыталъ много превратностей, нѣсколько разъ падалъ и поднимался. Такъ, едва оправившись отъ разгрома 1240 года, онъ въ 1299 году опять разбѣжался отъ насилій татарскихъ. По опустѣвшимъ степнымъ границамъ Кіевской Руси бродили остатки ея старинныхъ сосѣдей, печенѣговъ, половцевъ, торковъ и другихъ инородцевъ. Въ такомъ запустѣніи оставались южныя области Кіевская, Переяславская и частью Черниговская едва ли не до половины XV ст. Послѣ того какъ югозападная Русь съ Галиціей въ XIV в. была захвачена Польшей и Литвой, днѣпровскія пустыни стали юговосточною окраиной соединеннаго Польско-литовскаго государства. Въ документахъ XIV в. для югозападной Руси появляется названіе *Малая Россія.* Съ XV в. становится замѣтно вторичное заселеніе средняго Приднѣпровья, облегченное двумя обстоятельствами: 1) южная степная окраина Руси стала безопаснѣе вслѣдствіе распаденія Орды и усиленія Московской Руси; 2) въ предѣлахъ Польскаго государства прежнее оброчное крестьянское хозяйство въ XV в. стало замѣняться барщиной и крѣпостное право получило ускоренное развитіе, усиливъ въ порабощаемомъ сельскомъ населеніи стремленіе уходить отъ панскаго ярма на болѣе привольныя мѣста. Совмѣстнымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ обстоятельствъ и былъ вызванъ усиленный отливъ крестьянскаго населенія

изъ Галиціи и изъ внутреннихъ областей Польши на юго-восточную приднѣпровскую окраину Польскаго государства. Руководителями этой колонизаціи явились богатые польскіе вельможи, пріобрѣтавшіе себѣ обширныя вотчины на этой украйнѣ. Благодаря тому стали быстро заселяться пустѣвшія дотолѣ области старой Кіевской Руси. Конецпольскіе, Потоцкіе, Вишневецкіе на своихъ обширныхъ степныхъ вотчинахъ въ короткое время выводили десятки и сотни городовъ и мѣстечекъ съ тысячами хуторовъ и селеній. Польскіе публицисты XVI в. жалуются, указывая на два одновременныя явленія: на невѣроятно быстрое заселеніе пустынныхъ земель по Днѣпру, Восточному Бугу и Днѣстру и на запустѣніе многолюдныхъ прежде мѣстечекъ и селъ въ центральныхъ областяхъ Польши. Когда такимъ образомъ стала заселяться днѣпровская украйна, то оказалось, что масса пришедшаго сюда населенія чисто-русскаго происхожденія. Отсюда можно заключить, что большинство колонистовъ, приходившихъ сюда изъ глубины Польши, изъ Галиціи и Литвы, были потомки той Руси, которая ушла съ Днѣпра на западъ въ XII и XIII вв. и въ продолженіе двухъ-трехъ столѣтій, живя среди литвы и поляковъ, сохранила свою народность. Эта Русь, возвращаясь теперь на свои старыя пепелища, встрѣтилась съ бродившими здѣсь остатками старинныхъ кочевниковъ торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ и др. Я не утверждаю рѣшительно, что путемъ смѣшенія возвращавшейся на свои древнія днѣпровскія жилища или оставшейся здѣсь Руси съ этими восточными инородцами образовалось малорусское племя, потому что и самъ не имѣю и въ исторической литературѣ не нахожу достаточныхъ основаній ни принимать, ни отвергать такое предположеніе; равно не могу сказать, достаточно ли выяснено, когда и подъ какими вліяніями образовались діалектическія особенности, отличающія мало-

русское нарѣчіе какъ отъ древняго кіевскаго, такъ и отъ великорусскаго. Я говорю только, что въ образованіи малорусскаго племени, какъ вѣтви русскаго народа, принимало участіе обнаружившееся или усилившееся съ VI в. обратное движеніе къ Днѣпру русскаго населенія, отодвинувшагося оттуда на западъ, къ Карпатамъ и Вислѣ, въ XII—XIII вв.

Другая струя колонизаціи изъ Приднѣпровья направилась въ противоположный уголъ Русской земли, на сѣверовостокъ за рѣку Угру, въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Это движеніе слабо отмѣчено современными наблюдателями: оно шло тихо и постепенно въ низшихъ классахъ общества, потому и не скоро было замѣчено людьми, стоявшими на общественной вершинѣ. Но сохранились слѣды, указывающіе на это движеніе.

Проложеніе прямого пути на С.-В. въ Суздальскій край.

I. До половины XII в. не замѣтно прямого сообщенія Кіевской Руси съ отдаленнымъ Ростовско-Суздальскимъ краемъ. Заселеніе этой сѣверовосточной окраины Руси славянами началось задолго до XII в. и русская колонизація его первоначально шла преимущественно съ сѣверозапада, изъ Новгородской земли, къ которой принадлежалъ этотъ край при первыхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь еще до XII в. возникло нѣсколько русскихъ городовъ, каковы Ростовъ, Суздаль, Ярославль, Муромъ и др. Въ главныхъ изъ нихъ по временамъ появлялись русскіе князья. Такъ при Владимірѣ въ Ростовѣ сидѣлъ его сынъ Борисъ, въ Муромѣ на Окѣ другой сынъ Глѣбъ. Любопытно, что когда ростовскому или муромскому князю приходилось ѣхать на Югъ въ Кіевъ, онъ ѣхалъ не прямой дорогой, а дѣлалъ длинный объѣздъ въ сторону. Въ 1015 г. Глѣбъ муромскій, узнавши о болѣзни отца, поѣхалъ въ Кіевъ навѣстить его. Путь, которымъ онъ ѣхалъ, обозначенъ извѣстіемъ, что на Волгѣ, при устьѣ рѣки Тьмы, конь князя споткнулся и повредилъ ногу

всаднику: рѣка Тьма—лѣвый притокъ Волги повыше Твери. Добравшись до Смоленска, Глѣбъ хотѣлъ спуститься Днѣпромъ къ Кіеву, но тутъ настигли его посланные Святополкомъ убійцы. Еще любопытнѣе, что и народная богатырская былина запомнила время, когда не было прямой дороги изъ Мурома къ Кіеву. Илья Муромецъ, пріѣхавъ въ Кіевъ, разсказывалъ богатырямъ за княжимъ столомъ, какимъ путемъ онъ ѣхалъ со своей родины:

А́ проѣхалъ я дорогой прямоѣзжею
Изъ стольнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Карачарова.
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
А ласково солнце Владимиръ князь!
Въ очахъ дѣтина завирается:
А гдѣ ему проѣхать дорогу прямоѣзжую;
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья разбойника.

Около половины XII в. начинаетъ понемногу прокладываться и прямоѣзжая дорога изъ Кіева на отдаленный суздальскій Сѣверъ. Владиміръ Мономахъ, неутомимый ѣздокъ, на своемъ вѣку изъѣздившій Русскую землю вдоль и поперекъ, говоритъ въ Поученіи дѣтямъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвальбы, что одинъ разъ онъ проѣхалъ изъ Кіева въ Ростовъ „сквозь вятичей". Значитъ, нелегкое дѣло было проѣхать этимъ краемъ съ Днѣпра къ Ростову. Край вятичей былъ глухою лѣсной страной; уйти въ лѣса къ вятичамъ значило спрятаться такъ, чтобы никто не нашелъ. Черниговскіе князья, которымъ принадлежало племя вятичей, часто искали здѣсь убѣжища, побитые своею братіею. На пространствѣ между верхней Окой и Десною отъ города Карачева до Козельска и далѣе къ сѣверу, т.-е. въ значительной части нынѣшнихъ Орловской и Калужской губерній

тянулись дремучіе лѣса, столь извѣстные въ нашихъ сказаніяхъ о разбойникахъ подъ именемъ *Брынскихъ* (Брынь — старинная волость, нынѣ село Жиздринскаго уѣзда, на Брынкѣ или Брыни, притокѣ Жиздры, Калужской губерніи). Городъ Брянскъ на Деснѣ въ самомъ своемъ имени сохранилъ память объ этомъ тогда лѣсистомъ и глухомъ краѣ: Брянскъ — собственно *Дебрянскъ* (отъ дебрей). Вотъ почему Суздальская земля называлась въ старину *Залѣсской:* это названіе дано ей Кіевской Русью, отъ которой она была отдѣлена дремучими лѣсами вятичей. Эти дремучіе лѣса и стали прочищаться съ половины XII в. Если Мономахъ еще съ трудомъ проѣхалъ здѣсь въ Ростовъ съ малой дружиной, то сынъ его Юрій Долгорукій, во время упорной борьбы со своимъ волынскимъ племянникомъ Изяславомъ (1149—1154), водилъ уже прямой дорогой изъ Ростова къ Кіеву цѣлые полки. Это заставляетъ предполагать какое-то движеніе въ населеніи, прочищавшее путь въ этомъ направленіи сквозь непроходимые лѣса.

Колонизація Суздальскаго края.

II. Находимъ указаніе и на это движеніе. Въ то время, когда стали жаловаться на запустѣніе южной Руси, въ отдаленномъ Суздальскомъ краѣ замѣчаемъ усиленную строительную работу. При князьяхъ Юріи Долгорукомъ и Андреѣ здѣсь возникаютъ одинъ за другимъ новые города. Въ 1134 г. Юрій строитъ городъ Кснятинъ при впаденіи Большой Нерли въ Волгу (подъ Калязиномъ). Въ 1147 г. становится извѣстенъ городокъ Москва. Въ 1150 г. Юрій строитъ Юрьевъ „въ полѣ“ (или Польскій, нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи) и переноситъ на новое мѣсто возникшій около этого же времени городъ Переяславль-Залѣсскій. Въ 1154 г. онъ основалъ на рѣкѣ Яхромѣ городъ Дмитровъ, названный такъ въ честь Юрьева сына Димитрія-Всеволода, родившагося въ томъ же году во время „полюдья“, когда князь съ женой

объѣзжалъ свою волость для сбора дани. Около 1155 г. Андрей Боголюбскій основалъ городъ Боголюбовъ пониже Владиміра на Клязьмѣ. Извѣстія объ основаніи городовъ сопровождаются въ лѣтописи извѣстіями о построеніи церквей. Оба князя, отецъ и сынъ, являются самыми усердными храмоздателями въ Суздальской землѣ. Появленіе перечисленныхъ городовъ отмѣчено въ древней лѣтописи. Изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что тогда же возникло много другихъ городовъ въ Суздальской землѣ. По лѣтописямъ, Тверь становится извѣстна не раньше XIII в.; но она является уже порядочнымъ городомъ въ сказаніи о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери, составленномъ при жизни Андрея, т.-е. до 1174 г. Татищевъ въ своемъ лѣтописномъ сводѣ говоритъ, что съ княженія Юрія Долгорукаго въ своихъ источникахъ, теперь исчезнувшихъ, онъ началъ встрѣчать цѣлый рядъ другихъ новыхъ городовъ въ сѣверной Руси, которые не были извѣстны до того времени: таковы, напр., Городецъ на Волгѣ, Кострома, Стародубъ на Клязьмѣ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ, при впаденіи Протвы въ Оку (подъ Серпуховомъ) и др. Самъ Андрей Боголюбскій хвалился своею колонизаторскою дѣятельностью. Задумавъ основать во Владимірѣ на Клязьмѣ особую русскую митрополію, независимую отъ Кіевской, князь говорилъ своимъ боярамъ: „я всю Бѣлую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ“.

III. Далѣе, встрѣчаемъ признакъ, прямо указывающій на то, откуда шло населеніе, наполнявшее эти новые суздальскіе города и великія села. Надобно вслушаться въ названія новыхъ суздальскихъ городовъ: Переяславль, Звенигородъ, Стародубъ, Вышгородъ, Галичъ, — все это южно-русскія названія, которыя мелькаютъ чуть не на каждой страницѣ старой кіевской лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ въ южной Руси; Ея источники.

однихъ Звенигородовъ было нѣсколько въ землѣ Кіевской и Галицкой. Имена кіевскихъ рѣчекъ Лыбеди и Почайны встрѣчаются въ Рязани, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ. Извѣстна рѣчка Ирпень въ Кіевской землѣ, притокъ Днѣпра, на которой по преданію (впрочемъ сомнительному) Гедиминъ въ 1321 г. разбилъ южно-русскихъ князей; Ирпенью называется и притокъ Клязьмы во Владимірскомъ уѣздѣ. Имя самого Кіева не было забыто въ Суздальской землѣ: село Кіево на Кіевскомъ оврагѣ знаютъ старинные акты XVI столѣтія въ Московскомъ уѣздѣ; Кіевка— притокъ Оки въ Калужскомъ уѣздѣ, село Кіевцы близъ Алексина въ Тульской губ. Но всего любопытнѣе въ исторіи передвиженія географическихъ названій кочеванье одной группы именъ. Въ древней Руси извѣстны были три Переяславля: Южный или Русскій (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи), Переяславль Рязанскій (нынѣшняя Рязань) и Переяславль Залѣсскій (уѣздный городъ Владимірской губерніи). Каждый изъ этихъ трехъ одноименныхъ городовъ стоитъ на рѣкѣ Трубежѣ. Это перенесеніе южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальскій Сѣверъ было дѣломъ переселенцевъ, приходившихъ сюда съ кіевскаго Юга. Извѣстенъ обычай всѣхъ колонистовъ уносить съ собою на новыя мѣста имена покидаемыхъ жилищъ: по городамъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки можно репетировать географію доброй доли Стараго Свѣта. Въ позднѣйшемъ источникѣ находимъ и другой слѣдъ, указывающій на то же направленіе русской колонизаціи. Татищевъ въ своемъ сводѣ разсказываетъ, что Юрій Долгорукій, начавъ строить новые города въ своей Суздальской волости, заселялъ ихъ, собирая людей отовсюду и давая имъ „немалую ссуду". Благодаря этому, въ города его приходили во множествѣ не только русскіе, но и болгары, мордва и венгры и „предѣлы яко

многими тысячами людей наполняли". Какимъ образомъ могли очутиться среди этихъ пришельцевъ даже венгры? Противникомъ Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ съ волынскимъ племянникомъ былъ союзникъ послѣдняго венгерскій король. Очевидно, Юрій переводилъ на сѣверъ въ свои новые города плѣнныхъ венгровъ, попадавшихся ему въ бояхъ на Югѣ.

Указанія былинъ.

IV. Наконецъ, встрѣчаемъ еще одно указаніе на то же направленіе колонизаціи и притомъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать такого указанія,— въ народной русской поэзіи. Извѣстно, что циклъ былинъ о могучихъ богатыряхъ Владимірова времени сложился на Югѣ; но теперь тамъ не помнятъ этихъ былинъ и давно позабыли о Владиміровыхъ богатыряхъ. Тамъ ихъ мѣсто заняли козацкія думы, воспѣвающія подвиги козаковъ въ борьбѣ съ ляхами, татарами и турками. Эти думы, слѣдовательно, отражаютъ въ себѣ совсѣмъ другую историческую эпоху—XVI и XVII вв. Зато богатырскія былины съ удивительною свѣжестью сохранились на далекомъ Сѣверѣ, въ Пріуральѣ и Заонежьѣ, въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, откуда вмѣстѣ съ переселенцами проникли и въ дальнюю Сибирь. О Владиміровыхъ богатыряхъ помнятъ и въ центральной Великоруссіи; но здѣсь не знаютъ уже богатырскихъ былинъ, не умѣютъ пѣть ихъ, забыли складъ былиннаго стиха; здѣсь сказанія о богатыряхъ превратились въ простыя прозаическія сказки. Какъ могло случиться, что народный историческій эпосъ расцвѣлъ тамъ, гдѣ не былъ посѣянъ, и пропалъ тамъ, гдѣ выросъ? Очевидно, на отдаленный Сѣверъ эти поэтическія сказанія перешли вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ населеніемъ, которое ихъ сложило и запѣло. Это перенесеніе совершилось еще до XIV в., т.-е. до появленія на югѣ Россіи литвы и ляховъ, потому что въ древнѣйшихъ богатырскихъ былинахъ еще нѣтъ и помина объ этихъ позднѣйшихъ врагахъ Руси.

Таковъ рядъ указаній, приводящихъ насъ къ той догадкѣ, что на отдаленной сѣверовосточной окраинѣ Руси шло движеніе, похожее на то, какое мы замѣтили на окраинѣ югозападной. Общій фактъ тотъ, что съ половины XII столѣтія начался или, точнѣе, усилился отливъ населенія изъ центральной днѣпровской Руси къ двумъ противоположнымъ окраинамъ Русской земли и этимъ отливомъ обозначилось начало новаго, второго періода нашей исторіи, подобно тому, какъ предыдущій періодъ начался приливомъ славянъ въ Приднѣпровье съ Карпатскихъ склоновъ. Обозначивъ этотъ фактъ, изучимъ его послѣдствія. Я ограничусь въ этомъ изученіи только сѣверовосточной струей русской колонизаціи. Она — источникъ всѣхъ основныхъ явленій, обнаружившихся въ жизни верхне-волжской Руси съ половины XII в.; изъ послѣдствій этой колонизаціи сложился весь политическій и общественный бытъ этой Руси. Послѣдствія эти были чрезвычайно разнообразны. Я отмѣчу лишь два ихъ ряда: 1) послѣдствія этнографическія и 2) политическія.

Разрывъ народности. Но я теперь же укажу общее значеніе этого сѣверовосточнаго направленія колонизаціи. Всѣ ея слѣдствія, которыя я изложу, сводятся къ одному скрытому коренному факту изучаемаго періода: этотъ фактъ состоитъ въ томъ, что русская народность, завязавшаяся въ первый періодъ, въ продолженіе второго разорвалась надвое. Главная масса русскаго народа, отступивъ передъ непосильными внѣшними опасностями съ днѣпровскаго Югозапада къ Окѣ и верхней Волгѣ, тамъ собрала свои разбитыя силы, окрѣпла въ лѣсахъ центральной Россіи, спасла свою народность и вооруживъ ее силой сплоченнаго государства, опять пришла на днѣпровскій Югозападъ, чтобы спасти остававшуюся тамъ слабѣйшую часть русскаго народа отъ чужеземнаго ига и вліянія.

Лекція XVII.

Этнографическія слѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья. — Вопросъ о происхожденіи великорусскаго племени. — Исчезнувшіе инородцы окско-волжскаго междурѣчья и ихъ слѣды. — Отношеніе русскихъ поселенцевъ къ финскимъ туземцамъ. — Слѣды финскаго вліянія на антропологическій типъ великоросса, на образованіе говоровъ великорусскаго нарѣчія, на народныя повѣрья Великороссіи и на составъ великорусскаго общества. — Вліяніе природы верхняго Поволжья на народное хозяйство Великороссіи и на племенной характеръ великоросса.

Намъ предстоитъ изучить этнографическія слѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья, Ростовско-Суздальскаго края. Эти слѣдствія сводятся къ одному важному факту въ нашей исторіи, къ образованію другой вѣтви въ составѣ русской народности, *великорусскаго племени.* Чтобы оцѣнить важность этого развѣтвленія въ нашей исторіи, достаточно припомнить численное соотношеніе трехъ основныхъ вѣтвей русскаго народа: великороссовъ приблизительно втрое больше чѣмъ малороссовъ (въ предѣлахъ Россіи), а малороссовъ почти втрое больше чѣмъ бѣлоруссовъ. Значитъ, великорусское племя составляетъ 9/13 или нѣсколько болѣе 2/3 въ общей суммѣ русскаго населенія Россіи. Образованіе великорусскаго племени.

Обращаясь къ изученію происхожденія великорусскаго племени, необходимо напередъ отчетливо уяснить себѣ сущ-

ность вопроса, къ рѣшенію котораго приступаемъ. Безъ сомнѣнія, и до XIII в. существовали нѣкоторыя мѣстныя бытовыя особенности, сложившіяся подъ вліяніемъ областного дѣленія Русской земли и даже, можетъ быть, унаслѣдованныя отъ болѣе древняго племенного быта полянъ, древлянъ и пр. Но онѣ стерлись отъ времени и переселеній или залегли въ складѣ народнаго быта на такой глубинѣ, до котораго трудно проникнуть историческому наблюденію. Я разумѣю не эти древнія племенныя или областныя особенности, а распаденіе народности на двѣ новыя вѣтви, начавшееся приблизительно съ XIII в., когда населеніе центральной средне-днѣпровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось въ противоположныя стороны, когда обѣ разошедшіяся вѣтви потеряли свой связующій и обобщающій центръ, какимъ былъ Кіевъ, стали подъ дѣйствіе новыхъ и различныхъ условій и перестали жить общей жизнью. Великорусское племя вышло не изъ продолжавшагося развитія этихъ старыхъ областныхъ особенностей, а было дѣломъ новыхъ разнообразныхъ вліяній, начавшихъ дѣйствовать послѣ этого разрыва народности, притомъ въ краю, который лежалъ внѣ старой коренной Руси и въ XII в. былъ болѣе инородческимъ, чѣмъ русскимъ краемъ. Условія, подъ дѣйствіе которыхъ колонизація ставила русскихъ переселенцевъ въ области средней Оки и верхней Волги, были двоякія: этнографическія, вызванныя къ дѣйствію встрѣчей русскихъ переселенцевъ съ инородцами въ междурѣчьи Оки — Волги, и географическія, въ которыхъ сказалось дѣйствіе природы края, гдѣ произошла эта встрѣча. Такъ въ образованіи великорусскаго племени совмѣстно дѣйствовали два фактора: племенная смѣсь и природа страны.

Инородцы окско-волжскаго междурѣчья.

Инородцы, съ которыми встрѣтились въ междурѣчьи русскіе переселенцы, были финскія племена. Финны по

нашей лѣтописи являются сосѣдями восточныхъ славянъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ послѣдніе начали разселяться по нашей равнинѣ. Финскія племена водворялись среди лѣсовъ и болотъ центральной и сѣверной Россіи еще въ то время, когда здѣсь не замѣтно никакихъ слѣдовъ присутствія славянъ. Уже Іорнандъ въ VI в. зналъ нѣкоторыя изъ этихъ племенъ: въ его искаженныхъ именахъ сѣверныхъ народовъ, входившихъ въ IV в. въ составъ готскаго королевства Германариха, можно прочесть эстовъ, весь, мерю, мордву, можетъ быть, черемисъ. Въ области Оки и верхней Волги въ XI—XII вв. жили три финскія племени: мурома, меря и весь. Начальная кіевская лѣтопись довольно точно обозначаетъ мѣста жительства этихъ племенъ: она знаетъ мурому на нижней Окѣ, мерю по озерамъ Переяславскому и Ростовскому, весь въ области Бѣлоозера. Нынѣ въ центральной Великороссіи нѣтъ уже живыхъ остатковъ этихъ племенъ; но они оставили по себѣ память въ ея географической номенклатурѣ. На обширномъ пространствѣ отъ Оки до Бѣлаго моря мы встрѣчаемъ тысячи нерусскихъ названій городовъ, селъ, рѣкъ и урочищъ. Прислушиваясь къ этимъ названіямъ, легко замѣтить, что они взяты изъ какого-то одного лексикона, что нѣкогда на всемъ этомъ пространствѣ звучалъ одинъ языкъ, которому принадлежали эти названія, и что онъ родня тѣмъ нарѣчіямъ, на которыхъ говорятъ туземное населеніе нынѣшней Финляндіи и финскіе инородцы средняго Поволжья, мордва, черемисы. Такъ и на этомъ пространствѣ, и въ восточной полосѣ Европейской Россіи встрѣчаемъ множество рѣкъ, названія которыхъ оканчиваются на *ва: Протва, Москва, Сылва, Коква* и т. д. У одной Камы можно насчитать до 20 притоковъ, названія которыхъ имѣютъ такое окончаніе. *Ua* по-фински значитъ *вода*. Названіе самой Оки финскаго происхожденія: это—обрусѣвшая

форма финскаго joki, что значитъ *рѣка* вообще. Даже племенныя названія мери и веси не исчезли безслѣдно въ центральной Великороссіи: здѣсь встрѣчается много селъ и рѣчекъ, которыя носятъ ихъ названія. Уѣздный городъ Тверской губерніи Весьегонскъ получилъ свое названіе отъ обитавшей здѣсь *веси Егонской* (на р. Егонѣ). Опредѣляя по этимъ слѣдамъ въ географической номенклатурѣ границы разселенія мери и веси, найдемъ, что эти племена обитали нѣкогда отъ сліянія Сухоны и Юга, отъ Онежскаго озера и рѣки Ояти до средней Оки, захватывая сѣверныя части губерній Калужской, Тульской и Рязанской. Итакъ русскіе переселенцы, направлявшіеся въ Ростовскій край, встрѣчались съ финскими туземцами въ самомъ центрѣ нынѣшней Великороссіи.

Встрѣча Руси и Чуди. Какъ они встрѣтились и какъ одна сторона подѣйствовал на другую? Вообще говоря, встрѣча эта имѣла мирный характеръ. Ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ народныхъ преданіяхъ великороссовъ не уцѣлѣло воспоминаній объ упорной и повсемѣстной борьбѣ пришельцевъ съ туземцами. Самый характеръ финновъ содѣйствовалъ такому мирному сближенію обѣихъ сторонъ. Финны при первомъ своемъ появленіи въ европейской исторіографіи отмѣчены были одной характеристической чертой — миролюбіемъ, даже робостью, забитостью. Тацитъ въ своей *Германіи* говоритъ о финнахъ, что это удивительно дикое и бѣдное племя, не знающее ни домовъ, ни оружія. Іорнандъ называетъ финновъ самымъ кроткимъ племенемъ изъ всѣхъ обитателей европейскаго Сѣвера. То же впечатлѣніе мирнаго и уступчиваго племени финны произвели и на русскихъ. Древняя Русь всѣ мелкія финскія племена объединяла подъ однимъ общимъ названіемъ *Чуди*. Русскіе, встрѣтившись съ финскими обитателями нашей равнины, кажется, сразу почув-

ствовали свое превосходство надъ ними. На это указываетъ иронія, которая звучитъ въ русскихъ словахъ, производныхъ отъ коренного *Чудь, чудить, чудно, чудакъ* и т. п. Судьба финновъ на европейской почвѣ служитъ оправданіемъ этого впечатлѣнія. Нѣкогда финскія племена были распространены далеко южнѣе линіи рѣкъ Москвы и Оки, — тамъ, гдѣ не находимъ ихъ слѣдовъ впослѣдстіи. Но народные потоки, проносившіеся по южной Руси, отбрасывали это племя все далѣе къ сѣверу; оно все болѣе отступало и, отступая, постепенно исчезало, сливаясь съ болѣе сильными сосѣдями. Процессъ этого исчезновенія продолжается и до сихъ поръ. И сами колонисты не вызывали туземцевъ на борьбу. Они принадлежали въ большинствѣ къ мирному сельскому населенію, уходившему изъ югозападной Руси отъ тамошнихъ невзгодъ и искавшему среди лѣсовъ Сѣвера не добычи, а безопасныхъ мѣстъ для хлѣбопашества и промысловъ. Происходило заселеніе, а не завоеваніе края, не порабощеніе или вытѣсненіе туземцевъ. Могли случаться сосѣдскія ссоры и драки; но памятники не помнятъ ни завоевательныхъ нашествій, ни оборонительныхъ возстаній. Указаніе на такой ходъ и характеръ русской колонизаціи можно видѣть въ одной особенности той же географической номенклатуры Великороссіи. Финскія и русскія названія селъ и рѣкъ идутъ не сплошными полосами, а вперемежку, чередуясь одни съ другими. Значитъ, русскіе переселенцы не вторгались въ край финновъ крупными массами, а, какъ бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какіе оставались между разбросанными среди болотъ и лѣсовъ финскими поселками. Такой порядокъ размѣщенія колонистовъ былъ бы невозможенъ при усиленной борьбѣ ихъ съ туземцами. Правда, въ преданіяхъ Великороссіи уцѣлѣли нѣкоторыя смутныя воспоминанія о борьбѣ, за-

вязавшейся по мѣстамъ; но эти воспоминанія говорятъ о борьбѣ не двухъ племенъ, а двухъ религій. Столкновенія вызывались не самою встрѣчею пришельцевъ съ туземцами, а попытками распространить христіанство среди послѣднихъ. Слѣды этой религіозной борьбы встрѣчаются въ двухъ старинныхъ житіяхъ древнихъ ростовскихъ святыхъ, подвизавшихся во второй половинѣ XI в., епископа Леонтія и архимандрита Авраамія: по житію перваго ростовцы упорно сопротивлялись христіанству, прогнали двухъ первыхъ епископовъ Ѳеодора и Иларіона и умертвили третьяго, Леонтія; изъ житія Авраамія, подвизавшагося вскорѣ послѣ Леонтія, видно, что въ Ростовѣ былъ одинъ конецъ, называвшійся *Чудскимъ*, — знакъ, что большинство населенія этого города было русское. Этотъ Чудской конецъ и послѣ Леонтія оставался въ язычествѣ, поклонялся идолу славянскаго „скотья бога“ Велеса. Значитъ, еще до введенія христіанства мѣстная меря начала уже перенимать языческія вѣрованія русскихъ славянъ. По житію Леонтія, всѣ ростовскіе язычники упорно боролись противъ христіанскихъ проповѣдниковъ, т.-е. вмѣстѣ съ Чудью принимала участіе въ этой борьбѣ и ростовская Русь. Сохранилось даже преданіе, записанное въ XVII в., что часть языческаго, очевидно, мерянскаго населенія Ростовской земли, убѣгая „отъ *русскаго* крещенія“, выселилась въ предѣлы Болгарскаго царства на Волгу къ родственнымъ мери черемисамъ. Значитъ, кой-гдѣ и кой-когда завязывалась борьба, но неплеменная, а религіозная: боролись христіане съ язычниками, а не пришельцы съ туземцами, не Русь съ Чудью.

Финскія черты. Вопросъ о взаимодѣйствіи Руси и Чуди, о томъ, какъ оба племени, встрѣтившись, подѣйствовали другъ на друга, что̀ одно племя заимствовало у другого и что̀ передало другому, принадлежитъ къ числу любопытныхъ и трудныхъ вопросовъ нашей исторіи. Но такъ какъ этотъ процессъ окончился погло-

щеніемъ одного изъ встрѣтившихся племенъ другимъ, именно поглощеніемъ Чуди Русью, то для насъ важна лишь одна сторона этого взаимодѣйствія, т.-е. вліяніе финновъ на пришлую Русь. Въ этомъ вліяніи этнографическій узелъ вопроса о происхожденіи великорусскаго племени, образовавшагося изъ смѣси элементовъ славянскаго и финскаго съ преобладаніемъ перваго. Это вліяніе проникало въ русскую среду двумя путями: 1) пришлая Русь, селясь среди туземной Чуди, неизбѣжно должна была путемъ общенія, сосѣдства кое-что заимствовать изъ ея быта; 2) Чудь, постепенно русѣя, всею своею массою, со всѣми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своимъ обличьемъ, языкомъ, обычаями и вѣрованіями входила въ составъ русской народности. Тѣмъ и другимъ путемъ въ русскую среду проникло немало физическихъ и нравственныхъ особенностей, унаслѣдованныхъ отъ растворившихся въ ней финновъ.

I. Надобно допустить нѣкоторое участіе финскаго племени въ образованіи антропологическаго типа великоросса. Наша великорусская физіономія не совсѣмъ точно воспроизводитъ общеславянскія черты. Другіе славяне, признавая въ ней эти черты, однако замѣчаютъ и нѣкоторую стороннюю примѣсь: именно скулистость великоросса, преобладаніе смуглаго цвѣта лица и волосъ и особенно типическій великорусскій носъ, покоящійся на широкомъ основаніи, съ большой вѣроятностью ставятъ на счетъ финскаго вліянія. **Типъ.**

II. То же вліяніе, кажется, было небезучастно и въ измѣненіи древнерусскаго говора. Въ говорѣ древней Кіевской Руси замѣтны три особенности: 1) она говорила на *о*, *окала;* 2) звуки *ц* и *ч* мѣшались, замѣщали другъ друга; 3) въ сочетаніи гласныхъ и согласныхъ соблюдалась извѣстная фонетическая гармонія: звуки согласные гортанные *г*, *к* и *х* сочетались съ твердыми гласными *а*, *о*, *ы*, **Говоръ.**

у, э и съ полугласнымъ *ъ*, а зубные или свистящіе *з, с* и *ц* и небные или шипящіе *ж, ч* и *ш* съ мягкими гласными *я, е, и, ю* и съ полугласнымъ *ь;* сюда же можно отнести и мягкое окончаніе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ *(пишеть, имуть)*. Слѣды этихъ особенностей находимъ въ остаткахъ древней письменности XII и XIII вв. Въ иностранныхъ словахъ при переходѣ ихъ въ русскій языкъ неударяемые звуки *а* и *е* замѣнялись звукомъ *о:* Торв*а*рдъ — Трув*о*ръ, Елена — Олена. Кіевская Русь сочетала гортанное *к* съ твердымъ *ы*, а зубное *ц* или небное *ч* съ мягкимъ *и* или *ь:* она говорила *Кыевъ*, а не Кіевъ, какъ говоримъ мы вопреки правиламъ древней русской фонетики, требовавшей, чтобы *к* при встрѣчѣ съ *и* перезвуковывалось въ *ц* или *ч:* отсюда форма въ одной южнорусской рукописи XII в. „*Лучино* евангеліе" (отъ Луки). Эта древняя фонетика сохранилась отчасти въ нарѣчіи малороссовъ, которые говорятъ: на полян*ці*, коза*че*. Мы, великороссы, напротивъ, не сочетаемъ *ц* и шипящихъ *ж* и *ш* съ мягкими гласными, говоримъ: коль*цо*, *шы*ре, *жы*знь, и не сумѣемъ такъ тонко выговорить соединенныхъ съ этими согласными мягкихъ гласныхъ, какъ выговариваетъ малороссъ: оть*ця*, горобь*ця*. Далѣе, въ древнемъ южномъ говорѣ замѣтно смѣшеніе или взаимное замѣстительство звуковъ *ц* и *ч:* въ Словѣ о полку Игоревѣ вѣ*ци*, и вѣ*чи*, гали*ч*кый. Тѣ же особенности имѣлъ въ XII в. и частію сохранилъ доселѣ говоръ новгородскій: въ поученіи архіепископа Иліи-Іоанна духовенству *гыбять* (гибнуть), *простьци* и *простьчи*, *лга* (льзя), или въ договорѣ 1195 г. съ нѣмцами *нѣмечьскый* и *нѣмецкый*, *послухы* и *послуси*. Признаки той же фонетики замѣчаемъ и въ говорѣ на верхнемъ Днѣпрѣ: въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. *нѣмечкый*, *вереци* (церковно-слав. *врещи* — тащить), гочк*ого* (готскаго). Зна-

читъ, нѣкогда по всему греко-варяжскому пути звучалъ одинъ говоръ, нѣкоторыя особенности коего до сихъ поръ уцѣлѣли въ говорѣ новгородскомъ. Если вы теперь со средней Волги, напримѣръ, отъ Самары, проведете по Великороссіи нѣсколько изогнутую діагональную черту на С.-З такъ, чтобы Москва, Тверь, Вышній Волочокъ и Псковъ остались немного лѣвѣе, а Корчева и Порховъ правѣе, вы раздѣлите всю Великороссію на двѣ полосы, сѣверо-восточную и юго-западную: въ первой характерный звукъ говора есть *о*, во второй *а*, т.-е. звуки *о* и *е* безъ ударенія переходятъ въ *а* и *я* *(втарой, сямой)*. Владимірцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, новгородцы *окаютъ*, говорятъ изъ глубины гортани и при этомъ строятъ губы кувшиномъ, по выраженію русскаго діалектолога и лексикографа Даля. Рязанцы, калужане, смольняне, тамбовцы, орловцы, частію москвичи и тверичи *акаютъ*, раскрываютъ ротъ настежь, за что владимірцы и ярославцы зовутъ ихъ „полоротыми". Усиливаясь постепенно на западъ отъ Москвы, акающій говоръ переходитъ въ бѣлорусское нарѣчіе, которое совсѣмъ не терпитъ *о*, замѣняя его даже съ удареніемъ звуками *а* или *у*: столъ — *сталъ* или *стулъ*. Первый говоръ въ русской діалектологіи называется *сѣвернымъ*, а второй *южнымъ* великорусскимъ поднарѣчіемъ. Другія особенности обоихъ поднарѣчій: въ южномъ *г* произносится какъ придыхательное лат. h, *в* близко къ *у* и мягкое окончаніе 3-го лица глаголовъ *(ть)*, какъ въ нынѣшнемъ малорусскомъ и въ древнемъ русскомъ *(вѣкоу* — вѣковъ, въ договорѣ 1229 г. *узяти у Ризѣ* — взять въ Ригѣ); въ сѣверномъ *г* выговаривается какъ лат. g, *в* въ концѣ словъ твердо, какъ *ф*, твердое окончаніе 3-го лица глаголовъ *(тъ)*. Но и въ сѣверномъ поднарѣчіи различаютъ два оттѣнка, говоры западный новгородскій и восточный владимірскій. Первый ближе

къ древнерусскому, лучше сохранилъ его фонетику и даже лексиконъ; новгородцы говорятъ *кольце, хороше,* и употребляютъ много старинныхъ русскихъ словъ, забытыхъ въ другихъ краяхъ Руси: *граять* (каркать), *доспѣть* (достигнуть), *послухъ.* Владимірскій говоръ болѣе удалился отъ древняго, господствующій звукъ *о* произноситъ грубо, протяжно, утратилъ древнее сочетаніе гласныхъ съ согласными, въ род. един. мѣстоимѣній и прилагательныхъ *г* замѣняетъ звукомъ *в* (хорош*ово*). Москва и въ діалектологическомъ отношеніи оказалась такимъ же связующимъ узломъ, какимъ была она въ отношеніи политическомъ и народно-хозяйственномъ. Она стала въ пунктѣ встрѣчи различныхъ говоровъ: на С.-З. отъ нея къ Клину окаютъ по-новгородски, на В. къ Богородску по-владимірски, на Ю.-З. къ Коломнѣ акаютъ по рязански, на З. къ Можайску по-смоленски. Она восприняла особенности сосѣднихъ говоровъ и образовала свое особое нарѣчіе, въ которомъ совмѣстила господствующій звукъ южнаго говора съ сѣвернымъ твердымъ окончаніемъ 3-го л. глаголовъ и съ твердымъ *г,* переходящимъ въ концѣ словъ въ *к (сапокъ),* а въ род. ед. мѣстоимѣній и прилагательныхъ въ *в.* Зато московское нарѣчіе, усвоенное образованнымъ русскимъ обществомъ, какъ образцовое, нѣкоторыми чертами еще далѣе отступило отъ говора древней Кіевской Руси: *гаварить па-масковски* значитъ едва ли еще не болѣе нарушать правила древнерусской фонетики, чѣмъ нарушаетъ ихъ владимірецъ или ярославецъ. Московскій говоръ — сравнительно позднѣйшій, хотя его признаки появляются въ памятникахъ довольно рано, въ первой половинѣ XIV в., въ одно время съ первыми политическими успѣхами Москвы. Кажется, въ духовной Ивана Калиты 1328 г. мы застаемъ моментъ перехода отъ *о* къ *а,* когда рядомъ съ формами *отця, одиного, розгадаетъ* читаемъ: *Андрей, аже* вмѣсто древняго *же*—ежели.

Такимъ образомъ говоры великорусскаго нарѣчія сложились путемъ постепенной порчи первоначальнаго русскаго говора. Образованіе говоровъ и нарѣчій — это звуковая, вокальная лѣтопись народныхъ передвиженій и мѣстныхъ группировокъ населенія. Древняя фонетика Кіевской Руси особенно замѣтно измѣнялась въ сѣверо-восточномъ направленіи, т.-е. въ направленіи русской колонизаціи, образовавшей великорусское племя сліяніемъ русскаго населенія съ финскимъ. Это наводитъ на предположеніе о связи обоихъ процессовъ. Даль допускалъ мысль, что акающіе говоры Великороссіи образовались при обрусѣніи чудскихъ племенъ. Восточные инородцы, русѣя, вообще переиначивали усвояемый языкъ, портили его фонетику, переполняя ее твердыми гласными и неблагозвучными сочетаніями гласныхъ съ согласными. Обрусѣлая Чудь не обогатила русскаго лексикона: академикъ Гротъ насчиталъ всего около 60 финскихъ словъ, вошедшихъ, большею частію, въ русскій языкъ сѣверныхъ губерній; лишь немногія подслушаны въ средней Великороссіи, напримѣръ, *пахтать, пурга, ряса, кулепня* (деревня). Но не пестря лексики, чудская примѣсь портила говоръ, внося въ него чуждые звуки и звуковыя сочетанія. Древнерусскій говоръ въ наибольшей чистотѣ сохранился въ нарѣчіи новгородскомъ; въ говорѣ владимірскомъ мы видимъ первый моментъ порчи русскаго языка подъ финскимъ вліяніемъ, а говоръ московскій представляетъ дальнѣйшій моментъ этой порчи.

III. Нѣсколько отчетливѣе выступаетъ въ памятникахъ и преданіяхъ взаимное отношеніе обоихъ встрѣтившихся племенъ въ области повѣрій. Здѣсь замѣчаемъ слѣды живого обмѣна, особенно съ финской стороны. Народные обычаи и повѣрья великороссовъ доселѣ хранятъ явственные признаки финскаго вліянія. Финскія племена, обитавшія и частію доселѣ Повѣрья.

обитающія въ средней и сѣверо-восточной полосѣ Европейской Россіи, оставались, кажется, до времени встрѣчи съ Русью на первоначальной ступени религіознаго развитія. Ихъ миѳологія до знакомства съ христіанствомъ еще не дошла до антропоморфизма. Племена эти поклонялись силамъ и предметамъ внѣшней природы, не олицетворяя ихъ: мордвинъ или черемисъ боготворилъ непосредственно землю, камни, деревья, не видя въ нихъ символовъ высшихъ существъ; потому что культъ является съ характеромъ грубаго фетишизма. Стихіи были населены духами уже впослѣдствіи подъ вліяніемъ христіанства. У поволжскихъ финновъ особенно развитъ культъ *воды* и *лѣса.* Мордвинъ, чувашъ, находясь въ чащѣ лѣса или на берегу глухой лѣсной рѣки, чувствуетъ себя въ родной религіозной сферѣ. Нѣкоторыя черты этого культа цѣликомъ перешли и въ миѳологію великороссовъ. У нихъ, какъ и у финновъ, видною фигурой на миѳологическомъ Олимпѣ является *лѣшій* и является у тѣхъ и другихъ съ одинаковыми чертами: онъ стережетъ деревья, коренья и травы, имѣетъ дурную привычку хохотать и кричать подѣтски и тѣмъ пугать и обманывать путниковъ. Въ эпосѣ западныхъ прибалтійскихъ болѣе развитыхъ финновъ (*Калевалѣ*) встрѣчаемъ образъ водяного царя. Это старикъ съ травяной бородой, въ одеждѣ изъ пѣны; онъ повелитель водъ и вѣтровъ, живетъ въ глубинѣ моря, любитъ подымать бури и топить корабли; онъ большой охотникъ до музыки, и когда герой Калевалы, мудрецъ Вейнемейненъ, уронилъ въ воду свою арфу (кантеле), водяной богъ подхватилъ ее, чтобъ забавляться ею въ своемъ подводномъ царствѣ. Эти черты живо напоминаютъ образъ водяника или царя морского въ извѣстной новгородской былинѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ-купцѣ и гуслярѣ, который со своими гуслями попалъ въ подводное царство водяника и тамъ развеселилъ

его своею игрою до того, что водяникъ пустился плясать, позабывъ свое царское достоинство. Самая физіономія водяника, какъ она описана въ новгородской былинѣ, весьма похожа на обликъ водяного бога Калевалы. *Водяного* знаютъ и въ другихъ краяхъ Россіи; но приведенный миѳъ о водяникѣ встрѣчаемъ только въ Новгородской области. Это даетъ основаніе думать, что новгородцы заимствовали его у сосѣднихъ балтійскихъ финновъ, а не наоборотъ. Наконецъ, въ преданіяхъ, занесенныхъ въ древнія житія великорусскихъ святыхъ, можно встрѣтить и слѣды поклоненія камнямъ и деревьямъ, плохо прикрытые христіанскими формами и незамѣтные въ южной и западной Россіи.

Въ Начальной лѣтописи подъ 1071 г. читаемъ два разсказа, которые при сопоставленіи съ дальнѣйшими указаніями даютъ понять, какъ Русь относилась къ языческимъ повѣрьямъ сосѣдней Чуди и какъ Чудь смотрѣла на христіанство, которое видѣла у Руси. Передамъ коротко эти разсказы. Случился голодъ въ Ростовской землѣ, и вотъ два волхва изъ Ярославля пошли по Волгѣ, разглашая: „мы знаемъ, кто обилье держитъ“ (урожай задерживаетъ). Придутъ въ погостъ, назовутъ лучшихъ женщинъ и скажутъ: „та держитъ жито, та медъ, а та рыбу“. И приводили къ нимъ кто сестру, кто мать, кто жену свою. Волхвы дѣлали у нихъ прорѣзъ за плечами и вынимали жито, либо рыбу, самихъ женщинъ убивали, а имущество ихъ забирали себѣ. Пришли они на Бѣлоозеро. Въ это же время явился сюда для сбора налоговъ Янъ, бояринъ великаго князя Святослава. Услыхавъ, что волхвы избили уже много женщинъ по Шекснѣ и Волгѣ, Янъ потребовалъ, чтобы бѣлозерцы взяли и выдали ему волхвовъ: „а то не уйду отъ васъ все лѣто“ (т.-е. буду кормиться на вашъ счетъ), пригрозилъ бояринъ. Бѣлозерцы испугались и привели къ Яну волхвовъ. Тотъ спросилъ ихъ: „зачѣмъ

Два разсказа.

это вы погубили столько народа?“ Волхвы отвѣчали: „а онѣ держатъ обилье; если истребимъ ихъ, не будетъ голода; хочешь, при тебѣ вынемъ у нихъ жито ли, рыбу или что иное“. Янъ возразилъ: „все вы лжете; сотворилъ Богъ человѣка изъ земли, состоитъ онъ изъ костей, жилъ и крови и ничего въ немъ нѣтъ другого, и никто кромѣ Бога не знаетъ, какъ созданъ человѣкъ“. — А мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ, сказали волхвы. „Какъ?“ — Мылся Богъ въ банѣ, вытерся ветошкой и бросилъ ее на землю; и заспорилъ сатана съ Богомъ, кому изъ нея сотворить человѣка, и сотворилъ дьяволъ тѣло человѣка, а Богъ душу въ него вложилъ; потому, когда человѣкъ умретъ, тѣло его идетъ въ землю, а душа къ Богу.—Эти волхвы — финны изъ ростовской мери. Легенда о сотвореніи человѣка, разсказанная ими Яну, доселѣ сохранилась среди нижегородской мордвы, только въ болѣе цѣльномъ и понятномъ составѣ, безъ пропусковъ, какіе сдѣлалъ кіевскій лѣтописецъ, передавая ее со словъ Яна, и съ очевидными слѣдами христіанскаго вліянія. Вотъ ея содержаніе. У мордвы два главныхъ бога, добрый Чампасъ и злой Шайтанъ (сатана). Человѣка вздумалъ сотворить не Чампасъ, а Шайтанъ. Онъ набралъ глины, песку и земли и сталъ лѣпить тѣло человѣка, но никакъ не могъ привести его въ благообразный видъ: то слѣпокъ выйдетъ у него свиньей, то собакой, а Шайтану хотѣлось сотворить человѣка по образу и по подобію Божію. Бился онъ, бился, наконецъ позвалъ птичку-мышь — тогда еще мыши летали — и велѣлъ ей летѣть на небо, свить гнѣздо въ полотенцѣ Чампаса и вывести дѣтей. Птичка-мышь такъ и сдѣлала: вывела мышатъ въ одномъ концѣ полотенца, которымъ Чампасъ обтирался въ банѣ, и полотенце отъ тяжести мышатъ упало на землю. Шайтанъ обтеръ имъ свой слѣпокъ, который и получилъ подобіе Божіе. Тогда Шайтанъ

принялся вкладывать въ человѣка живую душу, но никакъ не умѣлъ этого сдѣлать и ужъ собирался разбить свой слѣпокъ. Тутъ Чампасъ подошелъ и сказалъ: „убирайся ты, проклятый Шайтанъ, въ пропасть огненную; я и безъ тебя сотворю человѣка“. — „Нѣтъ, возразилъ Шайтанъ, дай, я тутъ постою, погляжу, какъ ты будешь класть живую душу въ человѣка; вѣдь я его работалъ, и на мою долю изъ него что-нибудь надо дать, а то, братецъ Чампасъ, мнѣ будетъ обидно, а тебѣ нечестно“. Спорили, спорили, наконецъ, порѣшили раздѣлить человѣка; Чампасъ взялъ себѣ душу, а Шайтану отдалъ тѣло. Шайтанъ уступилъ, потому — Чампасъ не въ примѣръ сильнѣе Шайтана. Оттого когда человѣкъ умираетъ, душа съ образомъ и подобіемъ Божіимъ идетъ на небо къ Чампасу, а тѣло, лишась души, теряетъ подобіе Божіе, гніетъ и идетъ въ землю къ Шайтану. А птичку-мышь Чампасъ наказалъ за дерзость, отнялъ у нея крылья и приставилъ ей голенькій хвостикъ и такія же лапки, какъ у Шайтана. Съ той поры мыши летать перестали. На вопросъ Яна, какому богу вѣруютъ волхвы, они отвѣчали: „антихристу“. — А гдѣ онъ? спросилъ Янъ. — „Сидитъ въ безднѣ“, отвѣчали тѣ. — Какой это богъ — сидитъ въ безднѣ! это бѣсъ, а богъ на небеси, сѣдяй на престолѣ. — Вслѣдъ за исторіей съ ярославскими волхвами лѣтопись сообщаетъ другой разсказъ. Случилось одному новгородцу зайти въ Чудь и пришелъ онъ къ кудеснику, чтобы тотъ поворожилъ ему. Кудесникъ, по обычаю своему, сталъ вызывать бѣсовъ. Новгородецъ сидѣлъ на порогѣ, а кудесникъ лежалъ въ изступленіи, и ударилъ имъ бѣсъ. Кудесникъ всталъ и сказалъ новгородцу: „мои боги не смѣютъ придти; на тебѣ есть что-то, чего они боятся“. Тутъ новгородецъ вспомнилъ, что на немъ крестъ, снялъ его и вынесъ изъ избы. Кудесникъ сталъ опять вызывать бѣсовъ, и тѣ,

потрепавъ его, повѣдали, о чемъ спрашивалъ новгородецъ. Послѣднiй началъ потомъ разспрашивать кудесника: „отчего это твои боги креста боятся?“ — А то есть знаменiе небеснаго Бога, котораго наши боги боятся. — „А гдѣ живутъ ваши боги и какiе они?“ — Они черные, съ крыльями и хвостами, живутъ въ безднахъ, летаютъ и подъ небо подслушивать вашихъ боговъ: а ваши боги на небесахъ; если кто изъ вашихъ людей помретъ, его относятъ на небо, а кто помретъ изъ нашихъ, того уносятъ къ нашимъ богамъ въ бездну. — Такъ оно и есть, прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ: грѣшники въ аду живутъ, ожидая вѣчныхъ мукъ, а праведники въ небесномъ жилищѣ водворяются со ангелами.

Взаимодѣйствiе повѣрiй.

Изложенные разсказы наглядно воспроизводятъ процессъ взаимодѣйствiя русскихъ пришельцевъ и финскихъ туземцевъ въ области религiозныхъ повѣрiй. Сближенiе обѣихъ сторонъ и въ этой области было столь же мирно, какъ и въ общежитiи: вражды, непримиримой противоположности своихъ вѣрованiй не почувствовали встрѣтившiяся стороны. Само собою разумѣется, рѣчь идетъ не о христiанскомъ вѣроученiи, а о народныхъ повѣрьяхъ русскихъ и финскихъ. То и другое племя нашло въ своемъ миѳологическомъ созерцанiи подобающее мѣсто тѣмъ и другимъ вѣрованiямъ, финскимъ и славянскимъ, языческимъ и христiанскимъ. Боги обоихъ племенъ подѣлились между собою полюбовно: финскiе боги сѣли пониже въ безднѣ, русскiе повыше на небѣ, и такъ подѣлившись, они долго жили дружно между собою, не мѣшая одни другимъ, даже умѣя цѣнить другъ друга. Финскiе боги бездны возведены были въ христiанское званiе бѣсовъ и подъ кровомъ этого званiя получили мѣсто въ русско-христiанскомъ культѣ, обрусѣли, потеряли въ глазахъ Руси свой иноплеменный финскiй характеръ: съ ними произошло

то же самое, что съ ихъ первоначальными поклонниками финнами, охваченными Русью. Вотъ почему русскій лѣтописецъ XI в., говоря о волхвахъ, о повѣрьяхъ или обычаяхъ очевидно финскихъ, не дѣлаетъ и намека на то, что ведетъ рѣчь о чужомъ племени, о Чуди: язычество, поганство русское или финское для него совершенно одно и то же; его нисколько не занимаетъ племенное происхожденіе или этнографическое различіе языческихъ вѣрованій. По мѣрѣ сближенія обоихъ племенъ это различіе, очевидно, все болѣе сглаживалось и въ сознаніи смѣшаннаго населенія, образовавшагося вслѣдствіе этого сближенія. Для поясненія этого племенного безразличія вѣрованій приведу сохранившійся въ рукописи Соловецкаго монастыря коротенькій разсказъ, единственный въ своемъ родѣ по формѣ и содержанію. Здѣсь простодушно и въ легендарномъ полусвѣтѣ описано построеніе первой церкви въ Бѣлозерской странѣ на рѣкѣ Шекснѣ. Церковь оказалась на мѣстѣ языческаго мольбища, очевидно, финскаго. Въ Бѣлозерскомъ краю обитало финское племя Весь; камень и береза — предметы финскаго культа; но въ разсказѣ нѣтъ и намека на что-либо инородческое, чудское.

Разсказъ о первой церкви на Шекснѣ.

„А на Бѣлѣозерѣ жили люди некрещенные, и какъ учали креститися и вѣру христіанскую спознавати, и они поставили церковь, а не вѣдаютъ, во имя котораго святого. И на утро собрались да пошли церковь свящати и нарещи котораго святаго, и какъ пришли къ церкви, оже въ рѣчкѣ подъ церковію стоитъ челнокъ, въ челноку стулецъ, а на стульцѣ икона Василій Великій, а предъ иконою просфира. И они икону взяли, а церковь нарекли во имя Великаго Василія. И нѣкто невѣжа взялъ просфиру ту да хотѣлъ укусить ее; ино его отъ просфиры той шибло, а просфира окаменѣла. И они церковь свящали да учали обѣдню пѣти, да какъ

начали Евангеліе чести, ино грянуло не по обычаю, какъ бы страшной, великой громъ грянулъ, и вси люди уполошилися (перепугались), чаяли, что церковь пала, и они скочили и учали смотрити: ино въ прежнія лѣта ту было молбище за олтаремъ, береза да камень, и ту березу вырвало и съ корнемъ, да и камень взяло изъ земли да въ Шексну и потопило. И на Бѣлѣозерѣ то первая церковь Василій Великій отъ такова времени, какъ вѣра стала".

Бытовая ассимиляція.

Но христіанство, какъ его воспринимала отъ Руси Чудь, не вырывало съ корнемъ чудскихъ языческихъ повѣрій: народныя христіанскія вѣрованія, не вытѣсняя языческихъ, строились надъ ними, образуя верхній слой религіозныхъ представленій, ложившійся на языческую основу. Для мѣшавшагося русско-чудскаго населенія христіанство и язычество — не противоположныя, одна другую отрицающія религіи, а только восполняющія другъ друга части одной и той же вѣры, относящіяся къ различнымъ порядкамъ жизни, къ двумъ мірамъ, одна къ міру горнему, небесному, другая къ преисподней, къ „безднѣ". По народнымъ повѣрьямъ и религіознымъ обрядамъ, до недавняго времени сохранявшимся въ мордовскихъ и сосѣднихъ съ ними русскихъ селеніяхъ приволжскихъ губерній, можно видѣть наглядно, какъ складывалось такое отношеніе: религіозный процессъ, завязявшійся когда-то при первой встрѣчѣ восточнаго славянства съ Чудью, безъ существенныхъ измѣненій продолжается на протяженіи вѣковъ, пока длится обрусѣніе восточныхъ финновъ. Мордовскіе праздники, большіе *моляны*, пріурочивались къ русскимъ народнымъ или церковнымъ празднествамъ, Семику, Троицыну дню, Рождеству, Новому году. Въ молитвы, обращенныя къ мордовскимъ богамъ, верховному творцу Чампасу, къ матери боговъ Анге-Патяй и ея дѣтямъ, по мѣрѣ усвоенія русскаго языка вставлялись русскія слова: рядомъ

съ *вынимань монь* (помилуй насъ) слышалось *давай намъ добра здоровья.* Вслѣдъ за словами заимствовали и религіозныя представленія: Чампаса величали „верхнимъ богомъ", Анге-Патяй „матушкой богородицей", ея сына Нишкипаса (*пасъ* — богъ) Ильей Великимъ; въ день Новаго года, обращаясь къ богу свиней, молились: *Таунсяй Вельки Васяй* (Василій Великій), *давай поросятъ черныхъ и бѣлыхъ, какихъ самъ любишь.* Языческая молитва, обращенная къ стихіи, облекалась въ русско-христіанскую форму: *Вода матушка! подай всѣмъ хрещенымъ людямъ добрый здоровья.* Вмѣстѣ съ тѣмъ языческіе символы замѣнялись христіанскими: вмѣсто березоваго вѣнка, увѣшаннаго платками и полотенцами, ставили въ переднемъ углу икону съ зажженной передъ ней восковой свѣчей и на колѣняхъ произносили молитвы своимъ Чампасамъ и Анге-Патяямъ порусски, забывъ старинные мордовскіе ихъ тексты. Видя въ мордовскихъ публичныхъ молянахъ столько своего, русскаго и христіанскаго, русскіе сосѣди начинали при нихъ присутствовать, а потомъ въ нихъ участвовать и даже повторять у себя отдѣльные ихъ обряды и пѣть сопровождавшія ихъ пѣсни. Все это приводило къ тому, что наконецъ ни та, ни другая сторона не могла отдать себѣ отчета, чьи обычаи и обряды она соблюдаетъ, русскіе, или мордовскіе. Когда ярославскіе волхвы на вопросъ Яна Вышатича сказали, что они вѣруютъ антихристу, что̀ въ безднѣ сидитъ, Янъ воскликнулъ: да какой же это богъ! это бѣсъ, а чудскій кудесникъ на вопросъ новгородца описалъ наружность своихъ крылатыхъ и хвостатыхъ боговъ, снятую, очевидно, съ русской иконы, на которой были изображены бѣсы. Въ 1636 году одинъ черемисъ въ Казани на вопросъ Олеарія, знаетъ ли онъ, кто сотворилъ небо и землю, далъ отвѣтъ, записанный Олеаріемъ такъ: tzort sneit. Язычникъ

смѣялся надъ „русскими богами", а русскаго чорта боялся. Іезуитъ Авриль, ѣдучи въ 1680-хъ годахъ изъ Саратова, видѣлъ, какъ языческая мордва пьянствовала на Николинъ день, подражая русскимъ.

Пестрота религіознаго сознанія.

Обоюдное признаніе чужихъ вѣрованій, конечно, способствовало бытовой ассимиляціи и дѣловому сближенію обѣихъ сторонъ, даже пожалуй успѣхамъ христіанства среди инородцевъ. При такомъ признаніи Чудь незамѣтно переступала раздѣльную черту между христіанствомъ и язычествомъ, не измѣняя своимъ старымъ роднымъ богамъ, а Русь, перенимая чудскіе повѣрья и обычаи, добросовѣстно продолжала считать себя христіанами. Этимъ объясняются позднѣйшія явленія, непонятныя на первый взглядъ: приволжскій инородецъ, мордвинъ или черемисинъ XVI — XVII в., нося христіанское имя, пишетъ вкладную грамоту ближнему монастырю съ условіемъ, буде онъ *крестится* и захочетъ постричься въ томъ монастырѣ, то его принять и постричь за тотъ его вкладъ. Но такое переплетеніе несродныхъ понятій вносило великую путаницу въ религіозное сознаніе, проявлявшуюся многими нежелательными явленіями въ нравственно-религіозной жизни народа. Принятіе христіанства становилось не выходомъ изъ мрака на свѣтъ, не переходомъ отъ лжи къ истинѣ, а какъ бы сказать, перечисленіемъ изъ-подъ власти низшихъ боговъ въ вѣдѣніе высшихъ, ибо и покидаемые боги не упразднялись, какъ вымыселъ суевѣрія, а продолжали считаться религіозной реальностью, только отрицательнаго порядка. Эту путаницу, происходившую отъ переработки языческой миѳологіи въ христіанскую демонологію, уже въ XI в., когда она происходила внутри самой Руси, можно было, примѣняясь къ мѣткому выраженію преп. Ѳеодосія Печерскаго о людяхъ, хвалящихъ свою и чужую вѣру, назвать *двоевѣріемъ;* если бы онъ уви-

дѣлъ, какъ потомъ къ христіанству прививалось вмѣстѣ съ язычествомъ русскимъ еще чудское, онъ, можетъ быть, назвалъ бы столь пестрое религіозное сознаніе троевѣріемъ.

Сельскій характеръ колонизаціи.

IV. Наконецъ, надобно признать значительное вліяніе финскихъ туземцевъ на составъ общества, какое создавала русская колонизація верхняго Поволжья. Туземное финское населеніе наполняло преимущественно суздальскія села. Изъ упомянутаго житія преподобнаго Авраамія видно, что въ XI в. въ городѣ Ростовѣ только одинъ конецъ былъ населенъ Чудью, по крайней мѣрѣ носилъ ея названіе. Русскія имена большинства старинныхъ городовъ Ростовской земли показываютъ, что они основаны были русскими или появляются не раньше Руси и что Русь образовала господствующій элементъ въ составѣ ихъ населенія. Притомъ мы не замѣчаемъ въ туземномъ финскомъ населеніи признаковъ значительнаго соціальнаго расчлененія, признаковъ дѣленія на высшіе и низшіе классы: все это населеніе представляется сплошной, однообразной сельской массой. Въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, часть мери, бѣжавшая отъ русскаго крещенія, въ памятникѣ, сообщающемъ это извѣстіе, названа „ростовской черныю“. Но мы видѣли, что и колонизація приносила въ междурѣчье Оки и верхней Волги преимущественно сельскія массы. Благодаря этому русское и обрусѣвшее населеніе верхняго Поволжья должно было стать гораздо болѣе сельскимъ по своему составу, чѣмъ какимъ оно было въ южной Руси.

Выводы.

Такъ мы отвѣтили на вопросъ, какъ встрѣтились и подѣйствовали другъ на друга русскіе пришельцы и финскіе туземцы въ области верхней Волги. Изъ этой встрѣчи не вышло упорной борьбы ни племенной, ни соціальной, ни даже религіозной: она не повела къ развитію рѣзкаго антагонизма или контраста ни политическаго, ни этнографическаго,

ни нравственно-религіознаго, какой обыкновенно развивается изъ завоеванія. Изъ этой встрѣчи вышла тройная смѣсь: 1) религіозная, которая легла въ основаніе миѳологическаго міросозерцанія великороссовъ, 2) племенная, изъ которой выработался антропологическій типъ великоросса, и 3) соціальная, которая въ составѣ верхне-волжскаго населенія дала рѣшительный перевѣсъ сельскимъ классамъ.

Вліяніе природы.

Намъ остается отмѣтить дѣйствіе природы Великороссіи на смѣшанное населеніе, здѣсь образовавшееся посредствомъ русской колонизаціи. Племенная смѣсь — первый факторъ въ образованіи великорусскаго племени. Вліяніе природы Великороссіи на смѣшанное населеніе — другой факторъ. Великорусское племя — не только извѣстный этнографическій составъ, но и своеобразный экономическій строй и даже особый національный характеръ, и природа страны много поработала и надъ этимъ строемъ, и надъ этимъ характеромъ.

Верхнее Поволжье, составляющее центральную область Великороссіи, и до сихъ поръ отличается замѣтными физическими особенностями отъ Руси днѣпровской; 6 — 7 вв. назадъ оно отличалось еще болѣе. Главныя особенности этого края: обиліе лѣсовъ и болотъ, преобладаніе суглинка въ составѣ почвы и паутинная сѣть рѣкъ и рѣчекъ, бѣгущихъ въ разныхъ направленіяхъ. Эти особенности и положили глубокій отпечатокъ какъ на хозяйственный бытъ Великороссіи, такъ и на племенной характеръ великоросса.

Хозяйственный бытъ великоросса.

Въ старой Кіевской Руси главная пружина народнаго хозяйства, внѣшняя торговля, создала многочисленные города, служившіе крупными или мелкими центрами торговли. Въ верхневолжской Руси, слишкомъ удаленной отъ приморскихъ рынковъ, внѣшняя торговля не могла стать главной движущей силой народнаго хозяйства. Вотъ почему здѣсь видимъ въ XV — XVI вв. сравнительно незначительное количество

городовъ, да и въ тѣхъ значительная часть населенія занималась хлѣбопашествомъ. Сельскія поселенія получили здѣсь рѣшительный перевѣсъ надъ городами. Притомъ и эти поселенія рѣзко отличались своимъ характеромъ отъ селъ южной Руси. Въ послѣдней постоянныя внѣшнія опасности и недостатокъ воды въ открытой степи заставляли населеніе размѣщаться крупными массами, скучиваться въ огромныя, тысячныя села, которыя до сихъ поръ составляютъ отличительную черту южной Руси. Напротивъ на Сѣверѣ поселенецъ посреди лѣсовъ и болотъ съ трудомъ отыскивалъ сухое мѣсто, на которомъ можно было бы съ нѣкоторою безопасностью и удобствомъ поставить ногу, выстроить избу. Такія сухія мѣста, открытые пригорки, являлись рѣдкими островками среди моря лѣсовъ и болотъ. На такомъ островку можно было поставить одинъ, два, много три крестьянскихъ двора. Вотъ почему деревня въ одинъ или два крестьянскихъ двора является господствующей формой разселенія въ сѣверной Россіи чуть не до конца XVII в. Вокругъ такихъ мелкихъ разбросанныхъ деревень трудно было отыскать значительное сплошное пространство, которое удобно можно было бы распахать. Такія удобныя мѣста вокругъ деревень попадались незначительными участками. Эти участки и расчищались обитателями маленькой деревни. То была необычайно трудная работа: надобно было, выбравъ удобное сухое мѣсто для пашни, выжечь покрывавшій его лѣсъ, выкорчить пни, поднять цѣлину. Удаленіе отъ крупныхъ иноземныхъ рынковъ, недостатокъ вывоза не давали хлѣбопашцамъ побужденія расширять столь трудно обходившуюся имъ пахоту. Хлѣбопашество на верхне-волжскомъ суглинкѣ должно было удовлетворять лишь насущной потребности самихъ хлѣбопашцевъ. Мы ошиблись бы, подумавъ, что при скудости населенія, при обиліи никѣмъ не занятой земли крестьянинъ въ древней

Великороссіи пахалъ много, больше, чѣмъ въ прошломъ или нынѣшнемъ столѣтіи. Подворные пахотные участки въ Великороссіи XVI—XVII вв. вообще не больше надѣловъ по Положенію 19-го февраля. Притомъ тогдашніе пріемы обработки земли сообщали подвижной, неусидчивый, кочевой характеръ этому хлѣбопашеству. Выжигая лѣсъ на нови, крестьянинъ сообщалъ суглинку усиленное плодородіе и нѣсколько лѣтъ къ ряду снималъ съ него превосходный урожай, потому что зола служитъ очень сильнымъ удобреніемъ. Но то было насильственное и скоропреходящее плодородіе: черезъ 6—7 лѣтъ почва совершенно истощалась и крестьянинъ долженъ былъ покидать ее на продолжительный отдыхъ, запускать въ *перелогъ*. Тогда онъ переносилъ свой дворъ на другое, часто отдаленное мѣсто, поднималъ другую новь, ставилъ новый „починокъ на лѣсѣ“. Такъ эксплуатируя землю, великорусскій крестьянинъ передвигался съ мѣста на мѣсто и все въ одну сторону, по направленію на С.-В., пока не дошелъ до естественныхъ границъ русской равнины, до Урала и Бѣлаго Моря. Въ восполненіе скуднаго заработка отъ хлѣбопашества на верхне-волжскомъ суглинкѣ крестьянинъ долженъ былъ обращаться къ промысламъ. Лѣса, рѣки, озера, болота предоставляли ему множество угодій, разработка которыхъ могла служить подспорьемъ къ скудному земледѣльческому заработку. Вотъ источникъ той особенности, которой съ незапамятныхъ временъ отличается хозяйственный бытъ великорусскаго крестьянина: здѣсь причина развитія мѣстныхъ сельскихъ промысловъ, называемыхъ *кустарными*. Лыкодерство, мочальный промыселъ, звѣрогонство, бортничество (лѣсное пчеловодство въ дуплахъ деревьевъ), рыболовство, солевареніе, смолокуреніе, желѣзное дѣло — каждое изъ этихъ занятій издавна служило основаніемъ, питомникомъ хозяйственнаго быта для цѣлыхъ округовъ.

Таковы особенности великорусскаго хозяйства, создавшіяся подъ вліяніемъ природы страны. Это 1) разбросанность населенія, господство мелкихъ поселковъ, деревень, 2) незначительность крестьянской запашки, мелкость подворныхъ пахотныхъ участковъ, 3) подвижной характеръ хлѣбопашества, господство переносного или переложнаго земледѣлія и 4) наконецъ развитіе мелкихъ сельскихъ промысловъ, усиленная разработка лѣсныхъ, рѣчныхъ и другихъ угодій.

Рядомъ съ вліяніемъ природы страны на народное хозяйство Великороссіи замѣчаемъ слѣды ея могущественнаго дѣйствія на племенной характеръ великоросса. Великороссія XIII—XV вв. со своими лѣсами, топями и болотами на каждомъ шагу представляла поселенцу тысячи мелкихъ опасностей, непредвидимыхъ затрудненій и непріятностей, среди которыхъ надобно было найтись, съ которыми приходилось поминутно бороться. Это пріучало великоросса зорко слѣдить за природой, *смотрѣть въ оба*, по его выраженію, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться въ воду, не поискавъ броду, развивало въ немъ изворотливость въ мелкихъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, привычку къ терпѣливой борьбѣ съ невзгодами и лишеніями. Въ Европѣ нѣтъ народа менѣе избалованнаго и притязательнаго, пріученнаго меньше ждать отъ природы и судьбы и болѣе выносливаго. Притомъ по самому свойству края каждый уголъ его, каждая мѣстность задавала поселенцу трудную хозяйственную загадку: гдѣ бы здѣсь ни основался поселенецъ, ему прежде всего нужно было изучить свое мѣсто, всѣ его условія, чтобы высмотрѣть угодье, разработка котораго могла бы быть наиболѣе прибыльна. Отсюда эта удивительная наблюдательность, какая открывается въ народныхъ великорусскихъ примѣтахъ. Здѣсь схвачены всѣ характерныя, часто трудно уловимыя явленія годового оборота великорусской природы,

Его племенной характеръ.

Примѣты.

отмѣчены ея разнообразныя случайности, климатическія и хозяйственныя, очерченъ весь годовой обиходъ крестьянскаго хозяйства. Всѣ времена года, каждый мѣсяцъ, чуть не каждое число мѣсяца выступаютъ здѣсь съ особыми мѣтко очерченными климатическими и хозяйственными физіономіями, и въ этихъ наблюденіяхъ, часто доставшихся цѣной горькаго опыта, ярко отразились какъ наблюдаемая природа, такъ и самъ наблюдатель. Здѣсь онъ и наблюдаетъ окружающее, и размышляетъ о себѣ, и всѣ свои наблюденія старается привязать къ святцамъ, къ именамъ святыхъ и къ праздникамъ. Церковный календарь — это памятная книжка его наблюденій надъ природой и вмѣстѣ дневникъ его думъ надъ своимъ хозяйственнымъ житьемъ-бытьемъ. Январь — году начало, зимѣ середка. Вотъ съ января уже великороссъ, натерпѣвшись зимней стужи, начинаетъ подшучивать надъ нею. Крещенскіе морозы — онъ говоритъ имъ: трещи, трещи — минули водокрещи; дуй не дуй — не къ Рождеству пошло, а къ Великодню (Пасхѣ). Однако 18 января еще день Аѳанасія и Кирилла; аѳанасьевскіе морозы даютъ себя знать, и великороссъ уныло сознается въ преждевременной радости: Аѳанасій да Кирило забираютъ за рыло. 24 января память преп. Ксеніи: Аксиньи — полухлѣбницы-полузимницы: ползимы прошло, половина стараго хлѣба съѣдено. Примѣта: какова Аксинья, такова и весна. Февраль — бокогрѣй, съ боку солнце припекаетъ; 2 февраля, Срѣтеніе срѣтенскія оттепели: зима съ лѣтомъ встрѣтились. Примѣта: на Срѣтенье снѣжокъ — весной дождекъ. Мартъ теплый, да не всегда: и мартъ на носъ садится. 25 марта Благовѣщенье. Въ этотъ день весна зиму поборола. На Благовѣщенье медвѣдь встаетъ. Примѣта: каково Благовѣщенье, такова и Святая. Апрѣль — въ апрѣлѣ земля прѣетъ, вѣтрено и тепломъ вѣетъ. Крестьянинъ настора-

живаетъ вниманіе: близится страдная пора хлѣбопашца. Поговорка: апрѣль сипитъ да дуетъ, бабамъ тепло сулитъ, а мужикъ глядитъ, что-то будетъ. А зимніе запасы капусты на исходѣ. 1 апрѣля Маріи Египетской. Прозвище ея: Марья — пустыя щи. Захотѣлъ въ апрѣлѣ кислыхъ щей! 5 апрѣля мученика Ѳеодула. Ѳеодулъ — вѣтреникъ. Пришелъ Ѳедулъ, теплый вѣтеръ подулъ. Ѳедулъ губы надулъ (ненастье). 15 апрѣля апостола Пуда. Правило: выставлять пчелъ изъ зимняго омшаника на пчельникъ — цвѣты появились. На св. Пуда доставай пчелъ изъ подъ спуда. 23 апрѣля св. Георгія Побѣдоносца. Замѣчено хозяйственно-климатическое соотношеніе этого дня съ 9 мая: Егорій съ росой, Никола съ травой; Егорій съ тепломъ, Никола съ кормомъ. Вотъ и май. Зимніе запасы пріѣдены. Ай май, мѣсяцъ май, не холоденъ да голоденъ. А холодки навертываются, да и настоящаго дѣла еще нѣтъ въ полѣ. Поговорка: май — коню сѣна дай, а самъ на печь полѣзай. Примѣта: коли въ маѣ дожъ — будетъ и рожь; май холодный — годъ хлѣбородный. 5 мая великомученицы Ирины. Ирина — разсадница: разсаду (капусту) сажаютъ и выжигаютъ прошлогоднюю траву, чтобы новой не мѣшала. Поговорка: на Ирину худая трава изъ поля вонъ. 21 мая св. царя Константина и матери его Елены. Съ Аленой по созвучію связался ленъ: на Алену сѣй ленъ и сажай огурцы; Аленѣ льны, Константину огурцы.

Точно такъ же среди поговорокъ, прибаутокъ, хозяйственныхъ примѣтъ, а порой и „сердца горестныхъ замѣтъ“ бѣгутъ у великоросса и остальные мѣсяцы: іюнь, когда закрома пусты въ ожиданіи новой жатвы и который потому зовется *іюнь — ау!* потомъ іюль — страдникъ, работникъ; августъ, когда серпы грѣютъ на горячей работѣ, а вода уже холодитъ, когда на Преображенье — второй Спасъ бери рука-

вицы про запасъ; за нимъ сентябрь — холоденъ сентябрь, да сытъ — послѣ уборки урожая; далѣе октябрь — грязникъ, ни колеса, ни полоза не любитъ, ни на саняхъ, ни на телѣгѣ не проѣдешь, ноябрь — курятникъ, потому что 1 числа, въ день Козьмы и Даміана, бабы куръ рѣжутъ, оттого и зовется этотъ день — курячьи именины, куриная смерть. Наконецъ, вотъ и декабрь-студень, развалъ зимы: годъ кончается — зима начинается. На дворѣ холодно: время въ избѣ сидѣть да учиться. 1 декабря пророка Наума грамотника: начинаютъ ребятъ грамотѣ учить. Поговорка: „батюшка Наумъ, наведи на умъ". А стужа крѣпнетъ, наступаютъ трескучіе морозы, 4 декабря св. великомученицы Варвары. Поговорка: „трещитъ Варюха—береги носъ да ухо".

Такъ со святцами въ рукахъ или, точнѣе, въ цѣпкой памяти великороссъ прошелъ, наблюдая и изучая, весь годовой круговоротъ своей жизни. Церковь научила великоросса наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями въ этомъ наблюденіи и изученіи. Онъ вспоминалъ ихъ не въ церкви только: онъ уносилъ ихъ изъ храма съ собой въ свою избу, въ поле и лѣсъ, навѣшивая на имена ихъ свои примѣты въ видѣ безцеремонныхъ прозвищъ, какія даютъ закадычнымъ друзьямъ: Аѳанасій-*ломоносъ*, Самсонъ, *сѣногной*, что въ іюлѣ дождемъ сѣно гноитъ, Ѳедулъ-*вѣтреникъ*, Акулины-*гречишницы*, мартовская Авдотья *подмочи порогъ*, апрѣльская Марья *зажги снѣга, заиграй овражки*, и т. д. безъ конца. Въ примѣтахъ великоросса и его метеорологія, и его хозяйственный учебникъ, и его бытовая автобіографія; въ нихъ отлился весь онъ со своимъ бытомъ и кругозоромъ, со своимъ умомъ и сердцемъ; въ нихъ онъ и размышляетъ, и наблюдаетъ, и радуется, и горюетъ, и самъ же подсмѣивается и надъ своими горями, и надъ своими радостями.

Народныя примѣты великоросса своенравны, какъ своенравна отразившаяся въ нихъ природа Великороссіи. Она часто смѣется надъ самыми осторожными разсчетами великоросса: своенравіе климата и почвы обманываетъ самыя скромныя его ожиданія, и привыкнувъ къ этимъ обманамъ, разсчетливый великороссъ любитъ подъ часъ, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое рѣшеніе, противопоставляя капризу природы капризъ собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть въ удачу и есть великорусскій *авосъ*. Психологія великоросса.

Въ одномъ увѣренъ великороссъ — что надобно дорожить яснымъ лѣтнимъ рабочимъ днемъ, что природа отпускаетъ ему мало удобнаго времени для земледѣльческаго труда и что короткое великорусское лѣто умѣетъ еще укорачиваться безвременнымъ нежданнымъ ненастьемъ. Это заставляетъ великорусскаго крестьянина спѣшить, усиленно работать, чтобы сдѣлать много въ короткое время и впору убраться съ поля, а затѣмъ оставаться безъ дѣла осень и зиму. Такъ великороссъ пріучался къ чрезмѣрному кратковременному напряженію своихъ силъ, привыкалъ работать скоро, лихорадочно и споро, а потомъ отдыхать въ продолженіе вынужденнаго осенняго и зимняго бездѣлья. Ни одинъ народъ въ Европѣ неспособенъ къ такому напряженію труда на короткое время, какое можетъ развить великороссъ; но и нигдѣ въ Европѣ, кажется, не найдемъ такой непривычки къ ровному, умѣренному и размѣренному, постоянному труду, какъ въ той же Великороссіи.

Съ другой стороны, свойствами края опредѣлился порядокъ разселенія великороссовъ. Жизнь удаленными другъ отъ друга, уединенными деревнями при недостаткѣ общенія естественно не могла пріучать великоросса дѣйствовать большими союзами, дружными массами. Великороссъ работалъ

не на открытомъ полѣ, на глазахъ у всѣхъ, подобно обитателю южной Руси: онъ боролся съ природой въ одиночку, въ глуши лѣса съ топоромъ въ рукѣ. То была молчаливая черная работа надъ внѣшней природой, надъ лѣсомъ или дикимъ полемъ, а не надъ собой и обществомъ, не надъ своими чувствами и отношеніями къ людямъ. Потому великороссъ лучше работаетъ одинъ, когда на него никто не смотритъ, и съ трудомъ привыкаетъ къ дружному дѣйствію общими силами. Онъ вообще замкнутъ и остороженъ, даже робокъ, вѣчно себѣ на умѣ, необщителенъ, лучше самъ съ собой, чѣмъ на людяхъ, лучше въ началѣ дѣла, когда еще не увѣренъ въ себѣ и въ успѣхѣ, и хуже въ концѣ, когда уже добьется нѣкотораго успѣха и привлечетъ вниманіе: неувѣренность въ себѣ возбуждаетъ его силы, а успѣхъ роняетъ ихъ. Ему легче одолѣть препятствіе, опасность, неудачу, чѣмъ съ тактомъ и достоинствомъ выдержать успѣхъ; легче сдѣлать великое, чѣмъ освоиться съ мыслью о своемъ величіи. Онъ принадлежитъ къ тому типу умныхъ людей, которые глупѣютъ отъ признанія своего ума. Словомъ, великороссъ лучше великорусскаго общества.

Должно-быть, каждому народу отъ природы положено воспринимать изъ окружающаго міра, какъ и изъ переживаемыхъ судебъ, и претворять въ свой характеръ не всякія, а только извѣстныя впечатлѣнія, и отсюда происходитъ разнообразіе національныхъ складовъ или типовъ, подобно тому какъ неодинаковая свѣтовая воспріимчивость производитъ разнообразіе цвѣтовъ. Сообразно съ этимъ и народъ смотритъ на окружающее и переживаемое подъ извѣстнымъ угломъ, отражаетъ то и другое въ своемъ сознаніи съ извѣстнымъ преломленіемъ. Природа страны, навѣрное, не безъ участія въ степени и направленіи этого преломленія. Невозможность разсчитать напередъ, заранѣе сообразить планъ дѣйствій

и прямо идти къ намѣченной цѣли замѣтно отразилась на складѣ ума великоросса, на манерѣ его мышленія. Житейскія неровности и случайности пріучили его больше обсуждать пройденный путь, чѣмъ соображать дальнѣйшій, больше оглядываться назадъ, чѣмъ заглядывать впередъ. Въ борьбѣ съ нежданными метелями и оттепелями, съ непредвидимыми августовскими морозами и январьской слякотью онъ сталъ больше осмотрителенъ, чѣмъ предусмотрителенъ, выучился больше замѣчать слѣдствія, чѣмъ ставить цѣли, воспиталъ въ себѣ умѣнье подводить итоги насчетъ искусства составлять смѣты. Это умѣнье и есть то, что мы называемъ *заднимъ умомъ*. Поговорка: *русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ* вполнѣ принадлежитъ великороссу. Но задній умъ не то же, что *задняя мысль*. Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великороссъ часто производитъ впечатлѣніе непрямоты, неискренности. Великороссъ часто думаетъ надвое, и это кажется двоедушіемъ. Онъ всегда идетъ къ прямой цѣли, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идетъ, оглядываясь по сторонамъ, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь, и только вороны прямо летаютъ, говорятъ великорусскія пословицы. Природа и судьба вели великоросса такъ, что пріучали его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великороссъ мыслитъ и дѣйствуетъ, какъ ходитъ. Кажется, что можно придумать кривѣй и извилистѣе великорусскаго проселка? Точно змѣя проползла. А попробуйте пройти прямѣе: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу.

Такъ сказалось дѣйствіе природы Великороссіи на хозяйственномъ бытѣ и племенномъ характерѣ великоросса.

Лекція XVIII.

Политическія слѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья. — Князь Андрей Боголюбскій и его отношенія къ Кіевской Руси: попытка превратить патріархальную власть великаго князя въ государственную. — Образъ дѣйствія Андрея въ Ростовской землѣ: его отношенія къ ближайшимъ родичамъ, къ старшимъ городамъ и старшей дружинѣ. — Княжеская и соціальная усобица въ Ростовской землѣ по смерти кн. Андрея. — Сужденіе владимірскаго лѣтописца объ этой усобицѣ. — Преобладаніе верхне-волжской Руси надъ днѣпровской при Всеволодѣ III. — Дѣйствіе политическихъ успѣховъ князей Андрея и Всеволода на настроеніе суздальскаго общества. — Перечень изученныхъ фактовъ.

Обращаясь къ изученію политическихъ слѣдствій русской колонизаціи верхняго Поволжья, будемъ постоянно помнить, что мы изучаемъ самыя раннія и глубокія основы государственнаго порядка, который предстанетъ предъ нами въ слѣдующемъ періодѣ. Я теперь же укажу эти основы, чтобы вамъ удобнѣе было слѣдить за тѣмъ, какъ онѣ вырабатывались и закладывались въ подготовлявшійся новый порядокъ. Во-первыхъ, государственный центръ верхняго Поволжья, долго блуждавшій между Ростовомъ, Суздалемъ, Владиміромъ и Тверью, наконецъ утверждается на р. Москвѣ. Потомъ, въ лицѣ московскаго князя получаетъ полное выраженіе новый владѣтельный типъ, созданный усиліями многочисленныхъ удѣльныхъ князей сѣверной Руси: это князь-вотчинникъ, наслѣдственный осѣдлый землевладѣлецъ, смѣ-

нившій своего южнаго предка, князя-родича, подвижного очередного соправителя Русской земли. Этотъ новый владѣтельный типъ и сталъ кореннымъ и самымъ дѣятельнымъ элементомъ въ составѣ власти московскаго государя. Переходимъ къ обзору фактовъ, въ которыхъ медленно и постепенно проявлялись обѣ основы, и новый политическій типъ, а потомъ и новый государственный центръ.

Андрей Боголюбскій.

Политическія слѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья начали обнаруживаться уже при сынѣ того суздальскаго князя, въ княженіе котораго шелъ усиленный ея приливъ, при Андреѣ Боголюбскомъ. Самъ этотъ князь Андрей является крупною фигурой, на которой наглядно отразилось дѣйствіе колонизаціи. Отецъ его Юрій Долгорукій, одинъ изъ младшихъ сыновей Мономаха, былъ первый въ непрерывномъ ряду князей Ростовской области, которая при немъ и обособилась въ отдѣльное княжество: до того времени это чудское захолустье служило прибавкой къ южному княжеству Переяславскому. Здѣсь на Сѣверѣ, кажется, и родился князь Андрей въ 1111 году. Это былъ настоящій сѣверный князь, истый суздалецъ-залѣшанинъ по своимъ привычкамъ и понятіямъ, по своему политическому воспитанію. На Сѣверѣ прожилъ онъ большую половину своей жизни, совсѣмъ не видавши Юга. Отецъ далъ ему въ управленіе Владиміръ на Клязьмѣ, маленькій, недавно возникшій суздальскій пригородъ, и тамъ Андрей прокняжилъ далеко за тридцать лѣтъ своей жизни, не побывавъ въ Кіевѣ. Южная, какъ и сѣверная лѣтопись молчитъ о немъ до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцомъ и двоюроднымъ братомъ Изяславомъ волынскимъ съ 1146 г. Андрей появляется на Югѣ впервые не раньше 1149 г., когда Юрій, восторжествовавъ надъ племянникомъ, усѣлся на кіевскомъ столѣ. Съ тѣхъ поръ и заговорила объ Андреѣ

южная Русь, и южнорусская лѣтопись сообщаетъ нѣсколько разсказовъ, живо рисующихъ его физіономію. Андрей скоро выдѣлился изъ толпы тогдашнихъ южныхъ князей особенностями своего личнаго характера и своихъ политическихъ отношеній. Онъ въ боевой удали не уступалъ своему удалому сопернику Изяславу, любилъ забываться въ разгарѣ сѣчи, заноситься въ самую опасную свалку, не замѣчалъ, какъ съ него сбивали шлемъ. Все это было очень обычно на Югѣ, гдѣ постоянныя внѣшнія опасности и усобицы развивали удальство въ князьяхъ; но совсѣмъ не было обычно умѣнье Андрея быстро отрезвляться отъ воинственнаго опьянѣнія. Тотчасъ послѣ горячаго боя онъ становился осторожнымъ, благоразумнымъ политикомъ, осмотрительнымъ распорядителемъ. У Андрея всегда все было въ порядкѣ и наготовѣ; его нельзя было захватить врасплохъ; онъ умѣлъ не терять головы среди общаго переполоха. Привычкой ежеминутно быть на сторожѣ и всюду вносить порядокъ онъ напоминалъ своего дѣда Владиміра Мономаха. Несмотря на свою боевую удаль Андрей не любилъ войны и послѣ удачнаго боя первый подступалъ къ отцу съ просьбой мириться съ побитымъ врагомъ. Южнорусскій лѣтописецъ съ удивленіемъ отмѣчаетъ въ немъ эту черту характера, говоря: „не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, т.-е. не любилъ величаться боевой доблестью, но ждалъ похвалы лишь отъ Бога“. Точно такъ же Андрей совсѣмъ не раздѣлялъ страсти своего отца къ Кіеву, былъ вполнѣ равнодушенъ къ матери городовъ русскихъ и ко всей южной Руси. Когда въ 1151 году Юрій былъ побѣжденъ Изяславомъ, онъ плакалъ горькими слезами, жалѣя, что ему приходится разстаться съ Кіевомъ. Дѣло было къ осени. Андрей сказалъ отцу: „намъ теперь, батюшка, здѣсь дѣлать больше нечего, уйдемъ-ка отсюда затепло (пока тепло)“. По смерти Изяслава въ 1154 году Юрій

прочно усѣлся на кіевскомъ столѣ и просидѣлъ до самой смерти въ 1157 году. Самаго надежнаго изъ своихъ сыновей Андрея онъ посадилъ у себя подъ рукою въ Вышгородѣ близъ Кіева; но Андрею не жилось на Югѣ. Не спросившись у отца, онъ тихонько ушелъ на свой родной суздальскій Сѣверъ, захвативъ съ собой изъ Вышгорода принесенную изъ Греціи чудотворную икону Божіей Матери, которая стала потомъ главной святыней Суздальской земли подъ именемъ Владимірской. Одинъ позднѣйшій лѣтописный сводъ такъ объясняетъ этотъ поступокъ Андрея: „смущался князь Андрей, видя нестроеніе своей братіи, племянниковъ и всѣхъ сродниковъ своихъ: вѣчно они въ мятежѣ и волненіи, все добиваясь великаго княженія кіевскаго, ни у кого изъ нихъ ни съ кѣмъ мира нѣтъ, и оттого всѣ княженія запустѣли, а со стороны степи все половцы выплѣнили; скорбѣлъ объ этомъ много кн. Андрей въ тайнѣ своего сердца и, не сказавшись отцу, рѣшился уйти къ себѣ въ Ростовъ и Суздаль — тамъ де поспокойнѣе“. По смерти Юрія на кіевскомъ столѣ смѣнилось нѣсколько князей и наконецъ, усѣлся сынъ Юрьева соперника, Андреевъ двоюродный племянникъ Мстиславъ Изяславичъ волынскій. Андрей, считая себя старшимъ, выждалъ удобную минуту и послалъ на югъ съ сыномъ суздальское ополченіе, къ которому тамъ присоединились полки многихъ другихъ князей, недовольныхъ Мстиславомъ. Союзники взяли Кіевъ „копьемъ“ и „на щитъ“, приступомъ, и разграбили его (въ 1169 г.). Побѣдители, по разсказу лѣтописца, не щадили ничего въ Кіевѣ, ни храмовъ, ни женъ, ни дѣтей: „были тогда въ Кіевѣ на всѣхъ людяхъ стонъ и туга, скорбь неутѣшная и слезы непрестанныя“. Но Андрей, взявъ Кіевъ своими полками, не поѣхалъ туда сѣсть на столъ отца и дѣда: Кіевъ былъ отданъ младшему Андрееву брату Глѣбу.

Андреевичъ, посадивши дядю въ Кіевѣ, съ полками своими ушелъ домой къ отцу на сѣверъ съ честію и славою великою, замѣчаетъ сѣверный лѣтописецъ, и съ проклятіемъ, добавляетъ лѣтописецъ южный.

Новыя черты междукняжескихъ отношеній.

Никогда еще не бывало такой бѣды съ матерью городовъ русскихъ. Разграбленіе Кіева *своими* было рѣзкимъ проявленіемъ его упадка, какъ земскаго и культурнаго средоточія. Видно было, что политическая жизнь текла параллельно съ народной и даже вслѣдъ за нею, по ея руслу. Сѣверный князь только что начиналъ ломать южныя княжескія понятія и отношенія, унаслѣдованныя отъ отцовъ и дѣдовъ, а глубокій переломъ въ жизни самой земли уже чувствовался больно, разрывъ народности обозначился кровавой полосой, отчужденіе между сѣверными переселенцами и покинутой ими южной родиной было уже готовымъ фактомъ: за 12 лѣтъ до кіевскаго погрома 1169 г., тотчасъ по смерти Юрія Долгорукаго, въ Кіевской землѣ избивали приведенныхъ имъ туда суздальцевъ по городамъ и по селамъ. По смерти брата Глѣба Андрей отдалъ Кіевскую землю своимъ смоленскимъ племянникамъ Ростиславичамъ. Старшій изъ нихъ Романъ сѣлъ въ Кіевѣ, младшіе его братья Давидъ и Мстиславъ помѣстились въ ближайшихъ городахъ. Самъ Андрей носилъ званіе великаго князя, живя на своемъ суздальскомъ Сѣверѣ. Но Ростиславичи разъ показали неповиновеніе Андрею, и тотъ послалъ къ нимъ посла съ грознымъ приказаніемъ: „не ходишь ты, Романъ, въ моей волѣ со своей братіей, такъ пошелъ вонъ изъ Кіева, ты, Мстиславъ, вонъ изъ Бѣлгорода, а ты, Давидъ, изъ Вышгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ, какъ знаете“. Въ первый разъ великій князь, названый отецъ для младшей братіи, обращался такъ не по-отечески и не по-братски со своими родичами. Эту перемѣну въ обращеніи съ особенной горечью

почувствовалъ младшій и лучшій изъ Ростиславичей Мстиславъ Храбрый: онъ въ отвѣтъ на повторенное требованіе Андрея остригъ бороду и голову Андрееву послу и отпустилъ его назадъ, велѣвъ сказать Андрею: „мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви; но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ“. Такъ въ первый разъ произнесено было въ княжеской средѣ новое политическое слово *подручникъ*, т.-е. впервые сдѣлана была попытка замѣнить неопредѣленныя, полюбовныя родственныя отношенія князей по старшинству обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ старшему, политическимъ ихъ подданствомъ на ряду съ простыми людьми.

Обособленіе Суздальскаго великокняженія.

Таковъ рядъ необычныхъ явленій, обнаружившихся въ отношеніяхъ Андрея Боголюбскаго къ южной Руси и другимъ князьямъ. До сихъ поръ званіе старшаго великаго князя нераздѣльно было съ обладаніемъ старшимъ кіевскимъ столомъ. Князь, признанный старшимъ среди родичей, обыкновенно садился въ Кіевѣ; князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, обыкновенно признавался старшимъ среди родичей: таковъ былъ порядокъ, считавшійся правильнымъ. Андрей впервые отдѣлилъ старшинство отъ мѣста: заставивъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли, онъ не покинулъ своей Суздальской волости и не поѣхалъ въ Кіевъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Извѣстное словцо Изяслава о головѣ, идущей къ мѣсту, получило неожиданное примѣненіе: наперекоръ обычному стремленію младшихъ головъ къ старшимъ мѣстамъ теперь старшая голова добровольно остается на младшемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ княжеское старшинство оторвавшись отъ мѣста, получило личное значеніе, и какъ будто мелькнула мысль придать ему авторитетъ верховной

власти. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось и положеніе Суздальской области среди другихъ областей Русской земли, и ея князь сталъ въ небывалое къ ней отношеніе. До сихъ поръ князь, который достигалъ старшинства и садился на кіевскомъ столѣ, обыкновенно покидалъ свою прежнюю волость, передавая ее по очереди другому владѣльцу. Каждая княжеская волость была временнымъ, очереднымъ владѣніемъ извѣстнаго князя, оставаясь родовымъ, не личнымъ достояніемъ. Андрей, ставъ великимъ княземъ, не покинулъ своей Суздальской области, которая вслѣдствіе того утратила родовое значеніе, получивъ характеръ личнаго неотъемлемаго достоянія одного князя, и такимъ образомъ вышла изъ круга русскихъ областей, владѣемыхъ по очереди старшинства. Таковъ рядъ новыхъ явленій, обнаружившихся въ дѣятельности Андрея по отношенію къ южной Руси и къ другимъ князьямъ: эта дѣятельность была попыткой произвести переворотъ въ политическомъ строѣ Русской земли. Такъ взглянули на ходъ дѣлъ и древніе лѣтописцы, отражая въ своемъ взглядѣ впечатлѣніе современниковъ Андрея Боголюбскаго: по ихъ взгляду, со времени этого князя великое княженіе, дотолѣ единое кіевское, раздѣлилось на двѣ части: кн. Андрей со своей сѣверной Русью отдѣлился отъ Руси южной, образовалъ другое великое княженіе, Суздальское, и сдѣлалъ городъ Владиміръ великокняжескимъ столомъ для всѣхъ князей.

Отношенія Андрея къ родичамъ, городамъ и дружинѣ.

Разсматривая событія, происшедшія въ Суздальской землѣ при Андреѣ и слѣдовавшія за его смертію, мы встрѣчаемъ признаки другого переворота, совершавшагося во внутреннемъ строѣ самой Суздальской земли. Князь Андрей и дома, въ управленіи своей собственной волостью, дѣйствовалъ не постарому. По обычаю, заводившемуся съ распаденіемъ княжескаго рода на линіи и съ прекращеніемъ общей очереди владѣнія, старшій князь извѣстной линіи дѣлилъ управленіе

принадлежавшею этой линіи областью съ ближайшими младшими родичами, которыхъ сажалъ вокругъ себя по младшимъ городамъ этой области. Но въ Ростовской землѣ среди переселенческаго броженія всѣ обычаи и отношенія колебались и путались. Юрій Долгорукій предназначалъ Ростовскую землю младшимъ своимъ сыновьямъ, и старшіе города Ростовъ съ Суздалемъ заранѣе, не по обычаю, на томъ ему крестъ цѣловали, что примутъ къ себѣ меньшихъ его сыновей, но по смерти Юрія позвали къ себѣ старшаго сына Андрея. Тотъ съ своей стороны благоговѣйно чтилъ память своего отца и однако вопреки его волѣ пошелъ на зовъ нарушителей крестнаго цѣлованія. Но онъ не хотѣлъ дѣлиться доставшейся ему областью съ ближайшими родичами и погналъ изъ Ростовской земли своихъ младшихъ братьевъ, какъ соперниковъ, у которыхъ перехватилъ наслѣдство, а вмѣстѣ съ ними кстати прогналъ и своихъ племянниковъ. Коренныя области старшихъ городовъ въ Русской землѣ управлялись, какъ мы знаемъ, двумя аристократіями, служилой и промышленной, которыя имѣли значеніе правительственныхъ орудій или совѣтниковъ, сотрудниковъ князя. Служилая аристократія состояла изъ княжескихъ дружинниковъ, бояръ, промышленная изъ верхняго слоя неслужилаго населенія старшихъ городовъ, который носилъ названіе *лучшихъ* или *лѣпшихъ мужей* и руководилъ областными обществами посредствомъ демократически-составленнаго городского вѣча. Вторая аристократія, впрочемъ, выступаетъ въ XII в. больше оппозиціонной соперницей, чѣмъ сотрудницей князя. Обѣ эти аристократіи встрѣчаемъ и въ Ростовской землѣ уже при Андреевомъ отцѣ Юріи; но Андрей не поладилъ съ обоими этими руководящими классами суздальскаго общества. По заведенному порядку онъ долженъ былъ сидѣть и править въ старшемъ городѣ своей волости при содѣйствіи

и по соглашенію съ его вѣчемъ. Въ Ростовской землѣ было два такихъ старшихъ вѣчевыхъ города, Ростовъ и Суздаль. Андрей не любилъ ни того, ни другого города и сталъ жить въ знакомомъ ему смолоду маленькомъ пригородѣ Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ не были въ обычаѣ вѣчевыя сходки, сосредоточилъ на немъ всѣ свои заботы, укрѣплялъ и украшалъ, „сильно устроилъ“ его, по выраженію лѣтописи, выстроилъ въ немъ великолѣпный соборный храмъ Успенія, „чудную Богородицу златоверхую“, въ которомъ поставилъ привезенную имъ съ Юга чудотворную икону Божіей Матери. Расширяя этотъ городъ, Андрей наполнилъ его, по замѣчанію одного лѣтописнаго свода, купцами хитрыми, ремесленниками и рукодѣльниками всякими. Благодаря этому, пригородъ Владиміръ при Андреѣ превзошелъ богатствомъ и населенностью старшіе города своей области. Такое необычное перенесеніе княжескаго стола изъ старшихъ городовъ въ пригородъ сердило ростовцевъ и суздальцевъ, которые роптали на Андрея, говоря: „здѣсь старшіе города Ростовъ да Суздаль, а Владиміръ нашъ пригородъ“. Точно также не любилъ Андрей и старшей отцовой дружины. Онъ даже не дѣлилъ съ боярами своихъ развлеченій, не бралъ ихъ съ собой на охоту, велѣлъ имъ, по выраженію лѣтописи, „особно утѣху творити, гдѣ имъ годно“, а самъ ѣздилъ на охоту лишь съ немногими *отроками,* людьми младшей дружины. Наконецъ, желая властвовать безъ раздѣла, Андрей погналъ изъ Ростовской земли вслѣдъ за своими братьями и племянниками и „переднихъ мужей“ отца своего, т.-е. большихъ отцовыхъ бояръ. Такъ поступалъ Андрей, по замѣчанію лѣтописца, желая быть „самовластцемъ“ всей Суздальской земли. За эти необычныя политическія стремленія Андрей и заплатилъ жизнью. Онъ палъ жертвой заговора, вызваннаго его строгостью. Андрей казнилъ брата своей первой жены, одного изъ знат-

ныхъ слугъ своего двора, Кучковича. Братъ казненнаго съ другими придворными составилъ заговоръ, отъ котораго и погибъ Андрей въ 1174 году.

Личность кн. Андрея.

Отъ всей фигуры Андрея вѣетъ чѣмъ-то новымъ; но едва ли эта новизна была добрая. Князь Андрей былъ суровый и своенравный хозяинъ, который во всемъ поступалъ по-своему, а не по старинѣ и обычаю. Современники замѣтили въ немъ эту двойственность, смѣсь силы со слабостью, власти съ капризомъ: „такой умникъ во всѣхъ дѣлахъ, говоритъ о немъ лѣтописецъ, такой доблестный, кн. Андрей погубилъ свой смыслъ невоздержаніемъ“, т.-е. недостаткомъ самообладанія. Проявивъ въ молодости на Югѣ столько боевой доблести и политической разсудительности, онъ потомъ, живя сиднемъ въ своемъ Боголюбовѣ, надѣлалъ немало дурныхъ дѣлъ: собиралъ и посылалъ большія рати грабить то Кіевъ, то Новгородъ, раскидывалъ паутину властолюбивыхъ козней по всей Русской землѣ изъ своего темнаго угла на Клязьмѣ. Повести дѣла такъ, чтобы 400 новгородцевъ на Бѣлоозерѣ обратили въ бѣгство семитысячную суздальскую рать, потомъ организовать такой походъ на Новгородъ, послѣ котораго новгородцы продавали плѣнныхъ суздальцевъ втрое дешевле овецъ, — все это можно было сдѣлать и безъ Андреева ума. Прогнавъ изъ Ростовской земли большихъ отцовыхъ бояръ, окружилъ себя такой дворней, которая въ благодарность за его барскія милости отвратительно его убила и разграбила его дворецъ. Онъ былъ очень набоженъ и нищелюбивъ, настроилъ много церквей въ своей области, передъ заутреней самъ зажигалъ свѣчи въ храмѣ, какъ заботливый церковный староста, велѣлъ развозить по улицамъ пищу и питье для больныхъ и нищихъ, отечески-нѣжно любилъ свой городъ Владиміръ, хотѣлъ сдѣлать изъ него другой Кіевъ, даже съ особымъ, вторымъ русскимъ митрополитомъ, построилъ

въ немъ извѣстныя Золотыя Ворота и хотѣлъ неожиданно открыть ихъ къ городскому празднику Успенія Божіей Матери, сказавъ боярамъ: „вотъ сойдутся люди на праздникъ и увидятъ ворота“. Но известка не успѣла высохнуть и укрѣпиться къ празднику, и когда народъ собрался на праздникъ, ворота упали и накрыли 12 зрителей. Взмолился князь Андрей къ иконѣ Пресвятой Богородицѣ: „если Ты не спасешь этихъ людей, я грѣшный буду повиненъ въ ихъ смерти“. Подняли ворота — и всѣ придавленные ими люди оказались живы и здоровы. И городъ Владиміръ былъ благодаренъ своему попечителю: гробъ убитаго князя разрыдавшіеся владимірцы встрѣтили причитаніемъ, въ которомъ слышится зародышъ исторической пѣсни о только что угасшемъ богатырѣ. Со времени своего побѣга изъ Вышгорода въ 1155 году Андрей, въ продолженіе почти 20-лѣтняго безвыѣзднаго сидѣнья въ своей волости, устроилъ въ ней такую администрацію, что тотчасъ по смерти его тамъ наступила полная анархія: всюду происходили грабежи и убійства, избивали посадниковъ, тіуновъ и другихъ княжескихъ чиновниковъ, и лѣтописецъ съ прискорбіемъ упрекаетъ убійцъ и грабителей, что они дѣлали свои дѣла напрасно, потому что гдѣ законъ, тамъ и „обидъ“, несправедливостей много. Никогда еще на Руси ни одна княжеская смерть не сопровождалась такими постыдными явленіями. Ихъ источника надобно искать въ дурномъ окруженіи, какое создалъ себѣ князь Андрей своимъ произволомъ, неразборчивостью къ людямъ, пренебреженіемъ къ обычаямъ и преданіямъ. Въ заговорѣ противъ него участвовала даже его вторая жена, родомъ изъ камской Болгаріи, мстившая ему за зло, какое причинилъ Андрей ея родинѣ. Лѣтопись глухо намекаетъ, какъ плохо слажено было общество, въ которомъ вращался Андрей: „ненавидѣли кн. Андрея свои домашніе, говоритъ она, и была

брань лютая въ Ростовской и Суздальской землѣ". Современники готовы были видѣть въ Андреѣ проводника новыхъ государственныхъ стремленій. Но его образъ дѣйствій возбуждаетъ вопросъ, руководился ли онъ достаточно обдуманными началами отвѣтственнаго самодержавія, или только инстинктами самодурства. Въ лицѣ князя Андрея великороссъ впервые выступалъ на историческую сцену, и это выступленіе нельзя признать удачнымъ. Въ трудныя минуты этотъ князь способенъ былъ развить громадныя силы и размѣнялся на пустяки и ошибки въ спокойные, досужіе годы. Не все въ образѣ дѣйствій Андрея было случайнымъ явленіемъ, дѣломъ его личнаго характера, исключительнаго темперамента. Можно думать, что его политическія понятія и правительственныя привычки въ значительной мѣрѣ были воспитаны общественной средой, въ которой онъ выросъ и дѣйствовалъ. Этой средой былъ пригородъ Владиміръ, гдѣ Андрей провелъ большую половину своей жизни. Суздальскіе пригороды, составляли тогда особый міръ, созданный русской колонизаціей, съ отношеніями и понятіями, какихъ не знали въ старыхъ областяхъ Руси. Событія, слѣдовавшія за смертью Андрея, ярко освѣщаютъ этотъ міръ.

Усобица послѣ его смерти.

По смерти Андрея въ Суздальской землѣ разыгралась усобица, по происхожденію своему очень похожая на княжескія усобицы въ старой Кіевской Руси. Случилось то, что часто бывало тамъ: младшіе дяди заспорили со старшими племянниками. Младшіе братья Андрея Михаилъ и Всеволодъ поссорились со своими племянниками, дѣтьми ихъ старшаго брата, давно умершаго, съ Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами. Такимъ образомъ мѣстному населенію открылась возможность выбора между князьями. Старшіе города Ростовъ и Суздаль съ боярами Ростовской земли позвали Андреевыхъ племянниковъ: но городъ Владиміръ,

недавно ставшій великокняжескимъ стольнымъ городомъ, позвалъ къ себѣ братьевъ Андрея, Михаила и Всеволода: изъ этого и вышла усобица. Въ борьбѣ съ начала одержали верхъ племянники и сѣли — старшій въ старшемъ городѣ области Ростовѣ, младшій во Владимірѣ; но потомъ Владиміръ поднялся на племянниковъ и на старшіе города и опять призвалъ къ себѣ дядей, которые на этотъ разъ восторжествовали надъ соперниками и раздѣлили между собой Суздальскую землю, бросивъ старшіе города и разсѣвшись по младшимъ, во Владимірѣ и Переяславлѣ. По смерти старшаго дяди Михаила усобица возобновилась между младшимъ Всеволодомъ, которому присягнули владимірцы и переяславцы, и старшимъ племянникомъ Мстиславомъ, за котораго опять стали ростовцы съ боярами. Мстиславъ проигралъ дѣло, разбитый въ двухъ битвахъ, подъ Юрьевомъ и на рѣкѣ Колокшѣ. Послѣ того Всеволодъ остался одинъ хозяиномъ въ Суздальской землѣ. Таковъ былъ ходъ суздальской усобицы, длившейся два года (1174—1176). Но по ходу своему эта сѣверная усобица не во всемъ была похожа на южныя: она осложнилась явленіями, какихъ не замѣтно въ княжескихъ распряхъ на Югѣ. Въ областяхъ южной Руси мѣстное неслужилое населеніе обыкновенно довольно равнодушно относилось къ княжескимъ распрямъ. Боролись собственно князья и ихъ дружины, а не земли, не цѣлыя областныя общества, боролись Мономаховичи съ Ольговичами, а не Кіевская или Волынская земля съ Черниговской, хотя областныя общества волей иль неволей вовлекались въ борьбу князей и дружинъ. Напротивъ, въ Суздальской землѣ мѣстное населеніе приняло дѣятельное участіе въ ссорѣ своихъ князей. За дядей стоялъ прежній пригородъ Владиміръ, недавно ставшій стольнымъ городомъ великаго князя. Племянниковъ дружно поддерживали старшіе города земли Ростовъ и Суз-

даль, которые дѣйствовали даже энергичнѣе самихъ князей, обнаруживали чрезвычайное ожесточеніе противъ Владиміра. Въ другихъ областяхъ старшіе города присвояли себѣ право выбирать на вѣчѣ посадниковъ для своихъ пригородовъ. Ростовцы во время усобицы также говорили про Владиміръ: „это нашъ пригородъ; сожжемъ его, либо пошлемъ туда своего посадника; тамъ живутъ наши холопы каменьщики". Ростовцы, очевидно, намекали на ремесленниковъ, которыми Андрей населилъ Владиміръ. Но и этотъ пригородъ Владиміръ не дѣйствовалъ въ борьбѣ одиноко: къ нему примыкали другіе пригороды Суздальской земли. „А съ переяславцы, замѣчаетъ лѣтописецъ, имяхуть володимірцы едино сердце". И третій новый городокъ Москва тянулъ въ ту же сторону и только изъ страха передъ князьями племянниками не рѣшился принять открытое участіе въ борьбѣ. Земская вражда не ограничивалась даже старшими городами и пригородами: она шла глубже, захватывала все общество съ верху до низу. На сторонѣ племянниковъ и старшихъ городовъ стала и вся старшая дружина Суздальской земли; даже дружина города Владиміра въ числѣ 1500 человѣкъ по приказу ростовцевъ примкнула къ старшимъ городамъ и дѣйствовала противъ князей, которыхъ поддерживали горожане Владиміра. Но если старшая дружина даже въ пригородахъ стояла на сторонѣ старшихъ городовъ, то низшее населеніе самихъ старшихъ городовъ стало на сторонѣ пригородовъ. Когда дяди въ первый разъ восторжествовали надъ племянниками, суздальцы явились къ Михаилу и сказали: „мы, князь, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре; такъ ты не сердись на насъ и ступай къ намъ". Это говорили, очевидно, депутаты отъ простонародья города Суздаля. Значитъ, все общество Суздальской земли раздѣлилось въ борьбѣ горизонтально, а не верти-

кально: на одной сторонѣ стали обѣ мѣстныя аристократіи, старшая дружина и верхній слой неслужилаго населенія старшихъ городовъ, на другой — ихъ низшее населеніе вмѣстѣ съ пригородами. На такое соціальное раздѣленіе прямо указалъ одинъ изъ участниковъ борьбы дядя Всеволодъ. Наканунѣ битвы подъ Юрьевомъ онъ хотѣлъ уладить дѣло безъ кровопролитія и послалъ сказать племяннику Мстиславу: „если тебя, братъ, привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ мы и помиримся; тебя ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ да владимірцы съ переяславцами".

Классовая вражда въ ея основѣ.

Такъ въ описанной усобицѣ вскрылись различные элементы мѣстнаго общества съ ихъ взаимными враждебными отношеніями. Мы видимъ, что борются князья дяди съ князьями племянниками, старшіе вѣчевые города съ пригородами, городами младшими, высшіе классы мѣстнаго общества, служилый и торговый, съ низшимъ населеніемъ „холопей-каменщиковъ", какъ зовутъ его ростовцы. Но въ глубинѣ этой тройной борьбы таилась одна земская вражда, вытекавшая изъ состава мѣстнаго общества. Чтобы понять происхожденіе этой вражды, надобно припомнить, что городская знать Ростова и Суздаля принадлежала къ старинному русскому населенію края, которое принесено было сюда ранней струей колонизаціи, давно, еще до княженія Юрія, здѣсь усѣлось и привыкло руководить мѣстнымъ обществомъ. Вмѣстѣ съ Юріемъ Долгорукимъ, т.-е. въ началѣ XII в., водворились въ Суздальской землѣ и бояре, старшая дружина. Это былъ другой старый и руководящій классъ мѣстнаго общества; вмѣстѣ съ богатымъ купечествомъ Ростова и Суздаля онъ и вступилъ въ борьбу съ пригородами. Послѣдніе, напротивъ, населены были преимущественно недавними колонистами, которые приходили изъ южной Руси. Эти пересе-

ленцы выходили, большею частію, изъ низшихъ классовъ южнорусскаго населенія, городского и сельскаго. Являясь въ Суздальскую землю, пришельцы встрѣтились здѣсь съ туземнымъ финскимъ населеніемъ, которое также составляло низшій классъ мѣстнаго общества. Такимъ образомъ колонизація давала рѣшительный перевѣсъ низшимъ классамъ, городскому и сельскому простонародью, въ составѣ суздальскаго общества: не даромъ въ старинной богатырской былинѣ, сохранившей отзвуки дружинныхъ, аристократическихъ понятій и отношеній Кіевской Руси, обыватели Ростовско-Залѣсской земли зовутся „мужиками залѣшанами“, а главнымъ богатыремъ окско-волжской страны является Илья Муромецъ — „крестьянскій сынъ“. Этотъ перевѣсъ нарушилъ на верхневолжскомъ Сѣверѣ то равновѣсіе соціальныхъ стихій, на которомъ держался общественный порядокъ въ старыхъ областяхъ южной Руси. Этотъ порядокъ, какъ мы знаемъ, носилъ аристократическій отпечатокъ: высшіе классы тамъ политически преобладали и давили низшее населеніе. Внѣшняя торговля поддерживала общественное значеніе торгово-промышленной знати; постоянная внѣшняя и внутренняя борьба укрѣпляла политическое положеніе знати военно-служилой, княжеской дружины. На Сѣверѣ изсякали источники, питавшіе силу того и другого класса. Притомъ переселенческая передвижка разрывала преданіе, освобождала переселенцевъ отъ привычекъ и связей, сдерживавшихъ общественныя отношенія на старыхъ насиженныхъ мѣстахъ. Самая нелюбовь южанъ къ сѣверянамъ, такъ рѣзко проявившаяся уже въ XII в., первоначально имѣла, повидимому, не племенную или областную, а соціальную основу: она развилась изъ досады южнорусскихъ горожанъ и дружинниковъ на смердовъ и холоповъ, вырывавшихся изъ рукъ и уходившихъ на Сѣверъ; тѣ платили, разумѣется, соотвѣтственными чувствами боярамъ

и „лѣпшимъ“ людямъ, какъ южнымъ, такъ и своимъ залѣсскимъ. Такимъ образомъ политическое преобладаніе верхнихъ классовъ въ Ростовской землѣ теряло свои матеріальныя и нравственныя опоры и при усиленномъ притокѣ смердьей, мужицкой колонизаціи, измѣнившей прежнія отношенія и условія мѣстной жизни, должно было вызвать антагонизмъ и столкновеніе между низомъ и верхомъ здѣшняго общества. Этотъ антогонизмъ и былъ скрытой пружиной описанной усобицы между братьями и племянниками Андрея. Низшіе классы мѣстнаго общества, только что начавшіе складываться путемъ сліянія русскихъ колонистовъ съ финскими туземцами, вызванные къ дѣйствію княжеской распрей, возстали противъ высшихъ, противъ давнишнихъ и привычныхъ руководителей этого общества, и доставили торжество надъ ними князьямъ, за которыхъ стояли. Значитъ, это была не простая княжеская усобица, а соціальная борьба. Такимъ образомъ и этотъ внутренній переворотъ въ Суздальской землѣ, уронившій обѣ мѣстныя аристократіи, подобно перемѣнѣ въ ея внѣшнемъ положеніи, выдѣленію изъ очередного порядка, тѣсно связанъ съ той же колонизаціей.

Лѣтописецъ объ усобицѣ.

Какъ на борьбу разновременныхъ слоевъ мѣстнаго общества, смотрѣли на ходъ и значеніе описанныхъ событій и современные наблюдатели, люди Суздальской земли. Описанная княжеская усобица разсказана современнымъ лѣтописцемъ, жителемъ города Владиміра, слѣдовательно сторонникомъ дядей и пригородовъ. Онъ приписываетъ успѣхъ города Владиміра въ борьбѣ чудодѣйственной помощи Божіей Матери, чудотворная икона которой стояла во владимірскомъ соборѣ. Разсказавъ о первомъ торжествѣ дядей надъ племянниками и о возвращеніи Михаила во Владиміръ, этотъ лѣтописецъ, превращаясь въ публициста, сопровождаетъ свой разсказъ такими любопытными размышленіями: „И была радость

большая въ городѣ Владимірѣ, когда онъ опять увидѣлъ у себя великаго князя всей Ростовской земли. Подивимся чуду новому, великому и преславному Божіей Матери, какъ заступила Она Свой городъ отъ великихъ бѣдъ и какъ гражданъ Своихъ укрѣпляетъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись они двоихъ князей съ ихъ боярами, не посмотрѣли на ихъ угрозы, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду. Новгородцы, смольняне, кіевляне, полочане и всѣ власти (волостные старшіе города) на вѣча, какъ на думу, сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ. А здѣсь старшіе города Ростовъ и Суздаль и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнить правды Божіей, говорили: какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ, Владиміръ нашъ пригородъ. Воспротивились они Богу и Св. Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей смутьяновъ, не хотѣвшихъ *намъ* добра изъ зависти къ *сему* городу и къ живущимъ въ немъ. Не сумѣли ростовцы и суздальцы правды Божіей исправить, думали, что если они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, мизинные (маленькіе или младшіе) владимірскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться и сказали себѣ: либо Михалка князя себѣ добудемъ, либо головы свои положимъ за Св. Богородицу и за Михалка князя. И вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и Св. Богородица: прославлены стали владимірцы по всей землѣ за ихъ правду, Богови имъ помогающу". Значитъ, и современный наблюдатель видѣлъ въ описанной усобицѣ не столько княжескую распрю, сколько борьбу мѣстныхъ общественныхъ элементовъ, возстаніе „новыхъ маленькихъ людей" на высшіе классы, на старыхъ привычныхъ руководителей мѣстнаго общества, каковы были обѣ аристократіи, служилая и промышленная. Итакъ однимъ изъ послѣдствій русской колони-

заціи Суздальской земли было торжество общественнаго низа надъ верхами мѣстнаго общества. Можно предвидѣть, что общество въ Суздальской землѣ вслѣдствіе такого исхода пережитой имъ соціальной борьбы будетъ развиваться въ болѣе демократическомъ направленіи сравнительно съ общественнымъ строемъ областей старой Кіевской Руси, и это направленіе будетъ благопріятнѣе для княжеской власти, такъ упавшей на Югѣ вслѣдствіе усобицъ и зависимости князей отъ старшихъ вѣчевыхъ городовъ. Такой поворотъ выразительно сказался уже во время описанной суздальской усобицы. По смерти старшаго дяди Михаила владимірцы тотчасъ присягнули младшему Всеволоду и не только ему, но и его дѣтямъ, значитъ, установили у себя наслѣдственность княжеской власти въ нисходящей линіи вопреки очередному порядку и выросшему изъ него притязанію старшихъ городовъ выбирать между князьями-совмѣстниками.

Преобладаніе верхневолжской Руси.

Ступимъ еще шагъ впередъ и опять встрѣтимъ новый фактъ — рѣшительное преобладаніе Суздальской области надъ остальными областями Русской земли. Восторжествовавъ надъ племянникомъ въ 1176 г., Всеволодъ III княжилъ въ Суздальской землѣ до 1212 г. Княженіе его во многомъ было продолженіемъ внѣшней и внутренней дѣятельности Андрея Боголюбскаго. Подобно старшему брату Всеволодъ заставилъ признать себя великимъ княземъ всей Русской земли и подобно ему же не поѣхалъ въ Кіевъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Онъ правилъ южной Русью съ береговъ далекой Клязьмы; въ Кіевѣ великіе князья садились изъ его руки. Великій князь кіевскій чувствовалъ себя непрочно на этомъ столѣ, если не ходилъ въ волѣ Всеволода, не былъ его подручникомъ. Являлось два великихъ князя, кіевскій и владиміро-клязьминскій, старшій и старѣйшій, номинальный и дѣйствительный. Такимъ подручнымъ великимъ кня-

земъ, сѣвшимъ въ Кіевѣ по волѣ Всеволода, былъ его смоленскій племянникъ Рюрикъ Ростиславовичъ. Этотъ Рюрикъ разъ сказалъ своему зятю Роману волынскому: „самъ ты знаешь, что нельзя было не сдѣлать по волѣ Всеволода, намъ безъ него быть нельзя: вся братія положила на немъ старшинство во Владиміровомъ племени“. Политическое давленіе Всеволода было ощутительно на самой отдаленной юго-западной окраинѣ Русской земли. Галицкій князь Владиміръ, сынъ Ярослава Осмосмысла, воротивши отцовскій столъ съ польской помощью, спѣшилъ укрѣпиться на немъ, ставъ подъ защиту отдаленнаго дяди Всеволода суздальскаго. Онъ послалъ сказать ему: „отецъ и господинъ! удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ волѣ твоей всегда“. И сосѣди Всеволода князья рязанскіе чувствовали на себѣ его тяжелую руку, ходили въ его волѣ, по его указу посылали свои полки въ походы вмѣстѣ съ его полками. Въ 1207 г. Всеволодъ, удостовѣрившись въ умыслѣ нѣкоторыхъ рязанскихъ князей обмануть его, схватилъ ихъ и отослалъ во Владиміръ, посажалъ по рязанскимъ городамъ своихъ посадниковъ и потребовалъ у рязанцевъ выдачи остальныхъ князей ихъ и съ княгинями, продержалъ ихъ у себя въ плѣну до самой своей смерти, а въ Рязани посадилъ своего сына на княженіе. Когда же буйные, непокорные рязанцы, какъ ихъ характеризуетъ суздальскій лѣтописецъ, вышли изъ повиновенія Всеволоду и измѣнили его сыну, тогда суздальскій князь велѣлъ перехватать всѣхъ горожанъ съ семействами и съ епископомъ и расточилъ ихъ по разныхъ городамъ, а городъ Рязань сжегъ. Рязанская земля была какъ бы покорена Всеволодомъ и присоединена къ великому княжеству Владимірскому. И другимъ сосѣдямъ тяжело приходилось отъ Всеволода. Князь смоленскій просилъ у него прощенія за

неугодный ему поступокъ. Всеволодъ самовластно хозяйничалъ въ Новгородѣ Великомъ, давалъ ему князей на всей своей волѣ, нарушалъ его старину, казнилъ его „мужей“ безъ объявленія вины. Одного имени его, по выраженію сѣвернаго лѣтописца, трепетали всѣ страны, по всей землѣ пронеслась слава его. И пѣвецъ *Слова о полку Игоревѣ*, южнорусскій поэтъ и публицистъ конца XII в., знаетъ политическое могущество суздальскаго князя. Изображая бѣдствія, какія постигли Русскую землю послѣ пораженія его сѣверскихъ героевъ въ степи, онъ обращается къ Всеволоду съ такими словами: „великій князь Всеволодъ! прилетѣть бы тебѣ издалека отчаго золотого стола постеречь: вѣдь ты можешь Волгу разбрызгать веслами, Донъ шлемами вычерпать“. Въ такихъ поэтически-преувеличенныхъ размѣрахъ представлялись черниговскому пѣвцу волжскій флотъ Всеволода и его сухопутная рать. Такимъ образомъ Суздальская область, еще въ началѣ XII в. захолустный сѣверовосточный уголъ Русской земли, въ началѣ XIII в. является княжествомъ, рѣшительно господствующимъ надъ остальной Русью. Политическій центръ тяжести явственно передвигается съ береговъ средняго Днѣпра на берега Клязьмы. Это передвиженіе было слѣдствіемъ отлива русскихъ силъ изъ средняго Поднѣпровья въ область верхней Волги.

Охлажденіе къ Кіеву. Вмѣстѣ съ этимъ вскрывается другое любопытное явленіе: въ суздальскомъ обществѣ и въ мѣстныхъ князьяхъ обнаруживается равнодушіе къ Кіеву, завѣтной мечтѣ прежнихъ князей, устанавливается отношеніе къ Кіевской Руси, проникнутое сострадательнымъ пренебреженіемъ. Это замѣтно было уже во Всеволодѣ, стало еще замѣтнѣе въ его дѣтяхъ. По смерти Всеволода въ Суздальской землѣ произошла новая усобица между его сыновьями, причиной которой было необычное распоряженіе отца: Всеволодъ, разсердившись на

старшаго сына Константина, перенесъ старшинство на второго сына Юрія. Князь торопецкій Мстиславъ Удалой, сынъ Андреева противника Мстислава Ростиславича Храбраго, сталъ за обиженнаго старшаго брата и съ полками новгородскими и смоленскими вторгнулся въ самую Суздальскую землю. Противъ него выступили младшіе Всеволодовичи Юрій, Ярославъ и Святославъ. Въ 1216 г. усобица разрѣшилась битвой на р. Липицѣ близъ Юрьева Польскаго. Передъ битвой младшіе Всеволодовичи, пируя съ боярами, начали заранѣе дѣлить между собою Русскую землю, какъ несомнѣнную свою добычу. Старшій Юрій по праву старшинства бралъ себѣ лучшую волость Ростово-Владимірскую, второй братъ Ярославъ волость Новгородскую, третій Святославъ волость Смоленскую, а Кіевская земля — ну, эта земля пускай пойдетъ кому-нибудь изъ Черниговскихъ. Какъ видно, старшими и лучшими областями считались теперь сѣверныя земли Ростовская и Новгородская, которыя полтора вѣка назадъ по Ярославову раздѣлу служили только прибавками къ старшимъ южнымъ областямъ. Сообразно съ этимъ измѣнилось и настроеніе мѣстнаго общества: „мизинные люди владимірскіе“ стали свысока посматривать на другія области Русской земли. На томъ же пиру одинъ старый бояринъ уговаривалъ младшихъ братьевъ помириться со старшимъ, котораго поддерживаетъ такой удалой витязь, какъ Мстиславъ. Другой бояринъ изъ владимірскихъ, помоложе и, вѣроятно, побольше выпившій, сталъ возражать на то, говоря князьямъ: „не бывало того ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобы кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотя бы тутъ собралась вся земля Русская — и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская; никакъ имъ не устоять противъ нашей силы; а эти-то

полки — да мы ихъ сѣдлами закидаемъ и кулаками переколотимъ". Люба была эта рѣчь князьямъ. Черезъ день хвастуны потерпѣли страшное пораженіе, потерявъ въ бою свыше 9 тыс. человѣкъ. Значитъ, одновременно съ пренебреженіемъ суздальскихъ князей къ Кіевской землѣ и въ суздальскомъ обществѣ стало развиваться мѣстное самомнѣніе, надменность, воспитанная политическими успѣхами князей Андрея и Всеволода, давшихъ почувствовать этому обществу силу и значеніе своей области въ Русской землѣ.

Изученные факты.

Изучая исторію Суздальской земли съ половины XII в. до смерти Всеволода III, мы на каждомъ шагу встрѣчали все новые и неожиданные факты. Эти факты, развиваясь двумя параллельными рядами, создавали Суздальской области небывалое положеніе въ Русской землѣ: одни изъ нихъ измѣняли ея отношеніе къ прочимъ русскимъ областямъ, другіе перестраивали ея внутренній складъ. Перечислимъ еще разъ тѣ и другіе. Сначала князья Андрей и Всеволодъ стараются отдѣлить званіе великаго князя отъ великокняжескаго кіевскаго стола, а Суздальскую землю превратить въ свое постоянное владѣніе, выводя ее изъ круга земель, владѣемыхъ по очереди старшинства; при этомъ кн. Андрей дѣлаетъ первую попытку замѣнить родственное полюбовное соглашеніе князей обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ родичей, какъ подручниковъ, старшему князю, какъ своему государю-самовластцу. По смерти Андрея въ Суздальской землѣ падаетъ политическое преобладаніе старшихъ городовъ и руководящихъ классовъ мѣстнаго общества, княжеской дружины и вѣчевого гражданства, а одинъ изъ пригородовъ, стольный городъ вел. кн. Андрея, во время борьбы со старшими городами установляетъ у себя наслѣдственное княженіе. Въ княженіе Всеволода эта область пріобрѣтаетъ рѣшительное преобладаніе надъ всей Русской землей, а ея

князь дѣлаетъ первую попытку насильственнымъ захватомъ, помимо всякой очереди, присоединить къ своей отчинѣ цѣлую чужую область. Въ то же время въ суздальскихъ князьяхъ и обществѣ вмѣстѣ съ сознаніемъ своей силы обнаруживается пренебреженіе къ Кіеву, отчужденіе отъ Кіевской Руси. Это значитъ, что порвались внутреннія связи, которыми прежде соединялась сѣверо-восточная окраина Русской земли со старымъ земскимъ центромъ, съ Кіевомъ. Всѣ эти факты суть прямыя или косвенныя послѣдствія русской колонизаціи Суздальской земли.

Лекція XIX.

Взглядъ на положеніе Русской земли въ XIII и XIV вв. — Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія въ потомствѣ Всеволода III. — Княжескій удѣлъ. — Главные признаки удѣльнаго порядка. — Его происхожденіе. — Мысль о раздѣльномъ наслѣдственномъ владѣніи среди южныхъ князей. — Превращеніе русскихъ областныхъ князей въ служебныхъ подъ литовской властью. — Сила родового преданія среди Ярославичей старшихъ линій: отношенія между верхне-окскими и рязанскими князьями въ концѣ XV в. — Основныя черты удѣльнаго порядка. — Причины его успѣшнаго развитія въ потомствѣ Всеволода III. — Отсутствіе препятствій для этого порядка въ Суздальской области.

Распадъ Кіевской Руси.

Политическія слѣдствія русской колонизаціи верхняго Поволжья, нами только-что изученныя, закладывали въ томъ краю новый строй общественныхъ отношеній. Въ дальнѣйшей исторіи верхне-волжской Руси намъ предстоитъ слѣдить за развитіемъ основъ, положенныхъ во времена Юрія Долгорукаго и его сыновей. Обращаясь къ изученію этого развитія, будемъ помнить, что въ XIII и XIV вѣкахъ, когда этотъ новый строй устанавливался, уже не оставалось и слѣдовъ той исторической обстановки, при которой дѣйствовалъ, на которую опирался прежній очередной порядокъ. Единой Русской земли Ярослава и Мономаха не существовало: она была разорвана Литвой и татарами. Родъ св. Владиміра, соединявшій эту землю въ нѣчто похожее на политическое

цѣлое, распался. Старшія линіи его угасли или захирѣли и съ остатками своихъ прадѣдовскихъ владѣній вошли въ составъ Литовскаго государства, гдѣ на нихъ легли новыя чуждыя политическія отношенія и культурныя вліянія. Общаго дѣла, общихъ интересовъ между ними не стало; прекратились даже прежніе фамильные счеты и споры о старшинствѣ и очереди владѣнія. Кіевъ, основной узелъ княжескихъ и народныхъ отношеній, политическихъ, экономическихъ и церковныхъ интересовъ Русской земли, поднимаясь послѣ татарскаго разгрома, увидѣлъ себя пограничнымъ степнымъ городкомъ чуждаго государства, ежеминутно готовымъ разбѣжаться отъ насилія завоевателей. Чужой житейскій строй готовился водвориться въ старинныхъ опустѣлыхъ или полуразоренныхъ гнѣздахъ русской жизни, а русскія силы, которымъ предстояло возстановить и продолжать разбитое національное дѣло Кіевской Руси, искали убѣжища среди финскихъ лѣсовъ Оки и верхней Волги.

Руководить устроявшимся здѣсь новымъ русскимъ обществомъ пришлось тремъ младшимъ отраслямъ русскаго княжескаго рода съ померкавшими родовыми преданіями, съ порывавшимися родственными связями. Это были Ярославичи рязанскіе изъ племени Ярослава черниговскаго, Всеволодовичи ростово-суздальскіе и Ѳедоровичи ярославскіе изъ смоленской вѣтви Мономахова племени. Вотъ все, что досталось на долю новой верхне-волжской Руси отъ нескуднаго потомства св. Владиміра, которое стяжало старую днѣпровскую Русскую землю „трудомъ своимъ великимъ“. Значитъ, у прежняго порядка и въ верхнемъ Поволжьѣ не было почвы ни генеалогической, ни географической, и если здѣсь было изъ чего возникнуть новому общественному строю, ему не предстояло борьбы съ живучими остатками стараго порядка.

Рядъ политическихъ послѣдствій, вышедшихъ изъ русской колонизаціи верхняго Поволжья, не ограничивается тѣми фактами, которые нами изучены. Обращаясь къ явленіямъ, слѣдовавшимъ за смертью Всеволода, встрѣчаемъ еще новый фактъ, можетъ быть, болѣе важный, чѣмъ всѣ предыдущіе, являющійся результатомъ совокупнаго ихъ дѣйствія.

Удѣльный порядокъ владѣнія въ верхневолжской Руси.

Порядокъ княжескаго владѣнія въ старой Кіевской Руси держался на очереди старшинства. Распоряженіе Всеволода, перенесшаго старшинство со старшаго сына на младшаго, показываетъ, что старшинство здѣсь, утративъ свой настоящій генеалогическій смыслъ, получило условное значеніе, стало не преимуществомъ по рожденію, а простымъ званіемъ по жалованію или по присвоенію, захвату. Всматриваясь во владѣльческія отношенія потомковъ Всеволода, мы замѣчаемъ, что въ Суздальской землѣ утверждается новый порядокъ княжескаго владѣнія, непохожій на прежній. Изучая исторію возникновенія этого порядка, забудемъ на нѣкоторое время, что прежде чѣмъ сошло со сцены первое поколѣніе Всеволодовичей, Русь была завоевана татарами, сѣверная въ 1237—8 г., южная въ 1239—40 г. Явленія, которыя мы наблюдаемъ въ Суздальской землѣ послѣ этого разгрома, послѣдовательно безъ перерыва развиваются изъ условій, начавшихъ дѣйствовать еще до разгрома, въ XII в. Кіевъ, уже къ концу этого вѣка утратившій значеніе общеземскаго центра, окончательно падаетъ послѣ татарскаго нашествія. Владиміръ на Клязьмѣ для потомковъ Всеволода заступаетъ мѣсто Кіева въ значеніи старшаго великокняжескаго стола и политическаго центра верхне-волжской Руси; за Кіевомъ остается, и то лишь на короткое время, только значеніе центра церковно-административнаго. Въ занятіи старшаго владимірскаго стола Всеволодовичи вообще слѣдовали прежней очереди старшинства. Послѣ того какъ Константинъ Всеволодовичъ

возстановилъ свое старшинство, снятое съ него отцомъ, дѣти Всеволода сидѣли на владимірскомъ столѣ по порядку старшинства: сначала Константинъ, потомъ Юрій, за нимъ Ярославъ, наконецъ Святославъ. Та же очередь наблюдалась и въ поколѣніи Всеволодовыхъ внуковъ. Такъ какъ въ борьбѣ съ татарами пали всѣ сыновья старшихъ Всеволодовичей Константина и Юрія (кромѣ одного младшаго Константиновича), то владимірскій столъ по очереди перешелъ къ сыновьямъ третьяго Всеволодовича Ярослава: изъ нихъ сидѣли во Владимірѣ (по изгнаніи второго Ярославича Андрея татарами) старшій Александръ Невскій, потомъ третій Ярославъ тверской, за ними младшій Василій костромской († 1276 г.). Значитъ, до послѣдней четверти XIII в. въ занятіи владимірскаго стола соблюдалась прежняя очередь старшинства; бывали отступленія отъ этого порядка, но ихъ видимъ здѣсь, въ Суздальской землѣ, не болѣе, чѣмъ видѣли въ старой Кіевской Руси. Рядомъ со старшей Владимірской областью, составлявшей общее достояніе Всеволодовичей и владѣемой по очереди старшинства, образовалось въ Суздальской землѣ нѣсколько младшихъ волостей, которыми владѣли младшіе Всеволодовичи. Во владѣніи этими младшими областями и устанавливается другой порядокъ, который держался не на очереди старшинства. Младшія волости передаются не въ порядкѣ рожденій по очереди старшинства, а въ порядкѣ поколѣній отъ отца къ сыну, иначе говоря, переходятъ изъ рукъ въ руки въ прямой нисходящей, а не въ ломанной линіи — отъ старшаго брата къ младшему, отъ младшаго дяди къ старшему племяннику и т. д. Такой порядокъ владѣнія измѣняетъ юридическій характеръ младшихъ волостей. Прежде на Югѣ княжества, за исключеніемъ выдѣленныхъ сиротскихъ, составляли общее достояніе княжескаго рода, а ихъ князья были ихъ временными владѣль-

цами по очереди. Теперь на Сѣверѣ младшее княжество — постоянная отдѣльная собственность извѣстнаго князя, личное его достояніе, которое передается отъ отца къ сыну по личному распоряженію владѣльца или по принятому обычаю. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ юридическаго характера княжескаго владѣнія являются для него и новыя названія. Въ старой Кіевской Руси части Русской земли, достававшіяся тѣмъ или другимъ князьямъ, обыкновенно назывались *волостями* или *надѣлками* въ смыслѣ временнаго владѣнія. Младшія волости, на которыя распалась Суздальская земля во Всеволодовомъ племени съ XIII в., называются *вотчинами*, позднѣе *удѣлами* въ смыслѣ отдѣльнаго владѣнія, постояннаго и наслѣдственнаго. Мы и будемъ называть этотъ новый порядокъ княжескаго владѣнія, утвердившійся на Сѣверѣ *удѣльнымъ* въ отличіе отъ очередного. Признаки этого порядка появляются уже въ XIII в., при сыновьяхъ Всеволода.

Его главные признаки.

Удѣльный порядокъ владѣнія — основной и исходный фактъ, изъ котораго или подъ дѣйствіемъ котораго развиваются всѣ дальнѣйшія явленія въ исторіи Суздальской Руси, на которомъ сталъ политическій бытъ, складывающійся здѣсь къ половинѣ XV в. Двумя признаками прежде всего обозначилось утвержденіе этого порядка. Во-первыхъ, прекращается владѣльческая передвижка князей: они становятся осѣдлыми владѣльцами, постоянно живутъ и умираютъ въ своихъ удѣльныхъ городахъ, которыхъ не покидаютъ даже тогда, когда по очереди старшинства занимаютъ великокняжескій столъ. Во-вторыхъ, измѣняется порядокъ княжескаго наслѣдованія, способъ передачи волостей преемникамъ. Въ старой Кіевской Руси князь не могъ передавать своей волости по личному распоряженію даже своему сыну, если она не слѣдовала ему по очереди старшинства; сѣверный князь XIII—XIV вв., постоян-

ный владѣтель своей волости, передавалъ ее по личному распоряженію своимъ сыновьямъ и за отсутствіемъ сыновей могъ отказать ее женѣ или дочери, даже отдаленному родичу не въ очередь. Въ памятникахъ XIII и XIV вв. найдемъ не мало случаевъ такихъ исключительныхъ передачъ за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ. Въ 1249 г. умеръ удѣльный князь ярославскій Василій Всеволодовичъ, правнукъ Всеволода III, оставивъ послѣ себя одну дочь, княжну Марью. Въ это же время князья смоленскіе, дѣля свою вотчину, обидѣли младшаго брата Ѳедора можайскаго. Послѣдній ушелъ въ Ярославль, женился на княжнѣ-сиротѣ и вмѣстѣ съ ея рукою получилъ Ярославское княжество, ставъ такимъ образомъ родоначальникомъ новой удѣльной княжеской линіи. Ярославъ, третій сынъ Всеволода III, получилъ въ удѣлъ волость Переяславскую, которая послѣ него преемственно переходила отъ отца къ старшему сыну. Въ 1302 г. умеръ бездѣтный переяславскій князь Иванъ Дмитріевичъ, отказавъ свой удѣлъ сосѣду, князю московскому Данилу. Великій князь московскій Семенъ Гордый, умирая въ 1353 г., отказалъ весь свой удѣлъ женѣ, которая потомъ передала его своему деверю, Семенову брату Ивану. Таковы признаки, которыми обнаружилось утвержденіе новаго порядка княжескаго владѣнія младшими областями въ Суздальской землѣ.

Его происхожденіе.

Теперь попытаемся выяснить себѣ историческое происхожденіе этого порядка. Слѣдя за ходомъ владѣльческихъ отношеній между князьями въ XI—XIII вв. на днѣпровскомъ Югѣ и верхне-волжскомъ Сѣверѣ, замѣчаемъ одну видимую несообразность. Въ старой Кіевской Руси XI—XII вв. мысль объ общемъ нераздѣльномъ княжескомъ владѣніи признавалась нормой, основаніемъ владѣльческихъ отношеній даже между далекими другъ отъ друга по родству князьями. Троюродные, четвероюродные Ярославичи все еще живо сознаютъ

себя членами одного владѣльческаго рода, внуками единаго дѣда, которые должны владѣть своей отчиной и дѣдиной, Русской землей, сообща, по очереди. Такой владѣльческой солидарности, мысли о нераздѣльномъ владѣніи не замѣтно въ потомствѣ Всеволода и между близкими родственниками, братьями двоюродными и даже родными: несмотря на близкое родство свое Всеволодовичи спѣшатъ раздѣлить свою вотчину на отдѣльныя наслѣдственныя части. Внуки Всеволода какъ будто скорѣе забыли своего дѣда, чѣмъ внуки Ярослава — своего. Что было причиной такого быстраго водворенія раздѣльнаго владѣнія въ потомствѣ Всеволода? Какія условія вызвали это взаимное отчужденіе сѣверныхъ князей по владѣнію наперекоръ родственной близости владѣльцевъ? И теперь прежде всего необходимо уяснить себѣ сущность поставленнаго вопроса, какъ мы поступили и при рѣшеніи вопроса о происхожденіи очередного порядка.

Южные князья.

Княжескій удѣлъ — наслѣдственная вотчина удѣльнаго князя. Слово *вотчина* знакомо было и князьямъ юго-западной Руси прежняго времени и на ихъ языкѣ имѣло различныя значенія. Вся русская земля считалась „отчиной и дѣдиной“ всего княжескаго рода; въ частности извѣстная область признавалась отчиной утвердившейся въ ней княжеской линіи; еще частнѣе князь называлъ своей отчиной княженіе, на которомъ сидѣлъ его отецъ, хотя бы между отцомъ и сыномъ тамъ бывали промежуточные владѣльцы. При всѣхъ этихъ значеніяхъ въ понятіе отчины не входило одного признака — личнаго и наслѣдственнаго непрерывнаго владѣнія по завѣщанію. Но мысль о такомъ владѣніи не чужда была умамъ югозападныхъ князей. Князь волынскій Владиміръ Васильковичъ, умершій въ 1289 г. бездѣтнымъ, передъ смертью передалъ свое княжество младшему двоюродному своему брату Мстиславу Даниловичу мимо старшаго Льва

по письменному завѣщанію. Возникаетъ вопросъ: считалась ли здѣсь воля завѣщателя единственнымъ источникомъ владѣльческаго права? Наслѣдникъ счелъ необходимымъ созвать въ соборную церковь въ гор. Владимірѣ бояръ и гражданъ и прочесть имъ духовную больного брата. Но лѣтопись не обмолвилась ни однимъ словомъ, чтобы объяснить юридическое значеніе этого торжественнаго обнародованія воли завѣщателя; сказано только, что духовную слышали „всѣ отъ мала до велика“. Требовалось ли согласіе бояръ и гражданъ, хотя бы молчаливое, или это было только сообщеніе къ свѣдѣнію? Городъ Брестъ не послушался своего князя Владиміра, присягнулъ его племяннику Юрію; но наслѣдникъ посмотрѣлъ на этотъ поступокъ, какъ на „крамолу“, государственное преступленіе. Отецъ этого Юрія пригрозилъ сыну лишить его наслѣдства, отдать свое княжество родному брату, тому же Мстиславу, если Юрій не покинетъ Бреста. Мысли объ очереди владѣнія по старшинству не замѣтно. Однако по всѣмъ этимъ явленіямъ еще нельзя предполагать на Волыни въ XIII в. дѣйствія удѣльнаго порядка въ точномъ смыслѣ этого слова. Распоряженіе Владиміра скрѣпляется согласіемъ обойденнаго старшаго Даниловича Льва; Даниловичи обращаются къ Владиміру, какъ къ мѣстному великому князю; младшій двоюродный братъ и племянникъ говорятъ ему, что чтутъ его, какъ отца; старшій Левъ и его сынъ просятъ, чтобы Владиміръ далъ имъ Брестъ, надѣлилъ ихъ, какъ прежде великіе князья кіевскіе надѣляли своихъ родичей. Самое завѣщаніе является не одностороннимъ актомъ воли завѣщателя, а „рядомъ“, договоромъ его съ избраннымъ наслѣдникомъ, которому онъ посылаетъ сказать: „братъ! пріѣзжай ко мнѣ, хочу съ тобой рядъ учинить про все“. Все это — остатки прежняго кіевскаго порядка княжескихъ отношеній. Татищевъ въ своемъ лѣтописномъ сводѣ приво-

дитъ изъ неизвѣстнаго источника циркуляръ, разосланный ко всѣмъ мѣстнымъ князьямъ дѣдомъ этого князя Владиміра Романомъ, когда онъ въ 1202 г. занялъ Кіевъ. Романъ предлагалъ, между прочимъ, измѣнить порядокъ замѣщенія кіевскаго великокняжескаго стола, „какъ въ другихъ добропорядочныхъ государствахъ чинится", а мѣстнымъ князьямъ не дѣлить своихъ областей между дѣтьми, но отдавать престолъ по себѣ одному старшему сыну со всѣмъ владѣніемъ, меньшимъ же давать для прокормленія по городу или волости, но „онымъ быть подъ властью старѣйшаго брата". Князья не приняли этого предложенія. Въ началѣ XIII в. наслѣдственность княженій въ нисходящей линіи не была ни общимъ фактомъ, ни общепризнаннымъ правиломъ, и эта мысль была, очевидно, навѣяна Роману феодальной Европой. Но понятіе о княжествѣ, какъ личной собственности князя, уже тогда зарождалось въ южнорусскихъ княжескихъ умахъ, только со значеніемъ революціоннаго притязанія и большого несчастія для Русской земли. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* есть замѣчательное мѣсто: „Борьба князей съ погаными ослабѣла, потому что братъ сказалъ брату: это *мое, а то — мое же,* и начали князья про малое такое большое слово молвить, а сами на себя крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю Русскую".

Западные князья.

Въ западной Россіи идея по обстоятельствамъ не развилась въ порядокъ, и трудно сказать, могла ли она тамъ получить такое развитіе даже при иныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ подчиненіе Литвѣ внесло въ тамошнія княжескія отношенія условія, давшія имъ совсѣмъ особое направленіе. Какъ ни успѣшно шла въ Литовско-Русскомъ государствѣ децентрализація, она не достигла степени удѣльнаго дробленія. Великій князь держался поверхъ мѣст-

ныхъ князей, а не входилъ въ ихъ ряды, не былъ только старшимъ изъ удѣльныхъ, что̀ составляетъ одну изъ существенныхъ особенностей удѣльнаго порядка въ другой половинѣ Руси. Великіе князья литовскіе жаловали княженія въ вотчину „вѣчно“ или только до своей „господарской воли“, во временное владѣніе. Первый актъ уничтожалъ очередное владѣніе или предполагалъ его отсутствіе, второй отрицалъ самую основу удѣльнаго порядка, и оба низводили жалуемаго владѣльца въ положеніе служилаго князя, соединяясь съ обязательствомъ: „а ему намъ съ того вѣрно служити“. Но и князь родичъ-совладѣлецъ, и удѣльный князь по своему юридическому существу не были ничьими слугами. Значитъ, мѣстныхъ князей въ Литовско-Русскомъ государствѣ XIV—XV вв. можно называть удѣльными только въ очень условномъ смыслѣ, за недостаткомъ термина, точнѣе выражающаго своеобразныя отношенія, какія тамъ складывались.

Верхнеокскіе князья.

Въ этомъ государствѣ былъ уголокъ, который исключительными условіями своей жизни даетъ намъ возможность догадываться, какъ бы устроились князья юго-западной Руси, если бы въ тѣ вѣка они были предоставлены самимъ себѣ. Это—область верхней Оки, гдѣ правили потомки св. Михаила черниговскаго; князья Бѣлевскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Мезецкіе и другіе. Съ половины XV в. они были подчинены Литвѣ, но пользуясь выгодами пограничнаго положенія, служили „на обѣ стороны“, и Литвѣ, и Москвѣ, со своими отчинами. Спасаемые своей незначительностью отъ сторонняго вмѣшательства, они на своихъ отцовскихъ и дѣдовскихъ гнѣздахъ до конца XV в. досиживали свои старыя наслѣдственныя преданія, продолжали спорить „о большомъ княженіи по роду, по старѣйшинству“, рядиться о томъ, „кому пригоже быть на большомъ княженіи и кому на *удѣлѣ*“. Слѣ-

довательно и обладаніе удѣлами, младшими княженіями, опредѣлялось не наслѣдственнымъ правомъ, а договоромъ, устанавливавшимъ родовую очередь, естественную или условную, какъ это дѣлалось и въ XII в. Очевидно, эти князья никакъ не могли приладить къ своему фактическому положенію понятій, унаслѣдованныхъ ими отъ давней старины: сила вещей клонила ихъ къ раздѣльному владѣнію, а они, сидя на своихъ „дольницахъ", мелкихъ доляхъ своихъ маленькихъ отчинъ, все еще хлопотали и спорили о княженіи „по роду, по старѣйшинству", о родовой очереди по старшинству. Они продолжали политику своихъ давнихъ предковъ, поддерживая падавшую родовую старину договорами, средствомъ, которое, поддерживая ее, вмѣстѣ съ тѣмъ выбивало изъ-подъ нея естественную ея основу.

Рязанскіе князья.

Остановлю ваше вниманіе еще на одномъ отдѣльномъ, даже мелкомъ примѣрѣ, чтобы показать неподатливость княжескаго политическаго сознанія въ старшихъ линіяхъ Ярославова племени. Черниговская вѣтвь, князья Рязанской земли, окрайной и выдѣленной изъ общаго очередного владѣнія, подобно князьямъ галицкимъ раньше очередныхъ совладѣльцевъ-родичей могли усвоить себѣ мысль о раздѣльномъ наслѣдственномъ владѣніи. Притомъ въ усобицахъ этихъ князей, отличавшихся необычной даже для южнорусскихъ Рюриковичей одичалостью, казалось, должны были совершенно погаснуть всякіе помыслы о совмѣстномъ братскомъ владѣніи отчиной и дѣдиной. Наконецъ, Рязанское княжество со времени Всеволода III находилось въ тѣсномъ общеніи, нерѣдко подъ сильнымъ давленіемъ сосѣднихъ княжествъ Владимірскаго, потомъ Московскаго, гдѣ прочно установился удѣльный порядокъ. Въ концѣ XV в. Рязанской землей владѣли два родные брата Иванъ и Ѳедоръ Васильевичи; первый, какъ старшій, назывался великимъ, второй

удѣльнымъ. Однако они уговорились на томъ, чтобы оба княженія были строго раздѣльными, наслѣдственными въ нисходящей линіи. Но братья предусмотрѣли тотъ случай, что который-либо изъ нихъ можетъ умереть бездѣтнымъ. При дѣйствіи очередного порядка не могло возникнуть и мысли о выморочномъ княжествѣ: у князя, не оставившаго нисходящихъ, всегда былъ наготовѣ очередной преемникъ изъ боковыхъ. Съ паденіемъ очереди въ удѣльномъ порядкѣ выморочныя княжества неизбѣжно вызывали недоразумѣнія и споры. По идеѣ удѣльнаго права князь, какъ полный собственникъ, могъ, умирая безпотомственнымъ, отказать свое княжество любому родичу, не стѣсняясь степенями родства. Но ближайшіе родичи естественно были заинтересованы въ томъ, чтобы часть ихъ общей отчины и дѣдины не уходила изъ ихъ среды, и расположены были противопоставлять чистому праву собственности нравственное требованіе родственной солидарности. Изъ встрѣчи идей столь различныхъ порядковъ и рождались во Всеволодовомъ племени, особенно въ тверской его вѣтви, жестокія усобицы за выморочныя княжества. Въ Москвѣ этотъ случай былъ регулированъ еще Димитріемъ Донскимъ примѣнительно къ составу семьи, послѣ него остававшейся: сыновья-наслѣдники въ случаѣ бездѣтности стѣснены были въ правѣ посмертнаго распоряженія своими владѣніями; удѣлъ старшаго сына, великаго князя, безъ раздѣла переходилъ къ слѣдующему по старшинству брату, становившемуся великимъ княземъ; младшій удѣлъ, ставъ выморочнымъ, дѣлился между остальными братьями умершаго владѣльца по усмотрѣнію ихъ матери. Этотъ субститутъ — не отзвукъ общаго родового владѣнія, а полное его отрицаніе, внушенное находчивой предусмотрительностью: выходъ удѣла изъ семьи Донского становился невозможнымъ, и съ ея стороны порывалась всякая связь съ дру-

гими родичами. Иначе поступили сейчасъ названные рязанскіе князья сто лѣтъ спустя послѣ Донского. Удѣлъ умершаго безъ завѣщанія бездѣтнаго брата естественно переходилъ къ другому брату или къ его дѣтямъ. Но тотъ и другой при взаимной холодности и недовѣріи боялись, что братъ, умирая бездѣтнымъ, откажетъ свою часть ихъ общей отчины стороннему родичу, и потому договоромъ 1496 года связали другъ друга обоюдно-условнымъ обязательствомъ въ случаѣ бездѣтности не отдавать удѣла мимо брата „никакою хитростью". Но они не предусмотрѣли или предусмотрительно не рѣшились оговорить того случая, когда одинъ изъ нихъ умретъ, оставивъ дѣтей, раньше бездѣтнаго брата. Старшій братъ умеръ раньше, оставивъ сына, а бездѣтный младшій, Ѳедоръ, пользуясь недосмотромъ или намѣренной недомолвкой договора, безъ всякой хитрости отказалъ свой удѣлъ великому князю московскому, своему дядѣ по матери, мимо племянника отъ родного брата. Удѣльное право завѣщанія здѣсь косвенно поддержало традицію родовой владѣльческой солидарности: родство по матери, во имя котораго могла быть сдѣлана духовная князя Ѳедора, могло получить перевѣсъ надъ родствомъ по отцу, притомъ въ нисходящей линіи, только на основѣ общей родовой связи рязанскихъ князей съ московскими, какъ членовъ одного русскаго владѣтельнаго рода: такъ ли поступилъ бы князь Ѳедоръ, если бы его мать была сестра не Ивана московскаго, а Казимира литовскаго?

Сила родового преданія на ЮЗ.

Я вошелъ въ подробности, чтобы нагляднѣе показать вамъ политическій переломъ, начавшійся въ обѣихъ половинахъ Русской земли на рубежѣ двухъ періодовъ нашей исторіи. Духовная рязанскаго князя напоминаетъ поступокъ Владиміра Васильковича волынскаго, завѣщавшаго свое княжество младшему двоюродному брату мимо старшаго. Право передавать родовое владѣніе по личной волѣ въ XIII в.

было на Югѣ еще только притязаніемъ или захватомъ: но Владиміръ прикрывалъ актъ своей личной воли формами стараго обычнаго порядка, договоромъ съ наслѣдникомъ, согласіемъ другихъ ближайшихъ родичей, а также бояръ и стольнаго города. Притязаніе, проходя подъ знаменемъ права, становилось прецедентомъ, получавшимъ силу не только подмѣнять, но и отмѣнять право. Такъ осторожно и туго разлагавшійся очередной порядокъ на днѣпровскомъ Югѣ перерождался въ новый наслѣдственный. Но процессъ перерожденія не успѣлъ закончиться, какъ былъ захваченъ литовскимъ владычествомъ, отклонившимъ его въ сторону. Впрочемъ и безъ этого внѣшняго давленія новый порядокъ встрѣтилъ бы въ югозападной Россіи противодѣйствіе со стороны внутреннихъ общественныхъ силъ, бояръ, городовъ и многихъ князей, которымъ онъ былъ невыгоденъ. Бояре и города привыкли вмѣшиваться въ княжескія отношенія, понимали свое значеніе въ ходѣ дѣлъ, успѣли приноровиться къ сложившемуся строю и не меньше большинства князей отличались консерватизмомъ политическаго мышленія.

Основныя черты удѣльнаго порядка на СВ.

Въ области верхней Волги умы и дѣла оказались болѣе подвижными и гибкими. И здѣсь не могли вполнѣ отрѣшиться отъ кіевской старины. Городъ Владиміръ долго былъ для Всеволодовичей суздальскихъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Кіевъ для старыхъ Ярославичей, — общимъ достояніемъ, владѣемымъ по очереди старшинства. Этого мало. Когда съ развѣтвленіемъ Всеволодова племени удѣлы, образовавшіеся при сыновьяхъ Всеволода, стали разростаться въ цѣлыя группы удѣловъ, изъ нихъ выдѣлялись старшія княженія, какъ это было и въ днѣпровской Руси: при великомъ князѣ владимірскомъ появились еще мѣстные великіе князья тверской, нижегородскій, ярославскій. Но на этомъ и прерывалось здѣсь кіевское преданіе: послѣ нѣкоторыхъ споровъ

и колебаній на мѣстныхъ старшихъ столахъ утверждались обыкновенно старшія линіи разныхъ вѣтвей племени съ правомъ удѣльнаго наслѣдованія въ нисходящемъ порядкѣ. Тамъ и здѣсь дѣла шли въ противоположныхъ направленіяхъ: на Днѣпрѣ старшія княженія поддерживали порядокъ совмѣстнаго владѣнія по очереди въ младшихъ волостяхъ; на верхней Волгѣ порядокъ раздѣльнаго наслѣдственнаго владѣнія по завѣщанію распространялся изъ младшихъ волостей, удѣловъ, на старшія княженія. Въ этой разницѣ заключался довольно крутой переломъ княжескаго владѣтельнаго права: измѣнились субъектъ права и порядокъ, способъ владѣнія. Прежде Русская земля считалась общей отчиной княжескаго рода, который былъ коллективнымъ носителемъ верховной власти въ ней, а отдѣльные князья, участники этой собирательной власти, являлись временными владѣтелями своихъ княженій. Но въ составѣ этой власти не замѣтно мысли о правѣ собственности на землю, какъ землю — правѣ, какое принадлежитъ частному землевладѣльцу на его землю. Правя своими княженіями по очереди ли, или по уговору между собой и съ волостными городами, князья практиковали въ нихъ верховныя права; но ни всѣ они въ совокупности, ни каждый изъ нихъ въ отдѣльности не примѣняли къ нимъ способовъ распоряженія, вытекающихъ изъ права собственности, не продавали ихъ и не закладывали, не отдавали въ приданое за дочерьми, не завѣщали и т. п. Ростовская земля была общей отчиной для Всеволодовичей; но она не осталась отчиной коллективной, совмѣстной. Она распалась на отдѣльныя княженія, одно отъ другого независимыя, территоріи которыхъ считались личной и наслѣдственной собственностью своихъ владѣльцевъ; они правили свободнымъ населеніемъ своихъ княжествъ, какъ государи, и владѣли ихъ территоріями, какъ

частные собственники, со всѣми правами распоряженія, вытекающими изъ такой собственности. Такое владѣніе мы и называемъ *удѣльнымъ* въ наиболѣе чистомъ видѣ и полномъ развитіи и въ такомъ видѣ и развитіи наблюдаемъ его только въ отчинѣ Всеволодовичей, въ области верхней Волги XIII—XV вв. Итакъ въ удѣльномъ порядкѣ носитель власти — лицо, а не родъ, княжеское владѣніе становится раздѣльнымъ и, не теряя верховныхъ правъ, соединяется съ правами частной личной собственности. Въ этой сложной комбинаціи и надобно выяснить мѣстныя условія, содѣйствовавшія въ вотчинѣ Всеволодовичей этой раздѣльности княжескаго владѣнія и возникновенію взгляда на личную собственность удѣльнаго князя.

Географическое его основаніе.

Прежде всего поищемъ этихъ условій въ свойствахъ страны, гдѣ установился изучаемый порядокъ. Родовая нераздѣльность княжескаго владѣнія въ Кіевской Руси имѣла опору въ ея географическихъ особенностяхъ, т.-е. въ условіяхъ ея матеріальнаго существованія. Старая Кіевская Русь представляла изъ себя цѣльную страну, части которой были тѣсно связаны между собой многообразными нитями географическими, экономическими, юридическими и церковно-нравственными. Эта Русь собственно состояла изъ бассейна одной рѣки Днѣпра, которую мы уже сравнивали съ большой столбовой дорогой русскаго народно-хозяйственнаго движенія въ тѣ вѣка, а многочисленные притоки ея, идущіе справа и слѣва, называли подъѣздными путями этой магистрали. На этой географической основѣ держался экономическій и политическій строй древней Кіевской Руси. Представимъ себѣ теперь верхневолжскую Русь, какою она была въ XIII ст. Здѣсь видимъ прежде всего частую сѣть рѣкъ и рѣчекъ, идущихъ въ различныхъ направленіяхъ. По этой рѣчной сѣти населеніе расплывалось въ разныя стороны. Такая разнообразность населенія

не позволяла установиться въ Суздальской землѣ устойчивому центру ни политическому, ни экономическому. Центробѣжныя влеченія здѣсь брали рѣшительный перевѣсъ надъ условіями централизаціи. Населеніе, разсыпаясь по рѣчной канвѣ, прежде всего осаживалось по сухимъ берегамъ рѣкъ. Такъ, по рѣкамъ выводились длинныя полосы жилыхъ мѣстъ, представлявшіяся вытянутыми островами среди моря лѣсовъ и болотъ. Возникавшіе такимъ порядкомъ рѣчные районы отдѣлялись другъ отъ друга обширными малодоступными лѣсными дебрями. Такимъ образомъ колонизація выводила въ верхне-волжской Руси мелкія рѣчныя области, которыя и послужили готовыми рамками для удѣльнаго дробленія и поддерживали его. Когда удѣльному князю нужно было раздѣлить свою вотчину между наслѣдниками, географическое размѣщеніе населенія давало ему готовое основаніе для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Такимъ ходомъ разселенія условливался недостатокъ общенія, который велъ къ политическому разъединенію. Политическій порядокъ въ своемъ окончательномъ видѣ всегда отражаетъ въ себѣ совокупность и общій характеръ частныхъ людскихъ интересовъ и отношеній, которыя онъ поддерживаетъ и на которыхъ самъ держится. Удѣльный порядокъ былъ отраженіемъ и частію произведеніемъ той разобщенности, въ какой находилось пришлое населеніе верхне-волжской Руси въ пору своего обзаведенія на новыхъ мѣстахъ, пока новоселы не освоились съ непривычными условіями края и окрестными старожилами. Значитъ, порядокъ раздѣльнаго княжескаго владѣнія тамъ складывался въ тѣсномъ соотношеніи съ географическимъ распредѣленіемъ населенія, а это распредѣленіе, въ свою очередь, направлялось свойствами края и ходомъ его колонизаціи. Общій характеръ быта, складывавшагося при такихъ условіяхъ, съ вялымъ народно-

хозяйственнымъ оборотомъ, съ раздробленными и еще не слаженными интересами и отношеніями, съ опущеннымъ общественнымъ настроеніемъ, ослаблялъ и въ княжеской средѣ, въ первыхъ поколѣніяхъ Всеволодова племени, чувство родственной солидарности. Таково географическое основаніе удѣльнаго порядка, — основаніе болѣе отрицательнаго свойства, не столько укрѣплявшее новый складъ жизни, сколько помогавшее разрушенію стараго.

Въ другихъ условіяхъ, вызванныхъ къ дѣйствію той же колонизаціей края, надобно искать источника самой идеи удѣла, какъ частной личной собственности удѣльнаго князя. Колонизація ставила князей верхняго Поволжья въ иныя отношенія къ своимъ княжествамъ, какихъ не существовало въ старой Кіевской Руси. Тамъ первые князья, явившись въ Русскую землю, вошли въ готовый уже общественный строй, до нихъ сложившійся. Правя Русской землей, они защищали ее отъ внѣшнихъ враговъ, поддерживали въ ней общественный порядокъ, додѣлывали его, устанавливая по нуждамъ времени подробности этого порядка; но они не могли сказать, что они положили самыя основанія этого порядка, не могли назвать себя творцами общества, которымъ они правили. Старое кіевское общество было старше своихъ князей. Совсѣмъ иной взглядъ на себя, иное отношеніе къ управляемому обществу усвояли подъ вліяніемъ колонизаціи князья верхне-волжской Руси. Здѣсь, особенно за Волгой, садясь за удѣлъ, первый князь его обыкновенно находилъ въ своемъ владѣніи не готовое общество, которымъ предстояло ему править, а пустыню, которая только что начинала заселяться, въ которой все надо было завести и устроить, чтобы создать въ ней общество. Край оживалъ на глазахъ своего князя: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на „новяхъ", заводили новые поселки и про-

Основаніе политическое.

мыслы, новые доходы приливали въ княжескую казну. Всѣмъ этимъ руководилъ князь, все это онъ считалъ дѣломъ рукъ своихъ, своимъ личнымъ созданіемъ. Такая колонизація воспитывала въ цѣломъ рядѣ княжескихъ поколѣній одну и ту же мысль, одинъ взглядъ на свое отношеніе къ удѣлу, на свое правительственное въ немъ значеніе. Юрій Долгорукій началъ строить Суздальскую землю; сынъ его Андрей Боголюбскій продолжалъ работу отца; не даромъ онъ хвалился, что населилъ Суздальскую землю городами и большими селами, сдѣлалъ ее многолюдной. Припоминая работу отца и свои собственныя усилія, князь Андрей по праву могъ сказать: вѣдь это мы съ отцомъ сработали Суздальскую Русь, устроили въ ней общество. Такой взглядъ былъ едва ли не главной причиной отчужденія Андрея Боголюбскаго отъ южной Руси и его стремленія обособить отъ нея свою сѣверную волость. Чувствуя себя полнымъ хозяиномъ въ этой волости, онъ не имѣлъ охоты дѣлиться ею съ другими, вводить ее въ кругъ общаго родового владѣнія князей. Подобно старшему брату смотрѣлъ на Суздальскую землю и поступалъ въ ней и Всеволодъ III, а ихъ образъ мыслей и дѣйствій сталъ завѣтомъ для Всеволодовичей. Мысль: это мое, потому что мной заведено, мною пріобрѣтено, — вотъ тотъ политическій взглядъ, какимъ колонизація пріучала смотрѣть на свое княжество первыхъ князей верхневолжской Руси. Эта мысль легла въ основаніе понятія объ удѣлѣ, какъ личной собственности владѣльца, этотъ взглядъ переходилъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, сталъ наслѣдственной, фамильной привычкой суздальскихъ Мономаховичей, и имъ руководились они въ устроеніи своихъ вотчинъ, какъ и въ распоряженіи ими. Таково политическое основаніе удѣльнаго порядка: идея личнаго и наслѣдственнаго княжескаго владѣнія возникла изъ установленнаго колонизаціей отношенія

князей къ ихъ княжествамъ въ области верхней Волги XIII и XIV вв.

Такимъ образомъ удѣльный порядокъ держался на двухъ основаніяхъ, на географическомъ и на политическомъ: онъ созданъ былъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ природы страны и ея колонизаціи. 1) При содѣйствіи физическихъ особенностей верхне-волжской Руси колонизація выводила здѣсь мелкіе рѣчные округа, уединенные другъ отъ друга, которые и служили основаніемъ политическаго дѣленія страны, т.-е. удѣльнаго ея дробленія. Мелкіе верхне-волжскіе удѣлы XIII и XIV вв. — это рѣчные бассейны. 2) Подъ вліяніемъ колонизаціи страны первый князь удѣла привыкалъ видѣть въ своемъ владѣніи не готовое общество, достаточно устроенное, а пустыню, которую онъ заселялъ и устроялъ въ общество. Понятіе о князѣ, какъ личномъ собственникѣ удѣла, было юридическимъ слѣдствіемъ значенія князя, какъ заселителя и устроителя своего удѣла. Такъ объясняю я историческое происхожденіе удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія, установившагося въ верхне-волжскомъ Сѣверѣ съ XIII в. Формула.

Къ сказанному надобно прибавить, что здѣсь новому порядку не приходилось бороться съ противодѣйствіемъ, какое на Югѣ могла встрѣтить при первыхъ попыткахъ осуществленія мысль о раздѣльномъ наслѣдственномъ владѣніи со стороны бояръ, многочисленныхъ старыхъ и вліятельныхъ городовъ, даже самихъ князей: даже среди нихъ являлись беззавѣтные, но не всегда сообразительные поборники старины, какимъ былъ воитель-бродяга, всегда готовый повалить головой за путаницу, имъ же и напутанную, запоздалый сухопутный русскій варягъ-витязь Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, князь торопецкій изъ смоленскихъ. Въ Ростово-Суздальской землѣ сила боярства, и безъ того Отсутствіе препятствій.

не особенно сильнаго, и только двухъ старшихъ вѣчевыхъ городовъ, Ростова и Суздаля, была подорвана социальной усобицей, которую подготовила колонизація страны, а князья этой страны въ XIII в. всѣ — птенцы одного Большого Гнѣзда, какъ прозвали Всеволода III, всѣ воспитывались въ одинаковыхъ владѣльческихъ понятіяхъ и привычкахъ. Всеволодовичи имѣли подъ руками населеніе, въ большинствѣ подвижное и разрозненное, еще не обсидѣвшееся на свѣжихъ лѣсныхъ росчистяхъ, не успѣвшее сомкнуться въ плотные мѣстные и сословные союзы, чувствовавшее себя на чужой сторонѣ, ничего не считавшее своимъ, все получившее отъ мѣстнаго князя-хозяина. На такой податливой общественной почвѣ можно было заводить какое угодно политическое хозяйничанье.

Лекція XX.

Замѣчаніе о значеніи удѣльныхъ вѣковъ въ русской исторіи.—Слѣдствія удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія.—Вопросы, предстоящіе при ихъ изученіи.—Ходъ удѣльнаго дробленія.—Обѣднѣніе удѣльныхъ князей.—Ихъ взаимное отчужденіе.—Значеніе удѣльнаго князя.—Юридическое его отношеніе къ частнымъ вотчинникамъ въ его удѣлѣ.—Сопоставленіе удѣльныхъ отношеній съ феодальными.—Составъ общества въ удѣльномъ княжествѣ.—Упадокъ земскаго сознанія и гражданскаго чувства среди удѣльныхъ князей.—Выводы.

Намъ предстоитъ изучить *слѣдствія* удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія. Но предварительно взглянемъ еще разъ на причину, дѣйствіе которой будемъ разсматривать.

Бросивъ въ изучаемомъ періодѣ бѣглый взглядъ на судьбу югозападной Руси, мы надолго выпустили ее изъ вида, чтобы сосредоточить все свое вниманіе на сѣверо-восточной половинѣ Русской земли, на верхне-волжской отчинѣ суздальскихъ Всеволодовичей. Такое ограниченіе поля наблюденія—неизбѣжная уступка условіямъ нашихъ занятій. Мы можемъ слѣдить только за господствующими движеніями нашей исторіи, плыть, такъ сказать, ея фарватеромъ, не уклоняясь къ береговымъ теченіямъ. Въ области верхней Волги сосредоточивались съ XIII в. наиболѣе крѣпкія народныя силы и тамъ надобно искать завязки основъ и формъ народной жизни, которыя потомъ получили господствующее Удѣльные вѣка.

значеніе. Мы уже видѣли, въ какомъ направленіи стала измѣняться здѣсь общественная жизнь подъ вліяніемъ отлива народныхъ силъ въ эту сторону. Старый устоявшійся бытъ разстроился. Въ новой обстановкѣ, подъ гнетомъ новыхъ внѣшнихъ несчастій все здѣсь локализовалось, обособлялось; широкія общественныя связи порывались, крупные интересы дробились, всѣ отношенія суживались. Общество расплывалось или распадалось на мелкіе мѣстные міры; каждый уходилъ въ свой тѣсный земляческій уголокъ, ограничивая свои помыслы и отношенія узкими интересами и ближайшими сосѣдскими или случайными связями. Государство, опирающееся на устойчивые общіе интересы, на широкія общественныя связи, при такой раздробленной и разлаженной жизни становится невозможно или усвояетъ несвойственные ему формы и пріемы дѣйствія: оно также распадается на мелкія тѣла, въ строѣ которыхъ съ наивнымъ безразличіемъ элементы государственнаго порядка сливаются съ нормами гражданскаго права. Изъ такого состоянія общества на Западѣ вышелъ феодализмъ; такое же состояніе на верхней Волгѣ послужило основой удѣльнаго порядка.

При изученіи исторіи неохотно останавливаютъ вниманіе на такихъ эпохахъ, дающихъ слишкомъ мало пищи уму и воображенію: изъ маловажныхъ событій трудно извлечь какую-либо крупную идею; тусклыя явленія не складываются ни въ какой яркій образъ; нѣтъ ничего ни занимательнаго, ни поучительнаго. Карамзину болѣе чѣмъ 300-лѣтній періодъ со смерти Ярослава I представлялся временемъ, „скуднымъ дѣлами славы и богатымъ ничтожными распрями многочисленныхъ властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ“. У Соловьева впрочемъ самое чувство тяжести, выносимое историкомъ изъ изученія скудныхъ и безцвѣтныхъ

памятниковъ XIII и XIV вв., облеклось въ коротенькую, но яркую характеристику періода. „Дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча, воюютъ, мирятся, но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что̀ они воюютъ, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно, все тихо; всѣ сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на сцену, дѣлаютъ что-нибудь, но дѣлаютъ молча".

Однако такія эпохи, столь утомительныя для изученія и повидимому столь безплодныя для исторіи, имѣютъ свое и немаловажное историческое значеніе. Это такъ-называемыя переходныя времена, которыя нерѣдко ложатся широкими и темными полосами между двумя періодами. Такія эпохи перерабатываютъ развалины погибшаго порядка въ элементы порядка, послѣ нихъ возникающаго. Къ такимъ переходнымъ временамъ, передаточнымъ историческимъ стадіямъ, принадлежатъ и наши удѣльные вѣка: ихъ значеніе не въ нихъ самихъ, а въ ихъ послѣдствіяхъ, въ томъ, что̀ изъ нихъ вышло.

Удѣльный порядокъ, слѣдствія котораго намъ предстоитъ изучить, самъ былъ однимъ изъ политическихъ слѣдствій русской колонизаціи верхняго Поволжья при участіи природы края. Эта колонизація приносила въ тотъ край тѣ же общественные элементы, изъ которыхъ слагалось общество днѣпровской Руси: то были князья, ихъ дружины, городской торгово-промышленный классъ и перемѣшавшееся сельское населеніе изъ разныхъ старыхъ областей. Мы знаемъ ихъ взаимное отношеніе въ старой Руси: три первые элемента были силами господствующими и борющимися при участіи духовенства, обыкновенно умиротворяющемъ. Областные вѣчевые города, руководимые своими „лѣпшими мужами", знатью торговаго капитала, обособляли области въ мѣстные Соціальныя отношенія.

міры, а дружины, аристократія оружія, со своими князьями скользили поверхъ этихъ міровъ, съ трудомъ поддерживая связь между ними. Представляются вопросы: какое соотношеніе установилось между этими общественными стихіями подъ кровомъ удѣльнаго порядка и какое участіе приняла каждая изъ нихъ въ дѣйствіи этой новой политической формы? Эти вопросы и будутъ руководить нами при изученіи слѣдствій удѣльнаго порядка. При этомъ изученіи мы будемъ разсматривать удѣлъ самъ въ себѣ, безъ его отношеній къ другимъ удѣламъ: этихъ отношеній мы коснемся въ исторіи княжества Московскаго.

Слѣдствія этого порядка становятся замѣтны уже въ XIII в., еще болѣе въ XIV.

Дробленіе удѣловъ.

Прежде всего этотъ порядокъ сопровождался все усиливавшимся удѣльнымъ дробленіемъ сѣверной Руси, постепеннымъ измельчаніемъ удѣловъ. Старая Кіевская Русь дѣлилась на княжескія владѣнія по числу наличныхъ взрослыхъ князей, иногда даже съ участіемъ малолѣтнихъ; такимъ образомъ въ каждомъ поколѣніи Русская земля передѣлялась между князьями. Теперь съ исчезновеніемъ очередного порядка стали прекращаться и эти передѣлы. Члены княжеской линіи, слишкомъ размножавшейся, не имѣли возможности занимать свободные столы въ другихъ княжествахъ и должны были все болѣе дробить свою наслѣдственную вотчину. Благодаря этому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ княжескіе удѣлы распадались между наслѣдниками на микроскопическія доли. Я сдѣлаю краткій обзоръ этого удѣльнаго дробленія, ограничиваясь лишь двумя первыми поколѣніями Всеволодовичей. По смерти Всеволода его верхне-волжская вотчина по числу его сыновей распалась на 5 частей. При старшемъ *Владимірскомъ* княжествѣ, которое считалось общимъ достояніемъ Всеволодова племени, явилось 4 удѣла:

Ростовскій, Переяславскій, Юрьевскій (со стольнымъ городомъ Юрьевомъ Польскимъ) и *Стародубскій* на Клязьмѣ. Когда внуки Всеволода стали на мѣсто отцовъ, Суздальская земля раздѣлилась на болѣе мелкія части. Владимірское княжество продолжало наслѣдоваться по очереди старшинства; но изъ него выдѣлились 3 новыхъ удѣла: *Суздальскій, Костромской* и *Московскій*. Ростовское княжество также распалось на части: изъ него выдѣлились младшіе удѣлы *Ярославскій* и *Углицкій*. Переяславскій удѣлъ также распался на нѣсколько частей: рядомъ со старшимъ удѣломъ Переяславскимъ возникли два младшихъ, изъ него выдѣлившихся, *Тверской* и *Дмитрово-Галицкій*. Только княжества Юрьевское и Стародубское остались нераздѣльны, ибо первые ихъ князья оставили лишь по одному сыну. Итакъ Суздальская земля, распадавшаяся при дѣтяхъ Всеволода на 5 частей, при внукахъ его раздробилась на 12. Въ подобной прогрессіи шло удѣльное дробленіе и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ Всеволодова племени. Для наглядности пересчитаю вамъ части, на какія послѣдовательно дробилось старшее изъ первоначальныхъ удѣльныхъ княжествъ Ростовское. Изъ этого княжества сначала, какъ я сказалъ, выдѣлились удѣлы Ярославскій и Углицкій; но потомъ и остальное Ростовское княжество распалось еще на двѣ половины, ростовскую собственно и бѣлозерскую. Въ продолженіе XIV и XV вв. бѣлозерская половина въ свою очередь распадается на такіе удѣлы: *Кемскій, Сугорскій, Ухтомскій, Судской, Шелешпанскій, Андожскій, Вадбольскій* и другіе. Ярославское княжество въ продолженіе XIV и XV вв. также подраздѣлилось на удѣлы *Моложскій, Шехонскій, Сицкой, Заозерскій, Кубенскій*, рядомъ съ предыдущимъ, *Курбскій, Новленскій, Юхотскій, Бохтюжскій* и другіе. Какъ вы можете видѣть

по названіямъ этихъ удѣловъ, большая часть ихъ состояла изъ небольшихъ округовъ заволжскихъ рѣчекъ Сити, Суды, Мологи, Кемы, Ухтомы, Андоги, Бохтюги и т. д.

Обѣднѣніе князей.

Съ этимъ слѣдствіемъ тѣсно связано было и другое — обѣднѣніе большей части измельчавшихъ удѣльныхъ князей сѣверной Руси. По мѣрѣ размноженія нѣкоторыхъ линій Всеволодова племени наслѣдники получали отъ своихъ отцовъ все болѣе мелкія части своихъ фамильныхъ вотчинъ. Благодаря этому дробленію, большая часть удѣльныхъ князей XIV и XV вв. является въ обстановкѣ не богаче той, въ какой жили посредственные частные землевладѣльцы позднѣйшаго времени. Къ числу ярославскихъ удѣловъ принадлежало княжество Заозерское (по сѣверо-восточному берегу Кубенскаго озера). Въ началѣ XV в. этимъ княжествомъ владѣлъ удѣльный князь Димитрій Васильевичъ. Одинъ изъ сыновей этого князя ушелъ въ Каменный монастырь на островѣ Кубенскаго озера и постригся тамъ подъ именемъ Іоасафа. Въ старинномъ житіи этого князя-инока мы находимъ изобразительную картинку резиденціи его отца, заозерскаго князя. Столица эта состояла изъ одинокаго княжескаго двора, недалеко отъ впаденія рѣки Кубины въ озеро. Близъ этой княжеской усадьбы стояла церковь во имя Димитрія Солунскаго, очевидно, этимъ же княземъ и построенная въ честь своего ангела, а поодаль раскинуто было село Чирково, которое служило приходомъ къ этой церкви: „весь же зовома Чиркова къ нему прихожаше". Вотъ и вся резиденція удѣльнаго „державца" начала XV в.

Ихъ взаимное отчужденіе.

Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія по самому существу своему вносилъ взаимное отчужденіе въ среду князей, какого не существовало среди князей старой Кіевской Руси. Счеты и споры о старшинствѣ, о порядкѣ владѣнія по очереди старшинства поддерживали тѣсную солидарность между

тѣми князьями: всѣ ихъ отношенія держались на томъ, какъ одинъ князь доводился другому. Отсюда ихъ привычка дѣйствовать сообща; даже вражда изъ-за чести старшинства, изъ-за Кіева, больше сближала ихъ между собою, чѣмъ отчуждала другъ отъ друга. Среди удѣльныхъ князей сѣверной Руси, напротивъ, никому не было дѣла до другого. При раздѣльности владѣнія между ними не могло существовать и сильныхъ общихъ интересовъ: каждый князь, замкнувшись въ своей вотчинѣ, привыкалъ дѣйствовать особнякомъ, во имя личныхъ выгодъ, вспоминая о сосѣдѣ-родичѣ лишь тогда, когда тотъ угрожалъ ему или когда представлялся случай поживиться на его счетъ. Это взаимное разобщеніе удѣльныхъ князей дѣлало ихъ неспособными къ дружнымъ и плотнымъ политическимъ союзамъ; княжескіе съѣзды, столь частые въ XII в., становятся рѣдки и случайны въ XIII и почти прекращаются въ XIV в.

Вмѣстѣ съ этой владѣльческой замкнутостью князей падаетъ и ихъ политическое значеніе. Политическое значеніе государя опредѣляется степенью, въ какой онъ пользуется своими верховными правами для достиженія цѣлей общаго блага, для охраны общихъ интересовъ и общественнаго порядка. Значеніе князя въ старой Кіевской Руси опредѣлялось преимущественно тѣмъ, что онъ былъ прежде всего охранителемъ внѣшней безопасности Русской земли, вооруженнымъ стражемъ ея границъ. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на общественныя отношенія въ удѣльныхъ княжествахъ, чтобы видѣть, что удѣльный князь имѣлъ иное значеніе. Какъ скоро въ обществѣ исчезаетъ понятіе объ общемъ благѣ, въ умахъ гаснетъ и мысль о государѣ, какъ общеобязательной власти, а въ удѣлѣ такому понятію даже не къ чему было прикрѣпиться. Это не былъ ни родовой, ни поземельный союзъ; это даже совсѣмъ было не общество, Удѣльн

а случайное сборище людей, которымъ сказали, что они находятся въ предѣлахъ пространства, принадлежащаго такому-то князю. При отсутствіи общаго, объединяющаго интереса князь, переставая быть государемъ, оставался только землевладѣльцемъ, простымъ хозяиномъ, а населеніе удѣла, превращалось въ отдѣльныхъ, временныхъ его обывателей, ничѣмъ кромѣ сосѣдства другъ съ другомъ не связанныхъ, какъ бы долго они ни сидѣли, хотя бы даже наслѣдственно сидѣли на своихъ мѣстахъ. Къ территоріи удѣльнаго княжества привязаны были только холопы князя; свободные обыватели имѣли лишь временныя личныя связи съ мѣстнымъ княземъ. Они распадались на два класса: на *служилыхъ* и *черныхъ* людей. Служилыми людьми были *бояре* и *слуги вольные*, состоявшіе на личной службѣ у князя по уговору съ нимъ. Они признавали власть его надъ собой, пока ему служили; но каждый изъ нихъ могъ покинуть князя и перейти на службу къ другому. Это не считалось измѣной князю. Удѣлы не были замкнутыми политическими мірами съ устойчивыми, неприкосновенными границами, суживались и расширялись, представлялись случайными частями какого-то разбитаго, но еще не забытаго цѣлаго: бродя по нимъ, населеніе мало затруднялось ихъ предѣлами, потому что оставалось въ Русской землѣ, среди своихъ, подъ властью все тѣхъ же русскихъ князей. Князья въ своихъ взаимныхъ договорахъ долго не рѣшались посягать на этотъ бытовой остатокъ единства Русской земли, которое, переставъ быть политическимъ фактомъ, все еще оставалось народнымъ воспоминаніемъ или ощущеніемъ. Покинувъ князя, вольные слуги его сохраняли даже свои права на земли, пріобрѣтенныя ими въ покинутомъ княжествѣ. Таковы же были отношенія и черныхъ, т.-е. податныхъ людей къ удѣльному князю. Какъ отношенія служилыхъ людей

Служилые люди.

Черные люди.

были лично-служебныя, такъ и отношенія черныхъ были лично-поземельныя. Черный человѣкъ, городской или сельскій, признавалъ власть князя, платилъ ему дань, подчинялся его юрисдикціи, только пока пользовался его землей; но и онъ могъ перейти въ другое княжество, когда находилъ мѣстныя условія пользованія землей неудобными, и тогда разрывались всѣ его связи съ прежнимъ княземъ. Значитъ, какъ служилый человѣкъ былъ военно-наемнымъ слугой князя, такъ черный человѣкъ былъ тяглымъ съемщикомъ его земли. Можно понять, какое значеніе получалъ удѣльный князь при такихъ отношеніяхъ. Въ своемъ удѣлѣ онъ былъ собственно не правитель, а владѣлецъ; его княжество было для него не обществомъ, а хозяйствомъ; онъ не правилъ имъ, а эксплуатировалъ, разрабатывалъ его. Онъ считалъ себя собственникомъ всей территоріи княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями. Лица, свободные люди, не входили юридически въ составъ этой собственности: свободный человѣкъ, служилый или черный, приходилъ въ княжество, служилъ или работалъ и уходилъ, былъ не политической единицей въ составѣ мѣстнаго общества, а экономической случайностью въ княжествѣ. Князь не видѣлъ въ немъ своего подданнаго въ нашемъ смыслѣ слова, потому что и себя не считалъ государемъ въ этомъ смыслѣ. Въ удѣльномъ порядкѣ не существовало этихъ понятій, не существовало и отношеній, изъ нихъ вытекающихъ. Словомъ *государь* выражалась тогда личная власть свободнаго человѣка надъ несвободнымъ, надъ холопомъ, и удѣльный князь считалъ себя государемъ только для своей челяди, какая была и у частныхъ землевладѣльцевъ.

Характеръ державныхъ правъ.

Не будучи государемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, удѣльный князь не былъ однако и простымъ част-

нымъ землевладѣльцемъ даже въ тогдашнемъ смыслѣ. Онъ отличался отъ послѣдняго державными правами, только пользовался ими поудѣльному. Они не вытекали изъ его права собственности на удѣлъ, какъ и не были источникомъ этого права. Они достались удѣльному князю по наслѣдству отъ неудѣльныхъ предковъ того времени, когда каждый князь, не считая себя собственникомъ временно владѣемаго имъ княженія, былъ участникомъ въ принадлежавшей Ярославичамъ верховной власти надъ Русской землей. Когда единство княжескаго рода разрушилось, державныя права удѣльныхъ князей не утратили прежней династической опоры, уже вошедшей въ составъ политическаго обычая, получившей народное признаніе; только измѣнились ихъ значеніе и народный взглядъ на нихъ. Удѣльнаго князя признавали носителемъ верховной власти по происхожденію, потому что онъ *князь;* но онъ владѣлъ извѣстнымъ удѣломъ, именно тѣмъ, а не этимъ, не какъ дольщикъ всеземской верховной власти, принадлежавшей всему княжескому роду, а по личной волѣ отца, брата или другого родственника. Наслѣдственная власть его не могла найти новой, чисто политической основы въ мысли о государѣ, блюстителѣ общаго блага, какъ цѣли государства: такая мысль не могла установиться въ удѣльномъ княжествѣ, гдѣ общественный порядокъ строился на частномъ интересѣ князя-собственника, а отношенія свободныхъ лицъ къ нему опредѣлялись не общимъ обязательнымъ закономъ, а личнымъ добровольнымъ соглашеніемъ. Потому, какъ скоро утвердилась мысль о принадлежности удѣла князю на правѣ собственности, его державная власть оперлась на это право и слилась съ нимъ, вошла въ составъ его удѣльнаго хозяйства. Тогда и получилось сочетаніе отношеній, возможное только тамъ, гдѣ не проводятъ границы между частнымъ и публичнымъ правомъ.

Верховныя права князя-вотчинника разсматривались, какъ доходныя статьи его вотчиннаго хозяйства, и къ нимъ примѣняли одинаковые пріемы пользованія, дробили ихъ, отчуждали, завѣщали; правительственныя должности отдавались во временное владѣніе, въ кормленіе или на откупъ, продавались; въ этомъ отношеніи должность судьи сельской волости не отличалась отъ дворцовой рыбной ловли, тамъ находившейся. Такъ частное право собственности на удѣлъ стало политической основой державной власти удѣльнаго князя, а договоръ являлся юридическимъ посредникомъ, связывавшимъ эту власть съ вольными обывателями удѣла. Князь-родичъ XII в., оставшись безъ волости, не лишался „причастія въ Русской землѣ“, права на державное обладаніе частью земли, слѣдовавшей ему по его положенію въ княжескомъ родѣ. Удѣльный князь-вотчинникъ XIV в., потерявъ свою вотчину, терялъ вмѣстѣ и всякое державное право, потому что удѣльные князья, оставаясь родственниками, не составляли рода, родственнаго союза: безудѣльному князю оставалось только поступить на службу къ своему же родичу или къ великому князю литовскому.

Характеръ личнаго хозяина удѣла съ державными правами выражался въ отношеніяхъ князя къ тремъ разрядамъ земель, изъ которыхъ состояла его удѣльная вотчина. Это были земли *дворцовыя, черныя* и *боярскія;* подъ послѣдними разумѣются вообще земли частныхъ собственниковъ, свѣтскихъ и церковныхъ. Различіе между этими разрядами происходило отъ чисто-хозяйственной причины, отъ того, что къ разнымъ частямъ своей удѣльной собственности владѣлецъ прилагалъ различные пріемы хозяйственной эксплуатаціи. Дворцовыя земли въ княжескомъ поземельномъ хозяйствѣ похожи на то, чѣмъ была барская запашка въ хозяйствѣ частнаго землевладѣльца: доходы съ нихъ натурой шли непо- Три разряда земель.

средственно на содержаніе княжескаго дворца. Эти земли эксплуатировались обязательнымъ трудомъ несвободныхъ людей князя, дворовыхъ холоповъ, посаженныхъ на пашню, *страдниковъ,* или отдавались въ пользованіе вольнымъ людямъ, крестьянамъ, съ обязательствомъ ставить на дворецъ извѣстное количество хлѣба, сѣна, рыбы, подводъ и т. п. Первоначальной и отличительной чертой этого разряда земель было *издѣлье,* натуральная работа на князя, поставка на дворецъ за пользованіе дворцовой землей. Черныя земли сдавались въ аренду или на оброкъ отдѣльнымъ крестьянамъ или цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ, иногда людямъ и другихъ классовъ, какъ это дѣлали и частные землевладѣльцы; онѣ собственно и назывались *оброчными.* Сложнѣе кажутся отношенія князя къ третьему разряду земель въ удѣлѣ. Весь удѣлъ былъ наслѣдственной собственностью его князя; но послѣдній раздѣлялъ дѣйствительное владѣніе имъ съ другими частными вотчинниками. Въ каждомъ значительномъ удѣлѣ бывало такъ, что первый князь, на немъ садившійся, уже заставалъ въ немъ частныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ или церковныхъ, которые водворились здѣсь прежде, чѣмъ край сталъ особымъ княжествомъ. Потомъ первый князь или его преемники сами уступали другія земли въ своемъ удѣлѣ въ вотчину лицамъ и церковнымъ учрежденіямъ, которыя были имъ нужны для службы или молитвы. Такимъ образомъ въ вотчинѣ великаго князя являлись другія частныя вотчины. При сліяніи правъ государя и вотчинника въ лицѣ князя такое совмѣщеніе правъ нѣсколькихъ владѣльцевъ было возможно юридически. Князь, конечно, отказывался отъ правъ частнаго распоряженія вотчинами частныхъ владѣльцевъ и удерживалъ за собою только верховныя права на нихъ. Но такъ какъ и эти верховныя права считались владѣльческими и наравнѣ съ другими входили въ юриди-

ческій составъ удѣльной княжеской собственности, то появленіе въ удѣлѣ земли, принадлежавшей частному владѣльцу, не мѣшало князю считать себя собственникомъ всего удѣла. Такъ подъ дѣйствіемъ осложнявшихся отношеній раздѣлялись различные по природѣ элементы въ смѣшанномъ составѣ удѣльной княжеской собственности и вырабатывалось понятіе объ общемъ верховномъ собственникѣ удѣла по отношенію къ частнымъ и частичнымъ владѣльцамъ. Князь иногда уступалъ боярину, вотчиннику въ его удѣлѣ, вмѣстѣ съ правомъ собственности на его вотчину и часть своихъ верховныхъ на нее правъ. Возникали отношенія, напоминающія феодальные порядки Западной Европы. Но это — явленія не сходныя, а только параллельныя. Въ отношеніяхъ бояръ и вольныхъ слугъ къ удѣльному князю многаго недоставало для такого сходства, недоставало между прочимъ двухъ основныхъ феодальныхъ особенностей, 1) соединенія служебныхъ отношеній съ поземельными и 2) наслѣдственности тѣхъ и другихъ. Въ удѣлахъ поземельныя отношенія вольныхъ слугъ строго отдѣлялись отъ служебныхъ. Эта раздѣльность настойчиво проводится въ княжескихъ договорахъ XIV в. Бояре и вольные слуги свободно переходили отъ одного князя на службу къ другому; служа въ одномъ удѣлѣ, могли имѣть вотчины въ другомъ; перемѣна мѣста службы не касалась вотчинныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ въ покинутомъ удѣлѣ; служа по договору, гдѣ хотѣлъ, вольный слуга „судомъ и данью тянулъ по землѣ и по водѣ“, отбывалъ поземельныя повинности по мѣсту землевладѣнія; князья обязывались чужихъ слугъ, владѣвшихъ землей въ ихъ удѣлахъ, блюсти, какъ и своихъ. Всѣ эти отношенія сводились къ одному общему условію княжескихъ договоровъ: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“. Феодальный моментъ можно замѣтить развѣ только въ юридическомъ значеніи

Отсутствіе феодальнаго момента.

самого удѣльнаго князя, соединявшаго въ своемъ лицѣ государя и верховнаго собственника земли. Этимъ онъ похожъ на сеньера; но его бояре и слуги вольные совсѣмъ не вассалы.

Разница процессовъ. Феодализмъ, говоря схематически, строился съ двухъ концовъ, двумя встрѣчными процессами: съ одной стороны, областные правители, пользуясь слабостью центральной власти, освоивали управляемыя области и становились ихъ державными наслѣдственными собственниками; съ другой—крупные собственники, аллодіальные землевладѣльцы, ставъ посредствомъ коммендаціи королевскими вассалами и пользуясь той же слабостью, пріобрѣтали или присвояли себѣ правительственную власть въ качествѣ наслѣдственныхъ уполномоченныхъ короля. Оба процесса, дробя государственную власть географически, локализуя ее, разбивали государство на крупныя сеньеріи, въ которыхъ державныя прерогативы сливались съ правами земельной собственности. Эти сеньеріи на тѣхъ же основаніяхъ распадались на крупныя бароніи со второстепенными вассалами, обязанными наслѣдственной присяжной службой своему барону, и вся эта военно-землевладѣльческая іерархія держалась на неподвижной почвѣ сельскаго населенія виллановъ, крѣпкихъ землѣ или наслѣдственно на ней обсидѣвшихся. У насъ дѣла шли нѣсколько инымъ ходомъ. Измѣнчивыя временныя княженія Кіевской Руси смѣнились верхне-волжскими суздальскими удѣлами, наслѣдственными княжествами, которыя подъ верховной властью далекаго нижне-волжскаго хана стали въ XIV в. независимы отъ мѣстныхъ великихъ князей. Значительный удѣльный князь правилъ своимъ удѣломъ посредствомъ бояръ и вольныхъ слугъ, которымъ онъ раздавалъ *въ кормленіе*, во временное доходное управленіе, города съ округами, сельскія волости, отдѣльныя села и доходныя хозяйственныя статьи съ правитель-

ственными полномочіями, правами судебными и финансовыми. Нѣкоторые бояре и слуги сверхъ того имѣли вотчины въ удѣлѣ, на которыя удѣльный князь иногда предоставлялъ вотчинникамъ извѣстныя льготы, иммунитеты, въ видѣ освобожденія отъ нѣкоторыхъ повинностей или въ видѣ нѣкоторыхъ правъ судебныхъ и финансовыхъ. Но округа кормленщиковъ никогда не становились ихъ земельною собственностью, а державныя права, пожалованныя привилегированнымъ вотчинникамъ, никогда не присвоялись имъ наслѣдственно. Такимъ образомъ ни изъ кормленій, ни изъ боярскихъ вотчинъ не выработалось бароній. Въ исторіи Московскаго княжества мы увидимъ, что въ XV в. нѣкоторые великіе князья стремились поставить своихъ удѣльныхъ въ отношенія какъ будто вассальной зависимости; но это стремленіе было не признакомъ феодальнаго дробленія власти, а предвѣстникомъ и средствомъ государственнаго ея сосредоточенія. Въ удѣльномъ порядкѣ можно найти немало чертъ, сходныхъ съ феодальными отношеніями, юридическими и экономическими; но имѣя подъ собою иную соціальную почву, подвижное сельское населеніе, эти сходныя отношенія образуютъ иныя сочетанія и являются моментами совсѣмъ различныхъ процессовъ. Признаки сходства еще не говорятъ о тождествѣ порядковъ, и сходные элементы, особенно въ началѣ процесса, неодинаково комбинируясь, образуютъ въ окончательномъ складѣ совсѣмъ различныя общественныя формаціи. Научный интересъ представляютъ не эти элементы, а условія ихъ различныхъ образованій. При образованіи феодализма видимъ нѣчто похожее и на наши кормленія, и на вотчинныя льготы; но у насъ тѣ и другія не складывались, какъ тамъ, въ устойчивыя общія нормы, оставаясь болѣе или менѣе случайными и временными пожалованіями личнаго характера. На Западѣ свободный человѣкъ, обезпечивая свою свободу, ограждалъ

себя, какъ замковой стѣной, цѣпью постоянныхъ, наслѣдственныхъ отношеній, становился средоточіемъ низшихъ мѣстныхъ общественныхъ силъ, создавалъ вокругъ себя тѣсный міръ, имъ руководимый и его поддерживающій. Вольный слуга удѣльныхъ вѣковъ, не находя въ подвижномъ мѣстномъ обществѣ элементовъ для такого прочнаго окруженія, искалъ опоры для своей вольности въ личномъ договорѣ на-время, въ правѣ всегда разорвать его и уйти на сторону, отъѣхать на службу въ другой удѣлъ, гдѣ у него не было упроченныхъ давностью связей.

Служилый классъ становится землевладѣльческимъ.

Изложенное историческое сопоставленіе поможетъ намъ представить себѣ, какой видъ приняло общество въ рамкахъ удѣльнаго порядка. Здѣсь прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе бояре и слуги вольные, дружина князя. Среди удѣльнаго общества XIV в. этотъ высшій классъ является въ значительной степени соціальнымъ и политическимъ анахронизмомъ. Въ его общественномъ положеніи находимъ черты, которыя совсѣмъ не шли къ удѣльному порядку, къ общему направленію удѣльной жизни. Строгое разграниченіе служебныхъ и поземельныхъ отношеній вольныхъ слугъ, какое проводятъ договорныя грамоты князей XIV и XV вв., мало согласовалось съ естественнымъ стремленіемъ удѣльнаго княжескаго хозяйства соединить личную службу вольныхъ слугъ съ землевладѣніемъ въ удѣлѣ, закрѣпить первую послѣднимъ и тѣмъ обезпечить удовлетвореніе важной и дорогой потребности княжескаго хозяйства, нужды въ ратныхъ людяхъ. Возможность для вольнаго слуги соединять службу въ одномъ княжествѣ съ землевладѣніемъ въ другомъ противорѣчила стремленію удѣльныхъ князей возможно болѣе замкнуться, обособиться другъ отъ друга политически. Съ этой стороны бояре и вольные слуги замѣтно выдѣлялись изъ состава удѣльнаго гражданскаго общества.

Положеніе остальныхъ классовъ въ удѣлѣ опредѣлялось болѣе всего поземельными отношеніями къ князю, вотчиннику удѣла. Хотя землевладѣніе теперь все болѣе становилось и для бояръ основой общественнаго положенія, однако они одни продолжали поддерживать чисто личныя отношенія къ князю, вытекавшія изъ служебнаго договора съ нимъ и сложившіяся еще въ то время, когда не на землевладѣніи основывалось общественное значеніе этого класса. Такія особенности въ положеніи служилыхъ людей не могли создаться изъ удѣльнаго порядка XIII—XIV вв.: онѣ, очевидно, были остатками прежняго времени, когда ни князья, ни ихъ дружины не были прочно связаны съ мѣстными областными мірами; онѣ не шли къ верхне-волжской Руси, съ каждымъ поколѣніемъ подвергавшейся все большему удѣльному дробленію. Самое право выбирать мѣсто службы, признаваемое въ договорныхъ грамотахъ князей за боярами и вольными слугами и бывшее одной изъ политическихъ формъ, въ которыхъ выражалось земское единство Кіевской Руси, теперь стало несвоевременнымъ: этотъ классъ и на Сѣверѣ попрежнему оставался ходячимъ представителемъ политическаго порядка, уже разрушеннаго, продолжалъ служить соединительной нитью между частями земли, которыя уже не составляли цѣлаго. Церковное поученіе XIV в. выражаетъ взглядъ своего времени, уговаривая бояръ служить вѣрно своимъ князьямъ, не переходить изъ удѣла въ удѣлъ, считая такой переходъ измѣной наперекоръ продолжавшемуся обычаю. Въ тѣхъ же договорныхъ княжескихъ грамотахъ, которыя признаютъ за боярами и слугами вольными право служить не въ томъ княжествѣ, гдѣ у нихъ земли, встрѣчаемъ совсѣмъ иное условіе, которое лучше выражало собою удѣльную дѣйствительность, расходившуюся съ унаслѣдованнымъ отъ прежняго времени обычаемъ: это

условіе затрудняло для князей и ихъ бояръ пріобрѣтеніе земли въ чужихъ удѣлахъ и запрещало имъ держать тамъ закладней и оброчниковъ, т.-е. запрещало обывателямъ уѣзда входить въ личную или имущественную зависимость отъ чужого князя или боярина. Съ другой стороны, жизнь при сѣверныхъ княжескихъ дворахъ XIV в. наполнялась далеко не тѣми явленіями, какія господствовали при дворахъ прежнихъ южныхъ князей и на которыхъ воспитывался боевой духъ тогдашнихъ дружинъ. Теперь ходъ дѣлъ давалъ дружинѣ мало случаевъ искать себѣ чести, а князю славы. Княжескія усобицы удѣльнаго времени были не меньше прежняго тяжелы для мирнаго населенія, но не имѣли уже прежняго боевого характера: въ нихъ было больше варварства, чѣмъ воинственности. И внѣшняя оборона земли не давала прежней пищи боевому духу дружинъ: изъ-за литовской границы до второй половины XIV в. не было энергическаго наступленія на востокъ, а ордынское иго надолго сняло съ князей и ихъ служилыхъ людей необходимость оборонять юго-восточную окраину, служившую для южныхъ князей XII в. главнымъ питомникомъ воинственныхъ слугъ, и даже послѣ Куликовскаго побоища въ эту сторону шло изъ Руси больше денегъ, чѣмъ ратныхъ людей. Но сила дѣйствительныхъ условій перемогала запоздалыя понятія и привычки. Мы уже знаемъ, что въ XII в. служилые люди получали отъ князей денежное жалованье — знакъ, что внѣшняя торговля накопляла въ рукахъ князей обильныя оборотныя средства. Въ области верхней Волги съ XIII в. этотъ источникъ оскудѣвалъ и натуральное хозяйство начинало опять господствовать. Въ XIV в. при тамошнихъ княжескихъ дворахъ главнымъ способомъ вознагражденія служилыхъ людей были „кормленіе и доводъ“, занятіе доходныхъ судебно-административныхъ должностей по центральному и

областному управленію. Изучая устройство Московскаго княжества въ тѣ вѣка, мы увидимъ, какъ сложно было это управленіе и какому значительному числу людей давало оно хлѣбное занятіе. Но и кормленія не были достаточно надежнымъ источникомъ, раздѣляли тогдашнее общее колебаніе политическихъ и экономическихъ отношеній. Въ то время быстро измѣнялись княжескія состоянія и за немногими исключеніями измѣнялись къ худшему: одни удѣльныя хозяйства едва заводились, другія уже разрушались и ни одно не стояло на прочномъ основаніи; никакой источникъ княжескаго дохода не казался надежнымъ. Эта измѣнчивость общественныхъ положеній заставляла служилыхъ людей искать обезпеченія въ экономическомъ источникѣ, который былъ надежнѣе другихъ, хотя вмѣстѣ съ другими испытывалъ дѣйствіе неустроенности общественнаго порядка, въ землевладѣніи: оно по крайней мѣрѣ ставило положеніе боярина въ меньшую зависимость отъ хозяйственныхъ случайностей и капризовъ князя, нежели денежное жалованье и административное кормленіе. Такъ служилый классъ на Сѣверѣ усвоялъ себѣ интересъ, господствовавшій въ удѣльной жизни, стремленіе стать сельскими хозяевами, пріобрѣтать земельную собственность, населять и расчищать пустоши, а для успѣха въ этомъ дѣлѣ работить и кабалить людей, заводить на своихъ земляхъ поселки земледѣльческихъ рабовъ-страдниковъ, выпрашивать землевладѣльческія льготы и ими приманивать на землю вольныхъ крестьянъ. И въ Кіевской Руси прежняго времени были въ дружинѣ люди, владѣвшіе землей; тамъ сложился и первоначальный юридическій типъ боярина-землевладѣльца, основныя черты котораго долго жили на Руси и оказали сильное дѣйствіе на развитіе и характеръ позднѣйшаго крѣпостного права. Но, вѣроятно, боярское землевладѣніе тамъ не достигло

значительныхъ размѣровъ или закрывалось другими интересами дружины, такъ что не производило замѣтнаго дѣйствія на ея политическую роль. Теперь оно получило важное политическое значеніе въ судьбѣ служилаго класса и съ теченіемъ времени измѣнило его положеніе и при дворѣ князя, и въ мѣстномъ обществѣ.

Слабость капитала.

И остальное общество верхне-волжской Руси во многомъ было непохоже на прежнее днѣпровское. Во-первыхъ, это общество бѣднѣе прежняго южнорусскаго. Капиталъ, который созданъ былъ и поддерживался живой и давней заграничной торговлей кіевскаго Юга на суздальскомъ Сѣверѣ, въ тѣ вѣка является столь незначительнымъ, что перестаетъ оказывать замѣтное дѣйствіе на хозяйственную и политическую жизнь народа. Соразмѣрно съ этимъ уменьшилось и то количество народнаго труда, которое вызывалось движеніемъ этого капитала и сообщало такое промышленное оживленіе городамъ Днѣпра и его притоковъ. Это сокращеніе хозяйственныхъ оборотовъ, какъ мы видѣли, обнаруживалось въ постепенномъ вздорожаніи денегъ. Земледѣльческое хозяйство съ его отраслями, сельскими промыслами, теперь оставалось если не совершенно одинокой, то болѣе прежняго господствующею экономической силой страны; но очень долго это было подвижное, полукочевое хозяйство *на нови*, переходившее съ одного едва насиженнаго мѣста на другое нетронутое, и рядъ поколѣній долженъ былъ подсѣкать и жечь лѣсъ, работать сохой и возить навозъ, чтобы создать на верхне-волжскомъ суглинкѣ пригодную почву для прочнаго, осѣдлаго земледѣлія. Въ связи съ этой перемѣной можно, кажется, объяснить уже отмѣченное мною при разборѣ Русской Правды явленіе, которое представляется неожиданнымъ. Въ денежной Кіевской Руси капиталъ былъ очень дорогъ: при долголѣтнемъ займѣ за-

конъ Мономаха допускалъ ростъ въ 40%, а на дѣлѣ заимодавцы взимали гораздо больше. Въ удѣльные вѣка церковная проповѣдь учила брать „легко“ — по 12% или по 14%. Можно думать, что такая дешевизна денежнаго капитала была слѣдствіемъ сильнаго паденія спроса на него, когда возобладало натуральное хозяйство.

Слабость городского класса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ строя общественныхъ силъ на Сѣверѣ выбылъ классъ, преимущественно работавшій торговымъ капиталомъ, — тотъ классъ, который состоялъ изъ промышленныхъ обывателей большихъ волостныхъ городовъ прежняго времени. Въ Суздальской Руси ему не посчастливилось съ той самой поры, какъ сюда стала замѣтно отливать русская жизнь съ днѣпровскаго Югозапада. Старые волостные города здѣшняго края, Ростовъ и Суздаль, послѣ политическаго пораженія, какое потерпѣли они въ борьбѣ съ „новыми“ и „малыми“ людьми, т.-е. съ пришлымъ и низшимъ населеніемъ заокскаго Залѣсья, тотчасъ по смерти Андрея Боголюбскаго, потомъ не поднимались и экономически; изъ новыхъ городовъ долго ни одинъ не заступалъ ихъ мѣста въ хозяйственной жизни страны и ни одинъ никогда не заступилъ его въ жизни политической, не сдѣлался самобытнымъ земскимъ средоточіемъ и руководителемъ мѣстнаго областного міра, потому что ни въ одномъ обыватели не сходились на вѣче, какъ на думу, и въ силу старшинства своего города не постановляли рѣшеній, обязательныхъ для младшихъ приписныхъ городовъ области. Это служитъ яснымъ знакомъ того, что въ Суздальской Руси XIII и XIV вв. изсякли источники, изъ которыхъ прежде старшій волостной городъ почерпалъ свою экономическую и политическую силу. Вмѣстѣ съ выходомъ областного города изъ строя активныхъ силъ общества исчезъ изъ оборота общественной жизни и тотъ рядъ интересовъ,

который прежде создавался отношеніями обывателей волостного города къ другимъ общественнымъ силамъ. Итакъ съ XIII в. общество сѣверо-восточной Суздальской Руси, слагавшееся подъ вліяніемъ колонизаціи, стало бѣднѣе и проще по составу.

Одичаніе князей.

Наконецъ, политическому значенію удѣльнаго князя соотвѣтствовалъ и уровень его гражданскаго развитія. Несовершенный общественный порядокъ успѣшнѣе направляетъ нравы и чувства въ своемъ духѣ, чѣмъ совершенствуется самъ при ихъ подъемѣ. Личный интересъ и личный договоръ, основы удѣльнаго порядка, могли быть плохими воспитателями въ этомъ отношеніи. Удѣльный порядокъ былъ причиной упадка земскаго сознанія и нравственно-гражданскаго чувства въ князьяхъ, какъ и въ обществѣ, гасилъ мысль о единствѣ и цѣльности Русской земли, объ общемъ народномъ благѣ. Изъ пошехонскаго или ухтомскаго міросозерцанія развѣ легко было подняться до мысли о Русской землѣ Владиміра св. и Ярослава Стараго! Самое это слово *Русская земля* довольно рѣдко появляется на страницахъ лѣтописи удѣльныхъ вѣковъ. Политическое дробленіе неизбѣжно вело къ измельчанію политическаго сознанія, къ охлажденію земскаго чувства. Сидя по своимъ удѣльнымъ гнѣздамъ и вылетая изъ нихъ только на добычу, съ каждымъ поколѣніемъ бѣднѣе и дичая въ одиночествѣ, эти князья постепенно отвыкали отъ помысловъ, поднимавшихся выше заботы о птенцахъ. При тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ княжескаго владѣнія и при владѣльческомъ одиночествѣ князей каждый изъ нихъ все болѣе привыкалъ дѣйствовать по инстинкту самосохраненія. Удѣльные князья сѣверной Руси гораздо менѣе воинственны сравнительно со своими южнорусскими предками, но по своимъ общественнымъ понятіямъ и образу дѣйствій они въ большинствѣ

более варвары, чѣмъ тѣ. Такія свойства дѣлаютъ для насъ понятными увѣщанія, съ какими обращались къ удѣльнымъ князьямъ тогдашніе лѣтописцы, уговаривая ихъ не плѣняться суетной славой сего свѣта, не отнимать чужого, не лукавствовать другъ съ другомъ, не обижать младшихъ родичей.

Таковы были главныя слѣдствія удѣльнаго порядка. Ихъ можно свести въ такую краткую формулу: подъ дѣйствіемъ удѣльнаго порядка сѣверная Русь политически дробилась все мельче, теряя и прежнія слабыя связи политическаго единства; вслѣдствіе этого дробленія князья все болѣе бѣднѣли; бѣднѣя, замыкались въ своихъ вотчинахъ, отчуждались другъ отъ друга; отчуждаясь, превращались по своимъ понятіямъ и интересамъ въ частныхъ сельскихъ хозяевъ, теряли значеніе блюстителей общаго блага, а съ этой потерей падало въ нихъ и земское сознаніе. Всѣ эти послѣдствія имѣли важное значеніе въ дальнѣйшей политической исторіи сѣверной Руси: они подготовляли благопріятныя условія для ея политическаго объединенія. Когда изъ среды обѣднѣвшихъ и измельчавшихъ удѣльныхъ князей поднялся одинъ сильный владѣлецъ, онъ, во-первыхъ, не встрѣтилъ со стороны удѣльныхъ сосѣдей дружнаго отпора своимъ объединительнымъ стремленіямъ, боролся съ ними одинъ на одинъ, пользуясь ихъ взаимнымъ отчужденіемъ, непривычкой дѣйствовать сообща; во-вторыхъ, этотъ князь-объединитель встрѣтилъ и въ мѣстныхъ удѣльныхъ обществахъ полное равнодушіе къ своимъ измельчавшимъ и одичавшимъ властителямъ, съ которыми они были связаны столь слабыми нитями, и убирая ихъ одного за другимъ, не вызывалъ въ этихъ обществахъ дружнаго возстанія въ пользу удѣльныхъ князей. Всѣмъ этимъ опредѣляется значеніе удѣльнаго порядка въ нашей политической исторіи: онъ своими послѣдствіями облегчилъ собственное Формула.

разрушеніе. Старая Кіевская Русь не устроила прочнаго политическаго единства, но завязала прочныя связи единства земскаго. Въ удѣльной Руси всѣ эти связи окрѣпли; перемѣшанныя колонизаціей мѣстныя особенности слились въ плотное великорусское племя; зато окончательно разрушилось политическое единство. Но удѣльный порядокъ, разрушившій это единство, по характеру своему гораздо менѣе способенъ былъ защищать самъ себя, чѣмъ предшествовавшій ему порядокъ очередной, и его легче было разрушить, чтобы на развалинахъ его возстановить единство государственное. Поэтому удѣльный порядокъ сталъ переходной политической формой, посредствомъ которой Русская земля отъ единства національнаго перешла къ единству политическому. Исторія этого перехода есть исторія одного изъ удѣльныхъ княжествъ — Московскаго. Къ изученію судьбы этого княжества мы теперь и обращаемся.

Оглавленіе.

Экземпляры ВТОРОЙ части курса, отпущенные со склада послѣ I декабря 1907 г., также имѣютъ авторскій штемпель.

Цѣна 2 р. 50 к.

Того же автора:

Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. Москва 1871. Ц. 2 р.

Боярская дума древней Руси. Изд. четвертое *(печатается)*.

Курсъ русской исторіи. Часть II. Москва 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ русской исторіи. Часть III. Москва 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Печатается:

КУРСЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ. Часть IV.

Готовится къ печати:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Складъ изданій у Б. Ключевскаго. Москва, Житная, 14.
Телефонъ склада № 56-77.

